26.89(2)
H64

Ц. Б. при Ком. по Нар. Обр.
1941
№ 2244
Шкафъ 9
Полка III
Мѣсто 16

ПРОВЕРЕНО 1935 г.
ПРОВЕРЕНО 1939 г.

1908 г.
Центральная Библіотека при Комиссіи
[illegible] образованія въ С.П.Б.
№ 2244

Выключено
[illegible]

91

50516

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РПМ БАН, з. 126, т. 300 000, 1.III.94.

91

1908 г.
Центральная библіотека при Комиссіи
по народному образованію въ С.П.Б.
№ 2244

№ 1. ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА „ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“. № 1.
РЕДАКЦІЯ К. П. ПЯТНИЦКАГО.

1068

А. М. НИКОЛЬСКІЙ,
докторъ зоологіи.

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

1. Въ Туркестанѣ.
2. На Ледовитомъ океанѣ.
3. Въ Сѣверной Персіи.
4. На Сахалинѣ.

50516

ИЗДАНІЕ
Товарищества **ЗНАНІЕ**.—Спб., Невскій, 92.
Третья тысяча.
1900.

Цѣна 2 рубля.

Ш
Но
Мт

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 92.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА

№ 1 „ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“. № 1

РЕДАКЦІЯ К. П. ПЯТНИЦКАГО.

26.89(2)
Н64

А. М. Никольскій,

ДОКТОРЪ ЗООЛОГІИ,

привать-доцентъ С.-Петербургскаго Университета,

младшій зоологъ Зоологическаго Музея Академіи Наукъ.

505/6

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

4325 505/6

1. Въ Туркестанѣ.—2. На Ледовитомъ океанѣ.—3. Въ Сѣверной Персіи.—4. На Сахалинѣ.

Сто пятьдесятъ пять рисунковъ въ текстѣ: растенія; животныя; сцены изъ жизни животныхъ; виды мѣстностей; типы жителей.

Двадцать четыре рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

Цѣна 2 рубля.

2244

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 февраля 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

I. Пустыня Кизылъ-Кумы.

СТРАН.

Такыры. — Барханы. — Песчаныя бури. — Засыпанные города. — Лѣса пустыни. — Удивительныя приспособленія растеній пустыни: тамарискъ; куянъ-сююкъ; солянки; саксаулъ. — Царство ящерицъ: песчаная круглоголовка, агама, ичкемеръ. — Степной удавъ. — Стрѣла-змѣя. — Буща-джилянъ. — Тонкопалый суслик, песчанки, тушканчики. — Приспособленія животныхъ пустыни; мимикрія. — Станція среди песковъ. — Приключеніе съ фалангой. — Озеро въ пустынѣ. — Охота на птицъ пустыни: степные рябки, саджи, саксаульная сойка. Хивинскій оазисъ 1

II. Аму-Дарья.

Что такое хивинскій каюкъ. — Аму; ея странствованія. — Берега Аму. — Отъ Нукуса до устья рѣки. — Туган: джида и туранга. — Аму-Дарьинскіе камыши. — Ихъ населеніе: кабанъ, тигръ; фазаны, зеленая щурка и ремезъ. — Птичье царство на озерахъ устья. — Рыбные промыслы на Кукѣ: шипъ; сазанъ. — Вымирающая рыба — лопатоносъ. — Переѣздъ въ Кунградъ. — Хивинскій городъ 40

III. Усть-Уртъ.

Отъѣздъ изъ Кунграда. — Путешествіе въ корзинкѣ. — Подъемъ на Усть-Уртъ. — Видъ на Аральское море. — Исторія Кривохижина. — Рыболовство на Аралѣ. — Мертвая степь. — Животныя степи: жаворонокъ, грифы, сайга. — Степная полынь. — Выносливость нашихъ верблюдовъ. — Распредѣленіе нашего дня. — Степныя ночи. — Встрѣчи съ киргизами. — Темирское укрѣпленіе. 59

II. НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

Отъ Петрозаводска до Сумского посада. — На клиперѣ по Бѣлому морю. — Стекляныя животныя: ребровики; медузы; крылоногіе моллюски. — Соловецкіе острова. — Архангельскъ. — На островѣ Вешнякѣ: полярныя растенія; жизнь гагъ. — На Ледовитомъ океанѣ: чайки; „китъ у борта“. — Вдоль Мурмана. — Полночное солнце. — Рыбацкое становище Гаврилово. — Ловля трески. — Палтусъ. — Акула. — Песчанка и мойва. — Киты. — Бѣлухи; нарвалъ. — Мелкіе обитатели океана: ракъ-отшельникъ, его дружба съ морской розой; крабы; морскія звѣзды; гидроиды; мшанки. — Среди прибрежныхъ скалъ: ракушки; морскіе жолуди. — Островъ Гусинецъ: „птичьи горы“; гагарки; кайры; самоотверженіе чаекъ; поморникъ; топорики. — На берегу Лапландіи: населеніе ея озеръ; лемминги. — Становище Териберка. — Мертвый китъ. — Штормъ. — Прощанье съ клиперомъ 77

СТРАН.

III. ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ.

Чикишляръ. — Экскурсіи въ его окрестностяхъ: гекконы; степныя черепахи; жукъ-нилюльщикъ; фламинго. — Въ туркменскихъ аулахъ.— Желтопузъ; рѣчная черепаха; древесная лягушка; розовые скворцы. — Персидская крѣпость Акъ-кала.—Въ лѣсу; шакалы; кабаны; дикобразъ; птичье царство.—У адербейджанцевъ.— Въ горномъ аулѣ у фарсовъ.— Мой спутникъ Кафаръ. — Стеллiонъ. — Охота на архаровъ. — Джейранъ; горный козелъ. —Аулы Келяте и Хычъ. — Персидскій клещъ. — Краснорѣчивый мулла. — Туркмены и персы. — Обѣдъ у хана; охота.—У курдовъ; яки. — Встрѣча съ англійскимъ путешественникомъ.— Граница Ирана и Турана. — Сраженіе съ очковой змѣей. — На русскомъ пограничномъ посту. — Меня арестуютъ, какъ англійскаго шпіона. — Геокъ-Тепе. — Асхабадъ 129

IV. НА САХАЛИНѢ.

Первое впечатлѣніе.—Постъ Дуэ.—Природа Сахалина.—Разница между западной и восточной половиной острова.—Климатъ.—Сахалинская тайга и ея обитатели; сѣверный олень; соболь; медвѣдь; россомаха; кабарга; дикушка; сахалинскій глухарь.—Лиственные лѣса.—Культурныя растенія.—Богатства Сахалина.—Каторжники.—Бѣглые. — Путешествіе поперекъ острова.—Наши спутники.— Плаваніе внизъ по р. Тыми.— Гиляки.— Среди ороковъ.— Шаманъ. —Айносы.—Японцы—рыболовы. —Кета и горбуша. — Жизнь въ устьѣ р. Тыми. — Сахалинскій тюлень; морскіе львы; котики; бѣлухи; киты. — Поѣздка съ ороками вверхъ по порогамъ р. Тыми; встрѣча съ медвѣдемъ; бѣглый каторжникъ.—Возвращеніе. . 185

Рисунки въ текстѣ.

СТРАН.

1. Киргизскій мальчикъ среди пустыни. 2
2. Голова верблюда 3
3. Голова верблюда 5
4. Голова верблюда 5
5. Барханъ 6
6. Пустыня съ барханами 7
7. Пустыня съ барханами 8
8. Плантація, заносимая пескомъ . 9
9. Тамарискъ или гребенщикъ . . 11
10. Формы волосковъ, прикрывающихъ поверхность листа и предохраняющихъ его отъ потери влаги. 12
11. Хармыкъ 13
12. Солянка 14
13. Саксаулъ 15
14. Верблюдъ, нагруженный саксауломъ 16
15. Саксаулъ 17
16. Хвостъ песчаной круглоголовки . 18
17. Песчаная круглоголовка. . . . 18
18. Ушастая круглоголовка 19
19. Спинковый гекконъ 20
20. Касаль или варанъ 21
21. Степной удавъ 22
22. Буща-джилянъ 23
23. Стрѣла—змѣя 24
24. Полозъ Карелина. 24
25. Тонкопалый суслikъ 25
26. Большая песчанка 26
27. Плоскохвостый тушканчикъ . . 26
28. Большой тушканчикъ 27
29. Станція среди песковъ пустыни Кизылъ-Кумы 27
30—31. Скорпіонъ и фаланга . . . 29
32. Колодецъ въ пустынѣ 31
33. Степной рябокъ 32
34. Саксаульная сойка 33
35. Кишлакъ 35
36. Въ саду туркмена 36
37. Хивинецъ 37
38. Джугара. 38
39. Близъ Петро-Александровска . . 39
40. Каюкъ 40
41. Аму—разрушительница . . . 41
42. Кишлакъ 43
43. Туркмены, переправляющіеся черезъ рѣку 45
44. Каракалпакъ. 46
45. Туганъ. 47
46. Кабанъ въ камышахъ 48
47. Тигръ, пробирающійся черезъ полосу барханов 49
48. Хивинскій фазанъ среди камышей 49

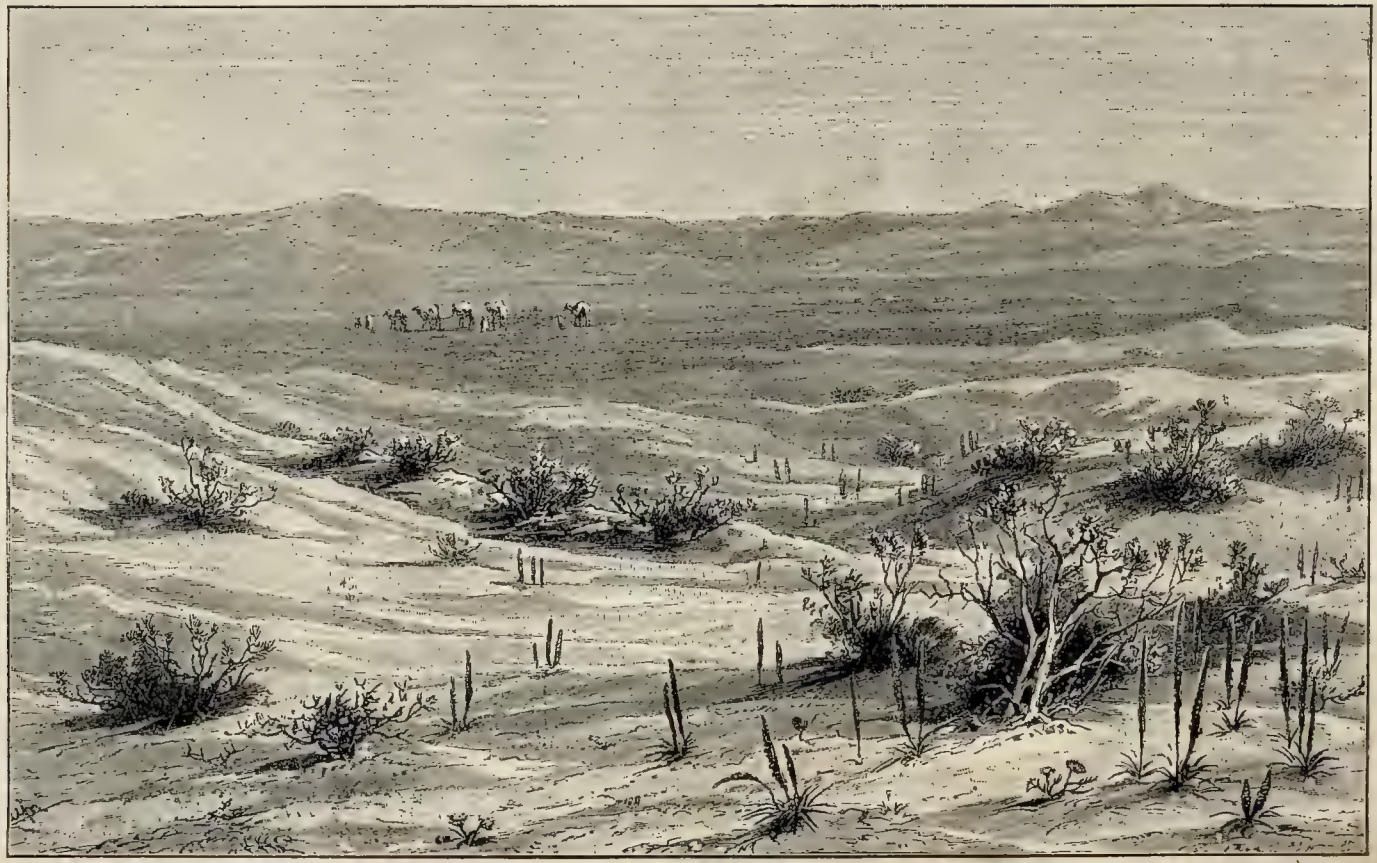
	стран.
49. Фазанъ на взлетѣ	50
50. Зеленыя щурки	51
51. Каракалпакская юрта	53
52. Лопатоносъ: голова и туловище сверху	54
53. Лопатоносъ: хвостъ сверху	54
54. Лопатоносъ: голова сбоку	55
55. Лопатоносъ: хвостъ сбоку	55
56. Цефаласписъ	57
57. Крытая улица въ Кунградѣ	58
58. Въ хивинской деревнѣ	61
59. На верблюдѣ въ качалкѣ	63
60. Усть-Уртъ	65
61. Сайга	69
62. Нищій киргизъ	71
63. Киргизка	73
64. Повѣнецъ	76
65. Поморы Мезенскаго уѣзда	79
66. Сумской посадъ	81
67. Ребровикъ	82
68. Медуза „сарсія“	83
69. Крылоногій моллюскъ „сѣверный клионъ“	83
70. Монахи-матросы на своемъ пароходѣ	84
71. Соловецкій монастырь	85
72. Чайки въ Соловецкомъ монастырѣ	85
73. Буянова пристань въ Архангельскѣ	87
74. Поморскія суда въ Архангельскѣ	89
75. Гага и ея гнѣздо	91
76. Гаги на прибрежныхъ утесахъ	93
77. Чайки на волнахъ океана	94
78. Косатка	95
79. Треска	99
80. Акулы	101
81. Песчанка	102
82. Пушка китобоя	103
83. Бѣлуха	104
84. Нарвалъ	105
85. Тюлени	106
86. Крабъ „майя“	108
87. Крабы около своей добычи	109
88. Женская колонія гидронда	110
89. Гидрантъ	110
90. Морской жолудь	111
91. Морской жолудь въ разрѣзѣ	111
92. Бычокъ	111
93. Прилипало	112
94. Скаты	113
95. Птичьи горы.—Тревога	115
96. Кайры	116
97. Птичья гора.—Минута спокойствія	117
98. Поморникъ	118
99. Топорики	119
100. Лопари Кольскаго уѣзда	123
101. Персъ адербейджанскій	128
102. Туркестанскій гекконъ	131
103. Жуки-пилюльщики	133
104. Фламинго	135
105. Типы туркменъ	137
106. Желтопузъ	138
107. Рѣчная черепаха	139
108. Древесныя лягушки	140
109. Розовый скворецъ	141
110. Олень	143
111. Кабаны въ лѣсу	144
112. Пеликанъ	147
113. Въ горахъ Персіи	149
114. Колючій дериъ и кусты трагаканта въ Персіи	151
115. Персидскій дервишъ	153
116. Дикіе бараны	154
117. Охота на дикихъ барановъ зимою	155
118. Голова джейрана	156
119. Горные козлы	157
120 Горный аулъ въ Персіи	159
121. Домики горнаго аула	160
122. Персидская лавка	161
123. Домъ богатаго перса	163
124. Мечеть въ большомъ персидскомъ городѣ	165
125. Знатный персъ	169
126. Яки	171
127. Башня среди поля, въ которой персы спасаются при набѣгѣ туркменъ	173
128. Каравансарай въ Персіи	175
129. Внутри постоялаго двора въ Персіи	176
130. Возвращеніе туркменъ съ набѣга	179
131. Туркменъ - текинецъ	181
132. Постъ Корсаковскій на Сахалинѣ	184
133. Сахалинскій берегъ близъ Дуэ	189
134. Селеніе Березники на Сахалинѣ	191
135. Соболь	193
136. Кабарга	194
137. Россомаха	195
138. Дикушка	197
139. Сахалинскій глухарь	199
140. Обѣдъ сахалинскихъ каторжниковъ на дорожныхъ работахъ	203
141. Сахалинская деревня „Верхнее Урочище“	205
142. Внутренность зимней юрты у гиляковъ	209
143. Обрядъ убіенія священнаго медвѣдя у гиляковъ	211
144. Орокъ съ сѣвернымъ оленемъ	215
145. Шаманъ	219
146. Тунгузъ	220
147. Айносы	221
148. Горбуша	223
149. Кета	225
150. Охотскій тюлень или крылатка	227
151. Сивучи или морскіе львы	229
152. Морской котикъ	231
153. Морская выдра	233
154. Медвѣди	237
155. Бѣглый въ тайгѣ	239

Рисунки на отдѣльныхъ таблицахъ.

		стран.
I.	Пустыня Кизылъ-Кумы	1
II.	Ревень	14— 15
III.	Степныя куры или саджи	32— 33
IV.	Туркменъ-хищникъ со своей добычей	44— 45
V.	Киргизы въ степи	74— 75
VI.	Группа—мѣщанокъ Архангельской губерніи	78— 79
VII.	Рыбаки Архангельской губерніи	86— 87
VIII.	Китъ на Ледовитомъ океанѣ	96— 97
IX.	Ракъ-отшельникъ и актинія	106—107
X.	Чайки на берегу океана	112—113
XI.	Птичьи горы съ кайрами	120—121
XII.	Скалы, покрытыя бакланами	124—125
XIII.	Степная черепаха	132—133
XIV.	Семья дикобразовъ	144—145
XV.	Стелліонъ	152—153
XVI.	Куланъ	182—183
XVII.	Постъ Дуэ	186—187
XVIII.	Сахалинскіе каторжники, прикованные къ тачкамъ	200—201
XIX.	Раздача пищи сахалинскимъ каторжникамъ на дорожныхъ работахъ	202—203
XX.	Праздникъ медвѣдя у гиляковъ	208—209
XXI.	Кормежка собакъ въ юртѣ гиляка	212—213
XXII.	Лѣтняя юрта орока	216—217
XXIII.	Гиляки въ лодкѣ	234—235
XXIV.	Гиляки въ зимнемъ платьѣ	240

I.

ВЪ ТУРКЕСТАНЪ.



Пустыня Кизилъ-Кумы.

ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

I.

Пустыня Кизылъ-Кумы.

Пустыня Кизылъ-Кумы. — Такыры. — Барханы. — Песчаныя бури. — Засыпанные города. — Лѣса пустыни. — Удивительныя приспособленія растеній пустыни: тамарискъ; куянъ-сюкъ; соляпки; саксаулъ. — Царство ящерицъ: песчаная круглоголовка, агама, ичкемеръ. — Степной удавъ. — Стрѣла-змѣя. — Буща-джилянъ. — Тонкопалый суслякъ, песчанки, тушканчики. — Приспособленія животныхъ пустыни; мимикрія. — Станція среди песковъ. — Приключеніе съ фалангой. — Озеро въ пустынѣ. — Охота на птицъ пустыни: степные рябки, саджи, саксаульная сойка. — Хивинскій оазисъ.

Отъ Оренбурга до Казалинска я ѣхалъ на перекладныхъ. Степь, сначала черноземная, затѣмъ глинистая, мѣстами сыпучіе пески, маленькіе станціонные домики съ полосатымъ столбомъ у подъѣзда и звонъ колокольчиковъ на дугѣ коренника — вотъ почти все, что осталось въ моихъ воспоминаніяхъ объ этой дорогѣ. Да и мудрено помнить о ней больше, когда все это разстояніе я промчался, что называется единымъ духомъ, безъ обычныхъ задержекъ въ лошадяхъ и безъ всякихъ случайностей ѣзды на почтовыхъ. Только на одной станціи, гдѣ-то на серединѣ пути, на крыльцо вышелъ заспанный староста и еще раньше, чѣмъ я успѣлъ вылѣзть изъ телѣжки, сообщилъ, что лошадей нѣтъ. Однако и тутъ меня выручилъ какой-то „проѣзжающій“, и я поѣхалъ на обратныхъ, прождавъ очень недолго. Изъ Казалинска я спустился на лодкѣ внизъ по Сыръ-Дарьѣ до самаго моря и чрезъ 10 дней вернулся въ тотъ же городъ. Но я не стану останавливаться на описаніи этого плаванія: мнѣ оно кажется не достаточно интереснымъ. Сыръ-Дарья — рѣка, какъ и многія наши россійскія рѣки: довольно широка, быстра и мутна. Но вотъ степи, окружающія Аральское море, это — далеко не то, что наши русскія степи, да и путешествіе по нимъ, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ почтоваго тракта, дѣло совсѣмъ особаго рода. Почтовая ѣзда извѣстна всякому. Потребовалъ лошадей, сѣлъ и поѣхалъ; а нѣтъ лошадей, такъ жди и разгоняй скуку чтеніемъ жалобной книги. Если надоѣстъ ждать, можно записать и свою жалобу. Впослѣдствіи кто-нибудь другой будетъ развлекаться. Здѣсь же приходится ѣхать по степи, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни одной жалобной книги, нѣтъ ни станцій, ни лошадей, да пожалуй, нѣтъ и

людей; тутъ путешественника ожидаютъ совсѣмъ иныя удовольствія, а какія именно, объ этомъ европейскіе туристы знаютъ лишь по слухамъ, или по описаніямъ. Потому-то я и думаю ограничиться разсказомъ лишь о той части своей поѣздки, которая сопровождалась такими особыми развлеченіями.

Изъ Казалинска мнѣ предстояло ѣхать въ укрѣпленіе Петро-Александровскъ, на Аму-Дарьѣ. Для этого надо было перевалить чрезъ песчаную пустыню Кизылъ-Кумы. Какъ весь хивинскій оазисъ, такъ и наши владѣнія въ немъ, составляющія такъ называемый „Аму-Дарьинскій отдѣлъ“, окружены безплодными и безводными степями. Въ 1886 году, во время моей поѣздки, только-только начали строить Закаспійскую желѣзную дорогу. Проникнуть въ оазисъ можно было лишь на „кораблях пустыни“, т. е., на верблюдахъ. Наиболѣе проторенной дорогой считалась та самая, по которой я долженъ былъ ѣхать. Въ Казалинскѣ отыскалась попутчица,

1. Киргизскій мальчикъ среди пустыни.
Съ фотографіи Г. О. Графтіо.

пожилая казачка, направлявшаяся къ своему мужу въ Петро-Александровскъ, и мы стали собираться вдвоемъ. До укрѣпленія считаютъ около 500 верстъ; но чтобы добраться туда, приходится снаряжаться въ томъ же родѣ, какъ снаряжаются далекія экспедиціи, отправляющіяся въ безлюдныя и безводныя пустыни Монголіи или Тибета. Это не покажется удивительнымъ, если припомнить, что Кизылъ-Кумы представляютъ изъ себя настоящую песчаную пустыню. На всемъ 500-верстномъ разстояніи отъ Казалинска до Петро-Александровска не существуетъ никакого осѣдлаго населенія. Зимой въ пескахъ кочуютъ киргизы. Но лѣтомъ они уходятъ въ горы, и Кизылъ-Кумы совершенно пустѣютъ. Нечего прибавлять, что здѣсь нѣтъ даже подобія почтоваго тракта. Путешественникъ принужденъ нанимать верблюдовъ и ѣхать на однихъ и тѣхъ же животныхъ безсмѣнно всѣ 500 верстъ; а такъ какъ „корабли пустыни“ не отличаются быстроходностью, онъ долженъ благодарить судьбу, если ему удастся тащиться по 40—50 верстъ въ сутки, т. е., если весь переходъ онъ совершитъ

въ 10—12 дней. На все это время ему необходимо взять съ собой запасъ провизіи, такъ какъ во всей степи, особенно лѣтомъ, мудрено найти хотя бы кусочекъ хлѣба уже по одному тому, что тамъ нѣтъ и людей. Иногда, правда, гдѣ-нибудь у ко-

2. Голова верблюда.
Изъ „Живописной Россіи", томъ X.

лодца среди пустыни случается встрѣтить обнищавшую киргизскую семью; но здѣсь нечѣмъ поживиться: киргизы сами попросятъ у васъ сухарей.

Этимъ однако еще не кончаются хлопоты по снаряженію. Среднеазіатскія ну-

стыни, въ особенности лёссовыя (глинистыя), совершенно безводны. Оттого-то онѣ и безжизненны. Стоитъ оросить самую безплодную изъ глинистыхъ степей Туркестана, и она превратится въ цвѣтущій оазисъ. Въ лѣтнее время на всемъ протяженіи отъ Казалинска до Петро-Александровска въ Кизылъ-Кумахъ можно встрѣтить одну-двѣ лужи, Богъ знаетъ, почему не успѣвшія высохнуть подъ палящими лучами солнца.

Воду берутъ здѣсь изъ колодцевъ, очень немногочисленныхъ и расположенныхъ на разстояніи двухъ дней пути одинъ отъ другого. Поэтому путешественникъ долженъ возить съ собой запасы воды, по крайней мѣрѣ, на двое сутокъ.

Вотъ условія, которыя приходилось имѣть въ виду, снаряжаясь въ дорогу.

Обыкновенно чрезъ Кизылъ-Кумы перебираются въ простой русской телѣгѣ, запряженной тройкой верблюдовъ. Верблюдовъ можно нанять у киргизъ; телѣгу приходится покупать; на базарѣ въ Казалинскѣ всегда найдется продажная. Простая телѣга безъ шинъ, съ широкими ободами колесъ — единственный русскій экипажъ, который въ состояніи выдержать 500-верстный переѣздъ по песчаной пустынѣ. Почтовые тарантасы и коляски слишкомъ вязнутъ въ сыпучемъ пескѣ; а лѣтомъ, подъ палящими лучами солнца, они разсыхаются, колеса разсыпаются, и путешественникъ можетъ остаться среди безлюдной степи при однихъ верблюдахъ. Правда, такія оказіи случаются и съ телѣгами. Поэтому многіе предпочитаютъ ѣхать верхомъ на верблюдѣ, или въ особой корзинкѣ, подвѣшиваемой сбоку горба. Этотъ способъ представляетъ, во-первыхъ, то преимущество, что верховые верблюды идутъ скорѣе, нежели запряженные въ экипажъ, а, во-вторыхъ, путешественникъ не рискуетъ сѣсть на мель среди степи, развѣ только околѣютъ его „корабли пустыни“. Однако надо не мало мужества, чтобы рѣшиться на 12-дневное качаніе на верблюжьей спинѣ. Поэтому мы порѣшили купить себѣ телѣгу съ парой запасныхъ колесъ. Для защиты отъ солнца мы пристроили на ней нѣчто вродѣ бесѣдки.

Долго думали мы съ Дарьей Сидоровной, какой бы провизіи взять въ дорогу. Основной продовольственный матеріалъ должны были составлять сухари; затѣмъ, конечно, внесли мы въ списокъ чай и сахаръ; но дальше наши хозяйственные проекты по части заготовки съѣстныхъ припасовъ разбивались о разныя непреодолимыя препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, какой провизіи можно взять на 12 дней пути по раскаленной пустынѣ? Мясо, даже круто посоленное, портится при туркестанскихъ жарахъ уже на слѣдующій день. Никакихъ консервовъ въ Казалинскѣ не продаютъ, если не считать сардинъ и окаменѣлой московской колбасы, болѣе похожей на киргизскую нагайку изъ верблюжьей кожи, нежели на пищевой продуктъ. Положимъ, можно было бы рѣшиться на подвигъ жевать эти нагайки; но не угодно-ли среди лѣта, въ безводной пустынѣ, гдѣ и безъ того пить хочется больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, питаться въ теченіе 12 дней колбасой, на которой соль бѣлыми пятнами проступаетъ наружу. Одинъ добрый человѣкъ, котораго мы потомъ поминали далеко не добрымъ словомъ, посовѣтовалъ намъ взять съ собой баранины, сушеной по киргизскому способу. Представьте себѣ половину бараньей туши, круто посоленную и провяленную на солнцѣ цѣликомъ вмѣстѣ съ жиромъ, и вы получите понятіе объ этомъ киргизскомъ „немминканѣ“. Видъ такого мяса возбуждаетъ большія сомнѣнія на счетъ его съѣдобности. Но нашъ добрый знакомый, ссылаясь на собственный опытъ, такъ убѣдительно описывалъ необыкновенныя достоинства этой

баранины, что мы подумали, погадали и рѣшили взять: во-первыхъ, дешево и сердито, а, во-вторыхъ, „на безрыбьѣ и ракъ рыба“. Для воды мы взяли деревянную флягу, вмѣстимостью не болѣе ведра. Верблюды, въ качествѣ „кораблей пустыни“, обязаны были не пить отъ колодца до колодца и, какъ впослѣдствіи оказалось, по этой части вполнѣ оправдали свою славу. Что касается двухъ киргизъ, нашихъ проводниковъ, они должны были заботиться о себѣ сами, имѣть свою провизію и собственные запасы воды.

Послѣ долгихъ сборовъ, 10 іюня мы рѣшили, наконецъ, выѣхать. Верблюды, очевидно, оскорбленные въ своемъ достоинствѣ какими-то хомутами, да оглоблями, сначала наотрѣзъ отказались идти: они упрямо качали своими облѣзлыми губастыми головами, пристяжные повернулись бокомъ къ передку телѣги и, въ отвѣтъ на удары

3. Голова верблюда.

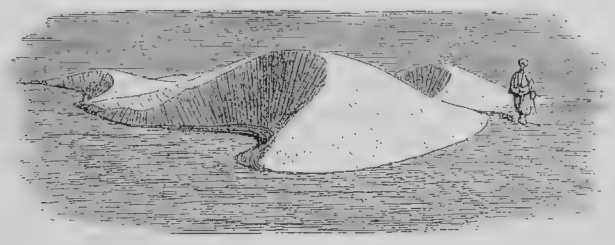
4. Голова верблюда.

Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

палкой, подняли такой раздирающій уши крикъ, какъ будто съ полсотни немазанныхъ телѣгъ заскрипѣли вдругъ разомъ. Пришлось каждаго изъ нихъ вести за веревку, продѣтую въ носъ. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ остановокъ, дѣло кое-какъ наладилось, и мы черепашьимъ шагомъ поплелись къ перевозу чрезъ Сыръ-Дарью. По ту сторону рѣки дорога идетъ сначала глинисто-солонцеватой степью, почти лишенной всякой растительности. Пройдя всего около 15 верстъ, мы остановились у прѣсной лужи съ громкимъ именемъ озера — Джуванъ-куль. Здѣсь мы заночевали.

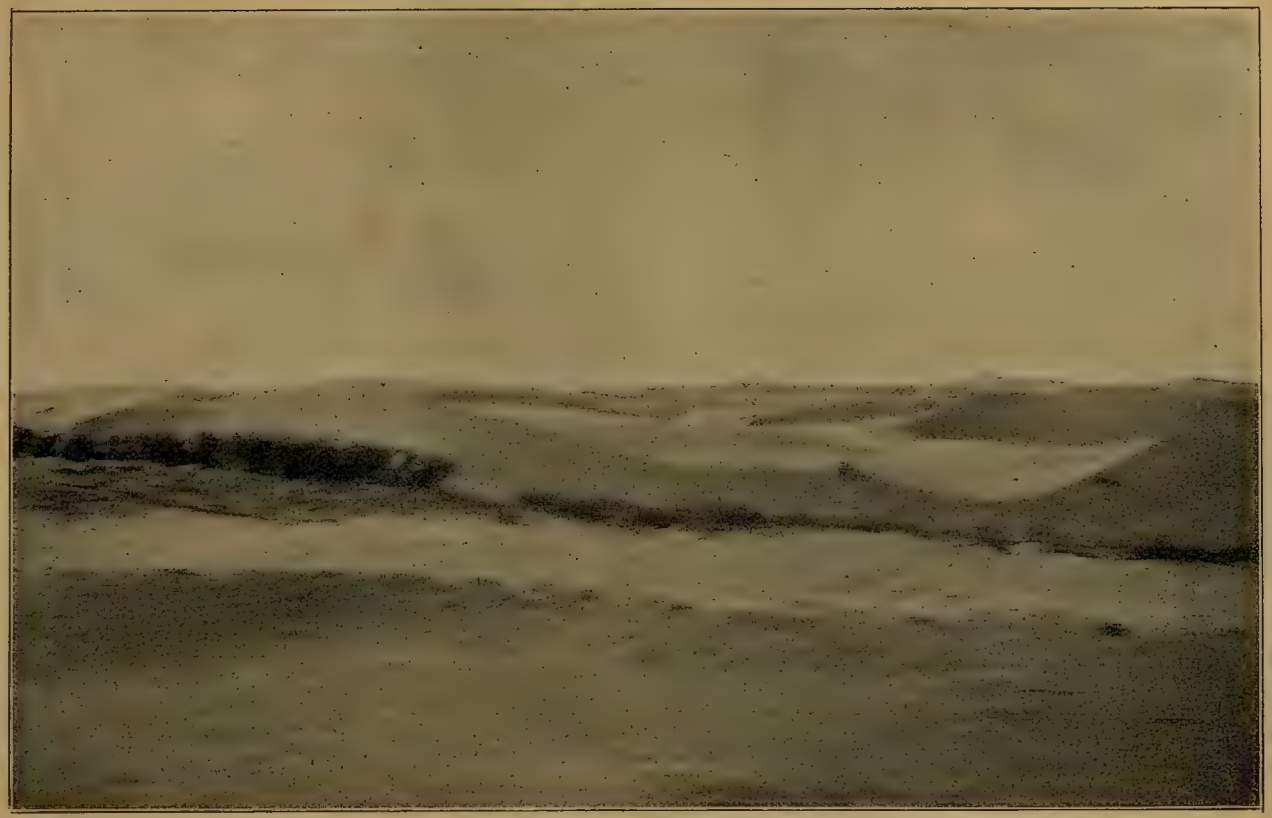
На другой день, съ разсвѣтомъ, наполнивъ нашу флягу водой, мы тронулись дальше, и въ этотъ же день вполнѣ познакомились, что значитъ путешествовать въ пустынѣ. На привалѣ Дарья Сидоровна съ расторопностью опытной и къ тому же

голодной хозяйки принялась варить супъ изъ сушеной баранины. Уже подозрительная пѣна и непріятный запахъ, испускаемый закипавшей водой, не предвѣщали ничего добраго. Когда же мясо уварилось, и мы съ нѣкоторымъ опасеніемъ рѣшились было попробовать супъ, мы съ ужасомъ убѣдились въ полной невозможности сдѣлать хотя бы одинъ глотокъ. Наша похлебка была просто ужасна. Запахъ ея состоялъ изъ отвратительной смѣси запаховъ падали и сальной свѣчки; вкусъ былъ нестерпимо горько-соленый. Очевидно, мясо было просолено не чистой солью, а солончакомъ, тѣмъ самымъ солончакомъ, который бѣлымъ налетомъ покрываетъ берега степныхъ соленыхъ озеръ въ Туркестанѣ. Даже неприхотливые киргизы, которымъ мы предложили по куску варенаго мяса, пожевавъ немного, поморщились и, проговоривъ „яманъ“ (скверно), бросили куски въ песокъ. Изъ этого мы заключили, что намъ просто-на-просто попалась особенно скверно приготовленная баранина. Вѣроятно, она всетаки бываетъ настолько съѣдобной, что, по крайней мѣрѣ, киргизы не отказываются отъ нея, иначе зачѣмъ бы продавать ее на базарѣ. Однако это разсужденіе было нисколько не утѣшительно, такъ какъ, кромѣ сухарей, чаю и сахару, у насъ не оставалось никакой провизіи, а впереди предстояли 10—12 дней пути по безлюдной степи. Надо отдать справедливость стойкости Дарьи Сидоровны: она и не подумала о возвращеніи въ Казалинскъ. Привыкнувъ къ обиходу простой казачки, она не обратила особаго вниманія на приключеніе съ бараниной. Я съ ужасомъ подумывалъ о перспективѣ питаться сухарями въ теченіе 10 дней; но чтобы не спасовать передъ женщиной, дѣлалъ видъ, что и меня эта неудача мало безпокоитъ.

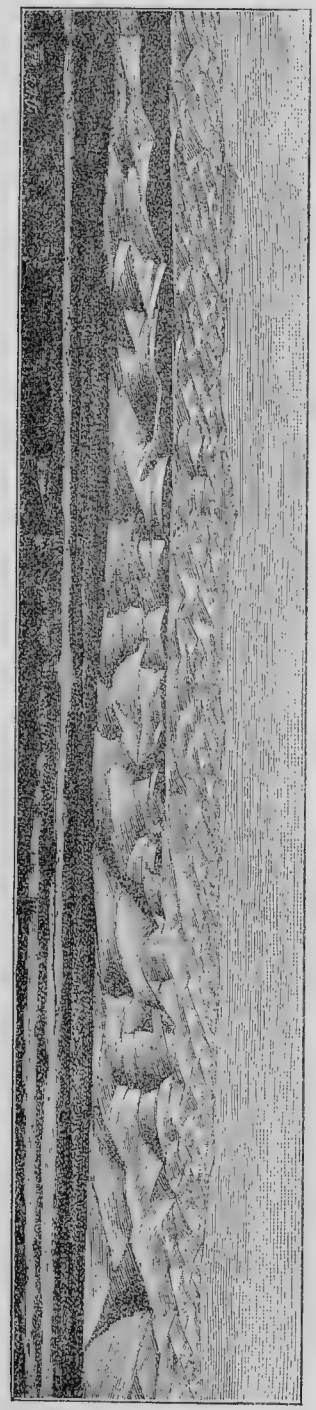


5. Барханъ.

Впрочемъ, видимой бодрости моего духа много способствовала тайная надежда на охоту. Пороху и дроби у меня было довольно, а въ случаѣ недостатка настоящей дичи можно было приняться за жаворонковъ, сорокопутовъ и другихъ мелкихъ птицъ: всетаки пища. Слѣдующіе дни я обыкновенно шелъ впереди верблюдовъ. Авось, думаю, выпугну дичь. Но мои ожиданія почти всегда оказывались тщетными. Въ теченіе трехъ дней я побезпокоилъ одного только зайца, да и въ того промахнулся. На бѣду не попадалось и мелкихъ птицъ. Застрѣлилъ, правда, пару степныхъ жаворонковъ; но они были до такой степени малы, что я рѣшительно не зналъ, что съ ними дѣлать. Хозяйственная смѣтливость Дарьи Сидоровны разрѣшилась, наконецъ, изобрѣтеніемъ удивительнаго блюда, которое, навѣрное, не приготовлялъ никто ни раньше того, ни впослѣдствіи. Изъ сухарныхъ крошекъ она задумала варить нѣчто вродѣ каши. Это была блестящая идея; но дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ она обязана не кому иному, какъ мнѣ. Я предложилъ положить въ кашу сахару и прибавить клюквеннаго экстракта, взятаго для подкисленія солоноватой и затхлой колодезной воды. Признаться, меня брало большое искушеніе



6. Пустыня съ барханами.
Съ фотографіи Г. О. Графтіо.



7. Пустыня съ барханами.

положить въ кушанье еще двухъ жаворонковъ, что мнѣ казалось очень полезнымъ въ отношеніи питательности; но Дарья Сидоровна рѣшительно воспротивилась послѣднему предложенію. Сахаръ и экстрактъ всетаки положили, и получилось ни съ чѣмъ несравнимое блюдо; это не помѣшало намъ съѣсть его до послѣдней крупинки.

По мѣрѣ того, какъ мы углублялись внутрь степи, передъ нами постепенно развертывалась величавая картина песчаной пустыни. Уже на второмъ переходѣ стали попадаться отдѣльные песчаные холмы. Ихъ называютъ барханами. Чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ ихъ было больше. Наконецъ, начались сплошные пески, кое-гдѣ прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины, или такырами. На сотни верстъ протяженія, какъ застывшія волны, стоятъ холмы сыпучаго песку. Ихъ крутые склоны смотрятъ въ одну сторону. Ихъ верхушки при порывахъ бури взметаются, подобно гребнямъ волнъ. Уже при слабомъ движеніи воздуха острые гребни барханов начинаютъ какъ бы дымиться: то песокъ, сдуваемый съ верхушки, пересыпается съ навѣтреннаго бока на подвѣтренный. Слой за слоемъ переползаетъ песокъ съ одной стороны на другую; вмѣстѣ съ тѣмъ медленно и неудержимо ползетъ и весь холмъ, засыпая на пути кусты, такыры, и все, что стоитъ ему поперекъ дороги. Чѣмъ сильнѣе становится вѣтеръ, тѣмъ больше начинаютъ дымиться верхушки барханов. Въ бурю уже не видать границы, гдѣ кончается гребень холма и гдѣ начинается струя летящаго песку. Воздухъ наполняется пескомъ, становится душно, темно. Путешественникъ, какъ въ густомъ туманѣ, видитъ неясныя очертанія однихъ ближайшихъ холмовъ. Дальше же все сливается въ одну сплошную желтую массу летящаго песку. Настоящій песчаный душъ обдаетъ путника, застигнутаго бурей въ Кизылъ-Кумахъ. Песокъ набивается въ уши, въ глаза, хруститъ на зубахъ... Съ поразительной быстротой засыпаетъ онъ всѣ пре-

грады, которыя попадаются ему на пути, угрожая и людямъ, и верблюдамъ. Въ такую погоду, если нѣтъ по близости большого такыра, надо идти во что бы то ни стало: иначе путешественникъ рискуетъ быть засыпаннымъ. Въ одну изъ подобныхъ бурь, пока мы поили у колодца верблюдовъ, наша телѣга была засыпана выше ступицъ колесъ, и намъ пришлось отрывать ее, чтобы сдвинуться съ мѣста. Обыкновенно буря кончается къ вечеру. Тогда пустыня принимаетъ прежній видъ: тѣ же песчаные, дымящіеся на верхушкахъ барханы, тѣ же выбоины между ними. Только тамъ, гдѣ была яма, теперь стоитъ огромный бугоръ сыпучаго песку и наоборотъ.

Наблюдая разбушевавшуюся песчаную стихію, я понялъ, что засыпать цѣлый

8. Плантація, заносимая пескомъ.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

городъ для нея ничего не стоитъ. Во многихъ мѣстахъ Средней Азіи пески медленно, но вѣрно поглощаютъ деревни и цвѣтущіе оазисы. Никакая сила не въ состояніи удержать ихъ побѣдоноснаго шествія. Даже города становятся ихъ жертвой. Такъ погибъ въ Бухарѣ Варданзи, который еще на картахъ первой половины нынѣшняго столѣтія значится большимъ городомъ. Въ одномъ только округѣ Ромитанъ за какіе-нибудь двадцать лѣтъ шестнадцать тысячъ жителей должны были покинуть свои сады и поля и переселиться въ Хиву. Около бухарскаго города Каракуля, столь знаменитаго своими мерлушками, еще недавно было много соленыхъ озеръ; теперь одни изъ нихъ засыпаны сплошь, отъ другихъ остались крошечныя лужи. Самый городъ исчезъ подъ песками: путешественникъ видитъ на его мѣстѣ жалкую, полузасыпанную деревню; среди бархановъ въ 7 саженъ вышиною темнѣютъ остатки

старыхъ построекъ и полузасохшія деревья... Даже столицѣ бухарскаго ханства грозитъ поглощеніе песками.

Страшный зной царитъ среди этихъ песковъ. Средняя температура іюля 20—25° Ц.; бываютъ жары въ 44°. Отсюда сильное испареніе. Вѣтеръ уноситъ съ поверхности бархановъ послѣдніе остатки влаги. Новымъ запасамъ влаги взяться неоткуда. Въ теплое время года въ Кизылъ-Кумахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дождя. Только изрѣдка появляются тучи. Но если случится, что такая туча разразится легкимъ дождемъ, капли воды испаряются раньше, чѣмъ достигнутъ раскаленной земли. Не бываетъ въ Кизылъ-Кумахъ и росы.

Повидимому здѣсь немыслимо существованіе даже самой скудной растительности. Между тѣмъ на склонахъ песчаныхъ холмовъ мы видимъ заросли кустарниковъ. Мѣстами попадаются настоящіе лѣса.

Но что это за кустарники, что за лѣса!

Прежде всего — здѣсь нѣтъ травы, той травы, которая зеленымъ ковромъ покрываетъ у насъ пространство между отдѣльными деревьями и кустами. Здѣсь въ этихъ промежуткахъ—голый сыпучій песокъ, постоянно сдуваемый вѣтромъ и постоянно наносимый снова. На желтой раскаленной почвѣ высятся уродливые, узловатые стволы съ пучками вѣтокъ, торчащихъ кверху. Съ перваго взгляда кажется, что все это—растенія мертвыя, давно засохшія, что на нихъ нѣтъ ни одного листа. Въ дѣйствительности, листья замѣнены у нихъ крошечными чешуйками, плотно прилегающими къ вѣткамъ. Цвѣтъ чешуекъ—сѣрый или зеленовато-сѣрый. Понятно, въ такомъ лѣсу не найти сплошной тѣни. Лучи солнца насквозь пронизываютъ самый густой кустъ, самое развѣсистое дерево и нагрѣваютъ обнаженный песокъ. Поэтому въ здѣшнихъ лѣсахъ царитъ тотъ же зной, какъ и въ окружающей пустынѣ; только еще болѣе душно.

Какимъ же образомъ существуютъ эти растенія? Откуда берутъ они воду?

Мы поймемъ это, если попытаемся выкопать хотя бы одинъ кустъ съ корнемъ. Мы скоро убѣдимся, что у одного человѣка на это не хватитъ ни силъ, ни терпѣнія, какъ ни легко разрывать рыхлый песокъ. Корни кизылъ-кумскихъ растеній проникаютъ на чудовищную глубину. Они прободаютъ всю толщу песчанаго слоя, лежащаго на глинистой, непроницаемой для воды подпочвѣ. Только тамъ на этой глинѣ, подъ защитой мощнаго песчанаго слоя, все лѣто сохраняется влага, накопляющаяся весной во время таянія снѣга. Весьма понятно, почему въ Кизылъ-Кумахъ нѣтъ мелкой травы: она просто не въ силахъ отростить себѣ такихъ гигантскихъ корней, какіе необходимы для жизни въ песчаной пустынѣ.

Но даже и крупныя растенія получаютъ самое незначительное количество воды. Нужно во что бы то ни стало сохранить ее. Нужно уменьшить испареніе. Для растенія это вопросъ жизни или смерти.

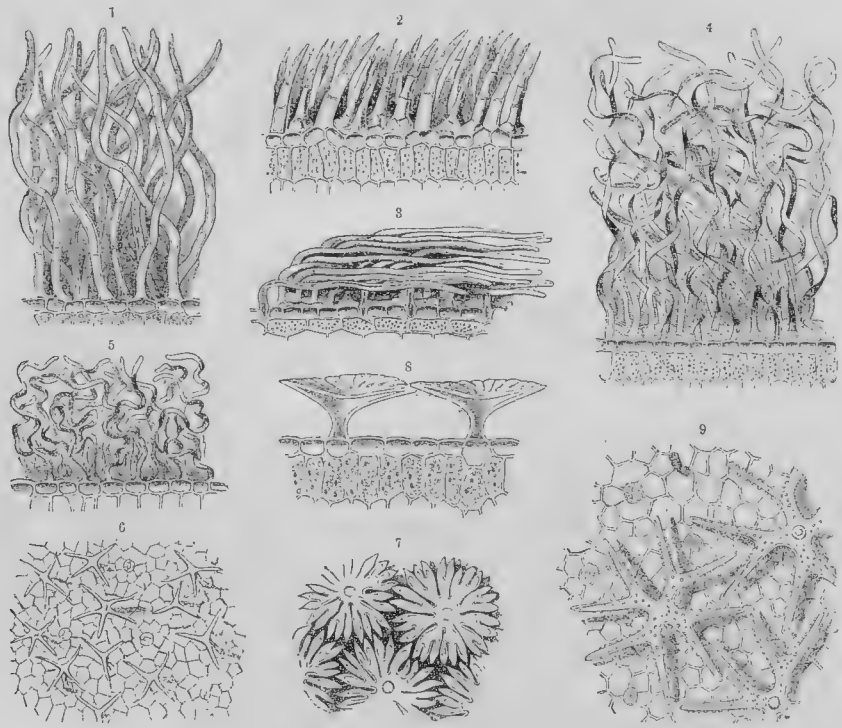
Вотъ почему здѣшнія растенія выработали цѣлый рядъ удивительныхъ приспособленій для сохраненія влаги. Отсюда ихъ своеобразный видъ.

Чтобы защититься отъ испаренія, большинство кизылъ-кумскихъ растеній уменьшили поверхность листьевъ. Растенія съ широкими тонкими листьями должны были неизбѣжно погибнуть. У оставшихся листья замѣнены крошечными чешуйками, плотно прижатыми къ вѣткамъ. Самый густой и яркой листвой отличается гребенщикъ или тамарискъ, растущій на болѣе сырыхъ участкахъ пес-

9. Тамарискъ или гребенщикъ.
(*Tamarix Pallasi*).

ковъ. Это — кустъ съ тонкими, гибкими вѣтвями. Но и здѣсь листочки настолько сухи и мелки, настолько сближены между собою, что напоминаютъ чешуйки кипариса. Кстати сказать, тамарискъ бываетъ довольно красивъ весною: его покрываютъ тогда массы розоватыхъ цвѣтовъ, которые замѣчательно гармонируютъ съ матовою зеленью листочковъ и красноватымъ оттѣнкомъ гибкихъ вѣтвей.

Сравнительно немногія растенія Кизылъ-Кумовъ позволяютъ себѣ нѣкоторую роскошь: мы видимъ на нихъ хоть не крупные, но все же настоящіе листочки. Зато эти листочки покрыты густымъ бѣлымъ пушкомъ, состоящимъ изъ волосковъ самой разнообразной формы. Сплетаясь въ сплошной покровъ, волоски прекрасно прикры-



10. Формы волосковъ, прикрывающихъ поверхность листа и предохраняющихъ его отъ потери влаги.

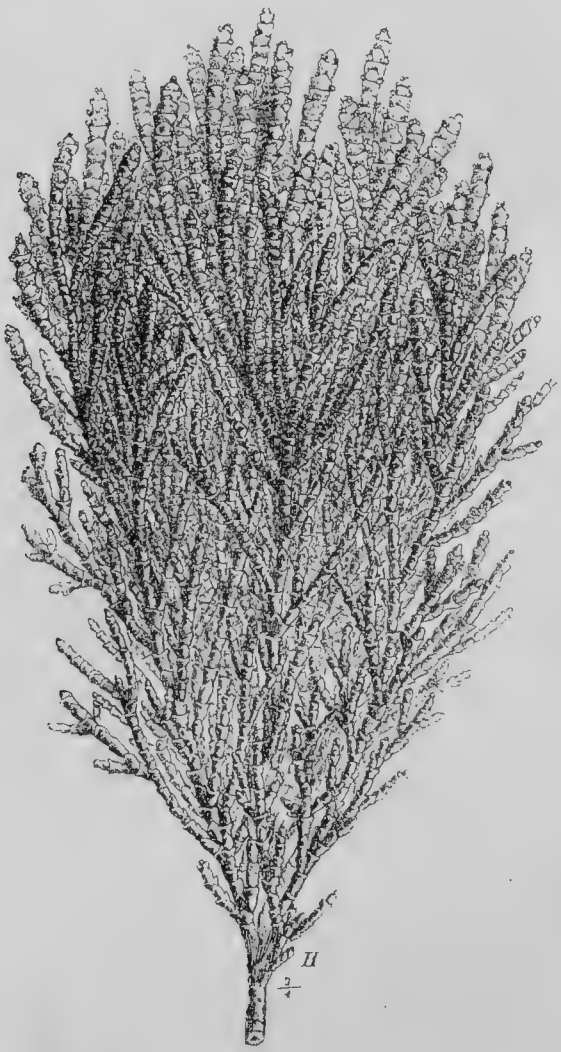
ваютъ поверхность листа отъ жгучихъ лучей солнца. Оттого нигдѣ не видно яркой зелени; преобладаетъ сѣроватый или сѣровато-зеленый тонъ. Иныя листья такъ обильно покрыты волосками, что кажутся серебристыми. Особенно оригинальны кусты куянъ-сююка съ серебристыми листьями и черно-фіолетовыми цвѣтами.

Иногда пушокъ замѣненъ восковымъ налетомъ.

Иногда поверхность листа защищена отъ испаренія соляною коркой. Этимъ удивительнымъ приспособленіемъ обладаютъ солянки, — крошечные кустики, прозябающіе на солонцахъ пустыни. Корни ихъ втягиваютъ изъ почвы значительное количество соляного раствора. Вода испаряется; соль бѣлымъ налетомъ покрыва-

11. Хармыкъ.
(*Nitraria Schoberi*).
Мелкіе сочные листочки этого растенія пропитаны солью. Ягоды — также.

стъ поверхность мелкихъ жирныхъ листочковъ. Этотъ налетъ является прекрасною защитой отъ палящихъ лучей. Въ то же время онъ оказываетъ растенію другую услугу. Извѣстно, что соль очень хорошо втягиваетъ изъ окружающаго воздуха влагу. Въ теченіе дня воздухъ въ Кизилъ-Кумахъ настолько сухъ, что изъ него нельзя извлечь ни капли влаги. Зато ночью листья солянки, благодаря соляному налету, покрываются росой, въ то время какъ остальныя растенія остаются совершенно сухими.



12. Соляпка.
(*Arthrocnemum glaucum*).

Нѣкоторые кустарники жаркихъ пустынь защищаются отъ солнца, выдѣляя изъ особыхъ желѣзокъ душистыя эфирныя масла. Такимъ образомъ вокругъ растенія создается особая ароматическая атмосфера, достаточно предохраняющая листья отъ высыханія.

Есть еще одно средство, дающее растеніямъ возможность существовать въ такихъ жаркихъ и безводныхъ пустыняхъ, какъ Кизилъ-Кумы: растеніе старается покончить всѣ счеты съ жизнью въ возможно короткій срокъ, пока еще не исчезла весенняя влага, пока зной не слишкомъ жестокъ. Проѣзжая по пустынѣ ранней весной, путешественникъ не узнаетъ знакомыхъ мѣстъ если раньше онъ видѣлъ ихъ только лѣтомъ. Степь положительно преображается: появляются растенія съ широкими свѣтло-зелеными листьями, напримѣръ, ревень; расцвѣтаютъ нѣжныя лиліи, красный макъ; словомъ, откуда что берется. Недолго однако носитъ пустыня этотъ весенній нарядъ: не пройдетъ двухъ-трехъ недѣль, какъ отцвѣтутъ эти яркіе цвѣты, созрѣютъ сѣмена, увянутъ листья, и степь опять получитъ обычный без-

Ревень.

(*Rheum palmatum*).

жизненный сѣроватый колоритъ. Иногда уже въ апрѣлѣ настоящая зелень исчезаетъ, остаются только тѣ сѣроватые кусты, которые придаютъ растительности пустынь столь оригинальную физіономію.

Особенно странное впечатлѣніе производитъ саксауловый лѣсъ. Въ немъ нѣтъ ни прохлады, ни тѣни, поэтому онъ нисколько не радуетъ путника; напротивъ, даже какую-то тоску нагоняетъ онъ своимъ мертвеннымъ видомъ. Не слышно въ немъ пѣнія птицъ, не стрекочатъ кузнечики, даже шума листвы вы не услышите

13. Саксаулъ.

здѣсь, потому что и листьевъ настоящихъ въ немъ нѣтъ; вмѣсто нихъ какіе-то зеленовато-сѣрые бугорки, какъ сыпь, покрывающіе вѣтви. Какъ заколдованный, молчитъ саксауловый лѣсъ; только въ сильный вѣтеръ слышится въ немъ скрипъ вѣтвей и шорохъ песку, ударяющаго въ корявые стволы деревъ.

Описывая растительность ада, Дантъ какъ будто изображаетъ саксаулъ. „Зеленыхъ листьевъ здѣсь нѣтъ, а какіе-то темные, сумрачные; нѣтъ широкихъ раскидистыхъ вѣтвей, а какіе-то узловатые, корявые, свившіеся между собой сучья; нѣтъ плодовъ, а какія-то ядовитыя иглы“...

Если Дантовъ адъ имѣетъ собственную фауну, то, навѣрно, она однородна съ кизылъ-кумской. Въ самомъ дѣлѣ, въ здѣшней пустынѣ водятся не животныя, а какъ будто тѣни ихъ. При бѣгломъ взглядѣ на поверхность песковъ сначала вы ничего не видите: повидимому, пусто. Но присмотритесь внимательнѣе: тамъ и здѣсь вы замѣтите неясныя, какъ тѣнь, очертанія ящерицы, словно слѣпленной изъ песку. Что это? Комочекъ песку, принявшій форму животнаго, или дѣйствительно ящерица? Подойдите ближе, и вы увидите, какъ этотъ комочекъ вдругъ встрепенется, неслышно помчится отъ васъ и вдругъ исчезнетъ, какъ тѣнь. Въ большинствѣ случаевъ вы даже не замѣтите ящерицы, если только она не начнетъ двигаться. На вашихъ глазахъ, среди голаго песку, она явится, какъ привидѣніе, мелькнетъ и исчезнетъ, тоже какъ привидѣніе. Въ другомъ мѣстѣ вы можете увидѣть комочекъ, похожій на птицу. Шагните къ нему; комочекъ вспорхнетъ и превратится въ жаворонка. Вотъ онъ сѣлъ на голый песокъ и исчезъ, какъ видѣніе. Эти таинственныя появленія и исчезновенія объясняются тѣмъ, что большинство животныхъ песчаныхъ пустынь окрашены подъ цвѣтъ песку. Какія же однако это животныя, кромѣ упомянутыхъ?.. А вотъ какія: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь настоящее царство этихъ длиннохвостыхъ юркихъ

14. Верблюдъ, нагруженный саксауломъ.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

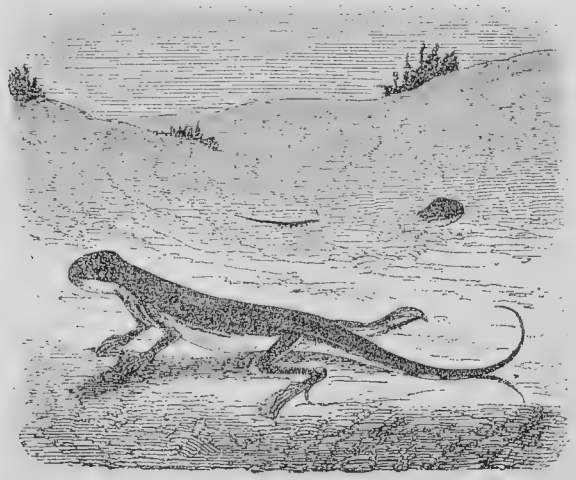
15. Саксаул
(*Haeoxylon Ammodendron*).

~~50516~~ 50516
~~4325~~ 2

гадовъ. Всѣ остальные обитатели степи—суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какія птицы—составляютъ только едва замѣтное прибавленіе къ этому царству. Ящерицы сотнями снуютъ по голымъ склонамъ песчаныхъ бархановъ: однѣ—крошечныя, другія — въ полъ-аршина длиной; у однѣхъ голова круглая, у другихъ трехъугольная; однѣ съ ушами, другія безъ ушей; но только всѣ песочнаго цвѣта. Ихъ кожа—поддѣлка подъ песокъ, до такой степени совершенная, что онѣ сами не могли бы видѣть другъ друга, если бы предусмотрительная природа не надѣлила ихъ особымъ приспособленіемъ. На нижней сторонѣ хвоста, на самомъ кончикѣ, у нихъ накрашены широкія ярко красныя и черныя поперечныя полосы, очень рѣзко выдающіяся среди желтоватаго колорита песку, когда животное подниметъ хвостъ кверху и начнетъ выдѣлывать имъ замысловатыя штуки.

16. Хвостъ песчаной круглоголовки съ яркими цвѣтными полосами.

Вотъ по этимъ-то сигнальнымъ значкамъ ящерицы и отыскиваютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Мѣстами, гдѣ этихъ животныхъ особенно много, наблюдатель видитъ любопытную картину. Тамъ и здѣсь на голомъ склонѣ песчанаго бархана, словно флагъ на военной картѣ, пестрѣютъ яркіе значки. Они завиваются въ спираль, опять раскручиваются, мѣстами бѣгутъ по песку, кое-гдѣ исчезаютъ и снова появляются, блестя своимъ пурпуромъ на желтомъ фонѣ холма. Подойдя очень близко, вы видите, что эти значки не что иное, какъ хвостики ящерицъ, песочно-желтое тѣло которыхъ издали совершенно невидимо на пескѣ.



17. Песчаная круглоголовка.
(*Phrynocephalus intercapedaris Licht.*).

При первомъ переполохѣ шустрыя животныя опускаютъ хвосты, и флаги исчезаютъ безслѣдно. Любопытно также видѣть, какъ ловко умѣютъ эти ящерки спасаться отъ своихъ заклятыхъ враговъ, степныхъ хищныхъ птицъ. Попытайтесь догнать одну изъ этихъ невидимокъ; сначала она побѣжитъ безъ оглядки; затѣмъ, когда убѣдится, что опасность у нея на хвостѣ, быстрыми движеніями брюшка вправо и влѣво она раздвигаетъ песокъ и на вашихъ глазахъ тонетъ въ немъ, забрасывая тѣло лапами. На ея мѣстѣ остается едва замѣтная песчаная рябь. Эта уловка, прекрасно спасающая отъ преслѣдованія птицъ, не разсчитана однако на натуралиста. Вамъ стоитъ

только запустить два пальца въ то мѣсто, гдѣ остался этотъ слѣдъ, и вы извлекаете на Божій свѣтъ ящерицу. На ея хорошенькой круглой мордочкѣ, въ черныхъ бойкихъ глазахъ, вы ясно читаете удивленіе. Вотъ такъ штука! — навѣрно, думаетъ она: какъ же могло это случиться? кажется ужъ вся зарылась!

Изъ этихъ хвостатыхъ невидимокъ особенно замѣчательна песчаная круглоголовка, миловидная ящерица длиной не болѣе мизинца. Крупнѣе ушастая круглоголовка; свое названіе эта ящерица получила отъ складокъ кожи, торчащихъ надъ углами рта, на подобіе ушей.

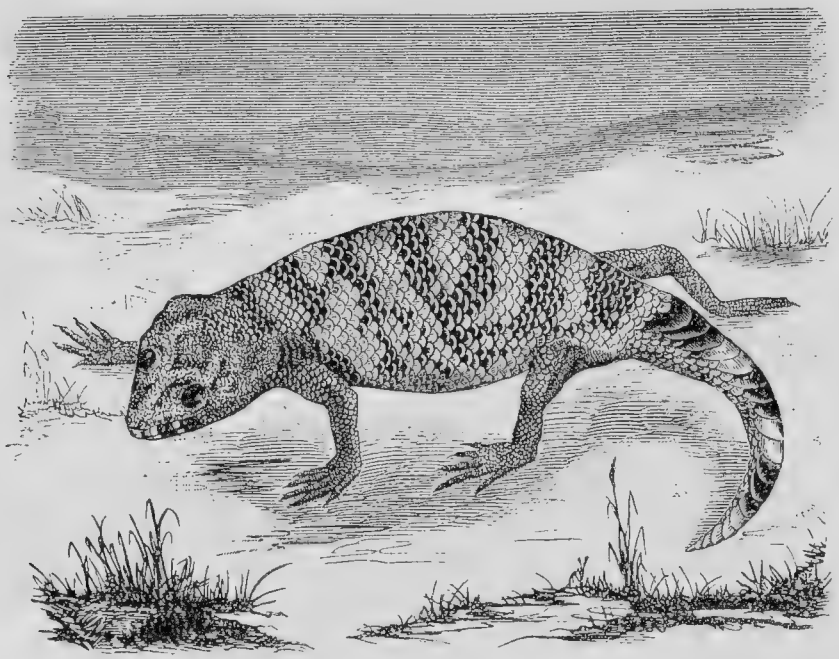
Тамъ, гдѣ пески смѣняются такыромъ, путешественника обязательно встрѣчаютъ агамы, крупныя ящерицы съ сердцевидной головой и колючей чешуей. Въ Турке-

18. Ушастая круглоголовка.
(*Phrynocephalus mystaccus Pall.*).

станѣ агаму ошибочно называютъ хамелеономъ. Она дѣйствительно напоминаетъ хамелеона своей способностью мѣнять цвѣтъ кожи. Горло ея и грудь замѣчательно играютъ красками. Обыкновенно они окрашены въ желтоватый цвѣтъ. Но при малѣйшемъ волненіи ящерицы, горло начинаетъ синѣть и, наконецъ, принимаетъ цвѣтъ синьки, который вскорѣ расползается на грудь, брюшко и даже ноги; иногда синева смѣняется краснымъ оттѣнкомъ, который опять переходитъ въ синій или желтый,—и такъ далѣе, пока не исчезнетъ причина волненія ящерицы. Интересно посмотрѣть, какъ агама спасается отъ зноя. Зарываться въ песокъ она не умѣетъ, да и не любитъ; другихъ же укромныхъ мѣстъ въ пустынѣ не существуетъ; между тѣмъ глинистая поверхность такыровъ раскаляется до такой степени, что вы рискуете обжечься, ежели приложите къ ней руку. Агама же могла бы изжариться

на глинѣ, если бы оставалась здѣсь въ самое жаркое время дня. Чтобы избѣжать этого удовольствія, ящерица взбѣгаетъ по возможности выше на вѣтви кустовъ и деревьевъ и сидитъ на нихъ, широко разинувъ ротъ и раздвинувъ ноги. Здѣсь ее не жжетъ раскаленная почва; къ тому же ея тѣло нѣсколько освѣжается вѣтромъ, который свободно гуляетъ между безлистными вѣтвями деревьевъ пустыни.

Я настойчиво разыскивалъ варана или, по-киргизски, касаля, этого великана среди ящерицъ, достигающаго до двухъ аршинъ въ длину. Весьма понятна ошибка русскихъ жителей Туркестана, считающихъ касаля за крокодила. Къ сожалѣнію, на пути намъ не попадалось это замѣчательное животное; по словамъ киргизъ, на-



19. Сцинковый гекконъ.
(*Teratoscincus scincus Schleg.*).
Ночная ящерица Кизылъ-Кумовъ съ замѣчательно тонкой кожей.

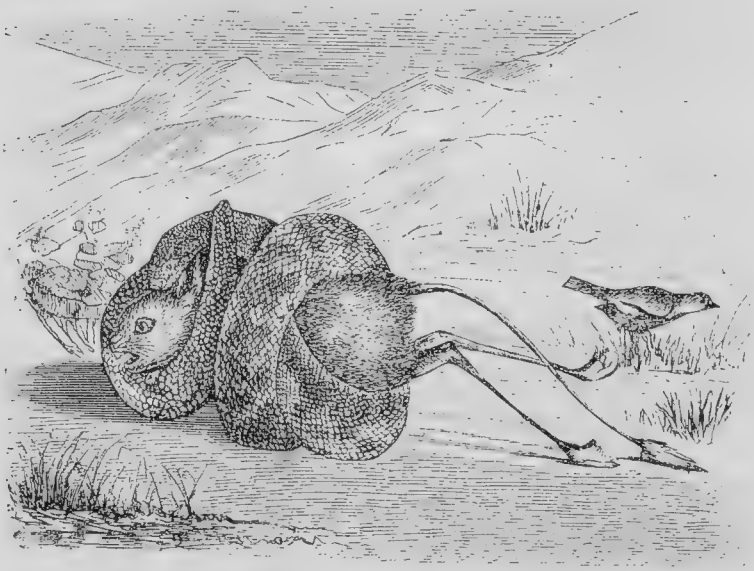
шихъ проводниковъ, оно водится нѣсколько южнѣе, около степныхъ горъ Буканъ-Тау. Не будучи крокодиломъ, касаль не уступаетъ однако этому пресмыкающемуся въ хищности. Другія ящерицы, змѣи, птенцы, мелкіе звѣрьки и даже зайцы считаютъ его самымъ страшнымъ врагомъ.

Изъ другихъ гадовъ мы нерѣдко встрѣчали неуклюжихъ степныхъ черепахъ и различныхъ змѣй. Среди этихъ послѣднихъ самая замѣчательная змѣйка это степной удавъ. Какъ же такъ?—спросите вы: удавъ, и вдругъ змѣйка. Да, змѣйка, потому что онъ всего около полуаршина въ длину. Несмотря на лилипутскіе размѣры, онъ имѣетъ всѣ повадки своихъ гигантскихъ родственниковъ. Онъ такъ же неподвижно караулитъ свою добычу, мышей и тушканчиковъ, такъ же давитъ ее

20. Касаль или варанъ.
(*Varanus griseus Daud.*).

изгибами своего тѣла и, проглотивъ звѣрька втрое толще себя, отправляется въ укромное мѣсто заниматься пищевареніемъ. Проживая постоянно среди бархановъ, степной удавъ очень хорошо приспособился къ жизни въ пескахъ. Онъ умѣетъ съ удивительной быстротой зарываться въ свою родную стихію и ползать въ ней на значительной глубинѣ. Онъ дѣлаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда голодъ заставляетъ его отправляться на поиски жуковъ, которыхъ загоняетъ въ песокъ полуденный зной. Несмотря на то, что по формѣ и расположенію темныхъ пятенъ степной удавъ походитъ на своихъ родичей, настоящихъ удавовъ, общій тонъ его окраски замѣчательно гармонируетъ съ цвѣтомъ песку. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не уступаетъ песчанымъ ящерицамъ.

Насколько степной удавъ толстъ и коротокъ, настолько стрѣла-змѣя длинна

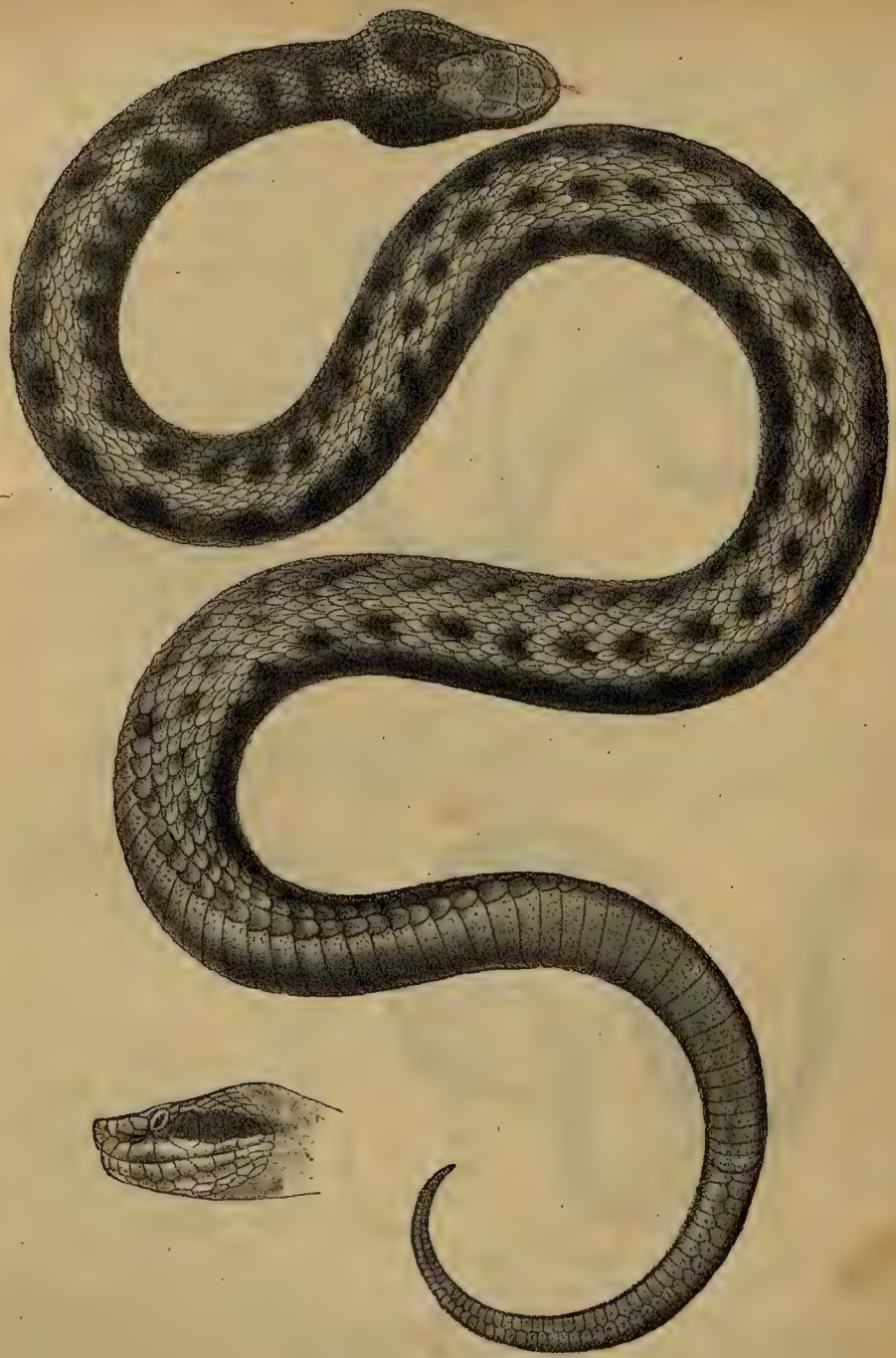


21. Степной удавъ.
(*Eryx jaculus L.*).

и тонка. Это настоящій живой жгутъ, съ замѣчательной быстротой скользящій по пескамъ въ погонѣ за ящерицами и насѣкомыми. Длинное полосатое тѣло стрѣлы-змѣи и ея манера выбрасывать на подобіе стрѣлы переднюю половину туловища на встрѣчу добычѣ вполнѣ оправдываютъ ея названіе.

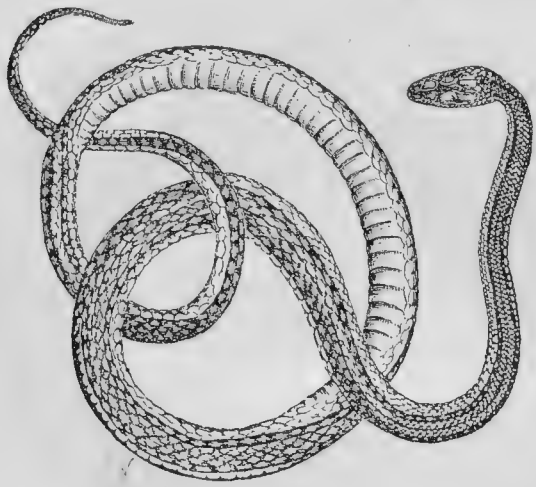
Изъ ядовитыхъ змѣй въ Кизылъ-Кумахъ водится только анцистродонъ по киргизски, буща-джилянъ, принадлежащій къ одному семейству съ знаменитой гремучей змѣей. Длиной онъ не болѣе нашей гадюки, но кусается сильнѣе; по крайней мѣрѣ, киргизы очень боятся его. Мелкіе звѣрьки, укушенные анцистродономъ, умираютъ почти мгновенно.

Мы часто видѣли звѣрьковъ пустыни: крошечныхъ песчаныхъ зайцевъ, тонконалыхъ сусликовъ и песчанокъ, по вечерамъ—еще тушканчиковъ. Подобно ящери-



Буща-джилянъ.
Ядовитая змѣя пустыни Кизилъ-Кумы, родственная съ гремучей змѣей.
(*Ancistrodon intermedius Str.*).

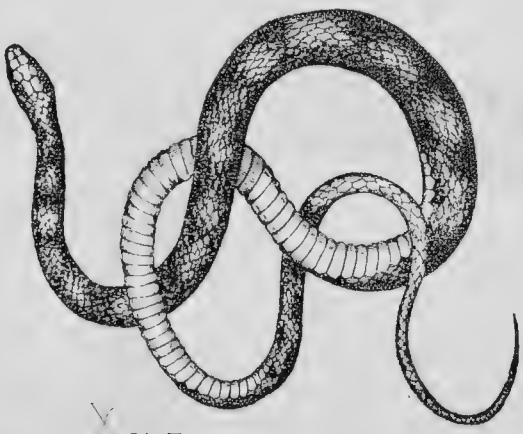
цамъ Кизылъ-Кумовъ, всѣ эти звѣрьки окрашены подъ цвѣтъ песку,—притомъ настолько удачно, что, еслибъ не бѣлый или черный кончикъ хвоста, они не въ состояніи были бы отыскивать другъ друга.



23. Стрѣла-змѣя.
(*Taphrometopon lineolatum Bdt.*).

Вообще, цвѣтъ животныхъ часто находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ окраской обстановки. Это явленіе получило въ наукѣ названіе мимикріи или мимитизма. По-русски это значитъ: „подражательная окраска“. Чѣмъ полнѣе совпаденіе, тѣмъ лучше обезпечено существованіе животнаго: при подражательной окраскѣ ему легче скрываться отъ враговъ или подкрадываться къ добычѣ.

Тонкопалый сусликъ живетъ въ норахъ съ довольно широкимъ полукруглымъ входомъ. Величиной онъ съ бѣлку. Его лапы кончаются длинными тонкими пальцами съ длинными прямыми когтями. Такая лапа прекрасно приспособлена къ бѣганью и рытью въ песчаной почвѣ. Пустыня наложила отпечатокъ на самое строеніе этого звѣрька. Есть еще одна особенность, которою тонкопалый сусликъ отличается отъ своихъ родичей. Всѣ остальные виды сусликовъ зимою впадаютъ въ спячку; тонкопалый сусликъ составляетъ исключеніе. Соотвѣтственно съ этимъ, у него два мѣха: лѣтній и зимній. Лѣтомъ спина его покрыта короткою и жесткою шерстью рыжевато-буланаго цвѣта; зимою ее замѣняютъ длинные, тонкіе, шелковистые волосы превосходнаго палеваго или золотисто-песчанаго цвѣта. У другихъ видовъ сусликовъ свойства мѣха не мѣняются по сезонамъ. Опять бросается въ глаза соотношеніе между перемѣнами окраски и образомъ жизни.



24. Полозъ Карелина.
(*Zamenis Karelini Bdt.*).

Песчанки во многомъ напоминаютъ крысъ. О внѣшнемъ видѣ звѣрька дастъ представленіе рисунокъ 26. Живутъ песчанки обществами. Питаются сѣмянами и дру-

гими частями растеній пустыни. Роютъ по склонамъ барахановъ норы со множествомъ ходовъ и нѣсколькими выходными отверстіями. Много этихъ звѣрьковъ попало въ мою охотничью сумку. Попали бы они и въ котелъ съ кашей изъ сухарныхъ крошекъ, если-бъ не малодушный страхъ предъ тѣмъ, что скажетъ Дарья Сидоровна.

Тушканчики встрѣчались значительно рѣже. Это — животное ночное. Они выползали изъ своихъ норокъ поздно вечеромъ, когда, сидя у костра, мы заливали свой голодъ несчетнымъ количествомъ чашекъ чаю. Прыгая на своихъ длинныхъ заднихъ ногахъ и помахивая хвостомъ со знаменемъ на концѣ, эти миловидные звѣрьки оказывались иногда очень близко отъ нашей телѣги. Но стоило мнѣ шевельнуться,— и они мгновенно скрывались за ближайшимъ бархановъ.

25. Тонкопалый суслякъ.
(*Spermophilus leptodactylus Licht.*).

На 4-й день мы подошли къ такъ называемой станціи. Это хорошенькій кирпичный домикъ, который какъ-то странно видѣть среди безлюдной песчаной пустыни. На всемъ 500-верстномъ разстояніи такихъ станцій поставлено всего три. Повидимому, онѣ выстроены только для того, чтобы дать возможность путешественнику обогрѣться зимой, или укрыться отъ песчаной бури, если она застигнетъ гдѣ-нибудь по близости. Никакого другого значенія онѣ имѣть не могутъ, если не считать того обстоятельства, что у сторожа станціи можно получить казенный самоваръ. Первую станцію караулитъ одинъ единственный киргизъ, у котораго, кромѣ муки, нѣтъ никакой провизіи; нѣтъ здѣсь ни верблюдовъ, ни телѣгъ, ни даже колесъ; а они могли бы очень пригодиться проѣзжающему, въ случаѣ поломки своихъ. Мы даже не вос-

пользовались самоваромъ. Напоивъ здѣсь верблюдовъ и захвативъ запасъ воды, мы тронулись дальше. Только на 5-й день судьба, наконецъ, сжалилась надъ нашей, по крайней мѣрѣ надъ моей, голодной участью,ославъ мнѣ на охотѣ зайца. Правда, это былъ маленькій, не больше кролика, мѣстной породы зайчишка, съ огромными ушами и съ необыкновенно поджарымъ и сухимъ тѣломъ. Все же это была дичь; въ немъ всетаки было мясо, о которомъ четыре дня тосковали наши желудки. Я тотчасъ же обратился къ Дарьѣ Сидоровнѣ за совѣтомъ, по какому способу было бы лучше использовать всѣ питательныя свойства нашей добычи, и, грѣшный человѣкъ, не слишкомъ былъ опечаленъ, когда она наотрѣзъ отказалась отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, категорически заявивъ, что она „такой погани“ не ѣстъ. Съ ея отказомъ я получалъ право избрать способъ приготовленія дичи. На первомъ же привалѣ я ободралъ свою добычу, разрѣзалъ ее на куски, нанизалъ ихъ на саксауловую палку и, изжаривъ на горячихъ угляхъ, получилъ заячій шашлыкъ. Нечего и говорить, что онъ оказался необычайно вкуснымъ и былъ съѣденъ даже съ мелкими косточками. Бѣдная Дарья Сидоровна такъ и осталась при однихъ сухаряхъ.

26. Большая песчанка.
(*Rhombomys opimus Licht.*).

27. Плоскохвостый тушканчикъ.
(*Platycercomys platurus Licht.*).

Вообще, ей какъ-то не везло этотъ день. Только что улегся я на песчаномъ склонѣ ближайшаго бархана, чтобы отдохнуть послѣ возни съ зайцемъ, какъ вдругъ, слышу, изъ телѣги доносится до меня пронзительный визгъ моей спутницы.

28. Земляной заяцъ или большой тушканчикъ.
(*Alactaga jaculus Pall.*).

Въ одинъ моментъ я былъ на мѣстѣ происшествія и увидѣлъ здѣсь слѣдующую картину: огромная фаланга, забравшаяся, вѣроятно, по оглоблѣ, ползла по платью Дарьи

29. Станція среди песковъ пустыни Кизылъ-Кумы.
Съ фотографіи Г. О. Графтіо.

Сидоровны и добиралась уже до лица. Растерявшаяся казачка, поднявъ руки кверху, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, кричала на всю пустыню. Взять первый попавшійся предметъ и убить ядовитую гадину на боку моей спутницы было дѣломъ од-

ного мгновенія. Надо замѣтить, что такимъ образомъ мнѣ удалось избавить Дарью Сидоровну отъ серьезной опасности. Укушеніе фаланги чрезвычайно болѣзненно и, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при извѣстныхъ осложненіяхъ, даже смертельно. Эта гадина бѣгаетъ замѣчательно быстро. Не успѣете вы придти въ себя, какъ она уже взобралась до лица. Боже сохрани придавить ее здѣсь: непремѣнно ужалитъ. Лучше дать ей сползти на платье или смахнуть быстрымъ движеніемъ въ сторону.

Значительно рѣже попадались намъ скорпіоны, но на нихъ мы не обращали особаго вниманія. Во-первыхъ, во внѣшнемъ видѣ ихъ нѣтъ ничего страшнаго: будучи пауками, они скорѣе походятъ на маленькаго рачка; а во-вторыхъ, по словамъ туркестанскихъ жителей, и жалятъ они не такъ больно и не съ такими непріятными послѣдствіями, какъ фаланги.

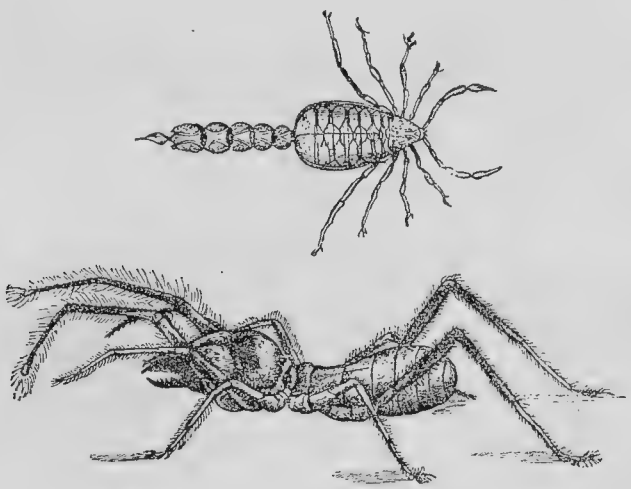
Впрочемъ, тамъ, гдѣ скорпіоновъ много, киргизы, ночующіе на бивуакѣ, принимаютъ противъ нихъ простую, но дѣйствительную мѣру. Они окружаютъ бивуакъ волосянымъ арканомъ, чрезъ который эти ядовитыя гадины не рѣшаются ползти, опасаясь, вѣроятно, жесткихъ торчащихъ вокругъ аркана волосковъ. Замѣчательно, что бараны поѣдаютъ и скорпіоновъ, и фалангъ, какъ траву, чѣмъ пользуются, какъ говорятъ, киргизы во время своихъ перекочевокъ. Прежде чѣмъ разбить юрту, они пускаютъ на это мѣсто свое стадо, которое будто бы истребляетъ всѣхъ ядовитыхъ пауковъ ближайшаго клочка степи.

Не знаю, водится ли въ Кизылъ-Кумахъ каракуртъ, маленькій черный паучокъ, укушеніе котораго считается смертельнымъ. Наши проводники не могли сказать мнѣ по этому поводу ничего опредѣленнаго.

Долго еще послѣ исторіи съ фалангой не могла придти въ себя Дарья Сидоровна. Она проклинала и степь, и тотъ часъ, въ который ей пришла въ голову мысль ѣхать въ Петро-Александровскъ. Досталось тутъ и мужу, и даже нашимъ киргизамъ, хотя они старались услужить ей, поднявъ оглобли кверху сейчасъ послѣ приключенія съ фалангой. Вообще, моя спутница вымещала на проводникахъ все свое недовольство настоящимъ положеніемъ. Они были виноваты и въ томъ, что телѣга на крутыхъ склонахъ барханов кренилась очень сильно, и въ томъ, что песокъ засыпалъ глаза; разгнѣванная казачка не разъ ставила имъ на видъ и дурную воду въ колодцахъ. Словомъ, это были настоящіе „козлы отпущенія“. Къ довершенію негодованія моей спутницы, эти „козлы“ ни слова не понимали по русски, а она ни слова по киргизски. Во время баталіи они съ удивленіемъ поглядывали на сердитую женщину и изо всей ея тирады, обращенной по ихъ адресу, понимали только, что она на что-то гнѣвается. По временамъ они переводили глаза на меня не объясню ли я, въ чемъ дѣло; но я обыкновенно сидѣлъ съ невозмутимымъ видомъ, сохраняя строгій нейтралитетъ, и только въ случаѣ, если исторія принимала слишкомъ комичный характеръ, разражался хохотомъ. За мной начинали смѣяться и киргизы, а Дарья Сидоровна, недовольная и сконфуженная, прекращала свою брань.

Да, шибко доставалось отъ нея нашимъ проводникамъ; между тѣмъ это были прекрасные ребята, видимо, знающіе свое дѣло. Меня постоянно удивляло, какъ могутъ они находить дорогу среди однообразныхъ холмовъ песку, гдѣ къ тому же всякій слѣдъ быстро заметается вѣтромъ. Правда, мѣстами дорога обозначена пи-

рамидами изъ саксауловыхъ полѣньевъ, но эти значки разставлены на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, видимы же они только съ ближайшаго бархана. Еще труднѣе отыскивать ихъ въ потемкахъ, а мы большую часть пути прошли ночью. Раза два въ темнотѣ, во время вѣтра, проводники плутали, и даже довольно долго; но какими-то судьбами всетаки выходили къ пирамидѣ. До какой степени легко заблудиться въ песчаной пустынѣ, я испыталъ самъ на себѣ. Въ то время, когда верблюды шли, я слѣзъ было съ телѣги и свернулъ въ сторону, чтобы застрѣлить суслика. Не сдѣлалъ я и 50 шаговъ, какъ уже рѣшилъ вернуться, такъ какъ сусликъ спрятался въ нору. Каково-же было мое удивленіе, когда оказалось, что телѣга вмѣстѣ съ верблюдами тоже спрятались. Я бѣгомъ пустился въ томъ направленіи, гдѣ они должны были быть, влѣзъ на холмъ и увидѣлъ все тѣ же барханы, кое-гдѣ поросшіе кустами. Телѣга словно провалилась сквозь землю. Она шла гдѣ-нибудь по близости, можетъ быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но



30—31. Скорпіонъ и фаланга.

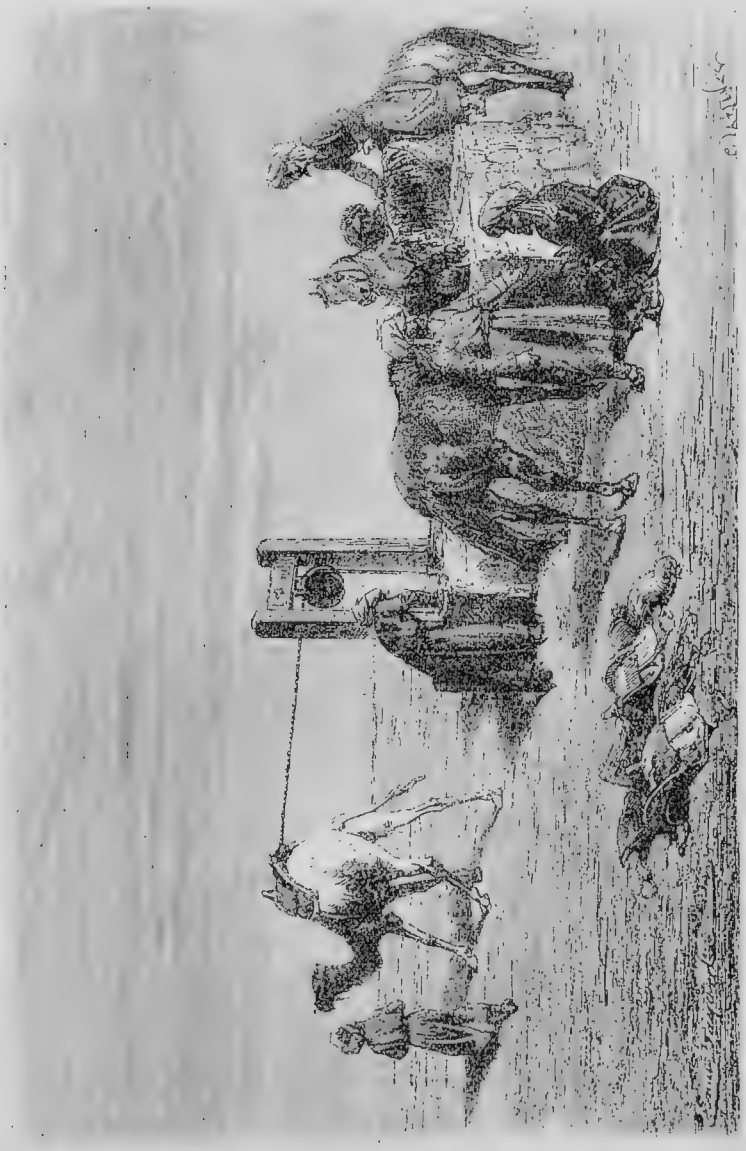
она скрыта была этими застывшими песчаными волнами. Верблюды совершенно неслышно ступаютъ даже по твердому грунту; на бѣду, и колеса телѣги были только что смазаны, такъ что и по звуку нельзя было опредѣлить, гдѣ находятся мои спутники. Долго метался я отъ бархана къ бархану, хотѣлъ уже было кричать, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ „кораблей пустыни“ догадался заскрипѣть.

На 7-й день рано утромъ, когда небо только-только начало блѣднѣть на востокѣ, когда утренняя звѣзда еще горѣла брилліантовымъ блескомъ, мы подошли къ прѣсной лужѣ, неисповѣдимыми судьбами уцѣлѣвшей среди раскаленныхъ солнцемъ сыпучихъ песковъ. Въ средне-азіатской пустынѣ прѣсная вода настолько драгоцѣнна, что малѣйшій источникъ ея составляетъ замѣтный пунктъ въ географіи страны. Здѣсь перекрещиваются караванные пути; здѣсь же кочуютъ киргизы со своими кормильцами баранами, и даже дикія птицы,—жаворонки, степные рябки и горлинки,—ютятся по близости этихъ источниковъ жизни. Несмотря на то, что лужа, гдѣ мы

остановились, была не больше и не глубже тѣхъ лужъ, которыя въ провинціальныхъ городахъ послѣ ливня появляются на всякой площади, она имѣла собственное названіе и величалась даже озеромъ: Кукча-куль. Чтобы составить представленіе о томъ, какова вода въ этомъ озерѣ, надо въ стаканъ чистой воды насыпать столовую ложку песку. Впрочемъ, эта жидкая грязь много лучше соленой ящеричной настойки здѣшнихъ колодцевъ: во-первыхъ, она совершенно прѣснаго вкуса, а во-вторыхъ, песокъ скоро отстанвается. Въ кизылъ-кумскихъ колодцахъ вода настолько дурна, что если бы она была хоть чуточку похуже, ея не сталъ бы пить ни одинъ киргизъ. Края ихъ по большей части не ограждены никакимъ барьеромъ, поэтому ящерицы и черепахи могутъ топиться тамъ, сколько имъ угодно; онѣ продѣлываютъ это тѣмъ охотнѣе, что здѣсь имъ слишкомъ тѣсно; очень ужъ много развелось ихъ въ песчаной степи. Отъ такой примѣси вода, конечно, не много выигрываетъ: она становится затхлой, мѣстами даже прямо съ запахомъ гнили, къ тому же она всегда солоновата и жестка на вкусъ.

Надо видѣть, какое оживленіе вноситъ небольшая прѣсная лужа въ природу пустыни. По берегамъ Кукча-куля во множествѣ бѣгали степные жаворонки; мѣстами сидѣли и пили воду горлицы, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившіяся въ степи; тутъ же выхаживалъ одинъ воронъ; нѣсколько красивыхъ пестрыхъ пчелоѣдовъ носились надъ лужей и, лишь только показалось солнце, на озеро полетѣли степные рябки и саджи. Стая за стаей съ громкимъ гиканьемъ летѣли эти пестрыя дѣти пустыни на лужу; со свистомъ они опускались около воды и начинали жадно пить. Не взирая на мою отчаянную пальбу, прилетали новыя стаи и хотя бы урывкомъ пытались напиться. Бѣдные, какъ имъ хотѣлось пить!.. Но мнѣ еще больше хотѣлось ѣсть. Они, по крайней мѣрѣ, пили вчера, а я уже третій день, съ тѣхъ поръ, какъ застрѣлилъ зайца, не ѣлъ ничего, кромѣ сухарей, а сухари развѣ пища? Понятно, что я палилъ направо и налѣво, но, увы, попадалъ больше въ широкое небо, въ которое, какъ извѣстно, трудно промахнуться. Однако я убилъ четырехъ рябковъ и, зарядивъ ружье, собирался еще разъ покуситься на жизнь мчавшихся съ быстротой стрѣлы птицъ, какъ вдругъ изъ телѣги донесся до меня отчаянный крикъ Дарьи Сидоровны. Судя по этому визгу на всю пустыню, я рѣшилъ, что, по крайней мѣрѣ, десять фалангъ одновременно влѣзли на мою спутницу. Я бросилъ стрѣлять и побѣжалъ спасать ее. Между тѣмъ крикъ продолжался; на время онъ замиралъ, но потомъ снова раздавался съ удвоенной силой. Прибѣжавъ на мѣсто происшествія, я увидѣлъ слѣдующую картину: въ одномъ углу телѣги бѣгала небольшая ящерица, очевидно удравшая изъ моей коробки; въ противуположномъ углу, прижавшись къ самой стѣнкѣ нашей каюты, съ выраженіемъ ужаса въ лицѣ, сидѣла Дарья Сидоровна, сидѣла и кричала на всю степь, поднявъ руки кверху. Ящерица, видимо, больше всего напуганная этимъ крикомъ, металась изъ стороны въ сторону, отыскивая выходъ. Я схватилъ ее за хвостъ. Она ущипнула меня за палецъ и, вырвавшись, соскочила на плечо моей спутницы. Тутъ визгъ достигъ такой небывалой высоты, что я, признаться, и самъ растерялся. Еще больше перетрусила ящерица. Навѣрно, она осталась бы сидѣть въ коробкѣ, если бы знала, какъ отнесется къ ея прогулкѣ по телѣгѣ Дарья Сидоровна. Кое-какъ удалось изловить хвостатую любительницу свободы и водворить ее въ банку со спиртомъ. Тутъ же, пока я запиралъ крышку ящика, еще съ неостывшемъ волненіемъ въ крови и съ дрожаніемъ въ го-

лосѣ, предъявила мнѣ моя спутница свой ультиматумъ. Впредь я обязывался всѣхъ ящерицъ, и другихъ подобныхъ „гнусовъ“, конхъ мнѣ приведется поймать, немед-

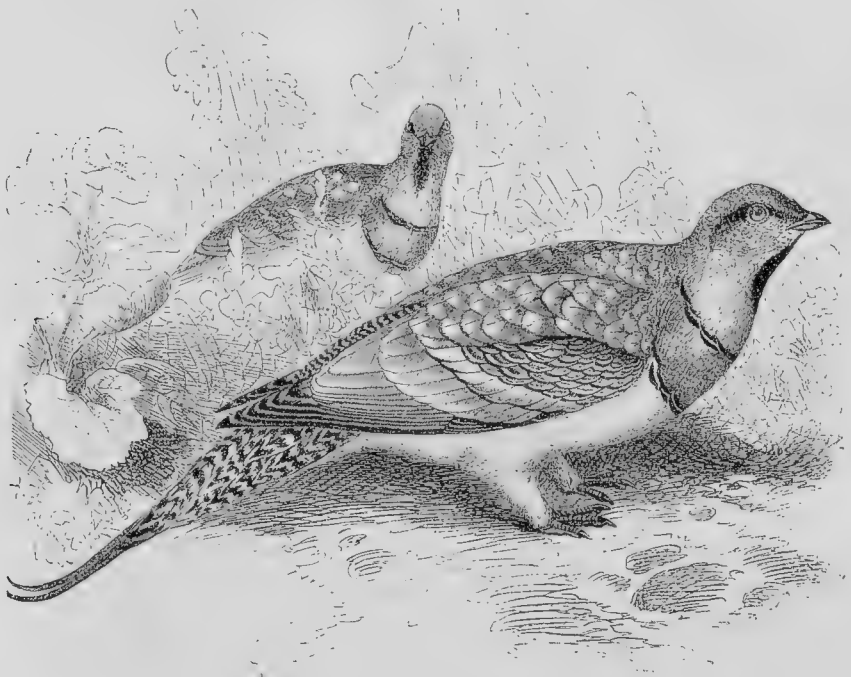


32. Колодецъ въ пустынѣ.

ленно сажать въ спиртъ, а отнюдь не держать живьемъ въ коробкахъ. Надо-ли говорить, что я принялъ этотъ ультиматумъ, хотя онъ и былъ для меня довольно стѣснителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, не угодно ли для каждаго „гнуса“ всякій разъ вы-

таскивать большой деревянный ящикъ—скорѣе, сундукъ—съ банкой, гдѣ хранился у меня спиртъ.

Пока шла война съ ящерицей, степные рябки напились и, конечно, улетѣли по своимъ дѣламъ. Намъ пришлось довольствоваться только четырьмя птицами. Не смотря на раннее утро, мы тутъ же принялись варить ихъ. Хозяйственныя хлопоты и перспектива поѣсть настоящаго супа и дичи помогли Дарьѣ Сидоровнѣ забыть только что перенесенное потрясеніе. Лишь только мы принялись за похлебку, я, пользуясь минутой, попытался было внести поправку въ нашъ договоръ, поправку въ томъ смыслѣ, чтобы мнѣ предоставлено было право сажать ящерицъ не въ бу-



33. Степной рябокъ.
(*Pterocles alchata Linn.*).

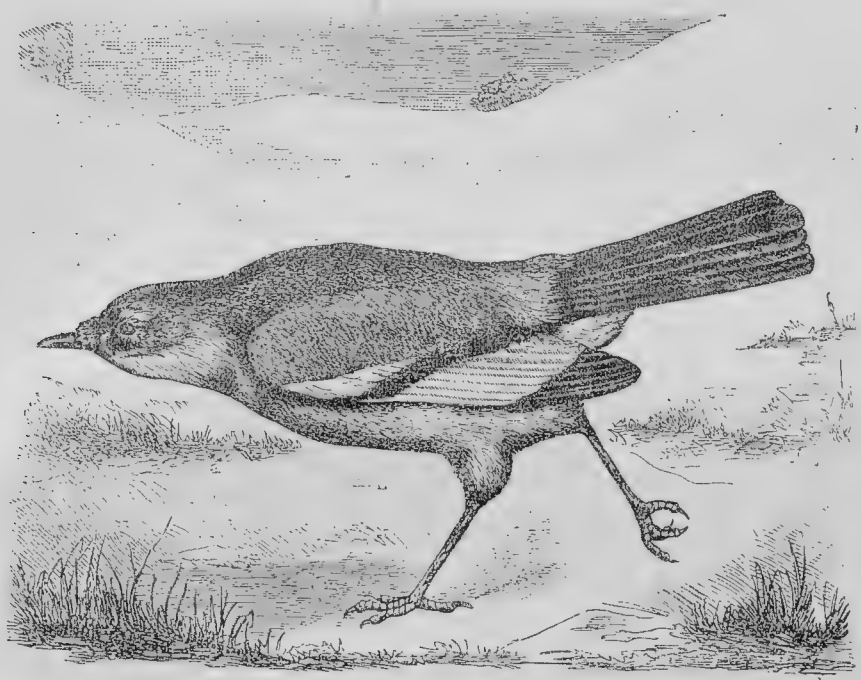
мажную коробку отъ табаку, какъ было прежде, а въ жестяной цилиндръ отъ монпансье. „Съ хорошей крышкой“, прибавилъ я, выразивъ при этомъ готовность опростать его отъ сахару. Но Дарья Сидоровна отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Такъ какъ я не настаивалъ,—гдѣ ужъ тутъ было настаивать,—вопросъ былъ исчерпанъ, и мы, заложивъ верблюдовъ, поѣхали дальше.

Теперь намъ посчастливилось на птицъ. Пробираясь среди сыпучихъ песковъ, верблюды не разъ вспугивали тѣхъ самыхъ рябковъ и саджъ, которые отсюда летали на лужу Кукча-куль. Эти птицы представляютъ нѣчто среднее между куропаткой и голубемъ. Острыми крыльями и быстрымъ полетомъ онѣ напоминаютъ голубей; пьютъ, какъ голуби, не отрывая клюва отъ воды. Но по формѣ клюва это—

Степныя куры или саджи.

(*Syrrhaptes paradoxus Pall.*).

настоящія куриныя. Насъ поражала быстрота ихъ полета: онѣ могутъ пролетать 90—100 верстъ въ часъ; для нихъ, можно сказать, не существуетъ разстоянія; дѣлать ежедневную прогулку верстъ за сто единственно затѣмъ, чтобы напиться, для нихъ ровно ничего не стоитъ. Эта особенность позволяетъ имъ гнѣздиться и жить въ такихъ мѣстахъ пустыни, которыя отдѣлены отъ ближайшаго источника или лужи цѣлыми сотнями верстъ. Кормятся эти птицы сѣменами астрагаловъ и другихъ степныхъ растеній. Жизнь ихъ проходитъ среди песковъ. Зато ихъ красивое узорчатое опереніе прекрасно гармонируетъ съ цвѣтомъ песку. Когда онѣ сидятъ неподвижно, прижавшись къ почвѣ, ихъ невозможно замѣтить даже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Трудно было бы охотиться на этихъ птицъ, будь онѣ немного



34. Саксаульная сойка.
(*Podoces Panderi Fisch.*).

осторожнѣе. Но, вѣроятно, въ глухихъ мѣстахъ Кизылъ-кумовъ онѣ рѣдко видѣли человѣка и не привыкли считать его непримиримымъ врагомъ. Онѣ не прятались при нашемъ приближеніи и спокойно небольшими стайками бѣгали вблизи нашей телѣги. Конечно, имъ приходилось платиться за излишнюю довѣрчивость. Послѣ каждаго моего выстрѣла Дарья Сидоровна получала въ свое распоряженіе одного, двухъ, а иногда и трехъ рябковъ или саджъ, которыхъ тутъ же, въ телѣгѣ начинала ощипывать.

Въ тотъ же переѣздъ мы впервые встрѣтили еще одну достопримѣчательность Кизылъ-кумовъ: саксаульную сойку. Пепельно-сѣрая, съ чернымъ хвостомъ, отливающимъ зеленымъ металлическимъ блескомъ, птица эта по складу тѣла, въ дѣй-

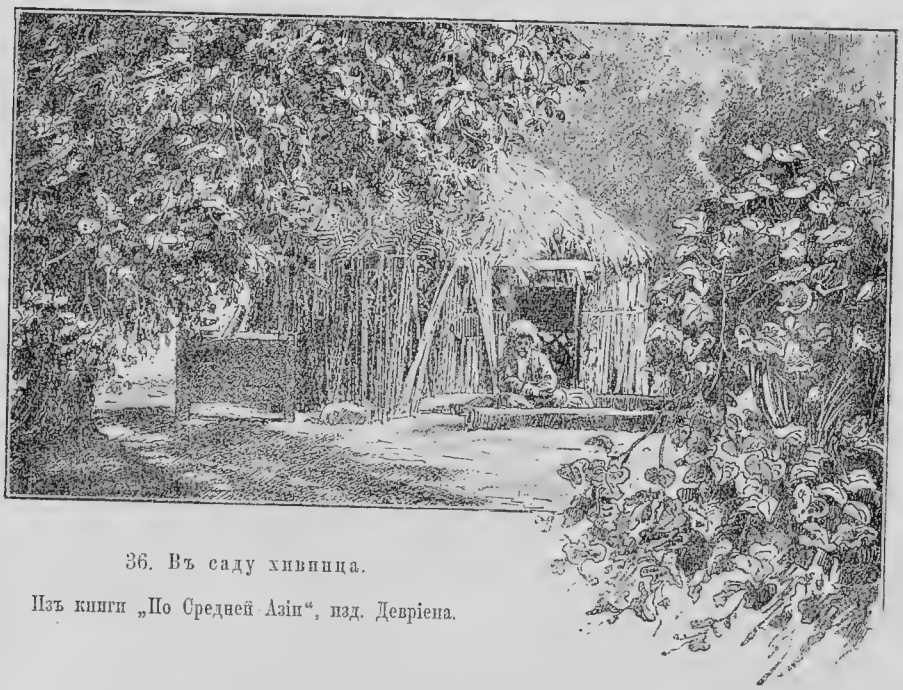
ствительности, походитъ на нашихъ соекъ. Но въ образѣ жизни и повадкахъ ея много своеобразнаго. Если попытаться преслѣдовать ее, она не полетитъ отъ васъ, какъ это дѣлаютъ другія птицы. Вытянувъ голову впередъ, крупной рысью, непомѣрно большими шагами она побѣжитъ по песку по направленію ближайшаго куста саксаула, спрячется за него и оттуда начнетъ выглядывать то по одну, то по другую сторону куста, желая убѣдиться, здѣсь ли еще ея врагъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ саксаульная сойка прибѣгаетъ къ помощи крыльевъ, и то лишь затѣмъ, чтобы взлетѣть на верхушку куста и поглядѣть оттуда на предметъ, который кажется ей подозрительнымъ. Какъ большинство птицъ изъ семейства воронъ, эта сойка кормится всякой всячиной: сѣменами саксаула и астрагаловъ, личинками степныхъ жуковъ, ящерицами и даже падалью.

8-й и 9-й дни дорога шла все также барханами и только изрѣдка выходила на такыры, уцѣлѣвшіе отъ поглощенія летучими песками. Съ утра верхушки холмовъ начинали куриться, къ полудню воздухъ наполнялся летящимъ пескомъ, а къ вечеру становилось опять тихо. Поэтому мы предпочитали идти по ночамъ, останавливаясь днемъ гдѣ-нибудь по серединѣ такыра, чтобы быть дальше отъ песчаныхъ душей. Ночные переѣзды были тѣмъ болѣе удобны, что дневной жаръ смѣнялся тогда большой свѣжестью: намъ приходилось даже надѣвать драповое пальто. Въ этомъ отношеніи Кизылъ-кумы напоминаютъ Сахару, гдѣ иногда днемъ можно печь яйца въ раскаленномъ лучами солнца пескѣ, а ночью замерзаетъ вода. Вечеромъ девятаго дня мы подошли къ третьей и послѣдней станціи въ пустынѣ. До Петро-Александровска оставалось всего около 90 верстъ, и на станціи можно было видѣть нѣкоторые признаки близости человѣческаго населенія, притомъ же русскаго. Прежде всего сторожемъ домика состоялъ русскій, отставной солдатъ. При станціи находилась и домашняя скотина въ видѣ двухъ тощихъ собакъ и одной такой же тощей кошки. Во всемъ остальномъ станція ничѣмъ не отличалась отъ двухъ прежнихъ, то-есть, ничего въ ней не было, если не считать казеннаго самовара. Несмотря на это, мы остались тутъ ночевать. Надо было видѣть то удовольствіе, съ какимъ Дарья Сидоровна встрѣтила эти первые признаки близости Петро-Александровска. Прежде всего она постаралась наверстать 9 дней потерянаго времени, когда ей почти совсѣмъ не приходилось вести никакихъ разговоровъ, если не считать обличительныхъ рѣчей, направленныхъ противъ нашихъ проводниковъ. Словоохотливая отъ природы, она, видимо, очень страдала отъ невозможности вести бесѣду по душѣ; сначала она пыталась заводить разговоры со мной, но вся ея словоохотливость парализовалась моимъ невниманіемъ: я обыкновенно молчалъ, какъ пень. Конечно, и она съ каждымъ днемъ говорила все меньше и меньше, и, наконецъ, прекратила всякія попытки расшевелить меня. Всѣ послѣдствія ея скуки должны были выносить на себѣ все тѣ же проводники. На счастье Дарьи Сидоровны, старикъ сторожъ находился не въ лучшихъ условіяхъ относительно возможности вести разговоры. Его постоянные собесѣдники были, пожалуй, еще менѣе пригодны для этой цѣли, нежели я. Это были двѣ собаки и кошка, единственныя живыя существа станціи, послѣ самого сторожа. Кошка была суха, какъ кошачья мумія египетскихъ катакомбъ, изъ чего можно было заключить, что станціонный домикъ не оживляли своимъ присутствіемъ ни крысы, ни мыши. Пока мы сидѣли за самоваромъ, Дарья Сидоровна съ упоеніемъ разсказывала, какъ мы голодали, какіе „окаянные“ про-

35. Кишлакъ.
Съ фотографіи Г. О. Графтіо.
Кишлаками въ хивинскомъ оазисѣ называютъ сартовскіе домики съ прилегающими садомъ или пашней,—стало быть, нѣчто вродѣ хуторовъ.

водники, какъ они тайли мысль убить ее и непремѣнно убили бы, если бы она не ругала ихъ и не грозила имъ казацкой шашкой. Тутъ только я понялъ, за что моя спутница не взлюбила нашихъ киргизъ. Согласитесь, есть за что не взлюбить.

Подробно она описала случай съ фалангой, а еще подробнѣе разсказала о ящерицѣ. Послѣ полуночи я отправился спать въ свою телѣгу, и долго еще чрезъ растворенное окно доносились до меня отдѣльныя слова двухъ натосковавшихся по бесѣдамъ людей. Я спалъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ станціонныя собаки, должно быть, обѣ, вскочили въ телѣгу и съѣли половину нашихъ сухарей. Это приключеніе не опечалило даже и Дарью Сидоровну, судя по тому, что проводники, кромѣ обычной ежедневной порціи обличительныхъ рѣчей, никакой особой головомойки не получали. Въ самомъ дѣлѣ, до Петро-Александровска оставалось всего два



36. Въ саду хивинца.

Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

дня пути, а бѣдныя собаки безъ нашихъ сухарей не нынче-завтра поколѣли бы съ голоду: до того онѣ были тощи.

На одиннадцатый день, утромъ мы вошли, наконецъ, въ предѣлы Хивинскаго оазиса. Еще издали показались верхушки пирамидальныхъ тополей, выглядывавшихъ изъ за голыхъ гребней песчаныхъ бархановъ. Скоро мы подошли къ садамъ и кишлакамъ, которые узкой лентой на протяженіи верстъ 20 тянутся по берегу Аму-Дарьи до самаго Петро-Александровска. Надо видѣть средне-азіатскіе оазисы, чтобы вполнѣ оцѣнить животворную силу воды. Вода здѣсь все. Почва, способы обработки

ея и климатъ имѣютъ только второстепенное значеніе. Тамъ, гдѣ при помощи арыка изъ Аму-Дарьи удается оросить землю, вы видите живописные сады съ виноградни-

37. Хивинецъ.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

ками, фруктовыми деревьями, аллеями высокихъ тополей; или предъ вами разстилается пашня съ высокой джугарой, хлопчатникомъ, пшеницей или кунжутомъ.

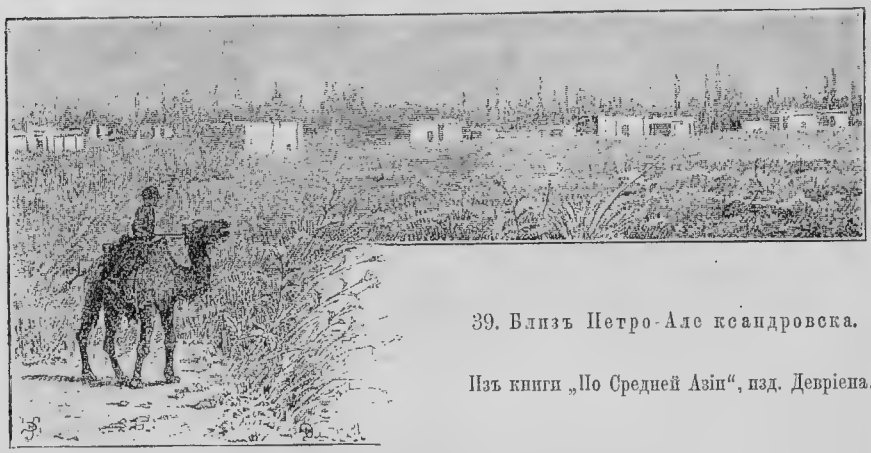
На разстояніи полуаршина отъ орошенной земли начинается безплодная пустыня съ ея песками и солонцами. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ пшеницу, засѣянную между песчаными барханами; она росла даже на сыпучемъ пескѣ, хотя и не достигла здѣсь такого роста, какъ на глинѣ.

Собственно говоря, весь Хивинскій оазисъ представляетъ изъ себя только ту узкую полосу земли по обоимъ берегамъ Аму-Дарьи, куда удалось провести оросительные арыки. Правая сторона принадлежитъ Россіи, лѣвая составляетъ Хи-

38. Джугара.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.
Джугара или сорго—хлѣбное растеніе, достигающее 4 арш. вышины; урожай отъ самъ—50 до самъ—160.

винское ханство. Около полудня мы, наконецъ, добрались до Петро-Александровска. Дарья Сидоровна отыскала своего мужа, а я, бросивъ телѣгу въ первомъ попавшемся домѣ, куда меня пустили остановиться, подъ палящими лучами солнца, еще болѣе безпощадными на улицахъ укрѣпленія, нежели въ пустынѣ, побѣжалъ отыскивать хоть какой-нибудь пищи. Но, увы!.. День оказался не базарнымъ. Базаръ бываетъ здѣсь разъ въ недѣлю, а въ мѣстныхъ лавкахъ не было никакихъ закусокъ, если не считать за таковыя окаменѣлые мятные пряники, монпансье, карамель и

тому подобную дрянь. Съ какимъ удовольствіемъ пожевалъ бы я теперь казалинской колбасы, хотя бы она еще болѣе походила на киргизскія нагайки: но и ея здѣсь не было. Наконецъ, меня выручилъ одинъ офицеръ. Видя мое затруднительное положеніе и въ эту минуту, и впредь, онъ пригласилъ меня къ себѣ жить. На дворѣ у него хорошенькій садикъ съ аллеями пирамидальныхъ тополей, кустами какихъ-то цвѣтовъ и съ журчащимъ арыкомъ. Въ саду цѣлый день ворковали индійскія



39. Близъ Петро-Александровска.

Изъ книги „По Средней Азіи", изд. Девріена.

горлинки, по временамъ свистѣли иволги, а по вечерамъ раздавался мелодическій крикъ хивинскаго сычика.

Здѣсь, въ сравнительно комфортабельной обстановкѣ, скоро были забыты всѣ невзгоды только что пройденнаго пути. Забытъ былъ 11-дневный постъ въ пустынѣ забыты песчаные души, фаланги и всѣ остальныя напасти, которыми Дарья Сидоровна такъ попрекала нашихъ проводниковъ. Однако увлекаться отдыхомъ мнѣ было нельзя: надо было торопиться къ устью Аму-Дарьи.

40. Каюкъ.

II.

Аму-Дарья.

Что такое хивинскій каюкъ. — Аму; ея странствованія. — Берега Аму. — Отъ Нукуса до устья рѣки.—Туган: джида и туранга.—Аму-Дарьинскіе камыши.—Ихъ населеніе: кабанъ, тигръ; фазаны, зеленая щурка и ремезъ.—Птичье царство на озерахъ устья. — Рыбные промыслы на Кукѣ: шипъ; сазанъ. — Вымирающая рыба — лопатоносъ. — Переѣздъ въ Кунградъ. — Хивинскій городъ.

Съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, удалось нанять каюкъ, и то лишь до Нукуса. Второго іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, которые давно ждали случая ѣхать въ Нукусъ, и двухъ гребцовъ хивинцевъ, я, наконецъ, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Прежде всего надо сказать, что такое хивинскій каюкъ. Это — огромное корыто, выдолбленное изъ тополя, съ такими же досками, набитыми по бортамъ. Хотя при этой неуклюжей лодкѣ полагаются весла, но они служатъ только для

того, чтобы направлять движеніе. Каюкъ несется внизъ исключительно благодаря теченію; а вверхъ его тянутъ бичевой.

Аму—великолѣпный гигантскій потокъ, прорѣзающій Туранскую низменность съ сѣверо-востока на юго-западъ. Ни Волга, ни Днѣпръ, никакія другія россійскія рѣки не могутъ дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровска рѣка такъ широка, что противоположный берегъ виднѣется неясно, какъ въ туманѣ; если же смотрѣть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. Эта масса воды несется въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Зубчатыя волны вѣчно бороздятъ поверхность Аму. Это—не тѣ волны, которыя разводитъ вѣтеръ; это сама рѣка несется и скачетъ на каменистому дну, повторяя всѣ его неровности. Кое-гдѣ вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ. Мѣстами, втягивая плывущіе

41. Аму разрушительница.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

предметы, крутятся суводи, замѣтныя издали по своей гладкой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда можетъ сдержать этотъ могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здѣсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать берегъ, обыкновенно правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ башнями, сады—ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваетъ Аму новое русло, можно было видѣть близъ Петро-Александровска. Нѣсколько ниже укрѣпленія изъ рѣки былъ проведенъ арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчики. Аму почему-то полюбился этотъ арыкъ. Она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не про-

шло лѣта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ около версты въ ширину. Сады, кишлаки и пашни, растянувшіяся вдоль этой канавки,—все было подхвачено бѣшеной рѣкой и исчезло безъ всякаго слѣда.

Эта величайшая изъ рѣкъ, протекающихъ по пустынѣ, съ давнихъ поръ славится своими капризами. Извѣстно, что въ прежнее время она впадала въ Каспійское море; затѣмъ почему-то перемѣнила направленіе и стала изливаться въ Аралъ. До сихъ поръ сохранилось древнее русло, такъ называемый Узбой; а въ Красноводскомъ заливѣ на берегу Каспійскаго моря находится мѣсто, представляющее всѣ признаки прежняго устья огромной рѣки. Когда совершился этотъ переворотъ, достовѣрно неизвѣстно; во всякомъ случаѣ,—на столько недавно, что преданія объ Аму, впадающей въ Каспій, до сего времени сохранились въ памяти мѣстныхъ жителей. Существуетъ даже предположеніе, что рѣка повернула въ Аральское море, благодаря неосторожности туземцевъ, перепрудившихъ рукава ея плотинами. Однако многіе ученые сомнѣваются въ справедливости такого объясненія. Эти ученые полагаютъ, что Аму направилась на востокъ къ Аралу вслѣдствіе медленнаго вѣкового повышенія мѣстности между среднимъ теченіемъ рѣки и Каспійскимъ моремъ. Какъ бы то ни было, перемѣна русла не принесла пользы человѣку. Если бы, вытекая съ Памира, Аму впадала въ Каспійское море, она соединила бы центральную Россію со Средней Азіей. Это былъ бы исполинскій путь, по которому русскіе товары шли бы до границъ Афганистана, а среднеазіатскіе товары—на Волгу. Теперь же, впадая въ пустынное Аральское море, откуда нѣтъ никакого выхода, Аму представляетъ изъ себя отрѣзанный ломоть; ея значеніе для торговли ничтожно. Естественно возникаетъ вопросъ: нельзя-ли снова направить рѣку въ Каспійское море. Еще Петръ Великій снарядилъ экспедицію, которая должна была рѣшить его. Экспедиція эта не дошла даже до мѣста назначенія. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ тѣмъ-же вопросомъ занималась большая экспедиція министерства путей сообщенія. Потратили огромныя деньги и всетаки не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ. Тѣ ученые, которые объясняютъ поворотъ Аму вѣковымъ поднятіемъ страны, высказываютъ убѣжденіе, что никакія, даже самыя грандіозныя работы не въ состояніи направить рѣку по древнему руслу. Другіе-же, главнымъ образомъ, инженеры, считаютъ предпріятіе не столь безнадежнымъ и потому продолжаютъ изучать вопросъ на мѣстѣ.

Такова Аму, по которой плылъ теперь нашъ каюкъ.

Какъ быстро мчало его теченіе, можно судить по тому, что, отваливъ отъ укрѣпленія въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, то-есть, проплыли болѣе 200 верстъ; при этомъ мы ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные барханы, которые такъ надоѣли въ Кизылъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; вѣроятно, то были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечные финики. Сады и пашни попадались намъ рѣдко. Очевидно, въ настоящее время хивинскій оазисъ не есть сплошная полоса обработанной земли: скорѣе это цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обонмъ берегамъ рѣки оази-

совъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пустынность береговъ Аму не есть слѣдствіе невозможности оросить ихъ и превратить въ рядъ садовъ и пашенъ.

Туземцы стараются воздѣлывать землю тамъ, гдѣ изъ Аму можно вывести воду безъ особыхъ хлопотъ обыкновеннымъ арыкомъ. Они неохотно поселяются въ тѣхъ мѣстахъ берега, гдѣ для орошенія необходимы водоподъемныя машины. Какъ ни просты эти сооруженія, все же они требуютъ особыхъ расходовъ. По простотѣ эти машины, дѣйствительно, замѣчательны. Представьте себѣ пароходное колесо установленное у берега такъ, чтобы его вращало теченіе. Къ окружности колеса придѣланы ведра, черпающія воду и выливающія ее въ жолобъ. Если прибавить, къ этому, что колесо можно по желанію остановить простымъ бревномъ, то опи-

42. Кипчакъ.
Съ фотографіи Г. О. Графтіо.

саніе машины можно считать оконченнымъ. Такимъ образомъ, при помощи этихъ сооруженій вода сама себя черпаетъ и сама себя поднимаетъ кверху, что возможно, конечно, только при той силѣ теченія, при той стремительности, съ какой Аму торопится добраться до Аральскаго моря. Несмотря на то, что природой даны человѣку всѣ средства, чтобы побѣдить пустыню и превратить ее въ культурныя земли, мы видимъ, что побѣда, по большей части, остается на сторонѣ пустыни. Главная причина этого явленія—малочисленность населенія; къ тому же еще не такъ давно земледѣлецъ могъ постоянно ожидать, что въ одинъ прекрасный день налетитъ на него шайка бродячихъ туркменъ, отрубитъ ему голову, или уведетъ въ плѣнъ. Въ настоящее время, когда разбои, какъ профессія, прекратились, хивинскій оазисъ можетъ ожидать болѣе счастливаго будущаго.

Нукусъ—это маленькая крѣпостца, которая была бы игрушкой гдѣ-нибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здѣсь она держитъ въ страхѣ все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе. Кромѣ небольшого гарнизона, въ Нукусѣ живетъ начальникъ Чимбайскаго уѣзда, къ которому относятся русскія земли внизъ по Аму до самаго моря.

Изъ Нукуса мнѣ надо было плыть дальше въ устье рѣки, въ протокъ Кукъ. Если трудно было нанять каюкъ въ Петро-Александровскѣ, то еще труднѣе найти средства спуститься изъ Нукуса внизъ. Если бы не уральскій казакъ Кожевниковъ, живущій здѣсь въ качествѣ поселенца, мнѣ долго пришлось бы ждать случая. Казакъ этотъ провѣдалъ, что изъ хивинскго городка Ходжейли отправляется внизъ по Аму каюкъ съ товаромъ; владѣлецъ его намѣренъ былъ торговать въ аулахъ, лежащихъ въ устьѣ рѣки, и, между прочимъ, посѣтить протокъ Кукъ.

Наскоро собравшись, въ сопровожденіи Кожевникова, я направился въ Ходжейли. До перевоза насъ довезли на казенной телѣгѣ. Телѣга вернулась назадъ, а мы остались на берегу рѣки драть горло, вызывая съ той стороны лодку. Сначала завопилъ Кожевниковъ и докричался до хрипоты; затѣмъ къ нему присоединился я—и тоже охрипъ; на той сторонѣ не обнаруживалось никакихъ признаковъ движенія. Наконецъ, я началъ стрѣлять и по одному разу, и дуплетомъ; извелъ при этомъ больше пороху, чѣмъ нужно для доброй охоты по бекасамъ. Два съ лишнимъ часа изощрялись мы въ различныхъ попыткахъ обратить на себя вниманіе перевозчика и всетаки не добились толку. Насъ перевезъ казакъ, случайно проходившій мимо. Пока мы возились съ переправой, наступила ночь. Мы должны были заночевать на берегу. Когда мы улеглись спать, явился и перевозчикъ, отлучавшійся куда-то по своимъ домашнимъ дѣламъ. Утромъ, къ счастью, довольно скоро, но такъ же случайно, намъ удалось нанять арбу, и мы потряслись на ней въ городокъ Ходжейли; до него отъ перевоза считаютъ не болѣе шести верстъ. Каюкъ, на которомъ я предполагалъ плыть, еще не былъ готовъ: хозяинъ грузилъ въ него товаръ, собираясь выѣхать только на слѣдующій день. Кожевниковъ вернулся въ Нукусъ, а я остановился у ходжейлинскаго жителя, армянина. Наконецъ. Чулакъ—такъ звали моего будущаго спутника нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякой мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Такимъ образомъ, я очутился въ сообществѣ 7 человѣкъ туземцевъ, одного сарта хозяина и 6 каракалпакъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ ни слова по русски. Къ счастью, съ грѣхомъ пополамъ я умѣлъ объясняться на киргизскомъ нарѣчіи, по крайней мѣрѣ, зналъ съ полсотни самыхъ необходимыхъ словъ. Этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная бесѣда. Я вспомнилъ Дарью Сидоровну. Воображаю, какъ разсердилась бы она, если бы видѣла меня разговаривающимъ съ этими „собаками“,—такъ называла она всѣхъ азіатовъ.

Такъ какъ на суднѣ, гдѣ я былъ пассажиромъ, не полагалось ни буфета, ни прислуги, то о своемъ продовольствіи я долженъ былъ заботиться самъ. По пути Чулакъ приставалъ къ каждому аулу и открывалъ свою лавочку. Если это случалось, не скажу, во время обѣда или завтрака, а просто когда хотѣлось ѣсть, хотя бы и утромъ, я принимался дѣйствовать. Пока Чулакъ съ азіатскимъ краснорѣ-

Туркменъ-хищникъ со своей добычей.

Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

43. Туркмены, переправляющіеся чрезъ рѣку.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

чіемъ распинался за свой товаръ предъ покупателями каракалпаками, я подзывалъ каракалпаченка и объяснялъ ему, что мнѣ нужна курица. Бѣгомъ отправлялся онъ въ юрту, и вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ, съ курицей въ рукахъ, являлась обыкновенно очень старая каракалпачка. Въ здѣшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болѣе 5 копѣекъ за курицу. Уплативъ, что слѣдуетъ, я бралъ ее и немедленно прекращалъ ея существованіе; затѣмъ, продѣлавъ все, что въ этихъ случаяхъ полагается, начиналъ варить супъ. Вмѣстѣ съ этимъ я ставилъ на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ полезнымъ дѣломъ, являлась цѣлая орда каракалпакскихъ дамъ, по большей части старухъ, и дѣтей. Въ рукахъ они держали по курицѣ, а нѣкоторыя даже по двѣ, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось для продажи; но такъ какъ мнѣ и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидѣть старухъ, я давалъ имъ по горсти сухарей, а ребятамъ по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ уносили своихъ куръ.

44. Каракалпакъ въ папахѣ и халатѣ. Изъ „Живописной Россіи," томъ X.

Ночевали мы точно также близъ ауловъ. Едва только начинало смеркаться, появлялись всесвѣтные кровопійцы, — комары. Мои спутники забивались въ наскоро разбитую палатку, а я ставилъ на каюкѣ свой пологъ, который пріобрѣлъ въ Казалинскѣ, зная по опыту, что значитъ ночевать на комарахъ. Хорошо лежать въ пологѣ, когда за его стѣнками раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насѣкомыхъ. Миріады ихъ густымъ роемъ облѣпляютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ дырочки. Вы лежите и слышите яростный гулъ; по временамъ его покрываетъ высокій писк отдѣльнаго комаришки, который вертится около вашего уха по ту сторону тонкой стѣнки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звѣзды, думаете: „Ничего, пищите себѣ, а я буду спать". И дѣйствительно, я спалъ, спалъ такъ, что комары, въ концѣ концовъ, вѣроятно, объявляли меня мертвымъ и отправлялись искать живого человѣка. Утромъ я просыпался, когда каюкъ уже плылъ по серединѣ рѣки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нѣсколько рукавовъ, впадающихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куня-Дарьей, затѣмъ Ишаномъ, и, наконецъ, повернули въ Кукъ.

Въ дельтѣ природа береговъ носитъ иной характеръ, нежели выше Нукуса.

Здѣсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки туги, или прибрежные лѣса джиды и тальника.

Джида — небольшое дерево или скорѣе крупный кустарникъ съ мелкими свѣтло-зелеными листочками и съ мучнистыми сладкими плодами, очень похожими на финикъ. Кромѣ ивы и джиды, въ аму-дарьинскихъ лѣсахъ небольшими рощицами встрѣчается туранга, или разнолистный тополь, названный такъ потому, что верхніе листья его имѣютъ совершенно иную форму, нежели нижніе.

Кое-гдѣ туги прерываются темной зеленью камышей; чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гуще и выше эти камыши, тѣмъ шире захватываютъ они берегъ; мѣстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ холмиковъ, которые тамъ и

45. Туги.

Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

сямъ въ видѣ островковъ торчатъ среди сплошной зелени листьевъ. Цѣлое море темнозеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается предъ вашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не встрѣчаетъ никакихъ неровностей; кое-гдѣ только желтѣютъ гребни этихъ одинокихъ холмовъ, или возвышается отдѣльное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подлѣ васъ порывомъ вѣтра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывавшагося въ камышѣ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массѣ

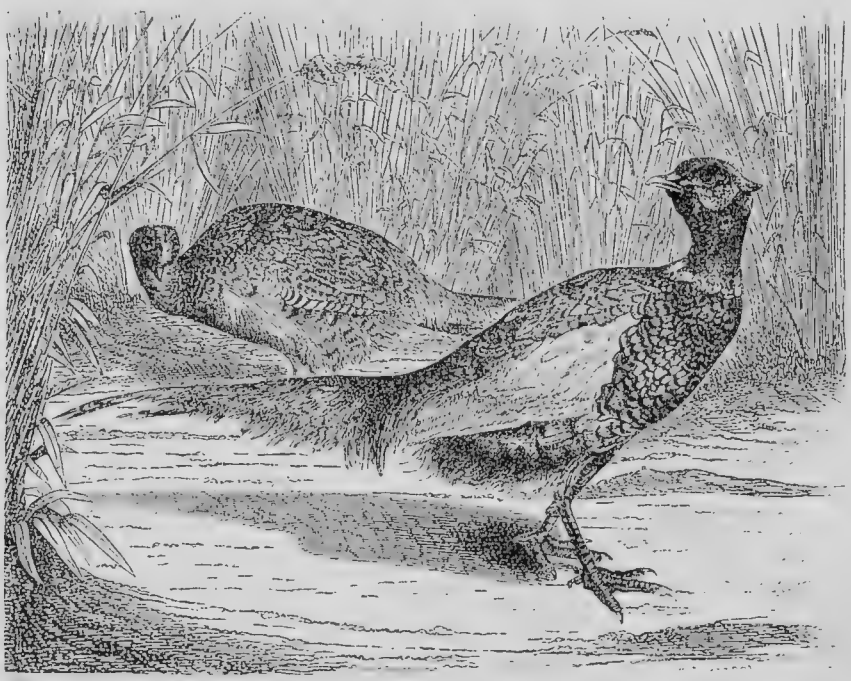
листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здѣшнихъ мѣстъ. Въ нихъ съ успѣхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбѣ,—такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непролазная чаща гибкихъ, упругихъ, какъ сталь, стеблей, увѣнчанныхъ метелкой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой бьютъ ихъ цѣлыми возами. Настоящій хозяинъ здѣшнихъ джунглей однако не кабанъ, а тигръ. Мнѣ не случилось ни видѣть этого звѣря, ни слышать его рева: я видѣлъ только его слѣды, овальныя ямки, оттиснутыя на пескѣ подушками его лапъ. Какъ царь звѣрей, тигръ показывается только за дѣломъ, а дѣла у него много и въ камышѣ. Въ противуположность своему африканскому собрату льву, онъ рѣдко выдаетъ свое присутствіе ревомъ. Только въ ту пору, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной чащѣ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчаніе: это тигровая серенада. Нерѣдко, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ камышѣ можно слышать пронзительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствѣ. Въ Кунградѣ я видѣлъ одного казака, года два тому назадъ на охотѣ имѣвшаго столкновеніе съ царственнымъ звѣремъ. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что тигръ ушелъ невредимымъ, а казакъ на память объ этой встрѣчѣ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицѣ глубокіе слѣды его когтей. Хивинцамъ и каракалпакамъ частенько приходится сталкиваться съ тигромъ, и встрѣчи эти кончаются не всегда благополучно для людей.

46. Кабанъ въ камышахъ.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

Сколько фазановъ въ здѣшнихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдетъ солнце, тамъ и здѣсь по берегамъ рѣки раздается отрывистый крикъ пѣтуха, похожій на сокращенное кукуреку. Вотъ бы направить сюда нашихъ воскрес-

ныхъ охотниковъ въ ихъ модныхъ пиджачкахъ съ иголочки, съ ихъ дорогими двустволками! Воображаю, сколько благородной крови перепортитъ себѣ такой немвродъ въ своемъ охотничьемъ рвеніи. Послѣ тщетной попытки продраться сквозь чащу камыша или колючаго кустарника, изодравъ свой пиджачекъ, исцаранавъ до крови руки, онъ проклянетъ всѣхъ фазановъ на свѣтѣ и броситъ охоту, не убивъ ни одной

47. Тигръ пробирающійся черезъ полосу бархановъ.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.



48. Хивинскій фазанъ среди камышей.
(*Phasianus oxianus*).

птицы. Здѣсь надо умѣть ходить, умѣть пользоваться кабаньими тропами и знать ихъ, здѣсь нужна также сила и привычка ориентироваться въ чащѣ.

Забавна бываетъ охота на фазановъ, когда ихъ много. Идете вы камышемъ или кустарникомъ, вдругъ изъ подъ самыхъ ногъ вашихъ съ крикомъ и шумомъ столбомъ кверху вылетаетъ фазанъ. Дайте ему подняться вверхъ, насколько онъ мо-

49. Фазанъ на взлетѣ.
Изъ книги „По Средней Азіи“, изд. Девріена.

жетъ; затѣмъ, когда онъ начнетъ летѣть по прямой линіи, стрѣляйте. Нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ него въ это мгновеніе,—и, если у васъ достаточно хладнокровія, вы можете въ короткій срокъ настрѣлять десятки фазановъ.

Глупость этой красивой птицы можетъ поспорить съ глупостью индѣйки. Проживая въ непролазной чащѣ камышей, фазанъ воображаетъ, что стоитъ ему при-

таться, и никакой глазъ не откроетъ его присутствія. Разсчетъ этотъ вѣренъ, но только до тѣхъ поръ, пока фазанъ находится въ чащѣ камыша. На свою бѣду, онъ нерѣдко выходитъ на голыя глинистыя полянки, среди которыхъ кое-гдѣ торчатъ чахлые кустики. Завидѣвъ охотника, онъ прячется подъ кустикъ, но прячется такъ, что его красный хвостъ, какъ сигнальный флагъ, видѣнъ безъ малаго за версту. Подъ этимъ прикрытіемъ фазанъ сидитъ до послѣдней возможности, т. е., до тѣхъ поръ, пока охотнику остается сдѣлать еще два-три шага, чтобы наступить птицѣ на хвостъ.

50. Зеленыя щурки.

Такъ же искусно прячутся фазаны, когда сидятъ на вѣтвяхъ джиды, гдѣ частенько лакомятся сладкими ягодами. Мнѣ не разъ случалось заставать ихъ за этимъ занятіемъ. На одномъ деревцѣ сидятъ нѣсколько штукъ фазановъ. Подхожу къ этому обществу шаговъ на двадцать, стрѣляю. Убитый фазанъ валится на землю, а остальные плотнѣе прижимаются къ тонкимъ вѣтвямъ дерева, очевидно, воображая, что ихъ не видно. Стрѣляю второй разъ, падаетъ еще фазанъ. Тогда только оставшіеся въ живыхъ начинаютъ догадываться, что дѣло ихъ плохо, и улетаютъ въ чащу.

Много интересныхъ птицъ водится въ аму-дарьинскихъ камышахъ.

Истиннымъ украшеніемъ здѣшнихъ мѣстъ является зеленая щурка. Она придаетъ пейзажу тропическій оттѣнокъ. Небольшими стайками носятся эти миловидныя птицы надъ камышомъ вблизи воды. По временамъ то та, то другая садится на стебель и тогда совершенно исчезаетъ изъ глазъ наблюдателя. Ея травяно-зеленое тѣло съ заостреннымъ хвостомъ на нѣкоторомъ разстояніи чрезвычайно походитъ на листъ камыша.

На вѣткахъ ивы близъ самой воды нерѣдко приходилось видѣть гнѣзда ремеза. Это—самая маленькая изъ птицъ не только туркестанской, но и всей русской природы. Гнѣздо, имѣющее видъ кошелька съ однимъ входнымъ отверстіемъ, построено изъ пуха ивы. Ремезъ подвѣшиваетъ его на тоненькихъ вѣткахъ ивы надъ самой водой. При такомъ положеніи оно прекрасно защищено отъ всякаго рода враговъ. Ни ворона, ни крыса, никакой другой звѣрекъ не могутъ добраться до гнѣзда, такъ какъ тонкая вѣтка гнется, и любитель птичьихъ яицъ или птенцовъ рискуетъ свалиться въ воду.

Особенное оживленіе царитъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи на озерахъ съ берегами, поросшими камышомъ. Тысячи крачекъ и чаекъ съ крикомъ носятся надъ водою. Стайки черныхъ лысухъ, завидя приближающуюся лодку, спѣшатъ уйти въ камыши. Тамъ и здѣсь среди желтыхъ или зеленыхъ стеблей виднѣются высокія фигуры пурпуровыхъ и бѣлыхъ цапель. По временамъ пролетаютъ мимо черные ибисы или каравайки, бѣлыя колпицы, пеликаны и утки...

12-го іюля, послѣ многочисленныхъ остановокъ съ торговыми цѣлями, Чулакъ, наконецъ, доставилъ меня на Кукскіе рыбные промысла. На Кукѣ нѣтъ постояннаго населенія. Лѣтомъ, во время лова красной рыбы (шипа), сюда съѣзжаются каракалпаки, узбеки, киргизы, русскіе, даже армяне и евреи. Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ, или въ наскоро сколоченныхъ домикахъ и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ. Еще болѣе временный характеръ носятъ жилища каракалпакскихъ рыболововъ на озерахъ дельты Аму. Это просто на просто плоты съ камышевымъ же навѣсомъ. На такихъ плотахъ каракалпаки живутъ среди озера цѣлое лѣто: ночуютъ, варятъ пищу и только изрѣдка на каюкѣ навѣщаютъ сосѣдній аулъ.

На Кукѣ ужъ ждали меня. Мнѣ была поставлена каракалпакская юрта, въ нее внесли кое-какую мебель, и, вообще, замѣтно было желаніе доставить мнѣ нѣкоторый комфортъ. Все это очень удивляло Чулака, и на его толстомъ лицѣ съ заплывшими глазками ясно можно было прочесть: „вотъ тебѣ на!.. я думалъ это казакъ, а это, видно, тюря“...—такъ называютъ туземцы чиновниковъ.

Мой любезный хозяинъ показалъ мнѣ все, что касается мѣстнаго рыболовства. Въ это время порядочно ловился шипъ, единственный представитель красной рыбы въ бассейнѣ Аральскаго моря.

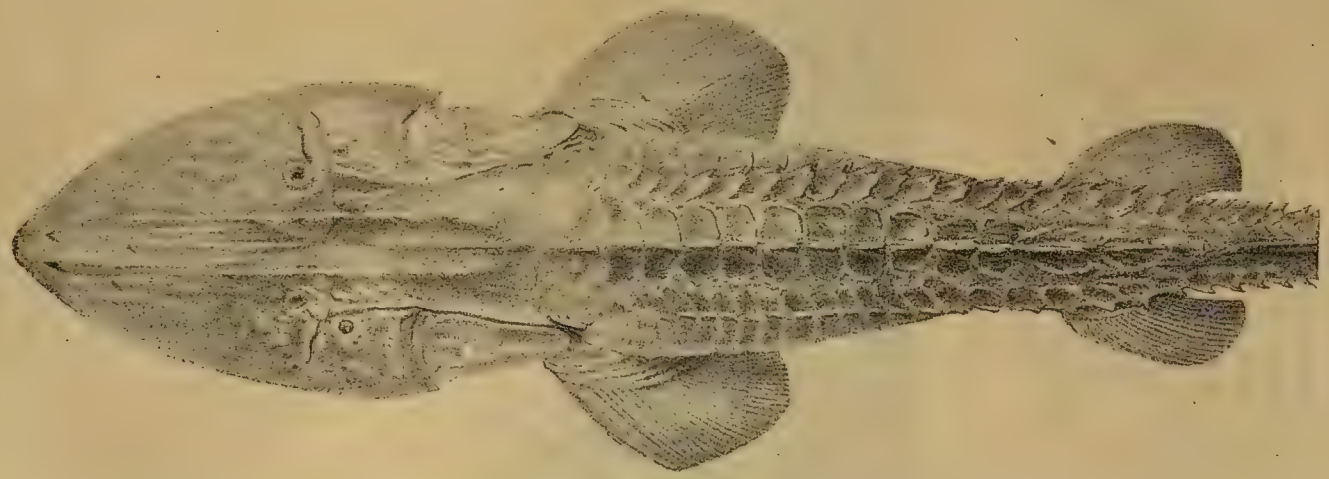
Шиповъ то и дѣло вытаскивали сѣтями; шипы плавали въ садкахъ; за обѣдомъ подавался вареный или жареный шипъ, и даже въ пловъ изъ курицы кухарка моего хозяина не задумалась налить шиповьяго жира. Пойманную рыбу здѣсь сажаютъ въ садки, чтобы выдержать ее до глубокой осени. Тогда ее рѣжутъ и въ свѣжемъ видѣ отправляютъ на верблюдахъ въ Оренбургъ. Остальныя породы рыбъ здѣсь въ полномъ пренебреженіи. Только туземцы ловятъ еще сазановъ, но и то исключительно для собственнаго употребленія. Между тѣмъ сазановъ здѣсь такъ

много, что ими можно было бы прокормить все населеніе Туркестана. Чтобы показать мнѣ, какъ велико обиліе рыбы, мой хозяинъ велѣлъ забросить въ воду небольшой ручной бредешокъ. Не прошло и часа, какъ въ нашей лодкѣ лежало болѣе сотни сазановъ въ полъ-аршина длиной.

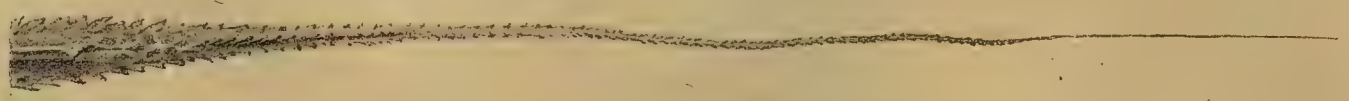
Тѣмъ же бредешкомъ вытащили пару лопатоносовъ. Это—рыба въ высшей степени интересная въ научномъ отношеніи. Она относится къ семейству осетровыхъ, но представляетъ много особенностей. По величинѣ лопатоносъ не больше стерляди среднихъ размѣровъ; вдоль тѣла, какъ у стерляди, тянутся пять рядовъ костяныхъ бляшекъ. Зато носъ его не имѣетъ ничего общаго со стерляжьимъ: широкій, закругленный, похожій на заступъ, носъ этотъ вооруженъ сверху нѣсколькими крючками, назначеніе которыхъ никому неизвѣстно. Еще болѣе странный видъ имѣетъ хвостъ

51. Каракалпакская юрта.

этой замѣчательной рыбы. Верхняя лопасть его переходитъ въ длинную тонкую нить. Интересно географическое распространеніе лопатоноса. Въ настоящее время извѣстны только четыре породы этой рыбы; изъ нихъ одна водится въ Сыръ-Дарьѣ, двѣ—въ Аму-Дарьѣ, и одна не ближе не дальше, какъ въ Америкѣ, въ рѣкѣ Миссисипи. Нигдѣ больше лопатоносъ не встрѣчается. Это удивительное распространеніе объясняется причинами, можно сказать, историческими. Въ пластахъ очень древнихъ эпохъ найдены остатки рыбъ, близкихъ къ лопатоносу. Надо думать поэтому, что и сами лопатоносы представляютъ изъ себя рыбъ древняго происхожденія. Это—животныя далекаго прошлаго, прежнихъ геологическихъ эпохъ, уцѣлѣвшія до нашихъ дней. Въ свое время они процвѣтали и водились, вѣроятно, на всемъ пространствѣ Азіи и Америки. Съ теченіемъ времени лопатоносы стали вымирать, вымерли почти

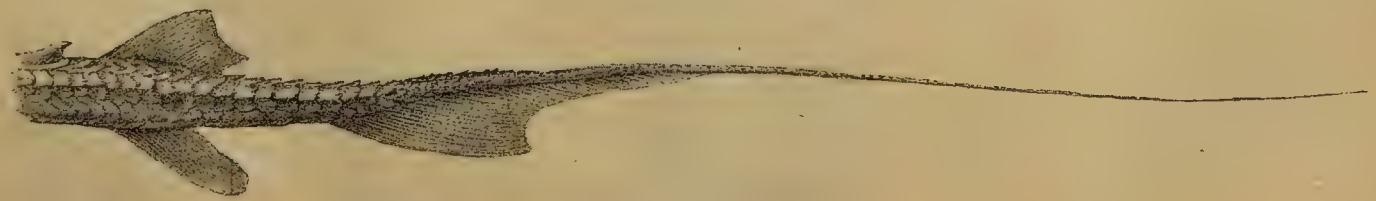


52. Вымирающая рыба **ЛОПАТОНОСЪ**: голова и туловище сверху, въ $^1/_2$ естеств. величины. (*Scaphirhynchus Kaufmanni M. Bogd.*).



53. Хвостъ **ЛОПАТОНОСА** сверху, въ $^1/_2$ естеств. величины.

54. Голова **лопатоноса** сбоку, въ естественную величину.

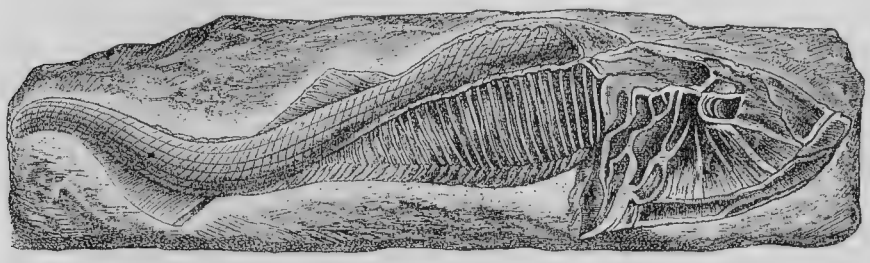


55. Хвостъ **лопатоноса** сбоку.

всюду, за исключеніемъ Миссисипи и рѣкъ Аральскаго бассейна. Почему они уцѣлѣли только въ этихъ рѣкахъ и нигдѣ больше, на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить. Надо полагать, что именно здѣсь они нашли наиболѣе благопріятныя условія для своего существованія; но въ чемъ заключаются эти условія, никто не знаетъ.

Отсюда мнѣ надо было ѣхать въ хивинскій городъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считаютъ около 40 верстъ. Одинъ изъ временныхъ жителей Кука снабдилъ меня лошадью и телѣжкой, а въ качествѣ кучера и проводника послалъ своего 14-ти-лѣтняго сына Васяньку. Васянька былъ бойкій мальчишка, но дорогу зналъ плохо. На первыхъ же пяти верстахъ онъ сбился съ пути, и, чтобы поправить ошибку, поѣхалъ пашней съ неснятымъ еще кунжутомъ. Прибѣжалъ владѣлецъ пашни и задалъ моему кучеру здоровый нагоняй, но этотъ урокъ нисколько не прибавилъ у Васяньки опытности. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, онъ опять сбился съ дороги, и такъ продолжалось до поздняго вечера, когда вдали показались высокіе минареты Кунграда. Но тутъ то, въ концѣ пути, злой рокъ и приготовилъ для насъ самую главную ловушку. Это былъ широкій и глубокій арыкъ, чрезъ который намъ надо было переправиться. Васянька съ храбростью, свойственной его возрасту, въѣхалъ въ эту канаву; но на серединѣ ея лошадь увязла въ вязкомъ днѣ и, несмотря на всевозможныя поощренія, ни за что не хотѣла выбраться оттуда. Она металась изъ стороны въ сторону, билась, попыталась было лягнуть, но изъ этого ничего не вышло; наконецъ, она легла на бокъ. Васянькѣ пришлось лѣзть въ воду, чтобы распречь лошадь, а телѣжка, сколько мы ни старались вытащить ее, такъ и осталась завязшей передними колесами въ грязи. Тѣмъ временемъ стемнѣло, появились тучи комаровъ. Кое-какъ приладили мы пологъ, прикрѣпивъ одну сторону къ заднимъ колесамъ, остававшимся на сухомъ мѣстѣ, а другую къ жиденькому кустику. Затѣмъ, напившись вмѣсто чаю воды съ клюквеннымъ экстрактомъ, мы завалились спать. Но злой рокъ, вѣроятно, разсудилъ, что не стоило ему и хлопотать для того только, чтобы мы выспались, и сталъ дѣйствовать снова. Началось съ того, что лошадь, привязанная къ тѣмъ же заднимъ колесамъ, стала метаться; очевидно, комары слишкомъ старательно занимались своимъ дѣломъ. Пологъ дрожалъ, наконецъ, оторвался отъ кустика и покрылъ насъ съ Васянькой. Пришлось вылѣзать и поправлять бѣду. Ну, думаемъ себѣ, теперь крѣпко, не упадетъ. Только мы успокоились, какъ лошадь сообразила, что сколько ни мечись и ни мотай головой, отъ комаровъ не избавишься. Давай-ка, я поваляюсь — рѣшила она — и дѣйствительно начала валяться. Должно быть этотъ способъ оказался много цѣлесообразнѣе, потому что съ тѣхъ поръ лошадь уже не переставала валяться почти до бѣлой зари. Сквозь прозрачную стѣнку пологa я видѣлъ, какъ нашъ добрый конь, лежа бокъ-о-бокъ со мной, вскидывалъ ноги кверху и поворачивался на спину. Такъ какъ, кромѣ двухъ колесъ телѣжки, вблизи не было никакого предмета, къ которому можно было бы надежно привязать его, мнѣ оставалось только заниматься размышленіями на тему, перекинется ли онъ на мою сторону, или постѣснится присутствія полога. Такого рода соображенія, конечно, не могли оказать на меня снотворнаго дѣйствія. Къ тому же, вся исторія происходила на сыпучемъ пескѣ; лошадь подняла страшную пыль; сквозь рѣдкую кисею пыль проникла и въ пологъ, набилась намъ въ глаза, носъ и ротъ; Васянька началъ чихать, я сталъ кашлять, а лошадь продолжала

валяться. Такъ дѣло тянулось до глубокой ночи, когда комары, испугавшись наступившей прохлады, улетѣли по своимъ домамъ. Навалявшійся вдосталь конь всталъ, и мы подъ слоемъ песку начали было дремать. Но, видно, не суждено было намъ спать въ эту ночь. Скоро мы вскочили и слышимъ: лошадь неистово бьется, а гдѣ-то близко около насъ, можетъ быть, шагахъ во ста, раздается адскій концертъ. Га...га...га...и...и...и... га...га... доносилось до насъ. Звуки переливались, то замирали, то снова раздавались съ удвоенной силой, словно толпа трусливыхъ дикарей пыталась напугать насъ крикомъ, по временамъ прислушивалась, каковъ эффектъ, и снова принималась кричать. Это были шакалы, судя по вою, огромной стаей собравшіеся близъ нашего полога. Не могу рѣшить, чего хотѣли отъ насъ эти трусливые обжоры; если ихъ послалъ злой рокъ, чтобы не дать намъ спать, онъ достигъ своей цѣли. Долго услаждали они нашъ слухъ своимъ пѣніемъ, наконецъ, это намъ надоѣло, я выстрѣлилъ изъ револьвера, и пѣвцы мгновенно замолкли. Воображаю, какъ они удирали! Тѣмъ временемъ стало свѣтать. Какъ только окончательно разсвѣло, и на пашняхъ появились люди, Васянька сбѣгалъ



56. Ископаемая рыба девонской эпохи „цефаласписъ“, похожая на лопатоноса. (*Cephalaspis Lyelli*).

туда и привелъ каракалпака, съ помощью котораго мы вытащили телѣжку изъ арыка.

Кунградъ—типичный среднеазіатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смыслѣ слова въ немъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ, низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навѣсами, обращенными на улицу, и съ дверью, продѣланной подъ навѣсомъ. Наружныя стѣны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходятъ не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случаѣ, если встрѣтятся двѣ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить къ самой стѣнѣ, иначе онѣ не разъѣдутся. Мѣстами съ одной стороны улицы на другую поверхъ крышъ положены жерди, а на нихъ набросаны вѣтви, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Вотъ какова физіономія Кунграда. Совершенно тотъ же обликъ имѣютъ и всѣ другіе хивинскіе города, не исключая, какъ говорятъ, и столицы ханства. Какъ всѣ азіаты, кунградскіе жители ведутъ уличную жизнь; въ особенности большое оживленіе царитъ на базарѣ. Здѣсь по обѣ сто-

роны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами, съ лошадиными окороками, висящими подъ навѣсомъ, и съ тучами мухъ, носящихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ точаетъ азіатскія калоши. Напротивъ, черезъ улицу лежатъ груды арбузовъ, дынь, луку и другой зелени; тутъ же въ одномъ домѣ примостился мастеръ, деревяннымъ штампомъ набивающій аляповатые узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встрѣтите заводъ кунжутнаго масла, такую же мазанку, какъ и всѣ; сквозь растворенныя двери ея видѣнъ верблюдъ, вращающій шестъ въ большой деревянной ступѣ. Рядомъ продаютъ кирпичный чай, чуреки, т. е., прѣсныя лепешки, рисъ, какіе-то сухіе корешки и травы, развѣшанныя гирляндами, какія-то снадобья въ видѣ порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанъ съ дымящимися

57. Крытая улица въ Кунградѣ.

котлами и съ запахомъ горѣлаго сала. Картину дополняетъ пестрая толпа суетящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыхъ халатахъ, и каракалпаки; вонъ чернѣетъ огромная яйцевидная папаха туркмена, а вотъ и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толпу замѣшался одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградѣ... Все это споритъ, прицѣнивается, кричитъ; гдѣ-то скрипитъ верблюдъ, пищитъ козленокъ, и весь этотъ содомъ покрываетъ оглушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мѣдной посудѣ. Въ Кунградѣ меня пріютилъ агентъ россійскаго общества транспортированія кладей. Какъ спеціалистъ по части путей сообщенія въ здѣшней мѣстности, онъ помогъ мнѣ снарядиться въ дальнѣйшую дорогу.

III.

Усть-Уртъ.

Отъѣздъ изъ Кунграда.—Путешествіе въ корзинкѣ.—Подъемъ на Усть-Уртъ.—Видъ на Аральское море.—Исторія Кривохижина.—Рыболовство на Аралѣ.—Мертвая степь.—Животныя степи: жаворонокъ, грифы, сайга.—Степная полынь.—Выносливость нашихъ верблюдовъ.—Распредѣленіе нашего дня.—Степныя ночи.—Встрѣчи съ киргизами.—Темирское укрѣпленіе.

Наставало время подумать о возвращеніи домой въ Петербургъ. Спрашивается какъ надо ѣхать, чтобы по пути завернуть въ Астрахань? По картѣ этотъ вопросъ рѣшается очень просто. Отъ Кунграда перевалить черезъ степь, раздѣляющую Аралъ отъ Каспія, на Каспійскомъ морѣ сѣсть на судно—и прямо въ Астрахань. Первоначально я предполагалъ вернуться домой именно этимъ путемъ. Мнѣ было извѣстно, что отъ Кунграда до залива Яманъ-Айракты на Каспійскомъ морѣ можно прекрасно пройти на верблюдахъ. Этой дорогой, только въ обратномъ направленіи, генералъ Черняевъ проѣхалъ даже въ коляскѣ, конечно, съ запасомъ фуража для лошадей; сюда же направляли въ то время партіи новобранцевъ, идущихъ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Правда, мнѣ было извѣстно и то, что на пустынномъ заливѣ Яманъ-Айракты я рисковалъ засѣсть на неопредѣленно долгое время, такъ какъ ни пароходы, ни другія торговыя суда туда не заходятъ. Но я имѣлъ маленькую надежду на гурьевскихъ и астраханскихъ ловцовъ, промышляющихъ тамъ рыбу; они могли бы доставить меня въ Гурьевъ, или прямо въ Астрахань. Отчего бы не попытать счастья? Въ случаѣ, если бы ихъ тамъ не оказалось, я могъ бы заставить своего возчика везти меня дальше до форта Александровскаго на Мангышлакѣ, откуда уже ходятъ пассажирскіе пароходы. Все бы, повидимому, хорошо, да на бѣду въ то время такъ называемый черняевскій путь отъ Кунграда на Яманъ-Айракты былъ уже заброшенъ, и въ Кунградѣ не нашлось ни одного возчика, который зналъ бы эту дорогу и взялся бы везти по ней. Мой хозяинъ созвалъ всѣхъ извѣстныхъ ему караванбашей—такъ называются лица, занимающіяся поставкой верблюдовъ и проводниковъ;—но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возчика, желающаго везти на Каспійское море. Зато ничего не было легче, какъ нанять верблюдовъ на путь отъ Кунграда прямо на сѣверъ мимо Аральскаго моря чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здѣсь приходится идти верстъ 700 до Темирскаго укрѣпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно ѣхать уже на почтовыхъ. Правда, сравнительно съ черняевскимъ путемъ, по этой дорогѣ надо сдѣлать безъ малаго двѣ тысячи верстъ лишнихъ. Все же это было лучше, нежели возвращаться назадъ въ Петро-Александровскъ, а оттуда въ Казалинскъ: во-первыхъ, верстъ на 800 ближе; а во-вторыхъ, какой интересъ тащиться знакомыми мѣстами, да еще по кизылъ-кумской песочницѣ?

Стало быть, чрезъ Темирское укрѣпленіе на Оренбургъ! Я охотно отмѣтилъ бы предстоящій мнѣ маршрутъ названіями промежуточныхъ пунктовъ, да никакихъ

другихъ пунктовъ по дорогѣ не существуетъ. На подробныхъ картахъ, впрочемъ, вся степь на сѣверъ отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто „урочища“, т. е., участки степи, въ предѣлахъ которыхъ кочуютъ опредѣленные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены здѣсь даже озера; но отъ нихъ не осталось и лужъ: все высохло, и только послѣ таянія снѣговъ—на мѣсяцъ, или на два—на ихъ мѣстѣ скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаетъ въ концѣ лѣта. Къ этому надо прибавить, что отъ Эмбенскаго укрѣпленія также не осталось и слѣда: оно давнымъ-давно упразднено.

Итакъ, мнѣ предстояло то же удовольствіе путешествія по пустынѣ, какое привелось испытать въ Кизылъ-Кумахъ, съ тою только разницей, что на этотъ разъ не могло быть и рѣчи о телѣгѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога имѣетъ видъ вьючныхъ тропинокъ съ крутымъ подъемомъ и спускомъ. Нечего было думать и о верховыхъ лошадяхъ, потому что на пути нѣтъ для нихъ подножнаго корма. Только одни верблюды, оправдывая свою славу „кораблей пустыни“, могутъ довольствоваться той чахлой полынью, какая растетъ на протяженіи 10 — 15 дней караванной дороги. Если Кизылъ-Кумы въ лѣтнее время почти безлюдны, то степь между Араломъ и верховьями Эмбы въ ту же пору абсолютно пуста: кромѣ изрѣдка проходящихъ каравановъ, здѣсь, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, не попадается ни единой живой души. Въ концѣ лѣта, когда высыхаютъ хаки или степныя лужи, путешественникъ по трое сутокъ не встрѣчаетъ ни капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мѣстность, съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что тамъ ничего нѣтъ, и этого будетъ достаточно, чтобы дать довольно полное представленіе о ней. Нѣтъ ни людей, ни животныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, нѣтъ даже настоящей земли: одна твердь небесная, да голая, растрескавшаяся на солнцѣ глина. Этимъ то живописнымъ пейзажемъ, мнѣ предстояло любоваться съ высоты верблюжьяго горба не менѣе двухъ недѣль, въ сообществѣ одного проводника киргиза. Жутко!—скажете вы. Великолѣпно!—подумалъ я, слѣзая съ верблюда въ Темирскомъ укрѣпленіи... Однако не станемъ забѣгать впередъ.

Благодаря участію моей любезной хозяйки, заготовка провизіи скоро была окончена. Основной продовольственный фондъ и въ этотъ разъ должны были составлять сухари, чай и сахаръ. Но такъ какъ я не собирался спасаться, и такъ какъ сухари едва ли лучше акридъ, а сахаръ, несомнѣнно, хуже меда, хотя бы и дикаго, то, очевидно, надо было позаботиться о чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Вотъ тутъ-то меня и выручила моя хозяйка.

Она приготовила мнѣ тоже нѣчто въ родѣ пеммикана, даже двухъ сортовъ, но только не по киргизскому способу (сохрани Богъ!), а по своему собственному. Одинъ сортъ приготовляется такъ: куски сырого мяса безъ жира опускаютъ на нѣсколько секундъ въ крѣпкій кипящій разсолъ, затѣмъ сушатъ ихъ въ духовой печкѣ. Другой сортъ представляетъ мясной фаршъ, слегка поджаренный, а потомъ высушенный въ печкѣ. И то и другое мясо оказалось превосходнымъ: въ теченіе дороги оно нисколько не измѣнило своихъ свойствъ и на вкусъ мало чѣмъ отличалось отъ свѣжаго мяса. Хивинскіе купцы, отправляющіеся въ Оренбургъ, берутъ съ собой въ особыхъ клѣткахъ живыхъ куръ; но это мнѣ показалось слишкомъ большой роскошью для путешествія въ пустынѣ. Деревянную флягу для воды я оставилъ

въ Петро-Александровкѣ. По этой части я имѣлъ въ виду слѣдующую комбинацію: у меня была большая полутораведерная банка со спиртомъ, задѣланная въ толстый деревянный ящикъ; это та самая банка, куда, по договору съ Дарьей Сидоровной, я обязанъ былъ сажать ящерицъ, змѣй и другихъ „гнусовъ“; тамъ же лежали у меня аму-дарьинскія рыбы. Всѣ эти драгоцѣнности я запаялъ въ особую жестянку, а банку, въ виду ея несомнѣнныхъ достоинствъ, а въ особенности въ виду ея стекляной притертой пробки, я произвелъ въ званіе сосуда для воды. Лично для меня со всѣмъ багажемъ достаточно было одного верблюда, другой нуженъ былъ для проводника съ его пожитками, а третьяго я взялъ про запасъ, на случай, если бы одному изъ первыхъ вздумалось покончить свое существованіе въ дорогѣ. Чтобы не сидѣть верхомъ, я пріобрѣлъ для себя особую корзинку съ навѣсомъ, сдѣланную

58. Въ хивинской деревнѣ.

изъ досчечекъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно сидѣть, протянувъ ноги впередъ; если же согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формѣ кузовъ крытыхъ дѣтскихъ колясокъ, подвѣшивается сбоку верблюда; съ другой стороны горба она уравновѣшивается кладью. Необходимо, чтобы съ обѣихъ сторонъ верблюда грузъ имѣлъ, хотя бы приблизительно, одинаковый вѣсъ: иначе одна сторона станетъ перетягивать, и весь вьюкъ можетъ свалиться. Весь мой багажъ вмѣстѣ съ банкой для воды былъ связанъ въ одинъ тюкъ, который своей 4-пудовой тяжестью почти какъ разъ соотвѣтствовалъ вѣсу корзинки вмѣстѣ съ ружьемъ и со мною.

Снарядившись такимъ образомъ, мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ Ахметомъ. Это было 12 іюля. Про-

ходя по базару, я захватилъ съ собой десятокъ дынь, для которыхъ здѣсь же купилъ большой очень толстый шерстяной мѣшокъ мѣстной работы. Правда, дыни отъ тряски испортились уже на второмъ переходѣ, но мѣшокъ сослужилъ мнѣ впослѣдствіи тройную службу. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города. Дальше мы поплелись вдвоемъ съ Ахметомъ.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, то же самое будетъ съ нимъ и на верблюдѣ, въ особенности, если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе на счетъ устойчивости вьюка моего верблюда. Вдругъ все это полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ; а что, если я окажусь внизу, и съ высоты горба на меня обрушится 4-пудовый тюкъ, этотъ ящикъ съ острыми ребрами, окованными желѣзомъ... Ну, будетъ исторія!—думаю себѣ. Однако всѣ эти страхи скоро миновали, да и тошнота прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически, съ правильностью метронома, шагали верблюды; съ тою же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я изображалъ собою не больше, какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого надо было остановить и положить его. Сквозь овальное отверстіе навѣса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ-за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крышки, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно донималъ запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ, или даже на ходу, онъ норовилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала, и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась кверху, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ словомъ, грозило сальто-мортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогонялъ несносную животину; но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя чесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и, вообще, этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшаго Айбугирскаго залива. Еще не очень давно онъ изображался на картахъ настоящимъ заливомъ, вдающимся вглубь степи отъ южнаго конца Аральскаго моря. Теперь онъ высохъ совсѣмъ, такъ что тамъ, гдѣ еще недавно жили морскія ракушки и плавали рыбы, теперь растетъ колючка и бѣгаютъ фазаны. Вообще, какъ извѣстно, Аральское море сохнетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Если бы не Аму- и Сыръ-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды.

Въ концѣ 2-го дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы поднялись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Аралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Ну, ужъ и видъ! ну, ужъ и море! Это та же пустыня, какъ степи вокругъ его, только пустыня водная. Когда мы взошли на Усть-Уртъ, было

59. На верблюдѣ—въ корзинкѣ.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

тихо. Какъ зеленое стекло, блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки, никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. На сколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно щебетанія птицъ, не стрекочутъ кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, здѣсь голая глина. Суда Аральской военной флотиліи, вѣроятно, были первыми съ сотворенія міра судами, которыя стали бороздить поверхность открытаго моря, а команда ихъ была первыми людьми, которыхъ видѣли антилопы и лисы, живущія на необитаемомъ островѣ „Николаѣ“. Какъ этотъ островъ, такъ и нѣкоторые другіе были открыты и названы нашими моряками. Поэтому на картѣ Арала среди тюркскихъ именъ, вродѣ Барса-Кельмесъ, Кугъ-Аралъ и другихъ,

встрѣчаются и русскія: островъ Лазарева, заливъ Чернышева и проч. Съ тѣхъ поръ, какъ флотилію упразднили, а пароходы и баржи ея вытащили на берегъ въ Казалинскѣ, море снова опустѣло.

Въ 1876 г. фирма бр. Ванюшиныхъ снарядила было на Аралѣ два морскихъ судна съ цѣлью рыболовства, но дѣло скоро лопнуло и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ. Но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ концомъ. Эта исторія стоитъ того, чтобы разсказать ее.

Кривохижинъ построилъ морское судно по типу каспійскихъ кусовыхъ, съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой изъ 5 человѣкъ онъ отправился въ Кунградъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался въ Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ „Николай“ за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 коп. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова кусовая сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. Нимало немедля всѣ участники плаванія перебрались на берегъ, перетащили туда все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безпечности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ, никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу. Поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова представляетъ клочекъ той же пустыни, какая на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ. Хорошо еще, что на „Николаѣ“ нашлась прѣсная вода: могло и не быть ея. Къ счастью, въ командѣ Кривохижина было двое киргизъ. Они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи, чочмулдукѣ *), у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнѣ съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло быть продолжительнымъ. Приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей надежды на помощь со стороны. Флотилію въ то время уже упразднили, и на Аралѣ, кромѣ той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше ни меньше, какъ на душегубкѣ, бывшей при суднѣ. Лодчонку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто вродѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ пролѣзть человѣкъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ

*) Megacarpoea laciniata.

запасъ чочимулдука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, причемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ такомъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней носились по морю. Уже въ началѣ пути задулъ сильный вѣтеръ, волны перекатывались поверхъ лодки, и, если бы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку; руль все-

60. Усть-Уртъ.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія, не хватило чочимулдука; онъ былъ съѣденъ до послѣдняго клубня; вода также была вышита. Какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была уже не за горами, выпалъ легкій дождь. Путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей. Но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизылъ-Кумы. Долго тащились они по сыпучему песку. Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили вер-

блюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости, онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, оставшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казалинскъ, онъ телеграфировалъ въ Петербургъ Обществу спасанія на водахъ. Но что могло сдѣлать Общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю. Кривохижинъ однако не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избыткѣ провизіи и съ большой командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ всетаки Кривохижинъ выбрался въ открытое море. Но скоро кусовую затерло льдомъ уже недалеко отъ „Николая“, именно, у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова „Николая“. Но уже было поздно. На берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ, стояла на мели кусовая; на землѣ, близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на небольшомъ возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій. Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шесть мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ. Послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздавшаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели кусовую и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ. Съ тѣхъ поръ у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

Въ устьѣ Сыръ-Дарьи я видѣлъ его злосчастную кусовую; она уже была вытащена на берегъ. Ея ободранный видъ, уныло отвисшія ванты производятъ удручающее впечатлѣніе. Впрочемъ, такому впечатлѣнію, вѣроятно, больше всего способствуетъ сознаніе, что это та самая кусовая, которая предала довѣрившихся ей людей.

Такова эта печальная исторія. Трагическій исходъ ея, конечно, не больше, какъ несчастная случайность, которая, надо думать, не остановитъ другихъ предпринимателей. Съ увеличеніемъ русскаго населенія въ Туркестанѣ и Закаспійской области Аральское море еще можетъ ждать болѣе свѣтлой будущности. Несмотря на свой пустынный видъ, оно очень богато рыбой. Правда, изъ осетровыхъ здѣсь водится одинъ только шипъ, нѣчто среднее между осетромъ и стерлядью; но частиковая рыба живетъ въ Аралѣ, какъ въ садкѣ. Сазанъ, усачъ, лещъ, судакъ, шемая и другія наши обыкновенныя породы водятся здѣсь въ несмѣтномъ числѣ. Въ настоящее время промыселъ сосредоточивается въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, откуда рыба вывозится, главнымъ образомъ, въ Оренбургъ. При первобытныхъ путяхъ сообщенія, доставка ея на верблюдахъ обходится слишкомъ дорого. Поэтому теперь перевозятся только наиболѣе цѣнные продукты, именно, шипъ, его икра, клей и вязига, а также шемая. Всѣ остальныя рыбы ловятся почти исключительно для мѣстнаго потребленія въ количествѣ очень незначительномъ. Можно ожидать,

что въ недалекомъ будущемъ это нетронутое рыбное богатство найдетъ прекрасный сбытъ среди увеличивающагося съ каждымъ годомъ населенія южнаго Туркестана и Закаспійской области.

Берегомъ Арала мы шли не болѣе часу. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились вглубь степи. Потянулись дни за днями; началась однообразная дорога; завтра, какъ сегодня; послѣ-завтра, какъ завтра; все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и голая, какъ ладонь. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади и, куда ни взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба.

Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнетъ грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, такъ тѣни, промелькнули три антилопы сайги и, какъ бы растаявъ, скоро исчезли въ пустынѣ. Гдѣ-то по серединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупа павшаго верблюда. Вотъ и всѣ обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значатъ „корабли пустыни“. Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшней степи.

Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ ужъ гола, какъ кажется съ перваго взгляда: на ней все-таки есть растительность. Но что это за растительность! Кое-гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ вершковъ, и, во всякомъ случаѣ, не болѣе четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ сама глина; поэтому онѣ и незамѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же, нельзя сказать, чтобъ былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу. Мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина.

Вотъ этимъ то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ долженъ онъ сдѣлать, сколько верстъ нужно пройти ему по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали обыкновенно вскорѣ послѣ полуночи. Начнется разсвѣтъ, я ужъ выспался въ своей корзинкѣ; а верблюды все еще идутъ. Опять засну, снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ да идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить обѣдъ, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды; на остановкахъ, хотя и безъ вьюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая призраки пищи. Едва-ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши „корабли пустыни“. Что же дѣлали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествѣ спеціалиста по пустыннымъ дѣламъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ движенія. Онъ назначалъ мѣсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодцевъ, зналъ дорогу, или, вѣрнѣе, чутьемъ угадывалъ, куда надо идти; мѣстами не было никакого подобія тропинки. Чѣмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его

знаетъ. Ночью, должно быть, звѣздами, или вѣтромъ, съ вечера до утра дующимъ здѣсь въ одномъ направленіи; а днемъ, вѣроятно, солнце показывало ему дорогу. а, можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки, какъ знать?

Киргизы, какъ истыя дѣти пустыни, знаютъ ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдѣ для посторонняго природа пустыни молчитъ, киргизъ ясно слышитъ ея голосъ. Могъ ли я послѣ этого вмѣшиваться въ распредѣленіе времени въ дорогѣ? Положимъ, я хочу ѣхать, а Ахметка заявляетъ, что въ этомъ мѣстѣ надо идти только въ то время, когда солнце будетъ на три нагайки отъ земли, или когда Джитты-карабчи [1]), Большая Медвѣдица, своимъ хвостомъ подойдетъ къ землѣ на высоту трехъ верблюдовъ. На вопросъ—почему? онъ можетъ отвѣтить, что въ такомъ только случаѣ на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу, или на остановкѣ кормъ будетъ лучше. Глядишь, такъ оно и выходитъ! Словомъ, Ахметкѣ и книги въ руки.

Обыкновенно еще задолго до разсвѣта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкѣ и со словами „тамыръ [2]), айда!“, дергалъ меня за ногу. Это означало, что „тамыръ“ долженъ былъ вставать и идти вьючить верблюдовъ. „Тамыръ“ вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затѣмъ подставлялъ подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ вьюкомъ корзинку. Покряхтѣвъ, сколько надо было для связыванія, „тамыръ“ получалъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, затѣмъ залѣзалъ въ свое висячее логово, Ахметка на свое, верблюды, колыхнувшись три раза, вставали, и караванъ выступалъ въ путь... Скрючившись въ три погибели, укачиваемый въ своей люлькѣ, я обыкновенно засыпалъ. Сквозь сонъ я думалъ объ Ахметкѣ: каково-то ему бѣдному сидѣть верхомъ на горбѣ, когда такъ хочется спать? Однако, проснувшись какъ-то на разсвѣтѣ, я совершенно успокоился на этотъ счетъ, увидѣвъ, что и Ахметка не даетъ маху. Со свѣсившимися внизъ головой, руками и ногами, обнявъ ими кошемную площадку на горбахъ, лежа спиной кверху, онъ спалъ, и спалъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ запасный верблюдъ рысцой поравнялся съ нимъ и, сгорая желаніемъ почесаться, пнулъ бокомъ его сидѣнье. Тогда и я свернулся зигзагомъ и тоже заснулъ, только одни верблюды продолжали бодрствовать и шли себѣ да шли по пробитой тропинкѣ.

Во время остановокъ приходилъ мой чередъ обнаруживать свои таланты. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ дѣлъ единственное, не выходившее изъ предѣловъ моего пониманія занятіе было кулинарное дѣло, но зато во всемъ его объемѣ, начиная съ добыванія топлива. Пока Ахметка возился съ верблюдами, удовлетворяя ихъ справедливыя требованія, я забиралъ шерстяной мѣшокъ, взятый первоначально для дынь, и отправлялся собирать верблюжій кизекъ. Дѣло это было простое, въ особенности, если мы стояли у колодца, гдѣ каждый караванъ оставляетъ по себѣ слѣды. Гораздо труднѣе набрать здѣсь сухихъ полынныхъ былинокъ для растопки, а еще труднѣе разжечь кизекъ. Такъ какъ погода была по большей части тихая, приходилось раздувать костеръ, и я дулъ, дулъ до тѣхъ поръ, пока глаза не начи-

[1]) *Джитты-карабчи* въ переводѣ значитъ семь воровъ. Эти семь воровъ, по представленію киргизъ, бѣгаютъ вокругъ желѣзнаго кола (Темиръ-кызы) или полярной звѣзды.

[2]) Тамыръ—парень или господинъ.

нали обнаруживать несомнѣннаго желанія выскочить на лобъ. Тогда приходилъ Ахметка и тоже дулъ и до тѣхъ же самыхъ поръ. При такомъ усердіи кизекъ, ко-

61. Сайга.
(*Antilope saiga Pall.*).

нечно, разгорался, и я начиналъ варить нѣчто вродѣ каши изъ риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственнаго изобрѣтенія оказывалось готовымъ, мы постилали, вмѣсто ковра, все тотъ же шерстяной мѣшокъ и начинали

ѣсть. Ѣли мы съ одинаковой готовностью уничтожить свою порцію до тла. Затѣмъ принимались за чай. Вотъ по этому пункту наши взгляды съ Ахметкой расходились. Я, какъ это и слѣдуетъ, относился къ чаю, какъ къ напитку; поэтому пилъ его съ клюквеннымъ экстрактомъ; выходило освѣжительно, да и соленый вкусъ колодезной воды скрадывался. Ахметка же видѣлъ въ чаѣ нѣчто вродѣ похлебки; поэтому норовилъ, чѣмъ только возможно, сдабривать его. Для этой цѣли онъ везъ съ собой небольшой кожаный турсучекъ съ жидкимъ бараньимъ саломъ. Въ чай же онъ клалъ сухари, и, если была подъ руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но, я думаю, она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно таки тошно смотрѣть, какъ Ахметка, причмокивая, пилъ это пойло; поэтому мнѣ очень хотѣлось научить своего полудикаго спутника пить чай, какъ чай, и я предложилъ вмѣсто сала прибавлять клюквеннаго экстракта. Сначала Ахметка подозрительно относился къ этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснилъ, что это, дескать, „бульдрюгунъ“ (ягода), онъ рѣшился сдѣлать опытъ.

„Якши?“ (хорошо?)—спрашиваю я. — „Якши“,—отвѣчаетъ Ахметка и вслѣдъ за этимъ въ тотъ же чай наливаетъ съ полстакана сала.

„Якши?“ любопытствую я опять. — „Чокъ якши“ (очень хорошо),—говоритъ Ахметка, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было дѣйствительно „чокъ якши“, потому что съ тѣхъ поръ мой ученикъ неизмѣнно придерживался этого нового способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Что касается нашего туалета въ дорогѣ, у Ахметки его не полагалось, да и я очень скоро приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки; это было все, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось въ особенности потому, что ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался. Хотя дыру завязали веревкой, но онъ снова прорвался въ другомъ мѣстѣ, и мы остались при одной моей банкѣ. Лично я былъ даже доволенъ этимъ приключеніемъ съ турсукомъ: судите сами, какая вода должна быть, если она пробудетъ дня два-три на солнцѣ, въ мѣшкѣ, сдѣланномъ изъ цѣльной бараньей шкуры. Не было бы большой бѣды, если бы вода только нагрѣвалась; но она пріобрѣтала запахъ сырой подгнившей кожи; мелкіе охлопки кожи плавали въ ней въ такомъ изобиліи, что она теряла всякіе признаки прозрачности. Если прибавить, что сама по себѣ она имѣла солоноватый вкусъ, этого будетъ достаточно, чтобы составить представленіе о томъ пойлѣ, которое находилось въ ахметкиномъ турсукѣ. Никакіе экстракты въ мірѣ не въ состояніи были бы сдѣлать такую воду годной для питья. Впрочемъ, Ахметка пилъ и говорилъ: „якши“. На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили „хакъ“. Это была лужа не больше обѣденнаго стола и въ $1^1/_2$ вершка глубиной, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленцой плѣсени, но, къ моему удивленію, вода, сравнительно съ колодезной, оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ, она имѣла совершенно

прѣсный вкусъ, а легкому букету плѣсени можно было не придавать особаго значенія.

Стало быть, насъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что мы черезчуръ занимались своей внѣшностью. Это еще виднѣе будетъ, если прибавить, что, согласно примѣру Ахметки, я спалъ не раздѣваясь и всѣ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умывалъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по киргизски. Какъ можно спускаться до степени номада, хотя бы и въ пустынѣ!—можетъ замѣтить по этому поводу досужій моралистъ. Не лучше ли было бы,—прибавитъ онъ,—своими европейскими привычками, по крайней мѣрѣ, хоть чистоплотностью, подавать примѣръ киргизу? Виданое-ли дѣло не умываться въ теченіе двухъ недѣль! Все это, можетъ быть, и такъ, но только посмотрѣлъ бы я на этого моралиста въ то время, когда, проживъ среди лѣта нѣсколько дней подъ открытымъ небомъ въ степи, онъ вздумалъ бы умыть свою выхоленную физіономію. Воображаю, какой подниметъ онъ крикъ на всю пустыню, когда лицо его начнетъ горѣть, какъ въ огнѣ, а кожа станетъ лупиться, какъ у ящерицы. А это всегда бываетъ, если въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились мы съ Ахметкой, обращать вниманіе на чистоту своей физіономіи, да еще прибѣгать къ помощи мыла. Вотъ зубами мы могли бы щегольнуть съ успѣхомъ. Что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ степи и у меня они пріобрѣли извѣстную киргизскую особенность, именно, сдѣлались бѣлы, какъ слоновая кость, хотя я не чистилъ ихъ ни разу. Между тѣмъ въ Петербургѣ, не смотря на ежедневную чистку, у меня были... ну, самые обыкновенные зубы, не лучше, чѣмъ у любого столичнаго жителя. Не знаю, извѣстно-ли дантистамъ это чудотворное вліяніе степной жизни на зубы, а если извѣстно, какъ они объясняютъ его?

62. Нищій киргизъ.

Такъ протекала наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазѣли по сторонамъ, подмѣчая каждую былинку полыни, если она повыше другихъ вершка на два. или просто-на просто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я;

Ахметкѣ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, всетаки не слишкомъ удобно было лежать со свѣсившейся внизъ головой. Поэтому на мѣстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю свой халатъ тамъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи.

Удивительныя ночи бываютъ въ здѣшней пустынѣ! Звѣздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь, помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности, ту абсолютную тишину, какая бываетъ здѣсь ночью. Ни малѣйшаго звука!—вотъ и все. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатѣ, вы всетаки слышите или гулъ, доносящійся въ улицы, или чириканье сверчка за печкой. Если этого нѣтъ, ну, тараканъ шуршитъ по обоямъ, или, наконецъ, гудитъ горящая лампа, или щелкаетъ пламя свѣчки. Ночная тишина лѣса, сада, пашни никогда не бываетъ полной: непремѣнно дрогнетъ листъ, крикнетъ сонная птица, прожужжитъ летящій жукъ, пискнетъ комаръ, а не то такъ раздастся одинъ изъ тѣхъ неясныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу. Словомъ, вездѣ и всегда слышно хоть что-нибудь, а здѣсь ничего, такъ-таки ровно ни малѣйшаго звука. Да и откуда взяться ему въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухъ совершенно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комнатѣ. Это не та минутная удушливая тишина, какая бываетъ у насъ передъ грозой. Здѣсь дышется легко, воздухъ чистъ и спокоенъ. Вы чувствуете, что такъ будетъ всю ночь, такъ можетъ быть и завтра ночью, и послѣ завтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играютъ здѣсь больше зимой. Я бродилъ по степи и, глядя на серпъ молодой луны, думалъ, что должно быть только тамъ, на лунѣ, гдѣ нѣтъ ни атмосферы, ни жизни, бываетъ такъ же тихо, какъ здѣсь ночью. Я бродилъ и прислушивался, не зашуршитъ ли гдѣ, бѣгая по глинѣ, хотя бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ крышка моей корзинки, а рядомъ, навѣрно, спитъ Ахметка. Но и тотъ не храпитъ, и даже не сопитъ, иначе было бы слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ черный силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго по степи. Вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отозвался на крикъ... и опять стало тихо.

Я еще ничего не сказалъ о нашихъ встрѣчахъ съ людьми во время дороги. Ихъ было немного. Гдѣ-то на серединѣ пути мы повстрѣчали длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузомъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящиковъ. Караванъ сопровождали четверо киргизъ, загорѣлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ нищіе на картинкахъ, и голодныхъ, какъ шакалы: послѣднее было видно по ихъ лицамъ. Каждый по очереди, по мѣрѣ того, какъ равнялся съ нами, неизмѣнно задавалъ вопросъ: „шундà су баръ-ма?“ (есть-ли тамъ вода?). Они спрашивали о хакѣ, который мы прошли наканунѣ и въ которомъ не нашли ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время дневной остановки, я предложилъ киргизамъ сдѣлать привалъ съ цѣлью напоить ихъ чаемъ. Они вы-

пили два чайника, съѣли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ оказалось, ухитрились прорѣзать мѣшокъ и утащить у насъ все сушеное мясо. Мы остались при одномъ фаршѣ, который, къ счастью, лежалъ отдѣльно.

Другой разъ, уже въ концѣ дороги, насъ разбудилъ однажды утромъ окрикъ нѣсколькихъ голосовъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Какъ всѣ азіатскіе кочевые народы, киргизы любопытны, какъ бабы, и въ десять разъ больше ихъ любятъ посплетничать. Сплетни составляютъ у нихъ привиллегію и часто единственное занятіе мужчинъ. Киргизъ не задумается осѣдлать лошадь и скакать верстъ 30—40 къ пріятелю, единственно затѣмъ, чтобы сообщить ему, что у какого-нибудь другого пріятеля околѣлъ верблюдъ, или лошадь принесла жеребенка. Всякая изъ ряда выходящая новость, напримѣръ, появленіе въ степи русскаго чиновника, или случай крупной баранты*), разносится по степи съ быстротой телеграфа. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ вралъ пренсправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова прищелкивали языками, качали головами, ахали и все съ большимъ и большимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку.

63. Киргизка.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ сообразилъ, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидѣли двѣ киргизки, началъ терѣть свою корявую спину объ ихъ кошемное сидѣнье. Сидѣнье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цѣпляясь за коняу, завизжали на всю степь, а мужчины

*) Угонъ скота.

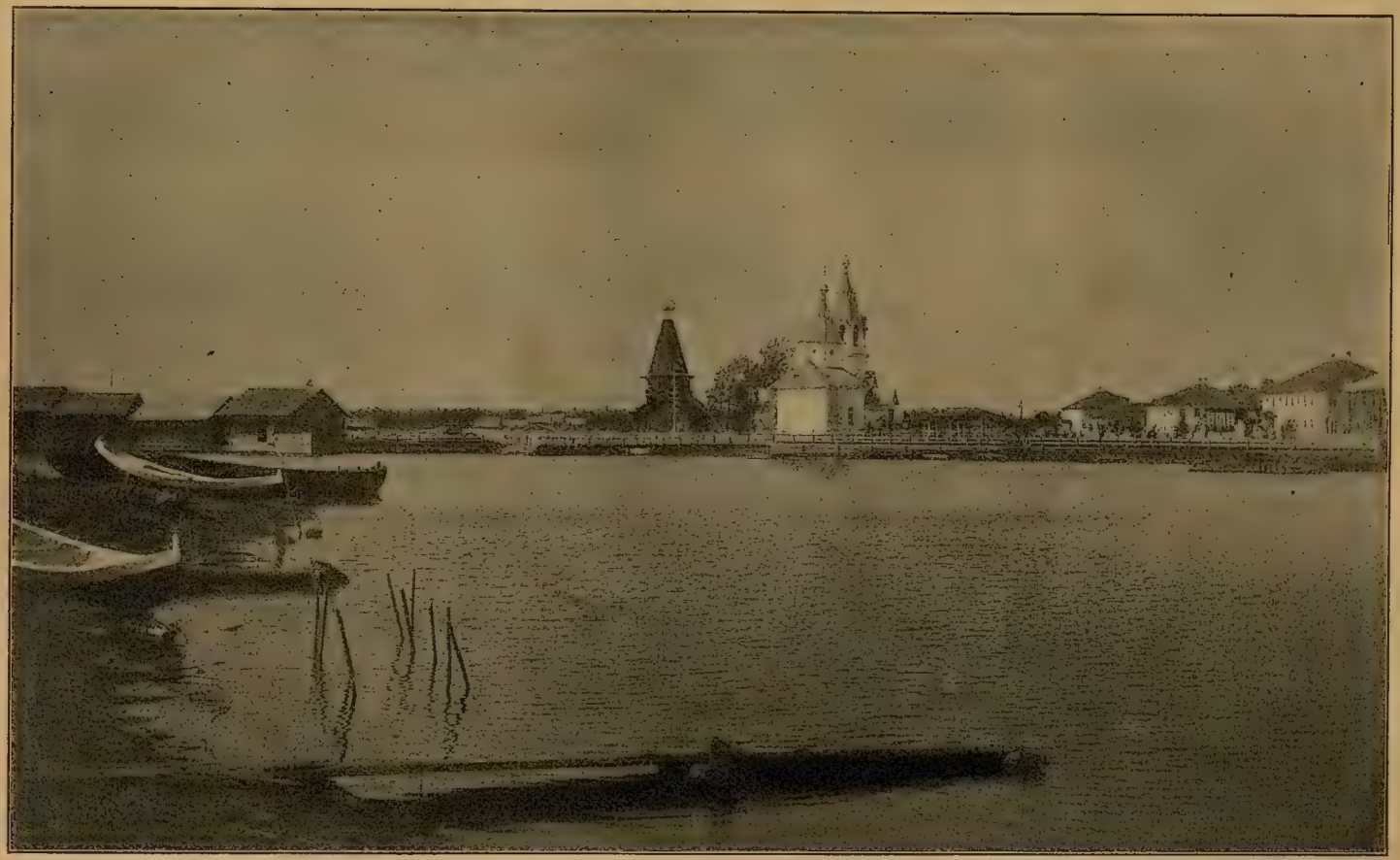
принялись хохотать. Когда, наконецъ, Ахметка отвелъ несносную животину въ сторону, я, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, подарилъ имъ двѣ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разстались друзьями. Навѣрно, все это киргизки подвѣсятъ себѣ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тѣмъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то былъ сѣверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманѣ, виднѣлись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ; внизу разстилалась другая степь, но уже много болѣе оживленная. Полынь была гуще, мѣстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя пиголицы, стаи черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола—все это свидѣтельствовало, что здѣсь кончается среднеазіатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мѣрѣ нашего движенія къ сѣверу, ночи становились замѣтно свѣжѣе, въ особенности, мнѣ холодно было на ходу въ корзинкѣ. Вотъ тутъ-то мой шерстяной мѣшокъ сослужилъ мнѣ третью и послѣднюю службу. По ночамъ я залѣзалъ въ него, а края подвязывалъ къ тѣлу подъ мышками. Выходило совершенно по эскимосски, только мѣшокъ былъ хивинскій. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случаѣ, это было совершенно незамѣтное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ лапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши Темирскаго укрѣпленія. „Начальникъ кибитъ“—проговорилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высокой красной крыши; такъ величалъ онъ двухъ-этажный домъ уѣзднаго начальника. Впрочемъ, киргизы любой дворецъ назовутъ кибиткой, развѣ только прибавятъ „улькунъ“ (большая). Въ Каракамышѣ я распрощался со своимъ спутникомъ, подарилъ ему корзинку и всю лишнюю мелочь; но мѣшокъ, мой великолѣпный мѣшокъ, взялъ себѣ на память, хотя Ахметка и поглядывалъ на него очень краснорѣчиво. Отсюда уже на почтовыхъ чрезъ Илецкую Соляную Защиту я доѣхалъ до Оренбурга.

Киргизы въ степи.
Изъ „Живописной Россіи“, томъ X.

II.

НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.



64. Повѣнецъ. Гавань.
Съ фотографіи.

На Ледовитомъ океанѣ.

Отъ Петрозаводска до Сумского посада.—На клиперѣ по Бѣлому морю.—Стекляныя животныя: ребровики; медузы; крылоногіе моллюски.—Соловецкіе острова.—Архангельскъ.—На островѣ Вешнякѣ: полярныя растенія; жизнь гагъ.—На Ледовитомъ океанѣ: чайки; „китъ у борта“.—Вдоль Мурмана.—Полночное солнце.—Рыбацкое становище Гаврилово.—Ловля трески.—Палтусъ.—Акула.—Песчанка и мойва.—Киты.—Бѣлухи; нарвалъ.—Мелкіе обитатели океана: ракъ-отшельникъ, его дружба съ морской розой; крабы; морскія звѣзды; гидроиды; мшанки.—Среди прибрежныхъ скалъ: ракушки; морскіе жолуди.—Островъ Гуспнецъ: „птичьи горы“; гагарки; кайры; самоотверженіе чаекъ; поморникъ; топорики.—На берегу Лапландіи: населеніе ея озеръ; леммпнги.—Становище Терпберка.—Мертвый китъ.—Штормъ.—Прощанье съ клипером.

Въ Петрозаводскѣ наша многочисленная экспедиція собралась въ полномъ составѣ. По дорогѣ сюда къ намъ присоединились еще два финляндскихъ натуралиста, пробиравшіеся въ Лапландію.

Изъ Петрозаводска пароходъ доставилъ насъ въ сѣверную оконечность Онежскаго озера, въ городъ Повѣнецъ, гдѣ, по выраженію мѣстныхъ жителей, всему свѣту приходится конецъ. Конецъ, не конецъ, а мѣсто дѣйствительно глухое. Городъ похожъ на деревню, или, вѣрнѣе, на любой изъ маленькихъ сибирскихъ городковъ, названіе которыхъ оканчивается на орскъ или анскъ, напр., Обдорскъ, Туруханскъ и т. д. Если бы не распорядительность мѣстнаго исправника, предупрежденнаго о нашемъ путешествіи заранѣе, надолго бы засѣли мы въ Повѣнцѣ! Судите сами: двѣсти пудовъ багажу и 14 человѣкъ пассажировъ при одной собакѣ! Сколько надо лошадей и повозокъ для того, чтобы увезти такое тяжеловѣсное общество? Гдѣ и когда мы нашли бы ихъ?

На самомъ же дѣлѣ, мы нашли все, что намъ было нужно у самой пристани парохода, гдѣ насъ ожидали 9 подводъ для клади и 7 экипажей для живого состава экспедиціи. Часа черезъ три мы уже выѣхали изъ Повѣнца прямо на сѣверъ, по направленію къ Бѣлому морю. Проѣхавъ 46 верстъ лѣсомъ, около часа ночи мы прибыли въ деревню Телекину, отсюда по рѣкѣ Телекиной на лодкахъ спустились въ Кой-Киничи. Послѣдняя деревушка настолько мала и бѣдна, что даже распорядительное начальство не могло отыскать въ ней необходимаго количества экипажей, поэтому нѣкоторымъ изъ насъ пришлось ѣхать отсюда верхомъ. Верхомъ поѣхалъ и Г., никогда въ жизни не сидѣвшій въ сѣдлѣ. Много приключеній суждено было испытать ему во время нашей экспедиціи. Необыкновенная ученость соединялась въ немъ съ дѣтскимъ невѣдѣніемъ практической стороны жизни; его рѣдкое добродушіе могло поспорить развѣ только съ его разсѣянностью. „Но, но, добрая лошадка!“ — погонялъ Г. своего деревенскаго коня; при этомъ, чтобы не обидѣть

его, очень деликатно подергивалъ за повода. Но добрая лошадка сразу поняла, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Не обращая никакого вниманія на того, кто сидѣлъ на ея спинѣ, она просто-на-просто начала пастись; пощипывая траву, она чуть-чуть подвигалась впередъ; по временамъ, завидя лакомую зелень среди деревьевъ, она сворачивала съ дороги въ лѣсъ и, несмотря на ласковыя увѣщанія своего сѣдока, продолжала кормиться, пока кто-нибудь менѣе добродушный, нежели Г., не выводилъ ее подъ уздцы на прежній путь. Наконецъ невниманіе „доброй лошадки“ къ своему сѣдоку дошло до того, что она начала валяться подъ нимъ, какъ будто на ея спинѣ лежалъ неодушевленный предметъ.

Финляндскій ботаникъ ѣхалъ въ телѣжкѣ и всю дорогу дѣлалъ уморительныя попытки говорить по русски съ помощью словаря.

„Клячи суть?“ — спрашивалъ онъ почтоваго старосту, подъѣзжая къ станціи и отыскавъ предварительно въ словарѣ, какъ по русски „Pferd“. „Тёпёръ нѣтъ ночери“—выпалилъ онъ въ другой разъ, глядя на верхушки деревьевъ, позолоченныхъ ночнымъ солнцемъ. Въ такомъ родѣ упражнялся ботаникъ почти до самаго Сумскаго посада, пока, наконецъ, не усталъ и не задремалъ въ телѣжкѣ... Вотъ, наконецъ, и посадъ, безпорядочно раскинувшійся въ устьѣ рѣки Сумы близъ берега Бѣлаго моря. Какъ вездѣ въ приморскихъ мѣстечкахъ Архангельской губерніи, въ Сумскомъ посадѣ на двѣ или на три женщины приходится всего по одному мужчинѣ, да и тѣ по большей части ушли теперь на промыселъ; поэтому мы застали здѣсь настоящее бабье царство. Бабы поддерживаютъ почтовое сообщеніе на лодкахъ, ходятъ обходомъ; когда надо, сажаютъ въ кутузку провинившихся; онѣ же исполняютъ и всѣ домашнія работы.

Отъ посада внизъ по рѣчкѣ до самаго моря и на необозримое пространство въ стороны раскинулась тундра, мокрая кочковатая тундра, поросшая мхомъ и морошкой. Прыгая съ кочки на кочку, стрѣлки экспедиціи отправились стрѣлять птицъ тундры, а Г., занимавшійся низшими животными, пошелъ къ берегу моря. Моросилъ дождь. Когда Г. при свѣтѣ полуночной зари въ своемъ кожанѣ и въ кожаномъ капишонѣ на головѣ, самъ черный и весь въ черномъ, бродилъ по пустынной отмели моря и, согнувшись въ три погибели, шарилъ подъ камнями, проѣзжавшіе по морю суевѣрные ловцы приняли его... За кого бы, вы думали, приняли они нашего добрѣйшаго Г.? Ловцы признали въ немъ не болѣе не менѣе, какъ чорта; какъ впослѣдствіи мы догадались,—одного изъ тѣхъ чертей, которые нарисованы на стѣнахъ Соловецкаго монастыря въ картинѣ мученія грѣшниковъ. „Провались ты, окаянная сила! Что ты бродишь по ночамъ!“ — кричали рыбаки по адресу Г., и „окаянная сила“, не успѣвшая на нынѣшній разъ загубить даже десятка моллюсковъ, обезкураженная этимъ привѣтствіемъ, поплелась домой.

Въ Сумскомъ посадѣ наша многочисленная экспедиція должна была разбиться на партіи. Часть отправлялась на пассажирскомъ пароходѣ на Соловецкіе острова, нѣсколько человѣкъ должны были ѣхать въ Кандалакшу, откуда пѣшкомъ идти поперекъ Лапландіи до города Колы, а ядро экспедиціи въ числѣ пяти человѣкъ предполагало совершить плаваніе на парусномъ суднѣ по Бѣлому морю и далѣе по Ледовитому океану вдоль Мурманскаго берега къ сѣверозападу, насколько позволятъ обстоятельства. Уже на другой день по прибытіи въ посадъ мы наняли судно съ полнымъ составомъ команды. Это былъ такъ называемый клиперъ, самое маленькое

Группа мѣщанокъ Архангельской губерніи.

Съ фотографіи географическо-антропологическаго кабинета С.-Петербургскаго Университета.

65. Поморы Мезенскаго уѣзда.
Съ фотографіи географическо-антропологическаго кабинета С.-Петербургскаго Университета.

Съ фотографіи.

судно, которое рѣшается ходить на Мурманъ. При 8 саженяхъ въ длину, оно было вооружено двумя мачтами и 6 парусами, изъ которыхъ, впрочемъ, 3 кливера, т. е., маленькихъ трехугольныхъ паруса на носу. На кормѣ находилась крошечная каюта, въ которой съ трудомъ могли помѣститься двое пассажировъ; на носу было столь же крошечное помѣщеніе для команды и печка для приготовленія пищи.

Вся середина клипера была занята трюмомъ, въ который прежде грузили соленую треску; теперь въ немъ поселились мы, устроивъ тамъ нары. Въ это помѣщеніе можно было попасть по лѣстницѣ черезъ небольшой люкъ, плотно закрывавшійся крышкой. Если люкъ закрыть, въ трюмѣ становилось темно, какъ въ пещерѣ, такъ какъ ни въ стѣнкахъ судна, ни въ палубѣ никакихъ оконъ или иллюминаторовъ не существовало. Впослѣдствіи мы по достоинству оцѣнили эту особенность нашего помѣщенія: она позволяла намъ устраивать искусственную ночь въ то время, какъ полночное солнце свѣтило на небѣ и, раздражая нервы, мѣшало спать.

О томъ, какъ великъ былъ нашъ корабль, можно судить по составу его команды. Владѣлецъ клипера состоялъ въ то же время его капитаномъ. Кромѣ него, у насъ былъ только одинъ вполнѣ правоспособный матросъ. Третій членъ команды, довольно дряхлый старикъ, исправлялъ должность повара или, по здѣшнему, кока. Четвертымъ приходился сынъ капитана, мальчикъ 14 лѣтъ, состоявшій въ качествѣ юнги или, по мѣстному, зуйка. Итакъ, весь экипажъ корабля состоялъ изъ трехъ съ половиной душъ. Само собой разумѣется, при клиперѣ находилась лодка (карбасъ), которую во время пути мы поднимали на палубу.

Чтобы запастись на трехмѣсячное плаваніе провизіей, а также веревками для драгъ и нѣкоторыми другими предметами, рѣшено было сначала зайти въ Архангельскъ. Такая программа плаванія была какъ нельзя болѣе на руку нашимъ финляндцамъ. Они сѣли на клиперъ въ качествѣ пассажировъ съ тѣмъ, чтобы изъ Архангельска отправиться на пароходѣ въ одинъ изъ поселковъ въ Лапландіи, въ Поной.

9 іюня, на прощанье съ сухопутной частью нашей экспедиціи, на палубѣ судна была устроена пирушка. На другой день, протолкавшись на шестахъ по рѣкѣ Сумѣ, полюбовавшись мимоѣздомъ на промысловые амбары, мы вышли въ море.

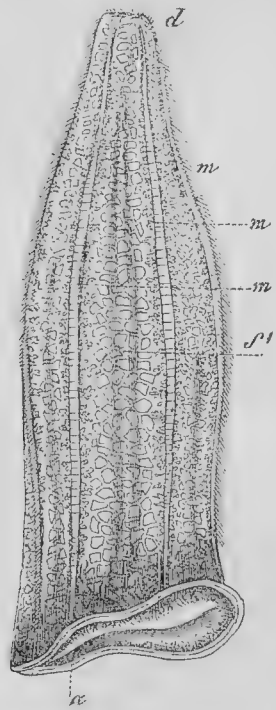
Г. тотчасъ же вытащилъ свои сачки и принялся черезъ бортъ судна ловить мелкихъ животныхъ, плававшихъ близъ поверхности моря.

Было тихо. Клиперъ съ повисшими парусами медленно скользилъ по зеркальному морю. Надъ судномъ вились чайки, выжидавшія, не бросятъ ли что-нибудь за бортъ. Мимо насъ съ писком пролетали кулики-сороки. Вдали, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо сливалось съ водой, бѣлѣлись два-три паруса. Чѣмъ дальше судно уходило въ открытое море, тѣмъ гуще становился синевато-зеленый цвѣтъ воды и тѣмъ больше попадалось на поверхности ея всякой живности. Что это за удивительная живность! При первомъ взглядѣ черезъ бортъ кажется, что въ водѣ нѣтъ совсѣмъ ничего. Но присмотритесь поближе, и вы увидите безчисленное множество странныхъ существъ, прозрачныхъ, какъ хрусталь, и отливающихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Вотъ плыветъ прозрачный колпачекъ, величиной съ графинную пробку; это — ребровикъ. Вотъ, изгибая края своего колокола, величиной съ блюдечко, приближается къ борту медуза; попробуйте поймать ее ведромъ и взять въ руки,— она расплывется, можно сказать, вытечетъ изъ рукъ, какъ жидкій кисель, оставивъ

66. Часть Сумскаго посада. Рѣка Сума. Промысловые амбары.
Съ фотографіи.

послѣ себя ощущеніе ожога. Тамъ машетъ своими крылышками крылоногій моллюскъ; а въ банкѣ воды, взятой изъ моря, вы увидите множество мелкихъ медузокъ и разныхъ другихъ животныхъ, которыхъ вы не замѣчали въ морѣ, благодаря ихъ удивительной прозрачности.

Прозрачность эта настолько велика, что сквозь тѣло ихъ можно читать, какъ сквозь стекло. Поэтому нѣмцы называютъ такихъ животныхъ „стекляными“. Эта удивительная особенность, безъ сомнѣнія, существуетъ не даромъ: она превращаетъ морскихъ животныхъ въ невидимокъ и спасаетъ ихъ отъ преслѣдованія многочисленныхъ враговъ.



67. Ребровикъ. (*Beroe Forskalii*).

Большинство этихъ прозрачныхъ животныхъ устроены довольно просто.

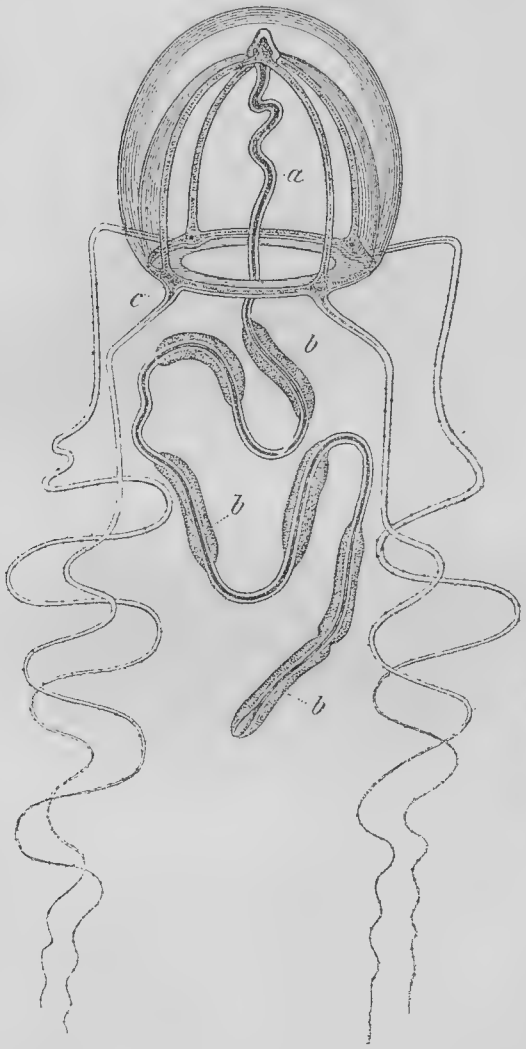
У ребровика, напримѣръ, тѣло представляетъ просто-на-просто колпачекъ, на поверхности котораго расположено нѣсколько рядовъ пластинокъ. Работая этими пластинками, какъ веслами, ребровикъ передвигается съ мѣста на мѣсто. По краямъ колпачка висятъ нити, которыми животное ловитъ добычу. Пища переваривается въ полости колпачка.

Медузы имѣютъ видъ глубокаго блюдечка или плоскаго колокола, обращеннаго отверстіемъ книзу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у колокола свѣшивается языкъ, у медузы виситъ длинная трубка. Отверстіе, находящееся на ея концѣ, служитъ ртомъ. По краямъ блюдца подвѣшены длинныя нити, которыя такъ же, какъ у ребровика, захватываютъ добычу. Кромѣ нихъ, въ тѣлѣ медузы имѣются другого рода нити: тонкія, закрученныя спирально и совершенно незамѣтныя для простого глаза. Попробуйте дотронуться до медузы,—сейчасъ же эти нити выпрямятся, и вы получите ощущеніе ожога. Безъ сомнѣнія, это—орудіе нападенія и защиты. Края колокола то сжимаются, то расширяются; благодаря этому, совершается передвиженіе животнаго въ окружающей средѣ.

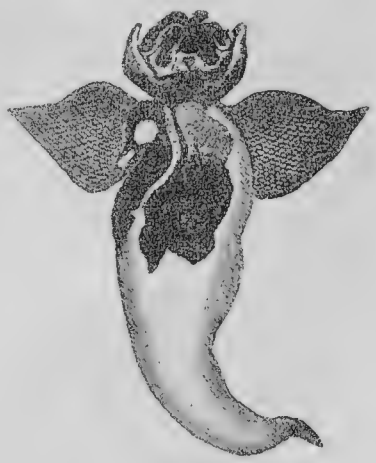
Гораздо сложнѣе устроены крылоногіе моллюски; у нихъ имѣется кишечный каналъ, сердце и хорошо развитая нервная система. Сидящія по бокамъ головы крылышки машутъ съ такой же быстротой, какъ крылья бабочки. Поэтому крылоногіе моллюски плаваютъ гораздо быстрѣе, нежели медузы, ребровики и многіе другіе сотоварищи ихъ по жизни въ открытомъ морѣ.

11 іюня ночью клиперъ бросилъ якорь у одного изъ Соловецкихъ острововъ. Мы тотчасъ же спустили карбасъ и высадились на берегъ. Въ то время какъ въ Сумскомъ посадѣ листья на деревьяхъ уже распустились, здѣсь была еще ранняя весна: мѣстами не стаялъ снѣгъ; на крошечныхъ корявыхъ березкахъ острова едва-едва начинали зеленѣть почки. Хотя нашъ старикъ — кокъ и увѣряетъ, что Богъ даетъ тепла, но термометръ показываетъ всего только + 4° Ц. Таково вліяніе

студенаго моря, а, въ особенности, холоднаго теченія, омывающаго группу Соловецкихъ острововъ. Вдоль берега летали гаги, чайки, разные кулики; но мы не смѣли безпокоить ихъ, такъ какъ монахи Соловецкой обители запрещаютъ стрѣлять въ предѣлахъ ихъ владѣній. Въ тотъ же день на карбасѣ мы отправились и въ самый монастырь. Странный контрастъ съ унылой природой острова и пустынностью окружающаго моря составляютъ роскошь построекъ и оживленность обители. Отъ самаго Петербурга мы не встрѣчали такихъ великолѣпныхъ храмовъ и такихъ красивыхъ домовъ. У пристани стоялъ только-что пришедшій пароходъ, доставившій сюда до 400 богомольцевъ. На мостикѣ парохода съ биноклемъ въ рукахъ отдавалъ приказанія монахъ; по вантамъ лазили послушники въ монашескомъ костюмѣ, съ длинными волосами; такіе же послушники убирали палубу; словомъ, вездѣ



68. Медуза „сарсія“.
(*Sarsia strangulata*).



69. Крылоногій моллюскъ „сѣверный кліонъ“.
(*Clio borealis*).

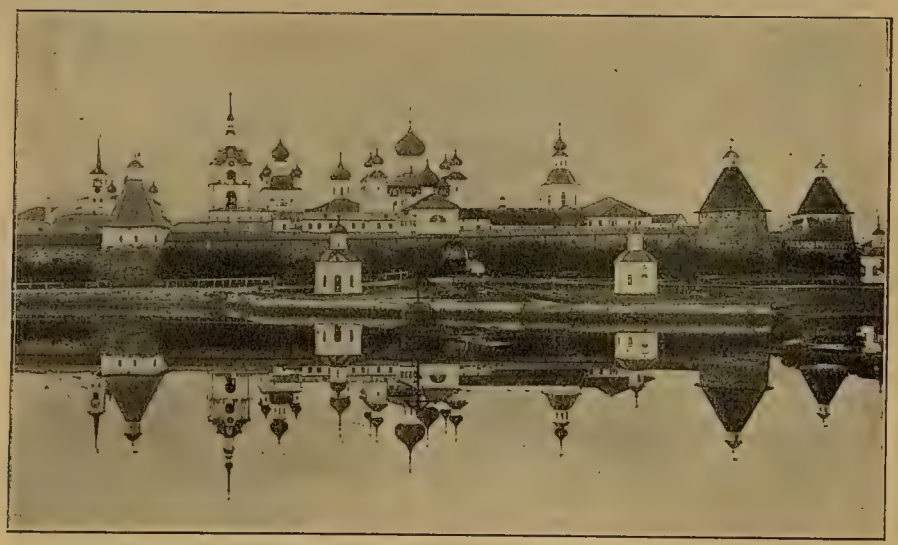
хозяйничали монахи. Оказалось, что пароходъ составляетъ собственность монастыря и занимается перевозкой богомольцевъ. Пріѣзжіе, почти исключительно крестьяне, направились въ ворота обители; за ними, вмѣшавшись въ толпу, пошли и мы. От-

куда только ни собралась эта толпа! Тутъ были изъ Крыма, Кавказа, изъ средней, изъ сѣверной Россіи, а вонъ этотъ старичекъ, что идетъ рядомъ съ моимъ товарищемъ, пришелся изъ Сибири. Что за лица, какія святительскія лица! Особенно поразилъ меня этотъ самый старичекъ, далеко еще не дряхлый. Съ длинной сѣдой бородой, съ посохомъ въ рукахъ, въ сѣромъ суконномъ зипунѣ и въ высокой послушнической шапкѣ, шелъ онъ, степенно шагая и съ умиленіемъ разглядывая стѣны монастыря. Выраженіе глубочайшаго благоговѣнія было розлито на его добромъ,

70. Монахи—матросы на своемъ пароходѣ.
Съ фотографіи А. О. Графтіо.

свѣтломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умномъ лицѣ. Казалось, это шелъ святой, которому недоставало только свѣтлаго ореола на головѣ.

Внутри стѣнъ обители находится настоящій птичій дворъ, населенный чайками. Съ крикомъ, похожимъ то на плачъ ребенка, то на скрипъ желѣза, чайки летали надъ домами, сидѣли на крышахъ, на перилахъ, бѣгали по землѣ; тутъ же на дворѣ, въ ямкахъ, лежали ихъ птенцы всѣхъ возрастовъ, и рядомъ съ ними ихъ родители; взрослыя птицы разѣвали ротъ на встрѣчу прохожимъ, хватали за платье, вырывали изъ рукъ богомольцевъ куски хлѣба, которые тѣ съ благоговѣніемъ подносили къ ихъ рту; словомъ, вели себя совершенно не позволительно для дикой птицы. Не



71. Соловецкій монастырь.
Съ фотографіи А. О. Графтіо, снятой въ 1 ч. ночи.

72. Чайки въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотографіи А. О. Графтіо.

смотря на столь полную прирученность, соловецкія чайки осенью улетаютъ въ болѣе теплыя края. Весной онѣ снова возвращаются въ монастырь.

Недолго пришлось намъ погостить у монаховъ: задулъ свѣжій попутный вѣтеръ, и мы тотчасъ же сѣли на свой карбасъ.

Вечеромъ нашъ клиперъ снялся съ якоря и, накренившись на одинъ бокъ, поплылъ въ Архангельскъ. Уже на другой день мы были въ 70 верстахъ отъ устья Сѣверной Двины.

Здѣсь пришлось повернуть противъ вѣтра. Такъ какъ въ это время былъ отливъ и, стало быть, встрѣчное теченіе, мы принуждены были бросить якорь. Только съ наступленіемъ прилива мы тронулись дальше. Вѣтеръ то затихалъ, то начиналъ дуть съ кормы, то снова становился противнымъ, и клиперъ нашъ то медленно тащился впередъ, то пятился задомъ. Наконецъ, 16 числа мы бросили якорь у Архангельска. Близъ города мы высадили нашихъ финляндцевъ, которые пожелали идти пѣшкомъ, чтобы собрать растеній и насѣкомыхъ. Не успѣли мы устроиться въ гостинницѣ, какъ въ одинъ изъ нашихъ номеровъ явился ботаникъ и, запыхавшись, сообщилъ, что вся ихъ ученая экспедиція, включая и переводчика, угодила въ полицейскій участокъ.

На окраинѣ города нашихъ ученыхъ окружила толпа простонародья, принявшая ихъ жестянки для растеній и насѣкомыхъ за шарманки, а самихъ натуралистовъ за шарманщиковъ. Пока ихъ упрашивали сыграть, предлагая за труды пять копѣекъ, явился полицейскій и потребовалъ у нихъ свидѣтельство на право развлекать публику музыкой. Такъ какъ такого свидѣтельства у финляндцевъ не оказалось, ихъ свели въ участокъ; тамъ, какъ водится, все разобрали и экспедицію тотчасъ же отпустили на свободу.

Сверхъ всякаго ожиданія, Архангельскъ оказался прехорошенькимъ городкомъ. Приличная мостовая, чистенькіе, по большей части деревянные домики и, что всего удивительнѣе для этого сѣвернаго города, при домахъ садики.

21-го числа всѣ приготовленія были окончены. Казенный паровой баркасъ вывелъ нашъ клиперъ за баръ Двины, т. е. за ту отмель, которую нагромоздила рѣка при выходѣ въ море. Здѣсь мы были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Въ полной надеждѣ на эти силы, мы поставили паруса и при свѣжемъ вѣтрѣ поплыли впередъ. Не долго продолжалось наше плаваніе. Вѣтеръ вдругъ перемѣнился на противный, и нашъ клиперъ осрамился. Онъ не могъ лавировать противъ встрѣчнаго вѣтра, какъ то подобаетъ доброму морскому судну, а потому позорно попятился назадъ. Капитанъ, не желая подвергаться такому позору, рѣшился лучше добровольно вернуться на старое мѣсто, и вскорѣ мы были снова у бара. На другой день повторилась та же исторія, и только на третьи сутки ночью намъ удалось выбраться въ открытое море. 25 числа цѣлый день плыли; свѣжій вѣтеръ гналъ клиперъ очень исправно, но вмѣстѣ съ тѣмъ развелъ огромныя крутыя волны, по которымъ наше суденышко принялось прыгать, какъ скорлупа орѣха. Вотъ клиперъ взгромоздился на хребетъ вала, затѣмъ, наклонившись носомъ внизъ, сталъ спускаться подъ гору. Вотъ онъ внизу въ долинѣ между водяными горами, заслоняющими отъ насъ весь свѣтъ. Еще нѣсколько секундъ, и мы опять на верхушкѣ: предъ нами разстилается изборожденная поверхность моря; до самаго горизонта катятся ряды волнъ; вѣтеръ рветъ ихъ бѣлые гребни; надъ ними

Рыбаки Архангельской губерніи.

Съ фотографіи географическо-антропологическаго кабинета С.-Петербургскаго Университета.

73. Буянова пристань въ Архангельскѣ.
Съ фотографіи.

съ крикомъ носятся чайки... Но прежде чѣмъ успѣешь окинуть взоромъ эту картину, клиперъ снова катится внизъ. Такъ „съ горки на горку“ подвигалось наше судно впередъ. Банки летѣли съ крышки каюты на палубу; за ними вскорѣ поползла туда же чернильница, и даже складной стулъ, стоявшій открытымъ, покатился къ борту, грохнулся тамъ и успокоился, уже лежа на боку. Г., въ страхѣ за свои банки, отправляется ловить ихъ по палубѣ. Цѣпляясь за бортъ, за крышку каюты, невѣрными шагами пробирается онъ вдоль судна; вотъ онъ ужъ намѣтилъ банку, протянулъ къ ней руку; вдругъ клиперъ сразу наклоняется на другую сторону, банка куда то исчезаетъ, а Г. оказывается у противоположнаго борта стоящимъ на четверенькахъ. М. и Х., дѣлая всевозможныя усилія, чтобы не кататься, подобно банкамъ, лежатъ на палубѣ и жалуются, что ихъ мутитъ. Б. уже два раза подходилъ къ борту и срамилъ свое отечество. Даже нашъ четвероногій спутникъ, Ильза, съ унылымъ видомъ снуетъ отъ борта къ борту, отыскивая мѣсто, гдѣ бы не качало. Такъ болтались мы цѣлый день до самаго вечера, когда показался Терскій берегъ, гдѣ качка сдѣлалась легче. Мы были въ проливѣ, соединяющемъ Бѣлое море съ Ледовитымъ океаномъ, или въ такъ называемомъ „горлѣ“ Бѣлаго моря.

Горло это настолько не широко, что оба берега видны совершенно ясно. Мы держимся западнаго или Терскаго берега и плывемъ то очень быстро, то очень медленно, смотря по тому, куда направляется теченіе. Дѣло въ томъ, что во время прилива Ледовитый океанъ начинаетъ изливать свои вздувшіяся воды въ Бѣлое море, и, такъ какъ въ узкомъ горлѣ для этого гигантскаго напора волнъ нѣтъ достаточно простора, вода старается восполнить этотъ недостатокъ быстротой теченія. Съ наступленіемъ отлива вода, излившаяся въ Бѣлое море, возвращается изъ него снова въ Ледовитый океанъ, и теченіе становится намъ попутнымъ. Вечеромъ 26 іюня клиперъ бросилъ якорь въ проливѣ между однимъ изъ Трехъ Острововъ и Терскимъ берегомъ. Всѣ ожили.

Вода подъ нашимъ клипером настолько прозрачна, что, несмотря на десятисаженную глубину, мы ясно различаемъ дно, мы видимъ настоящіе подводные лѣса, — рыбъ, плавающихъ среди зелени, и какихъ то другихъ животныхъ, но какихъ именно, разобрать невозможно. Со дна огромными зелеными лентами поднимались водоросли, по преимуществу фукусы. Ленты наклонялись то въ сторону Бѣлаго моря, то къ Ледовитому океану, смотря по тому, куда направлялось теченіе. Въ разныхъ мѣстахъ этихъ лентъ расположены небольшія вздутія или пузыри, наполненные воздухомъ. Они служатъ фукусамъ поплавками, которые приподнимаютъ растеніе со дна и придаютъ ему вертикальное положеніе.

Немедленно спустили на воду карбасъ, Г. наладилъ свои сачки, мы надѣли патронташи, а Ильза, завидя вынутыя изъ чехловъ ружья, отъ радости принялась прыгать по палубѣ.

Скоро мы высадились на островѣ Вешнякѣ. Островокъ весь сложенъ изъ камня, и только на верхней площадкѣ его имѣется тонкій слой рыхлой земли.

Несмотря на холодъ и снѣгъ, лежащій въ разсѣлинахъ скалъ, здѣсь существуетъ кое-какая растительность. Но это—растительность полярныхъ странъ, да и то при послѣднемъ издыханіи. Каждый кустикъ носитъ на себѣ печать упорной борьбы съ холодомъ и вѣтромъ. Ива и полярная березка не въ силахъ подняться больше, чѣмъ на четверть аршина отъ земли. Ихъ вѣтви стелются надъ

74. Поморскія суда въ Архангельскѣ въ Маргаритинскую ярмарку.
Съ фотографіи.

самой землей, образуя своимъ сплетеніемъ настоящій коверъ. Зимою все это покрыто снѣгомъ. Стоитъ какой-нибудь вѣточкѣ подняться надъ поверхностью снѣжнаго сугроба, она неизбѣжно отмерзаетъ. Такимъ образомъ, странная форма полярныхъ деревъ—одно изъ средствъ защиты противъ холода и вѣтра. Иногда кусты и деревья принимаютъ здѣсь такъ называемую шпалерную форму: всѣ вѣтви растенія располагаются въ одной плоскости; получается подобіе раскрытаго вѣера. Замѣчательно, что такой вѣеръ всегда стоитъ ребромъ къ господствующему холодному вѣтру. Благодаря этому, растеніе меньше страдаетъ отъ холода.

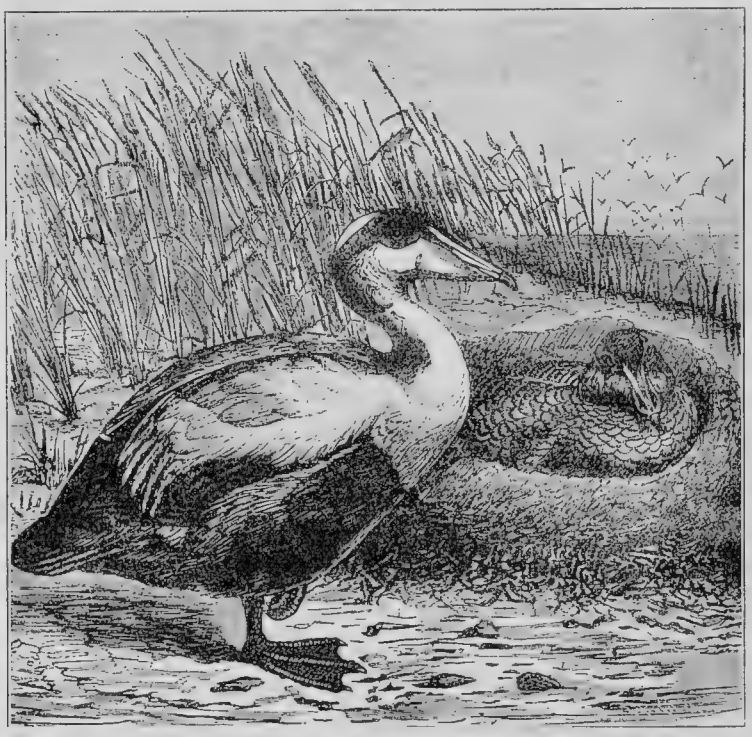
Въ общемъ, кустовъ и деревьевъ на островѣ немного. Брусника и воронница рѣшительно преобладаютъ надъ всѣми другими растеніями Вешняка. Мѣстами попадаются какіе-то бѣлые цвѣты, пріютившіеся подъ камнемъ. На нихъ копошатся шмели, которые вмѣстѣ съ комарами, повидимому, были единственными представителями насѣкомыхъ, населявшими островъ.

Зато—сколько птицъ! На Вешнякѣ вьютъ гнѣзда чайки, альпійскіе жаворонки, снѣжные подорожники и полярныя щеврицы. Здѣсь же выводятъ дѣтей гаги, но гнѣзда ихъ были разорены, вѣроятно, проѣзжающими мимо ловцами. Яйца бѣдныхъ птицъ лежали почти на голой землѣ или на скудной подстилкѣ изъ мха. Если бы не эти охотники за пухомъ, гагамъ было бы раздолье на островѣ. Приливъ здѣсь достигаетъ огромной высоты трехъ саженъ. Во время отлива обнажаются огромныя косы и цѣлые острова, на которыхъ остается безчисленное множество всякой морской живности, идущей въ пищу гагамъ. Тутъ и раки, и моллюски, и морскія звѣзды, и мелкія рыбы, зарывшіяся въ мокромъ пескѣ; тутъ же цѣлыя кучи длиннѣйшихъ водорослей, въ которыхъ, въ свою очередь, сидятъ различныя животныя.

Гага строитъ гнѣздо почти исключительно изъ пуха, который выщипываетъ у себя на груди. Чтобы пухъ не развѣяло вѣтромъ, она скрѣпляетъ его палочками и мхомъ. Къ тому же, самое положеніе гнѣзда на землѣ, между стеблями низкаго кустарника, защищаетъ его отъ вѣтра. Когда гага сидитъ на немъ, ее трудно замѣтить даже на близкомъ разстояніи. Ея окраска удивительно гармонируетъ съ цвѣтомъ обстановки. Это спасаетъ ее отъ многочисленныхъ враговъ. Какъ только молодыя гаги выклюнутся изъ яйца, мать уводитъ ихъ въ море, а гнѣздо бросаетъ на произволъ судьбы. Въ это время можно собирать пухъ безъ всякаго вреда для гагъ, такъ какъ на будущій годъ прежнее гнѣздо не годится: отъ дождя и снѣга пухъ свивается въ комокъ и превращается въ войлокъ.

Въ Норвегіи, гдѣ существуетъ правильный гагачій промыселъ, жители обязательно дожидаются того времени, когда птицы уведутъ дѣтей въ море. Мало того: норвежцы принимаютъ различныя мѣры, чтобы оградить утятъ отъ нападенія хищныхъ птицъ, которыя стерегутъ ихъ при выходѣ изъ гнѣзда. Промышленникъ каждый день осматриваетъ гнѣзда. Какъ только птенцы вылупились изъ яицъ, онъ обираетъ пухъ, а птенцовъ въ корзинкѣ относитъ въ море. Туда же слѣдуетъ за нимъ мать. Въ морѣ утята чувствуютъ себя, какъ дома; прекрасно ныряя, они всегда сумѣютъ избѣжать нападенія сокола или крупной чайки. При такомъ разумномъ отношеніи къ дѣлу гагачій промыселъ въ Норвегіи даетъ жителямъ прекрасный заработокъ: иногда на маленькомъ островѣ живетъ нѣсколько тысячъ гагъ. У насъ же въ Россіи не существуетъ правильнаго промысла. Мурманскіе ры-

боловы собираютъ пухъ попутно и притомъ во всякое время, какъ только гнѣздо попадется на глаза. Если пухъ вынуть раньше, чѣмъ вывелись птенцы, яйца обыкновенно не развиваются, и гага остается безъ дѣтей. Какъ бы добросовѣстно ни высиживала она свои яйца, ей все-таки приходится отлучаться съ гнѣзда, хотя бы затѣмъ, чтобы поѣсть; тѣмъ временемъ насиженныя яйца, не защищенныя пуховой покрышкой, остываютъ, и зародыши въ нихъ погибаютъ. Ограбленныя птицы пытаются поправить бѣду необыкновеннымъ усердіемъ. Онѣ не оставляютъ гнѣзда до послѣдней возможности, такъ что намъ случалось ловить гагъ, сидящихъ на яйцахъ, живьемъ.



75. Гага и ея гнѣздо.
(*Somateria mollissima*).

Вообще, въ заботахъ о потомствѣ гага проявляетъ настоящее самоотверженіе. Замѣчательно, что самцы держатъ себя совсѣмъ иначе, нежели самки. Послѣднія постоянно рискуютъ своей жизнью. Самцы же небольшими стайками плаваютъ въ морѣ, обнаруживая необыкновенную осторожность. Несмотря на всѣ наши ухищренія, намъ не удалось убить ни одного самца. Когда гнѣздо разорено промышленниками, гага привлекаетъ къ дѣлу и своего супруга. Она выщипываетъ у него пухъ, чтобы построить новое гнѣздо. Нужно сказать, что самецъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты пожертвовать своимъ теплымъ покровомъ. Онъ прини-

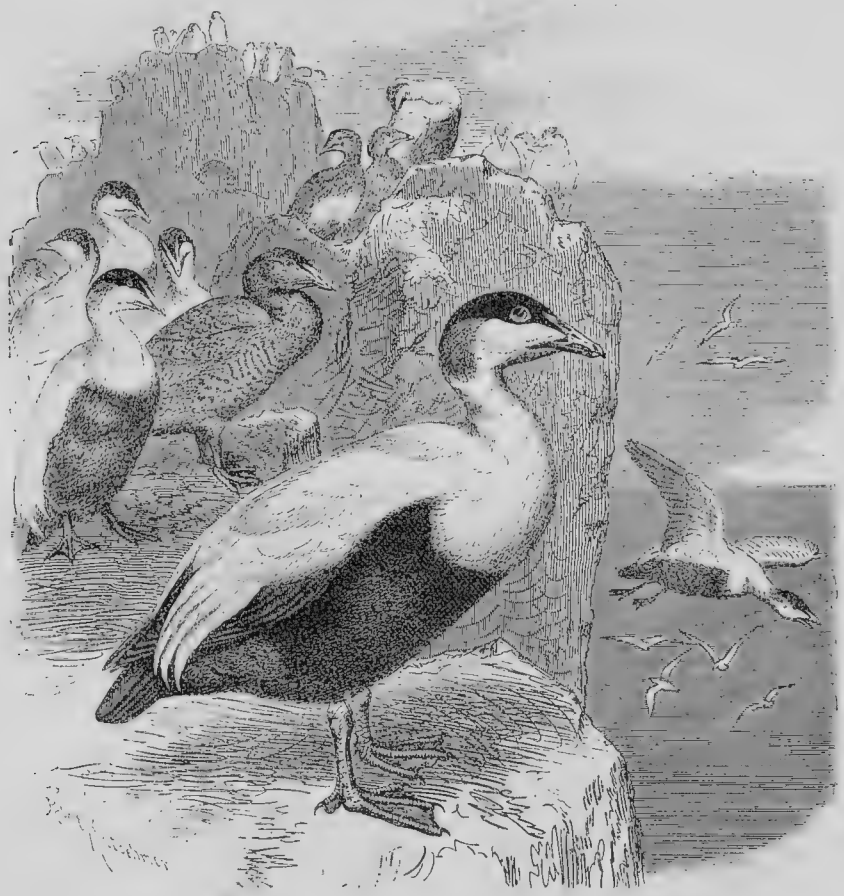
маетъ всевозможныя мѣры, чтобы уклониться отъ непріятной операціи: оттопыриваетъ перья, увертывается; но дѣло всетаки кончается тѣмъ, что самка ощипываетъ его, если только онъ не предпочтетъ покинуть свою супругу навсегда. Материнскій инстинктъ самокъ простирается до того, что онѣ нерѣдко берутъ подъ свое покровительство чужихъ осиротѣвшихъ дѣтей. Намъ очень часто приходилось видѣть гагъ во главѣ большого стада дѣтенышей различнаго возраста, отъ самыхъ крошечныхъ до выросшихъ на половину. Очевидно, часть этихъ дѣтей были пріемыши, по какимъ-нибудь причинамъ потерявшіе свою мать. Мало того: случается, что гага въ отсутствіе своей сосѣдки воруетъ изъ ея гнѣзда яйца, и это дѣлается единственно для того, чтобы вывести побольше дѣтей.

28-го числа, забившись отъ холода въ трюмъ, мы цѣлый день убирали собранный матеріалъ. На слѣдующій день рѣшили ѣхать на Терскій берегъ. Холодно, мороситъ дождь, вѣтеръ пронизываетъ до костей. Мы надѣваемъ полушубки, на нихъ тяжеловѣсные кожаны, садимся въ карбасъ и ѣдемъ. Матерой берегъ производитъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе, нежели островъ. Дикія, испещренныя большими пятнами снѣга, скалы тянутся далеко на сѣверъ и югъ, насколько берегъ доступенъ глазу. Наверху ни кустика, ни зеленой травы; всюду камень и снѣгъ. Только кое-гдѣ подъ хорошей защитой отъ вѣтра ютятся крошечныя площадки муравы или отдѣльные стебли черемицы. Волны съ глухимъ ревомъ разбиваются о прибрежныя скалы; большія, бѣлыя, какъ снѣгъ, полярныя чайки носятся надъ бушующимъ прибоемъ и съ крикомъ, похожимъ на скрипъ ржаваго желѣза, то тамъ, то здѣсь выхватываютъ изъ моря добычу. Откуда-то изъ скалъ доносится до насъ раздирающій душу крикъ сарыча, гдѣ-то ноетъ гагара, и къ этой тоскливой мѣстной музыкѣ присоединяется еще гулъ вѣтра въ дулѣ нашихъ ружей. Удивительно, какъ послѣдовательна природа въ своихъ твореніяхъ. Ужъ если она создала мрачную страну, такъ и населяетъ ее птицами, которыя не поютъ и даже не кричатъ, а стонутъ и ноютъ; если она окрасила землю въ тусклыя краски или посыпала ее снѣгомъ, то и птицъ для этой мѣстности создаетъ черныхъ, сѣрыхъ или бѣлыхъ.

Мы охотились до глубокой ночи, которая, впрочемъ, ничѣмъ не отличалась отъ дня; настрѣляли чаекъ, мелкихъ птицъ, а мнѣ посчастливилось убить одну бѣлую куропатку. На слѣдующій день Х., забравъ съ собой собакъ, отправился отыскивать эту дичь. Не прошло часа, какъ онъ вернулся, неся въ рукахъ убитую куропатку и окровавленную Ильзу. И ту, и другую онъ подстрѣлилъ однимъ выстрѣломъ въ то время, когда птица взлетѣла, а вѣрная своему призванію Ильза бросилась вслѣдъ за ней. Собака, впрочемъ, вскорѣ поправилась, но уже болѣе не годилась для охоты; поджавъ хвостъ, она плелась сзади охотника, и никакими средствами нельзя было заставить ее бѣжать впередъ.

Утромъ 3-го іюля мы снялись съ якоря. Дулъ свѣжій попутный вѣтеръ, и нашъ клиперъ опять принялся переваливаться съ боку на бокъ. Банки запрыгали, камни нашего балласта принялись стучать, судно заскрипѣло, а мы въ полушубкахъ и кожанахъ дрогли на палубѣ, такъ какъ въ трюмѣ одолѣвала качка. Зато въ этотъ день мы прошли около 150 верстъ, пересѣкли полярный кругъ и къ вечеру были у Святого Носа, откуда уже начинается Ледовитый океанъ. Объ этомъ свидѣтельствовали киты, эти чисто океанскіе жители, которые только случайно и рѣдко за-

ходятъ въ Бѣлое море. То тамъ, то здѣсь поднимались бѣлые столбы пара, выбрасываемые этими исполинами изъ дувня, чернѣлись ихъ лоснящіяся спины или мелькали въ воздухѣ ихъ могучіе лопастные хвосты. Тутъ же надъ китами тучами носились мелкія изящныя чайки. Очевидно, и птицы, и звѣри пробавлялись здѣсь одной и той же пищей, именно плавающими моллюсками, въ несмѣтномъ множествѣ живущими на поверхности. Поразительно красивую картину представляютъ



76. Гаги на прибрежныхъ утесахъ.

безчисленныя стаи бѣлоснѣжныхъ чаекъ, подобно клубамъ пѣны качающихся на темныхъ волнахъ океана. „Какъ описать“, говоритъ Брэмъ: „величіе этого зрѣлища? Достаточно ли сказать, что въ темную волнистую одежду моря вплетались милліоны и милліоны свѣтлыхъ жемчужинъ? Или лучше сравнить море съ небеснымъ сводомъ, а чаекъ со звѣздами? Не знаю, но я знаю только, что на морѣ я никогда не видалъ ничего прекраснѣе. И, какъ будто этого очарованія было еще недостаточно; полуночное солнце, скрывшееся на короткое время, вдругъ

облило своимъ розовымъ свѣтомъ море и птицъ, освѣтило всѣ гребни волнъ, какъ будто набросивъ на море крупную золотую сѣтку, и выдѣлило еще ярче ослѣпительно бѣлыхъ чаекъ, озаривъ ихъ розовымъ свѣтомъ". Мы имѣли случай любоваться подобнымъ зрѣлищемъ у Святого Носа.

Ночью вѣтеръ стихъ, а на слѣдующій день былъ почти полный штиль. Пра-

77. Чайки на волнахъ океана.

вильные ряды сѣдыхъ волнъ смѣнились мертвою зыбью. Вмѣсто крутыхъ валовъ поднимались теперь пологіе невысокіе холмы воды съ гладкой, какъ зеркало, поверхностью. Если мучительна качка во время вѣтра, то еще болѣе невыносима она при мертвой зыби. Прыгая по гребнямъ правильныхъ волнъ, судно качается однообразно или по килю, отъ носа къ кормѣ, или съ боку на бокъ. Вы можете приспособиться къ такой качкѣ, принявъ наиболѣе удобное положеніе. Но мерт-

вая зыбь бросаетъ васъ въ суднѣ, какъ крупу, которую просѣваютъ чрезъ рѣшето. Только что вы улеглись поперекъ судна, какъ оно поднимается носомъ

78. Косатка.
(*Orca gladiator*).

кверху, и вы катитесь къ кормѣ; вы перемѣнили положеніе и легли вдоль киля, судно вдругъ накреняется на бокъ, и вы летите къ борту. Въ такой-то толчеѣ очутился и нашъ маленькій клиперъ. Б. съ унылымъ видомъ уже два раза успѣлъ

заглянуть за бортъ, М. и Х. стонали, и только мы съ Г. крѣпились до послѣдней возможности.

„Китъ у борта!“ крикнулъ намъ капитанъ, и всѣ мы, забывъ качку, повскакали на ноги. Дѣйствительно, молодой китенокъ, сажени въ три длиной, плылъ рядомъ съ клипером. Выставивъ голову изъ воды, онъ вдругъ тяжело вздохнулъ и тотчасъ же скрылся въ глубинѣ прозрачнаго, какъ хрусталь, моря.

Удивительно, какъ неосторожны эти исполины животнаго царства. Не только молодыя, но и взрослыя, матерыя животныя нисколько не боялись нашего судна. Выставивъ изъ воды свою чудовищную лоснящуюся спину, они рѣзвились около насъ на разстояніи выстрѣла изъ дробовика. Будь у насъ китобойная пушка, мы могли бы застрѣлить не одного такого звѣря. Я думаю, что эта смѣлость китовъ говоритъ не въ пользу ихъ ума, потому что, несмотря на исполинскіе размѣры, они имѣютъ немало враговъ. Кромѣ общаго врага всѣхъ дикихъ звѣрей, человѣка, ихъ преслѣдуютъ еще косатки, крупные хищные дельфины, — настоящіе волки Ледовитаго океана. Косатки плаваютъ обыкновенно большими стадами. Набросившись на кита цѣлою толпою, онѣ врѣзаются въ его необъятную пасть и по кускамъ вырываютъ его толстый и жирный языкъ, послѣ чего китъ вскорѣ умираетъ.

Послѣ полудня штиль смѣнился противнымъ вѣтромъ. Плохо наше дѣло. Чувствуемъ, что клиперъ, нашъ позорный клиперъ, осрамится; однако ставимъ его подъ угломъ градусовъ въ 30 къ вѣтру и дѣлаемъ попытку идти реемъ, или лавировать. Вотъ изъ верхняго пузырька песочныхъ часовъ высыпалась послѣдняя песчинка; нашъ капитанъ дѣлаетъ поворотъ и ставитъ судно опять подъ угломъ въ 30 градусовъ къ вѣтру, но въ другую сторону; матросы перебрасываютъ паруса, и клиперъ, сильно накренившись на одинъ бокъ, какъ будто идетъ впередъ; по крайней мѣрѣ, вода журчитъ подъ носомъ, а за кормой тянется дорожка пѣны. Такъ металисъ мы изъ стороны въ сторону по указанію песочныхъ часовъ и въ результатѣ ночью очутились у того самаго Святого Носа, который прошли полусутки тому назадъ.

Да, быстро мы пятимся назадъ, быстрѣе, нежели идемъ впередъ! Ужъ не продолжать ли намъ плаваніе кормой впередъ?—говоримъ мы капитану. Но онъ не согласенъ съ нашимъ предложеніемъ и съ мрачнымъ видомъ снова ставитъ судно подъ угломъ къ вѣтру. На бѣду, по близости не было гавани, гдѣ можно было бы переждать противный вѣтеръ. Поневолѣ приходится держаться въ морѣ, въ надеждѣ, не смилуется ли надъ нами стихія. Всю ночь и весь слѣдующій день мы все еще не теряли надежды; наконецъ, къ вечеру лопнуло терпѣніе, и нашъ капитанъ повернулъ назадъ къ Іоканскимъ островамъ.

Острова расположены близъ самаго берега Лапландіи, который въ этомъ мѣстѣ вплоть до Норвегіи уже называется Мурманскимъ. Мы находились сѣвернѣе Трехъ Острововъ, между тѣмъ природа была здѣсь много оживленнѣе, нежели тамъ. Снѣгъ виднѣлся только небольшими пятнами въ очень глубокихъ лощинахъ; растительность была богаче. Береза, хотя и корявая, поднимается здѣсь до высоты человѣческаго роста; трава замѣтно выше, нежели у Трехъ Острововъ, черемица въ цвѣту, между тѣмъ тамъ на ней не было еще и бутоновъ. Словомъ, во всемъ чувствовалось вліяніе какого-то источника теплоты. Источникъ этотъ, конечно,—Гольфштремъ,

Китъ на Ледовитомъ океанѣ.

(*Balaena mysticetus*).

омывающій своими сравнительно теплыми водами весь Мурманскій берегъ и проходящій мимо горла Бѣлаго моря до Новой Земли. По берегамъ Новой Земли находятъ множество плавучаго лѣса, приносимаго Гольфштремомъ, Богъ знаетъ откуда.

Въ проливѣ между однимъ изъ острововъ и берегомъ держится много чаекъ, гагъ, а, въ особенности, чистиковъ-пискуновъ. Эти миловидныя, черныя, какъ уголь, величиной съ галку, морскія птицы были постояннымъ предметомъ нашихъ охотъ. Забавно было смотрѣть, какъ онѣ ныряли подъ выстрѣлами. Если чистикъ видитъ стрѣлка, онъ ни за что не позволитъ осыпать себя дробью. Лишь только изъ дула ружья покажется дымъ, чистикъ скрывается подъ водой, прежде чѣмъ дробь успѣетъ долетѣть до него. Мало того: онъ еще занимается въ это время рыболовствомъ. Случалось, что нырнувшая отъ выстрѣла птица выходила изъ воды, держа въ клювѣ маленькую рыбку.

Три дня стояли мы въ проливѣ, пережидая вѣтеръ. Днемъ или ночью, какъ случится, бродили мы по острову или на материкомъ берегу; точно также въ самое различное время ложились спать, устраивая себѣ искусственную темноту въ трюмѣ. Случалось, что мы совершенно сбивались со счету, не зная, что въ настоящую минуту на небѣ: день или ночь. Часы показываютъ два, а какой половины сутокъ, дня или ночи, этого на нихъ не видно. Можно было бы узнать объ этомъ отъ солнца, но оно по цѣлымъ суткамъ прячется за свинцовыми тучами. Только разъ случилось намъ видѣть солнце ровно въ полночь, когда оно погрузило свой нижній край въ море. Солнце, какъ солнце; ничего особеннаго въ немъ нѣтъ. Только бурунъ, съ бѣлой пѣной разбивающійся о прибрежныя скалы, да фигура сѣвернаго оленя, рисующаяся на фонѣ неба, придавали картинѣ полночнаго солнца нѣкоторую характерность. Если англичане ѣздятъ въ Норвегію смотрѣть дневное свѣтило въ полночь, то, навѣрное, только затѣмъ, чтобы получить право говорить впослѣдствіи: „Я видѣлъ полночное солнце“. Дневной свѣтъ, продолжающійся круглыя сутки, мѣшалъ спать не только намъ, но и птицамъ. Когда бы вы ни взглянули на море, постоянно вы увидите: чаекъ, снующихъ надъ нимъ; чистиковъ, съ жалобнымъ пискомъ плавающихъ на его поверхности; вереницы сѣрыхъ гагъ и ихъ бѣлыхъ самцовъ, перелетающихъ вдоль пролива; вѣчно птицы въ движеніи, вѣчно охотятся, и засыпаютъ ли онѣ хоть ненадолго, извѣстно только имъ однѣмъ. Вѣроятно, приткнется гдѣ-нибудь неутомимая пернатая работница, подремлетъ нѣсколько минутъ и опять летитъ по своимъ дѣламъ, опять кормитъ своихъ дѣтей, или кормится сама.

9-го іюля нашъ клиперъ сдѣлалъ маленькій переходъ въ устье Іоканки, довольно широкой, но короткой рѣки; оно расположено въ 12 верстахъ на югъ отъ острововъ. Берега рѣки гористы, склоны ихъ, въ особенности, лощины, поросли настоящимъ березовымъ лѣскомъ; но, сверхъ ожиданія, въ немъ почти совсѣмъ не было птицъ.

Только 12-го числа задулъ было попутный вѣтеръ. Мы вышли въ море. Но вѣтеръ скоро смѣнился на противный, и нашъ клиперъ едва успѣлъ добраться до прежней стоянки у Іоканскихъ острововъ. 13-го числа къ вечеру мы снова вышли. Въ теченіе ночи и слѣдующаго дня вѣтеръ мѣнялся два раза, два раза клиперъ относило назадъ; однако мы не сдавались, и 15-го числа къ вечеру все-таки почти добрались до рыбацкаго становища Гаврилова. Однако до бухты оста-

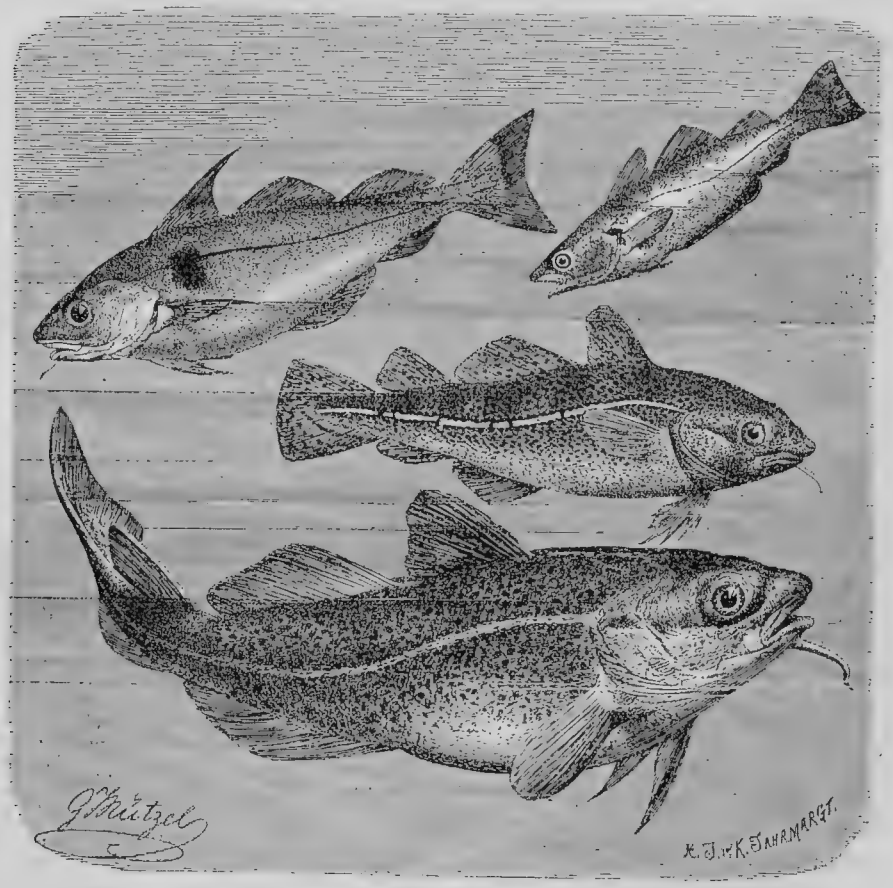
валось еще версты полторы. „Вонъ, за тѣмъ мыскомъ начинается поворотъ въ бухту!“—указывалъ намъ капитанъ. И что-жъ бы вы думали? Вдругъ заштилѣло. Это значило, что часа черезъ два задуетъ противный вѣтеръ; затѣмъ въ скоромъ времени долженъ былъ начаться отливъ, а тогда—прощай Гаврилово до слѣдующаго попутнаго вѣтра. Предательская стихія выхватывала у насъ прекрасную стоянку изъ-подъ самаго носа и обрекала на безцѣльное, утомительное болтыханіе въ морѣ. Не угодно ли при такихъ обстоятельствахъ оставаться спокойнымъ?! Можно ли относиться равнодушнымъ къ такому издѣвательству вѣтра надъ нами?!

Ну, постой же ты, воздушная стихія, устроимъ мы тебѣ сюрпризъ! Не даромъ мы съ Х. выросли на Волгѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она разливается на сотню рукавовъ, прежде чѣмъ уйти въ море; не напрасно же мы мозолили себѣ руки, проводя на лодкѣ цѣлое лѣто въ теченіе всей гимназической и студенческой жизни! „Карбасъ на воду“, скомандовалъ капитанъ, въ отвѣтъ на наше предложеніе устроить сюрпризъ. Черезъ пять минутъ мы съ Х. уже сидѣли въ веслахъ. Впереди насъ гребъ единственный правоспособный матросъ нашей команды; на руль сѣлъ старикъ кокъ, капитанъ остался на рулѣ клипера; и карбасъ, качаясь на волнахъ мертвой зыби, со скоростью улитки потащилъ на буксирѣ клиперъ. Мы гребли съ усердіемъ, можно сказать, съ яростью, достойной самаго дѣла. Вотъ Х. снимаетъ пальто, за нимъ тоже дѣлаю я. Вотъ полетѣли на дно лодки пиджаки и шапки. Между лодкой и судномъ то и дѣло вздуваются огромные холмы воды; они топятъ буксиръ и заслоняютъ отъ насъ нашу баржу; несмотря ни на что, мы гребемъ и гребемъ. Наконецъ, предъ нами открылся входъ въ бухту. Еще десятка три взмаховъ веслами, и клиперъ бросилъ якорь. Ура, наша взяла! Вскорѣ потомъ пришла и стихія со своимъ противнымъ вѣтромъ, но уже было поздно.

Въ глубинѣ бухты, верстахъ въ пяти отъ нашей стоянки раскинулось большое рыбацкое становище Гаврилово, куда мы не замедлили заглянуть. Насъ встрѣтила нестерпимая вонь, испускаемая треcковыми головами, полусгнившими скатами и всякими рыбными остатками, выброшенными на берегъ. Тутъ же среди этого рыбьяго мусора копошились ловцы. Одинъ чинилъ снасть, двое вытаскивали на берегъ карбасъ, а нѣсколько человѣкъ потрошили треску, прибавляя на будущее время новый матеріалъ для зловонія. Поселокъ состоитъ изъ наскоро построенныхъ избъ, служащихъ только временнымъ помѣщеніемъ для ловцовъ. Почти всѣ жители становища пріѣзжаютъ или приходятъ сюда пѣшкомъ только на рыболовный сезонъ, по окончаніи котораго возвращаются домой, т. е., въ села и города Архангельской губерніи, расположенные по Бѣлому морю. Въ Гаврилово остаются всего 5—6 семействъ колонистовъ, которые и караулятъ въ теченіе зимы оставленное ловцами имущество.

Какъ вездѣ на Мурманѣ, такъ и здѣсь кормилицей населенія служитъ, главнымъ образомъ, треска. Это—почти то же, что хлѣбъ для крестьянина черноземныхъ губерній. Хлѣбъ этотъ однако добывается съ гораздо большимъ трудомъ и рискомъ, нежели ржаной или пшеничный, а урожай его бываетъ еще болѣе измѣнчивъ въ зависимости отъ разныхъ причинъ и, между прочимъ, отъ погоды... Треска ловится такъ называемыми „ярусами“, орудіемъ, очень напоминающимъ простую крючковую снасть, употребляемую въ Каспійскомъ морѣ для ловли бѣлуги. Представьте себѣ веревку длиной въ нѣсколько верстъ; на небольшомъ разстояніи другъ

отъ друга къ этой веревкѣ на коротенькихъ бичевкахъ подвѣшиваются крючья и поплавки. Вотъ и весь ярусъ. На крючья для приманки насаживаютъ мелкую рыбу: мойву или песчанку. Ярусъ при помощи грузилъ опускается на дно; поплавки слегка приподнимаютъ его. Снасть выбрасывается въ море вдали отъ береговъ. При ней на якорѣ стоитъ лодка, въ которой ловцы дожидаются результатовъ улова



79. Треска.
(*Gadus morrhua*).

иногда по нѣсколько сутокъ... Наши русскіе промышленники употребляютъ для этой цѣли такъ называемыя шняки, довольно тяжелыя лодки, которыя плохо ходятъ на веслахъ, и еще хуже парусомъ. Вотъ на этихъ-то шнякахъ ловцы подчасъ и находятъ свою погибель.

Надо замѣтить, что всюду по Мурманскому берегу, какъ это много разъ приходилось испытывать на себѣ и нашему клиперу, вѣтры отличаются по-истинѣ пре-

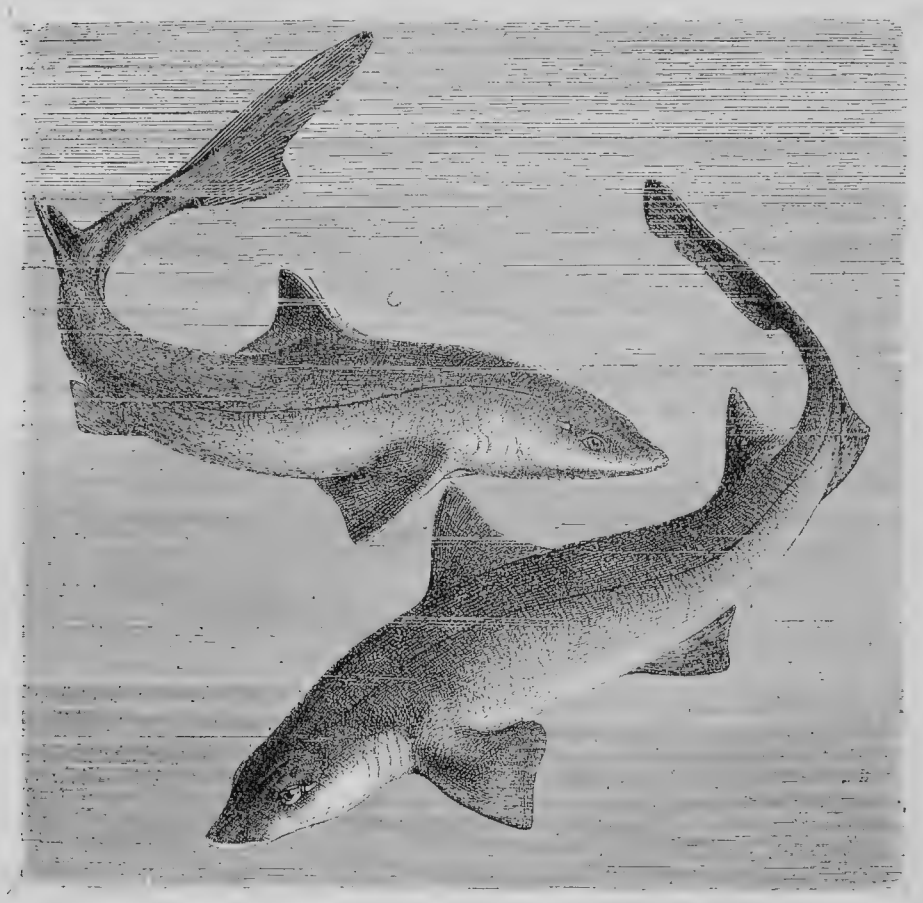
дательскимъ характеромъ. Наслаждаясь хорошей погодой, какая только возможна на Мурманѣ, вы плывете себѣ на парусномъ суднѣ и думаете: „а Ледовитый океанъ не такъ страшенъ, какъ о немъ говорятъ“. Вдругъ, словно въ опроверженіе вашихъ думъ, свистя въ вантахъ и обдавая васъ солеными брызгами воды, налетаетъ штормъ. Паруса убираются, и ваше судно терпитъ аварію. Если такой нежданный негаданный штормъ застаетъ ловцовъ на ярусѣ, имъ, конечно, не остается ничего другого, какъ спасать свои животы. Яруса бросаются на произволъ судьбы, а ловцы направляются въ ближайшую бухту, или просто къ берегу, гдѣ вытаскиваютъ шняку на сухую землю. Если ловцы успѣли уйти отъ разбушевавшейся стихіи сами, они все-таки платятся ярусами: волна разбрасываетъ ихъ или, во всякомъ случаѣ, срываетъ значки, безъ которыхъ трудно или невозможно отыскать оставленную снасть. Норвежскіе промышленники рыбачатъ на судахъ лучшей конструкціи и большихъ размѣровъ, на такъ называемыхъ ёлахъ. Хотя штормъ не щадитъ иногда и эти ёлы, все же случаи гибели бываютъ съ ними рѣже, нежели со шняками. Съ другой стороны, на русскомъ Мурманѣ, гдѣ очень мало бухточекъ, ёла неудобна въ томъ отношеніи, что ее нельзя вытаскивать на берегъ: она и тяжела, и хрупка.

Кромѣ трески, на Мурманѣ промышляютъ еще пикшуя, рыбу очень похожую на треску, а также палтуса, очень крупную породу камбаловыхъ рыбъ. Случается, что на треску, попавшуюся въ ярусъ, въ свою очередь, попадается акула. Русскіе промышленники считаютъ ее поганой рыбой, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что она, въ отличіе отъ большинства рыбъ, родитъ живыхъ дѣтей. Однако жиръ акулы, почти безцвѣтный и прозрачный, какъ вода, здѣсь нерѣдко употребляютъ въ пищу, вмѣсто масла. Часто на крючья ярусовъ попадается живность, непригодная ровно ни къ чему. Иногда въ наживку вцѣпляются морскія звѣзды или крабы, которыхъ тутъ же бросаютъ въ море, доставляя тѣмъ не мало удовольствія чайкамъ. Около каждой шняки обыкновенно держится нѣсколько штукъ этихъ птицъ. Особенно досаждаютъ промышленникамъ скаты, эти плоскія, какъ блинъ, колючія рыбы. Въ послѣднее время, какъ говорятъ, ихъ стали ѣсть и даже солить въ прокъ какъ для собственнаго употребленія, такъ и въ продажу.

На Мурманѣ рыба ловится, главнымъ образомъ, на наживку. Самый промыселъ распадается поэтому на двѣ части. Сначала надо поймать мелкую рыбешку; затѣмъ уже можно приступить къ самому промыслу. Поэтому уловъ промысловой рыбы прежде всего зависитъ отъ улова песчанки и мойвы. И та, и другая рыбешка большими стаями подходятъ для метанія икры къ песчанымъ берегамъ Мурмана, но это бываетъ въ опредѣленное время года, періодически. Случается, что наживка не является въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее ждутъ, или подходитъ въ незначительномъ количествѣ.

Лучше всего треска берется на мойву, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ лакомую пищу китовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда эта рыбка, похожая на нашу корюшку, изъ глубины океана огромными стаями подходитъ къ берегамъ, слѣдомъ за ней являются и киты. Поэтому рыбопромышленники, ожидающіе появленія мойвы, внимательно наблюдаютъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ въ морѣ бѣлый столбъ пара, выброшенный изъ дувня морского исполина. Разъ появились киты, значитъ, пора приступать и къ лову мойвы. Такимъ образомъ, эти звѣри и промышленники являются въ нѣкоторомъ родѣ конкуррентами другъ другу, такъ какъ охотятся за одной

и той же рыбой. По мнѣнію нѣкоторыхъ, конкурренція китовъ настолько опасна, что ихъ во что бы то ни стало слѣдуетъ истребить. Они будто бы поѣдаютъ мойву въ огромномъ количествѣ и, что всего важнѣе, отпугиваютъ ее отъ берега, тѣмъ самымъ лишая промышленниковъ наживки. На этомъ основаніи одинъ благодѣтельный иностранецъ сдѣлалъ нашему правительству предложеніе, которое, по его словамъ, должно было осчастливить рыбопромышленниковъ Мурмана. Онъ обѣщалъ въ теченіе 15 лѣтъ



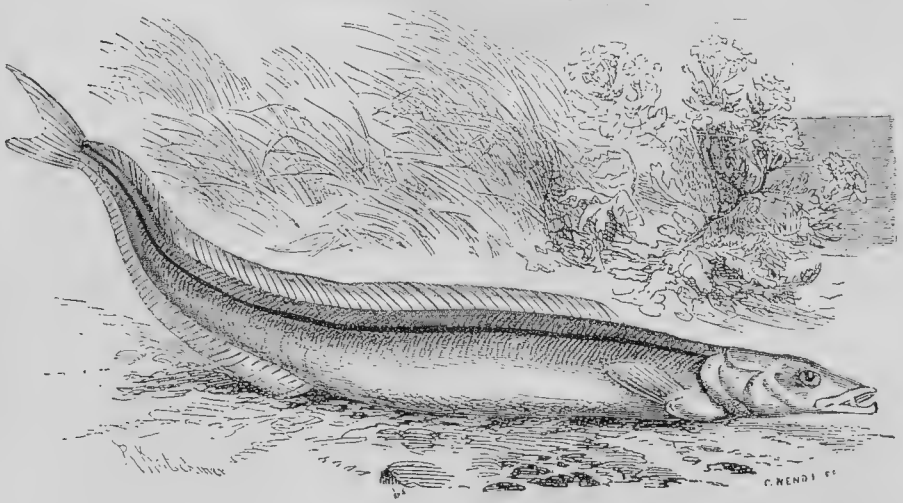
80. Акулы.
(*Carcharias glaucus*).

уничтожить всѣхъ нашихъ китовъ; въ вознагражденіе за эту услугу онъ просилъ нѣкоторыхъ, правда, очень солидныхъ правъ, напр., права пользоваться казеннымъ лѣсомъ, землей и проч.

Хотя это предложеніе носило всѣ признаки беззастѣнчиваго покушенія на грабежъ, однако, Богъ знаетъ, чѣмъ оно кончилось бы, если бы не нашъ знатокъ сѣвера Сидоровъ. Онъ первый на всю Россію закричалъ „караулъ“. Въ своей книгѣ

„О китоловствѣ“ онъ указалъ, что киты сами по себѣ составляютъ такое богатство, уничтоженіе котораго было-бы безумiемъ, тѣмъ болѣе, что вредъ, причиняемый ими рыбопромышленности, существуетъ только въ фантазіи иностранцевъ, которымъ нестерпимо хочется облагодѣтельствовать Россію. Сидоровъ добился, наконецъ, того, что надъ китами былъ наряженъ настоящій судъ, въ которомъ роль прокурора игралъ упомянутый иностранецъ, а защитникомъ выступилъ самъ Сидоровъ.

Такъ какъ этотъ судъ не располагалъ достаточными свѣдѣніями о продѣлкахъ подсудимыхъ, нашей экспедиціи дали порученіе: произвести по этому поводу тщательное дознаніе. Насколько позволили намъ обстоятельства, въ особенности, нашъ клиперъ, отличавшійся рѣдкой способностью пятиться назадъ, мы произвели нѣкоторое слѣдствіе. Повидимому, киты не пригоняютъ мойву, какъ думалъ Сидоровъ,



81. Песчанка.
(Ammodytes Tobianus).

но и не отпугиваютъ ее отъ береговъ, какъ въ этомъ старался увѣрить наше правительство упомянутый иностранецъ. Она сама по себѣ подходитъ къ берегу для метанія икры, за ней являются киты, которые исчезаютъ точно также вслѣдъ за мойвой. Конечно, они поѣдаютъ эту рыбу, но, при безчисленномъ множествѣ ея, при ея огромной плодовитости, эти морскіе исполины, несмотря на свой аппетитъ, не въ состояніи сколько-нибудь замѣтно уменьшить численность этой мелкой рыбешки. Мойва существуетъ испоконъ вѣковъ, какъ испоконъ вѣковъ ловятъ ее и киты; но это нисколько не повело къ исчезновенію мойвы. Надо думать, что и теперь отношенія этихъ двухъ обитателей моря другъ къ другу ни мало не измѣнились. Что же касается того, что киты сами по себѣ составляютъ богатство, объ этомъ, я думаю, и распространяться нѣтъ надобности.

Одинъ такой звѣрь можетъ дать жиру болѣе, чѣмъ на одну тысячу рублей.

Въ этомъ-то богатствѣ и скрывается секретъ непреодолимаго влеченія иностранцевъ радѣть о пользѣ Россіи. Надо замѣтить, что угроза уничтожить всѣхъ китовъ въ теченіе 15 лѣтъ могла быть исполнена съ большимъ успѣхомъ. Китъ, какъ выражаются мурманскіе рыбопромышленники, звѣрь смирный. Цѣлыми стадами, не обнаруживая никакой боязни къ людямъ, шныряетъ онъ у шнякъ; нерѣдко онъ подплываетъ къ самому борту лодки, но никогда не задѣваетъ ее. При такой довѣрчивости китовъ охота на нихъ не представляетъ большихъ трудностей, да и опасности, которымъ подвергались промышленники при старыхъ способахъ боя, въ настоящее время устранены. Вмѣсто прежнихъ гарпуновъ, бросаемыхъ отъ руки, теперь употребляютъ пушки. Пушка устанавливается на носу парохода на особой подставкѣ

82. Пушка китобоя.

настолько подвижно, что стрѣлокъ очень легко можетъ направлять ее одной рукой. Орудіе заряжается гарпуномъ, конецъ котораго привязывается къ веревкѣ. Внутри острія помѣщается граната, которая взрывается въ то время, когда китъ съ гарпуномъ въ тѣлѣ натянетъ веревку. При такомъ способѣ убить кита не труднѣе, нежели подстрѣлить зайца.

Убитаго звѣря пароходъ тащитъ на буксирѣ къ заводу, гдѣ его раздѣлываютъ при помощи паровыхъ машинъ.

Очень рѣдко случается, что раненый китъ уходитъ и умираетъ спустя нѣкоторое время. Если счастливый случай натолкнетъ ловцовъ на такой трупъ, они зарабатываютъ на немъ цѣлый капиталъ.

Вдоль Мурманскаго берега не составляютъ рѣдкости и другія китообразныя

животныя. Чаще другихъ попадается бѣлуха. Это—крупный дельфинъ совершенно бѣлаго цвѣта, сажени въ три длиною. Въ Бѣломъ морѣ бѣлухъ ловятъ, какъ рыбу, сѣтями, сплетенными изъ очень толстой пряжи. Значительно рѣже встрѣчается

83. Бѣлуха. (*Beluga leucas*).

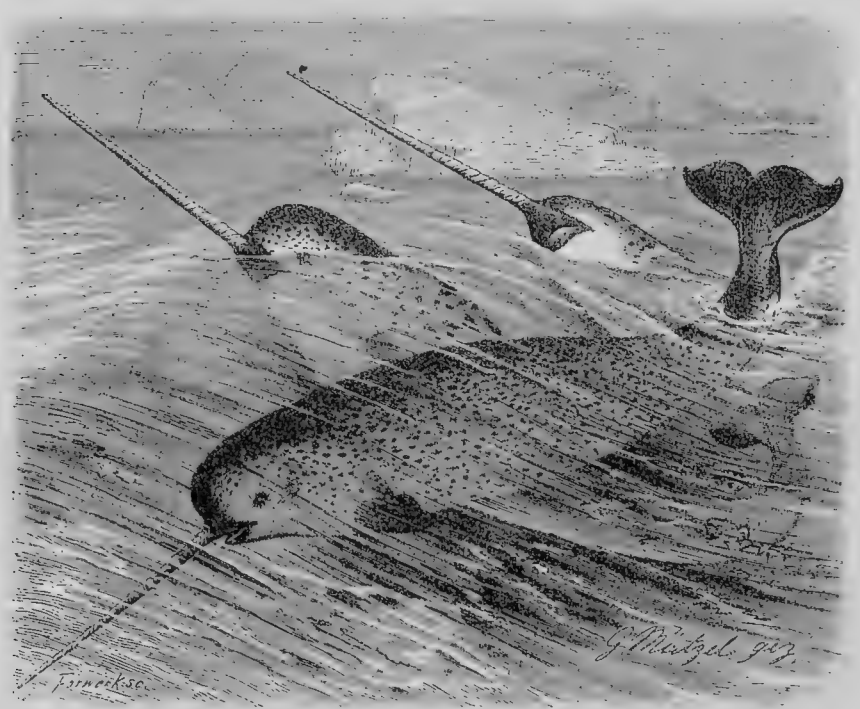
нарвалъ или единорогъ, тоже китообразное животное съ длиннымъ прямымъ бивнемъ, направленнымъ впередъ; этимъ бивнемъ самцы жестоко дерутся другъ съ другомъ. Тюлени на лѣто откочевываютъ отъ Мурманскаго берега; поэтому мы

видѣли ихъ сравнительно рѣже. Весной же эти звѣри составляютъ здѣсь предметъ большого промысла.

Въ Гавриловѣ сѣверъ побаловалъ насъ хорошею погодою. Въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ-рядъ было тихо, ясно и настолько тепло, что на палубѣ можно было сидѣть не только безъ полушубковъ, но и безъ пальто.

Зато и надѣлали же мы дѣлъ за это время! Г. со своими сѣтями произвелъ настоящій погромъ среди морскихъ ежей, звѣздъ, моллюсковъ и другихъ мелкихъ животныхъ Ледовитаго океана.

Много диковинныхъ существъ сидѣло теперь въ его банкахъ. Больше другихъ



84. Нарвалъ.
(*Monodon monoceros*).

обращалъ на себя вниманіе ракъ-отшельникъ. Въ общемъ, онъ напоминаетъ обыкновеннаго рѣчного рака. Но его хвостъ совершенно мягокъ, какъ будто только что облинялъ. Чтобы рыбы не откусили этотъ мягкій хвостикъ, отшельникъ прячетъ его въ пустую раковину, завитую спирально. Впрочемъ, раковина обыкновенно бываетъ настолько велика, что, въ случаѣ надобности, туда можетъ спрятаться весь ракъ. Отшельникъ таскаетъ этотъ грузъ съ такой легкостью, какъ будто раковина составляетъ часть его тѣла. Раковина держится крѣпко. Для этого ракъ завинчиваетъ въ ея спиральный завитокъ кончикъ своего хвоста, который поэтому имѣетъ форму штопора. Когда грозитъ опасность, отшельникъ залѣзаетъ въ полость раковины,

прикрывая отверстіе ея одной большой клешней, словно крышкой; другая клешня у него значительно меньше. Чтобы добыть себѣ домъ, отшельникъ выбираетъ одну изъ пустыхъ раковинъ; или же выживаетъ изъ какой-нибудь раковины ея настоя-

85. Тюлень (*Phoca groenlandica*).

щаго хозяина,—моллюска. Для этого онъ запускаетъ въ отверстіе раковины свою клешню, схватываетъ моллюска и, безъ всякихъ церемоній, вытаскиваетъ его, а иногда еще и съѣдаетъ; самъ же поселяется въ чужомъ домѣ. Когда ракъ выростетъ,

Ракъ-отшельникъ и актинія.

такъ что прежнее помѣщеніе окажется тѣснымъ, онъ повторяетъ ту же операцію съ другимъ, болѣе крупнымъ моллюскомъ.

Очень часто отшельникъ сажаетъ на свою раковину небольшое, довольно странное животное, называемое актиніей или морской розой. Представьте себѣ мясистую тумбочку, на верхней площадкѣ которой, какъ разъ въ центрѣ, находится отверстіе. Тумбочка эта—актинія, а отверстіе—ея ротъ. Вокругъ рта расположенъ цѣлый вѣнецъ щупалецъ, при содѣйствіи которыхъ животное ловитъ проплывающую мимо добычу и отправляетъ ее въ ротъ. Щупальца не рѣдко имѣютъ яркую окраску: иногда они голубыя, иногда розовыя; по своей формѣ они напоминаютъ лепестки цвѣтка; поэтому актинія очень походитъ на цвѣтокъ. Въ тѣлѣ этого удивительнаго животнаго скрыты спирально-закрученныя нити, которыя могутъ моментально раскручиваться, если того пожелаетъ морская роза. Нити жгутся, какъ крапива, и потому отлично защищаютъ актинію отъ всевозможныхъ враговъ.

Встрѣтивши актинію, отшельникъ сажаетъ ее на свою раковину. Это значитъ: отнынѣ заключенъ союзъ, чрезвычайно выгодный для обоихъ животныхъ. Морская роза своими нитями защищаетъ рака отъ нападенія различныхъ хищниковъ. Отшельникъ же, въ свою очередь, переноситъ ее съ мѣста на мѣсто. Обыкновенно актиніи сидятъ, прикрѣпленныя къ камню; при этомъ приходится довольствоваться той пищей, которая сама прилипаетъ къ ихъ рту. Этого не всегда достаточно. Положеніе дѣлъ сразу мѣняется, какъ только актинія помѣщается на раковинѣ отшельника: ея союзникъ суетливъ и постоянно ползаетъ по дну; ее постоянно омываютъ новыя струи, несущія обильную добычу. Неудивительно, что оба животныя дорожатъ такимъ удобнымъ союзомъ. По крайней мѣрѣ, отшельникъ очень привязанъ къ своей подругѣ. Это видно изъ тѣхъ усилій, съ какими онъ старается вернуть къ себѣ актинію, если разлучить ихъ. Попробуйте вытащить отшельника изъ его раковины и завяжите отверстіе ея тряпочкой. Отшельникъ станетъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы прорвать тряпочку и вернуться въ раковину, на которой сидитъ его союзница. Кругомъ валяются такія же раковины; почему бы не помѣститься въ одной изъ нихъ? Нѣтъ, отшельнику нужна прежняя раковина, онъ не хочетъ разстаться съ актиніей. Наконецъ, бѣдному раку становится ясной безплодность его усилій. Тогда онъ залѣзаетъ въ одну изъ пустыхъ раковинъ. Но это не значитъ, что онъ бросилъ свою подругу. Онъ отправляется къ прежнему дому, снимаетъ клешней актинію и переноситъ ее на свое новое помѣщеніе. Такое сожительство между двумя разнородными организмами, выгодное для обѣихъ сторонъ, носитъ въ наукѣ названіе симбіоза.

Не менѣе любопытно другое животное изъ того же класса ракообразныхъ: я имѣю въ виду обыкновеннаго краба. Любая изъ десяти ногъ краба можетъ отдѣлиться отъ тѣла, по желанію животнаго; впослѣдствіи на мѣстѣ отломившейся ноги выростаетъ новая. Эта способность самопроизвольно отдѣлять тѣ или другіе члены называется автотоміей. Она очень полезна для краба, такъ какъ часто спасаетъ его отъ смерти. Его ноги торчатъ вокругъ туловища во всѣ стороны. Рыбѣ, которая пожелала бы съѣсть краба, приходится имѣть дѣло, прежде всего, съ ногами. Вотъ она схватила его за одну изъ ногъ... Крабъ быстро отламываетъ схваченную конечность и спасается бѣгствомъ. Конечно, непріятно терять ногу. Но вѣдь она скоро выростетъ; между тѣмъ жизнь на этотъ разъ спасена. Если осторожно, не причиняя боли,

взять краба за одну изъ лапокъ, онъ начинаетъ топорщиться, стараясь освободить застрявшую конечность, однако не прибѣгаетъ къ самопроизвольной ампутаціи. Но стоитъ только причинить ногѣ боль, напримѣръ, ущипнуть ея кончикъ, или отстричь его ножницами, крабъ мгновенно отбрасываетъ ее. Замѣчательно, что въ мѣстѣ излома никогда не бываетъ кровотеченія. Это происходитъ вслѣдствіе того, что мускулы въ этомъ мѣстѣ вздуваются и совершенно закрываютъ отверстіе известковой трубочки, составляющей каждый членикъ ноги.

Той же способностью къ автотоміи обладаютъ морскія звѣзды. Достаточно взять морскую звѣзду настолько грубо, чтобы она это почувствовала, и схваченный лучъ мгновенно отламывается. Если продолжить этотъ опытъ, морская звѣзда можетъ отдѣлить всѣ пять лучей. Замѣчательно, что каждый изъ нихъ впослѣдствіи превращается въ новую звѣзду. Сначала при основаніи отломленнаго луча появляется кру-

86. Крабъ „майя“.
(*Maja*).

жокъ; потомъ изъ кружка выростаютъ всѣ остальные отростки. Насколько часто морскія звѣзды пользуются своей удивительной способностью отдѣлять лучи, видно изъ того, что среди пойманныхъ нами нѣсколькихъ десятковъ звѣздъ не было ни одной, у которой всѣ лучи были бы совершено одинаковой величины: одинъ или два непремѣнно короче остальныхъ. Очевидно, они были отломлены и еще не успѣли отрости окончательно.

При помощи драги Г. добылъ со дна морского не мало гидроидовъ. Эти удивительныя животныя похожи на растенія. По внѣшнему виду это—настоящій кустикъ, растущій на подводномъ камешкѣ: такіе же, какъ у растенія, корешки; такія же вѣточки; на этихъ вѣточкахъ вы замѣчаете нѣчто вродѣ цвѣтовъ. На самомъ же дѣлѣ, гидроидъ—настоящее животное, или, вѣрнѣе, колонія изъ множества животныхъ, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ общимъ скелетомъ, который

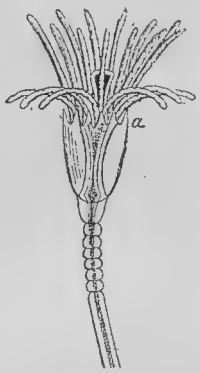
87. Крабы около своей добычи.

имѣетъ видъ кустика. Цвѣточки это—отдѣльныя животныя. По формѣ каждый изъ нихъ очень походитъ на крошечную рюмочку, на краяхъ которой сидятъ щупальца. Щупальца эти ловятъ проплывающую мимо добычу и отправляютъ ее въ полость рюмочки, гдѣ пища переваривается.

88. Женская колонія гидроида. (*Sertularia cupressoides*).

Есть еще животное, колоніи котораго имѣютъ форму вѣтвистаго кустика, но только жесткаго, составленнаго изъ блестящей бѣлой извести. Это—нѣкоторыя породы мшанокъ. Отдѣльныя животныя, сидящія на такомъ твердомъ общемъ скелетѣ, устроены сложнѣе, нежели у гидроидовъ: у мшанокъ имѣется ротъ, окруженный вѣнцомъ щупалецъ, затѣмъ желудокъ, кишечный каналъ и нѣкоторые другіе органы, свойственные высшимъ животнымъ.

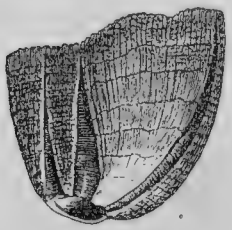
Не мало поживы нашелъ неутомимый Г. на берегу моря, среди прибрежныхъ скалъ и камней, грудами валяющихся на песчаныхъ отмеляхъ. Здѣсь особенно поражало несмѣтное множество ракушекъ, называемыхъ съѣдобными; во многихъ мѣстахъ ихъ употребляютъ въ пищу. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ подводныя скалы были сплошь усѣяны массами этихъ моллюсковъ, плотно прикрѣпившихся къ камню при помощи особыхъ нитей. Какъ большинство моллюсковъ съ двустворчатой раковиной, съѣдобныя ракушки цѣдятъ сквозь себя воду и вмѣстѣ съ водой втягиваютъ мелкихъ животныхъ, служащихъ моллюскамъ пищей. Сколько же должно быть этихъ животныхъ для того, чтобы прокормить миріады крупныхъ, длиной приблизительно съ палецъ ракушекъ?



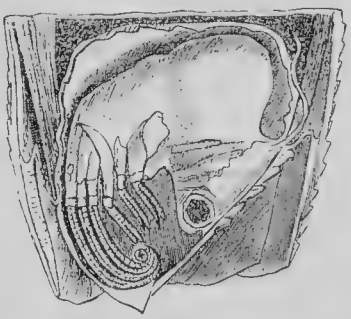
89. Гидрантъ или отдѣльная чашечка гидроида. (*Campanularia Johnstoni*).

Той же пищей живутъ морскіе жолуди, которые мѣстами покрываютъ прибрежныя скалы тоже въ изрядномъ количествѣ. Морскихъ жолудей относятъ къ ракообразнымъ, хотя по внѣшнему виду они походятъ скорѣе на моллюсковъ. Тѣло ихъ спрятано въ раковинѣ, напоминающей по формѣ круглую юрту или чумъ самоѣда. Въ такой раковинѣ, плотно прикрѣпленной къ камню, внизъ головой, сидитъ маленькій рачекъ, выставляющій изъ отверстія своего помѣщенія длинныя, похожія на усы ножки, которыя и захватываютъ все, что проплываетъ мимо и что пригодно въ качествѣ пищи. Иногда морскіе жо-

луди прикрѣплены ко скалѣ на такой высотѣ надъ поверхностью моря, что вода не доходитъ до нихъ даже во время самаго высокаго прилива; здѣсь они довольствуются только той влагой, которою снабжаютъ ихъ брызги морского прибоя.

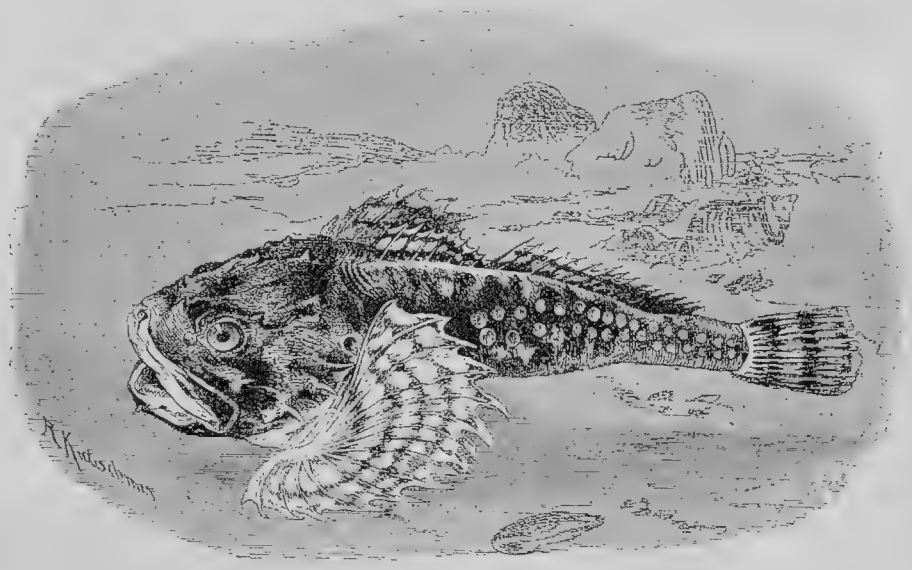


90. Морской жолудь.
(*Balanus*).



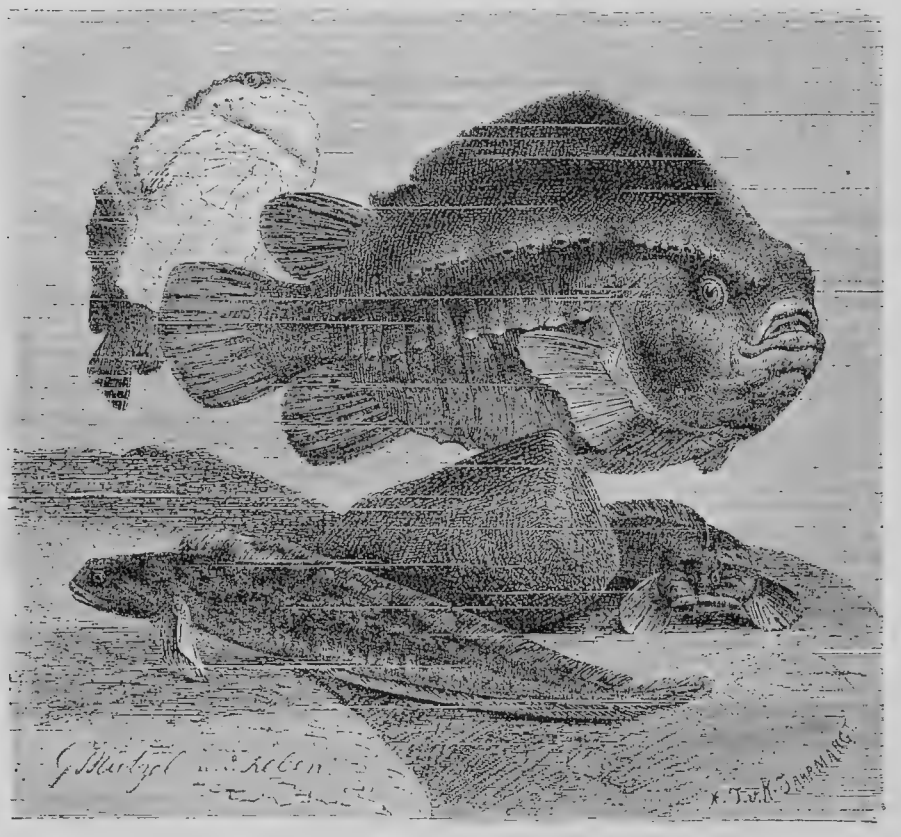
91. Морской жолудь въ разрѣзѣ.

Въ то время, когда Г. опустошалъ дно Ледовитаго океана, мы также не сидѣли безъ дѣла. Даже нашъ зуекъ Николка не отставалъ отъ прочихъ по части изслѣдованія природы. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на палубѣ клипера и удилъ рыбу. На его удочку попадались по большей части бычки, колючія головастыя



92. Бычокъ.
(*Cottus scorpius*).

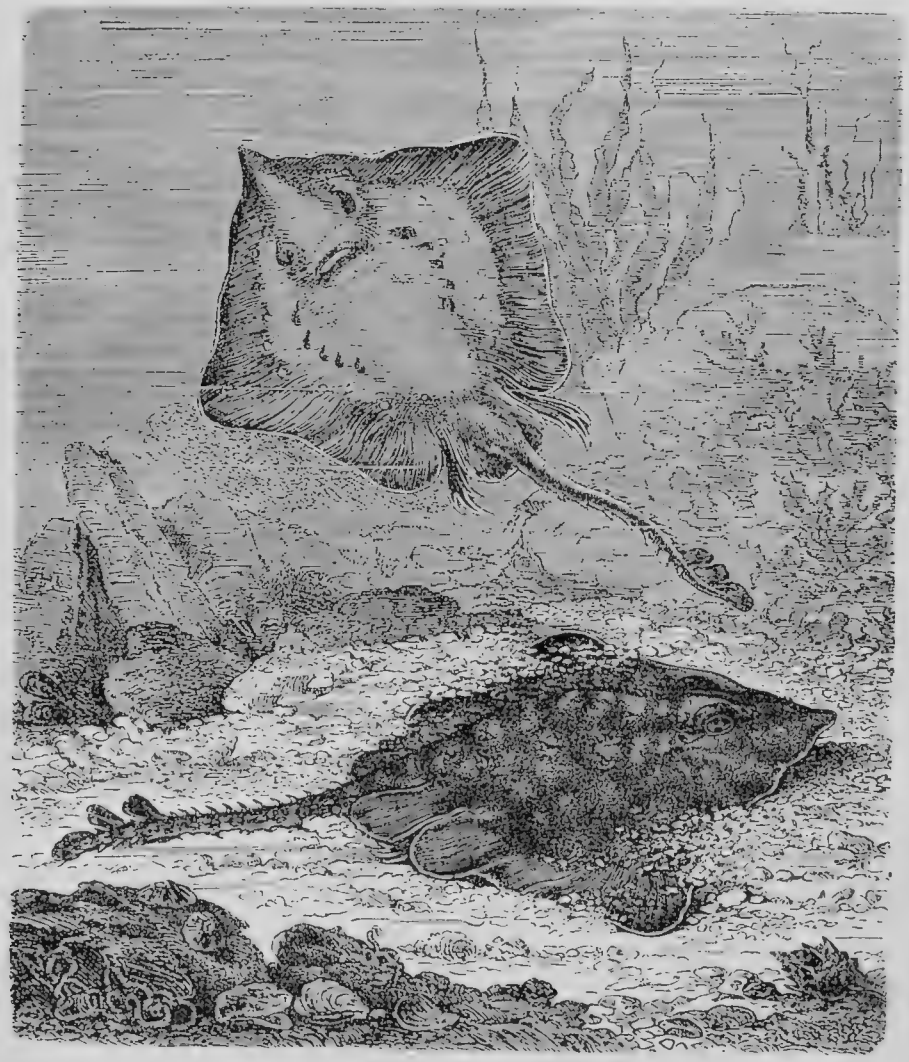
рыбы, прямо съ крючка переходившія въ наши банки со спиртомъ. Какими-то судьбами добывалъ онъ прилипалъ или, по мѣстному, пинагоровъ, толстыхъ рыбъ съ присоскомъ на груди. Не мало наловилъ Николка и мелкихъ камбалокъ, поступавшихъ съ крючка по большей часто въ кухню нашего стараго кока. Странныя рыбы эти камбалки. Изъ ихъ икринки выклевывается малекъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся. Какъ у всѣхъ рыбъ тѣло его симметрично и глаза расположены по обѣимъ сторонамъ головы. Но по мѣрѣ роста малекъ начинаетъ искривляться:



93. Прилипало.
(Cyclopterus lumpus).

у однѣхъ породъ камбалы на лѣвую сторону, у другихъ на правую. На эту сторону переходитъ противоположный глазъ, такъ что у вполнѣ сформированной рыбы оба глаза помѣщаются или на правой половинѣ головы, или на лѣвой. Послѣ такого искривленія камбала начинаетъ плавать бокомъ, безглазой стороной внизъ. Противоположная сторона, обращенная вверхъ, бываетъ окрашена подъ цвѣтъ песку морского дна, такъ что, когда плоская, какъ блинъ, рыба лежитъ на днѣ неподвижно, ее невозможно различить даже на очень близкомъ разстояніи.

Такую же плоскую блинообразную форму имѣютъ скаты, которыхъ не разъ поддѣвалъ своей удочкой Николка. Но ихъ тѣло не искривлено и плаваютъ они не на боку, а, какъ всѣ другія рыбы, животомъ внизъ. Тѣло ската какъ будто



94. Скаты.
(*Raja clavata*).

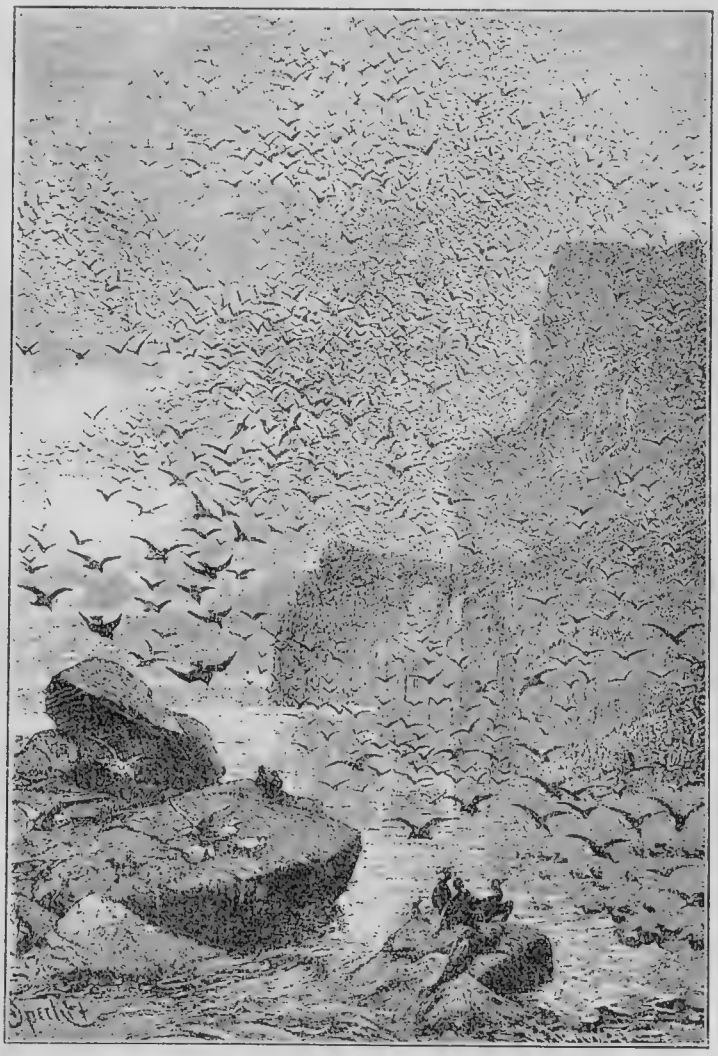
приплюснуто, такъ что спина и животъ представляютъ широкую плоскую поверхность, а бока приняли видъ остраго края. Въ то время какъ большинство другихъ рыбъ размножаются икрой, скаты такъ же, какъ и нѣкоторыя акулы, несутъ яйца.

Правда, эти яйца имѣютъ четырехугольную форму, съ закрученными нитями на углахъ, но они покрыты толстой роговой скорлупой и по размѣрамъ не уступаютъ яицамъ птицъ. У рыбы величиной съ тарелку они бываютъ немного развѣ короче мизинца.

Недалеко отъ входа въ Гавриловскую бухту находится крошечный скалистый островокъ, Гусинецъ. На немъ имѣются птичьи горы, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей животной жизни полярныхъ морей. Мурманскіе поморы называютъ такія горы базарами, и, дѣйствительно, это настоящій птичій базаръ, или даже ярмарка. Представьте себѣ большую скалу, отвѣсно, въ видѣ стѣны спускающуюся въ море. На узкихъ выступахъ этой стѣны отъ самой вершины почти до поверхности воды длинными рядами, словно солдаты, вытянувшись въ струнку, сидятъ птицы. Это гагарки и кайры. Тутъ же надъ бушующимъ прибоемъ въ такомъ же множествѣ носятся чайки. Такова картина „базара“, если смотрѣть на него издали. Вблизи наблюдателя положительно оглушаетъ страшный содомъ, который поднимаетъ птичье населеніе колоніи съ появленіемъ человѣка или другого опаснаго для птицъ существа. Для перваго знакомства я забрался на самую верхушку Гусинца съ пологой его стороны и, подойдя къ обрыву, легъ на землю. Затѣмъ, пододвинувшись къ самому краю его, я выставилъ голову надъ пропастью. Съ грохотомъ разбиваясь о каменную стѣну, внизу пѣнился прибой. На выступахъ скалы, блестя своими бѣлоснѣжными брюшками, сидѣли гагарки и кайры; въ сторонѣ отъ нихъ, прикрывая своими тѣлами огромные камни, держались стада чаекъ. Въ колоніи царили миръ и спокойствіе. Какъ разъ подо мной на разстояніи двухъ-трехъ саженъ на узкомъ карнизѣ лѣпились нѣсколько кайръ. Онѣ замѣтили мою голову и съ любопытствомъ стали разглядывать этотъ нежданно явившійся предметъ. Одна самка, то и дѣло озираясь въ мою сторону, съ видимымъ волненіемъ поправляла своего единственнаго дѣтеныша. Когда я сталъ бросать въ нее камешки, она пыталась схватить ихъ клювомъ, если какой-нибудь пролеталъ слишкомъ близко.

Стрѣлять съ вершины скалы было безполезно, потому что убитыя птицы падали бы въ море. Поэтому, сдѣлавъ обходъ, я спустился къ подножію горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ отвѣсная стѣна пересѣкалась ущельемъ. По бокамъ его точно также гнѣздились птицы. Вотъ здѣсь-то началось настоящее вавилонское столпотвореніе. Еще когда я только что началъ пробираться по дну ущелья ближе къ морю, меня замѣтили чайки. Дружно, словно пернатая армія, повинующаяся одному начальнику, съ крикомъ и визгомъ бросились онѣ на врага. Цѣлой тучей, заслоняя своими крыльями небо, вились онѣ надъ моей головой; по временамъ то та, то другая вырывалась изъ общей стаи и съ яростью бросалась ко мнѣ, пытаясь долбануть меня клювомъ, или выпачкать пометомъ. Послѣ перваго выстрѣла чайки метнулись въ сторону, крикъ ихъ на мгновеніе замолкъ, а изъ-за угла ущелья появились новыя тучи потревоженныхъ птицъ, не участвовавшихъ въ сраженіи. То были по большей части гагарки и кайры. Не прошло секунды, какъ армія чаекъ снова окружила меня и съ удвоенной яростью пыталась нанести мнѣ увѣчье. При этомъ поднялся такой содомъ, что рева прибоя уже какъ бы не существовало: онъ совершенно заглушался птичьими криками. Мало того, когда, въ видѣ опыта, я закричалъ такъ громко, какъ только могъ, то не услышалъ собственнаго голоса. Отъ множества рѣзкихъ криковъ, то похожихъ на плачъ ребенка, то напоминающихъ

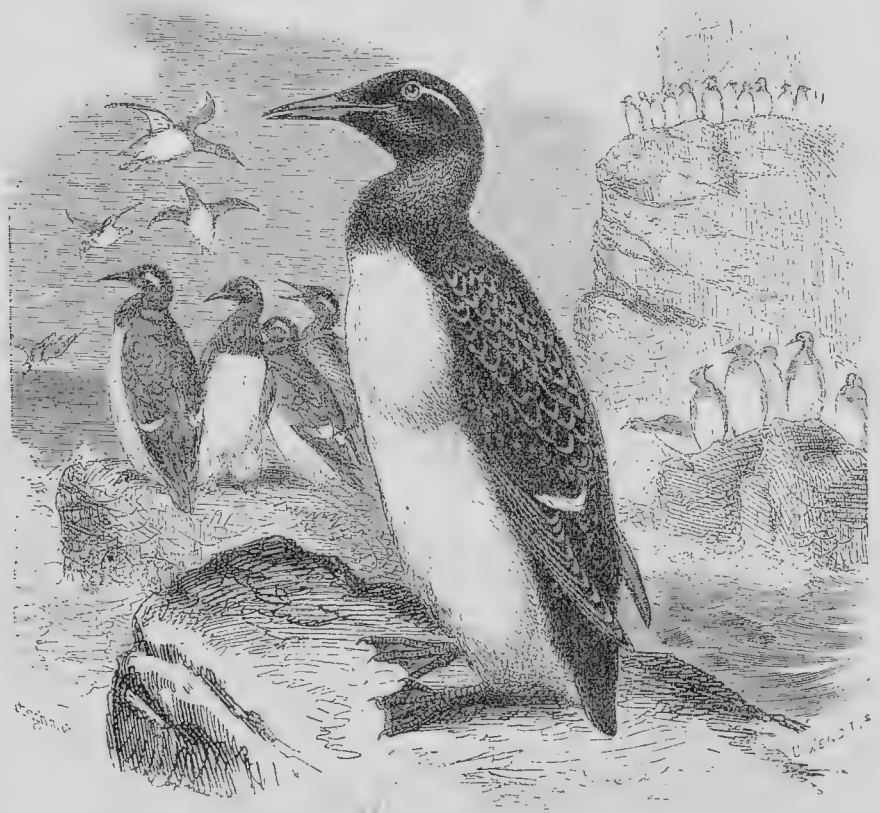
хохотъ взрослаго человѣка, или хрюканье свиньи, въ воздухѣ стоялъ настоящій стонъ. Слѣдующіе выстрѣлы уже не производили никакого особаго впечатлѣнія на птицъ. Убитыя чайки падали къ моимъ ногамъ, кайры валились къ подножію



95. Птичьи горы.—Тревога.

стѣны, а натискъ птичьей арміи и всеобщій содомъ ни мало не ослабѣвали въ своей силѣ. Особенно поражали своимъ какимъ-то необычайнымъ для дикихъ птицъ безстрашіемъ гагарки и кайры. Несмотря на мою пальбу, онѣ преспокойно сидѣли на своихъ карнизахъ не далѣе, какъ въ двухъ десяткахъ шаговъ отъ меня. Когда

я разстрѣлялъ всѣ патроны крупной дроби и сталъ палить въ кайръ бекасинникомъ, то тѣ самыя птицы, которыхъ я обдавалъ этой самой мелкой и по большей части безвредной для нихъ дробью, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли себѣ на своихъ гнѣздахъ. Сердито хрюкая, онѣ только отряхивались отъ дроби, или, если она попадала имъ въ голову, падали мертвыми. Такимъ поведеніемъ гагарки и кайры обнаруживали, конечно, не что иное, какъ глупость, но въ дѣйствіяхъ чаекъ нельзя не видѣть геройства, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова. Въ са-



96. Кайры.
(*Uria troile*).

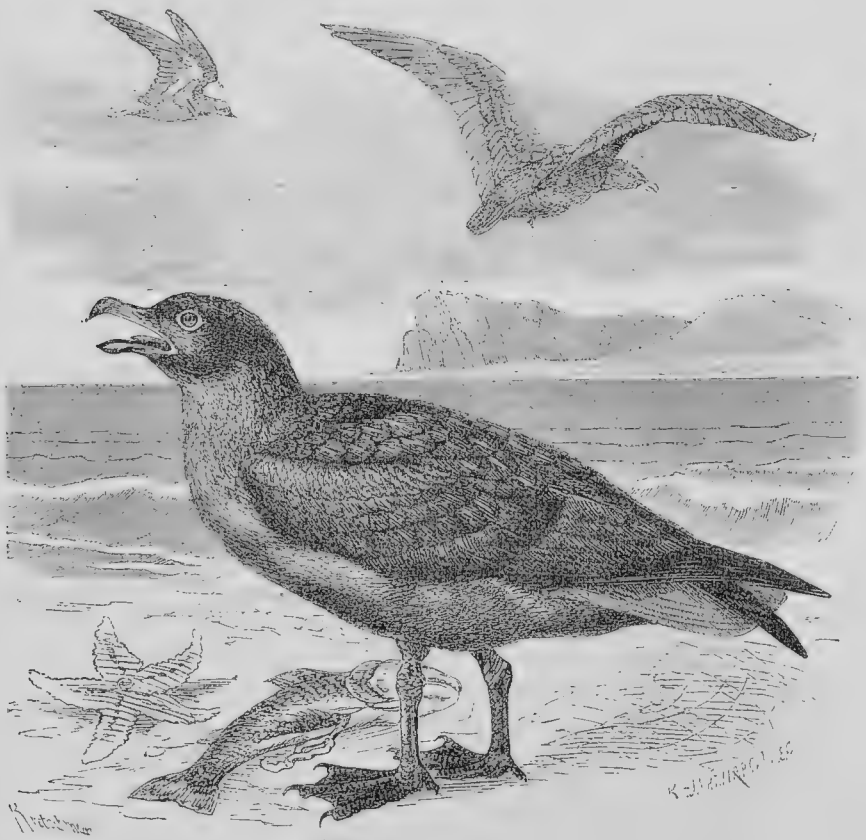
момъ дѣлѣ, чайки прекрасно знаютъ, что за скверное животное человѣкъ, да еще человѣкъ, вооруженный ружьемъ. Попытайтесь подойти къ нимъ, когда онѣ парами или въ одиночку вдали отъ колоніи сидятъ на берегу моря, и вы увидите, что чайка не подпуститъ васъ близко: она улетитъ раньше, чѣмъ вы подойдете къ ней на разстояніе выстрѣла. Но тутъ, въ этой колоніи, гдѣ тысячи птицъ выводятъ своихъ дѣтей, чайки преображаются. Здѣсь онѣ, вполнѣ сознавая опасность, забывая чувство самосохраненія, идутъ на смерть, чтобы прогнать ихъ общаго врага.

Каждая отдѣльная птица въ этомъ случаѣ защищаетъ не себя и даже не дѣтей своихъ, такъ какъ ея собственное гнѣздо можетъ находиться гдѣ-нибудь поодаль на недоступной скалѣ: она охраняетъ всю колонію вообще и ради этихъ обществен-

97. Птичья гора.—Минута спокойствія.
Съ фотографіи Kearton'a.

ныхъ интересовъ жертвуетъ жизнью. Чѣмъ отличается такой поступокъ отъ подвига, совершаемаго человѣкомъ? Поступать такъ, а не иначе, вынуждаетъ чаекъ всесильный инстинктъ сохраненія собственной породы. Какой смыслъ, — возразите вы, — въ такомъ инстинктѣ, который гонитъ птицъ на смерть подъ выстрѣлы, нисколько

не помогая дѣлу защиты колоніи. Вѣдь человѣка, въ особенности, вооруженнаго, чайки прогнать не въ состояніи, стало быть, онѣ совершенно безполезно жертвуютъ жизнью. Конечно, ихъ образъ жизни и повадки не разсчитаны на человѣка; притомъ едва ли какой инстинктъ можетъ охранить животныхъ отъ всесокрушающей дѣятельности этого царя земли; но посмотрите, какіе плоды приноситъ самоотверженное поведеніе чаекъ, когда въ ихъ колоніи появится хищникъ четвероногій или



98. Поморникъ.
(*Lestris catarrhactes*).

пернатый, лисица, напр., или орелъ. „Дай Богъ убраться только по добру по здорову!“—вотъ что подумаетъ этотъ хищникъ, если его случайно занесетъ судьба въ это птичье государство. Вонъ летитъ орланъ-бѣлохвостъ, тотъ самый орланъ, который безъ всякаго труда бьетъ гагарокъ и кайръ, если онъ встрѣтитъ кого-нибудь изъ нихъ въ одиночку. А посмотрите, какой дѣлаетъ онъ крюкъ для того, чтобы быть подальше отъ колоніи. Онъ знаетъ, что тамъ же живутъ и чайки, а съ ними шутки плохи. Замѣчательно, что чайки той же самой породы, которая обнаружи-

ваетъ настоящее геройство при защитѣ колоніи, совершенно не умѣютъ, какъ будто не желаютъ вовсе отстаивать свои личные интересы.

Отойдемъ немного въ сторону отъ птичьей горы въ то мѣсто, гдѣ чайки ловятъ добычу. Вотъ одна выхватила изъ воды какую-то живность и собирается ее съѣсть. Вдругъ изъ-за ближайшей скалы вывертывается поморникъ, или, по мѣстному, доводчикъ, птица немногимъ больше самой чайки, очень похожая на нее, но только приспособившаяся спеціально къ разбойническому образу жизни. Завидѣвъ свою жертву, поморникъ тотчасъ же устремляется за ней. Чайка пытается улетѣть, но тотъ неотступно преслѣдуетъ ее, щиплетъ, пока она не выброситъ изъ клюва свою добычу, которую и подхватываетъ на-лету пернатый разбойникъ. Тутъ же носятся въ воздухѣ еще десятка два чаекъ; стоило бы двумъ или

99. Топорики.
(*Mormon fraterculа*).
Съ фотографіи Kearton'a.

тремъ изъ нихъ присоединиться къ преслѣдуемой подругѣ, и онѣ сообща могли бы прогнать поморника, но онѣ не обращаютъ никакого вниманія на этотъ открытый разбой. „Это, дескать, дѣло частное и не касается общественныхъ интересовъ".

На Гусиницѣ мнѣ посчастливилось добыть одного топорика, или морского попугая. Это—одна изъ полярныхъ птицъ, которыя часто попадаются по Мурманскому берегу близъ границы Норвегіи, но на востокъ отъ этой границы залетаютъ очень рѣдко.

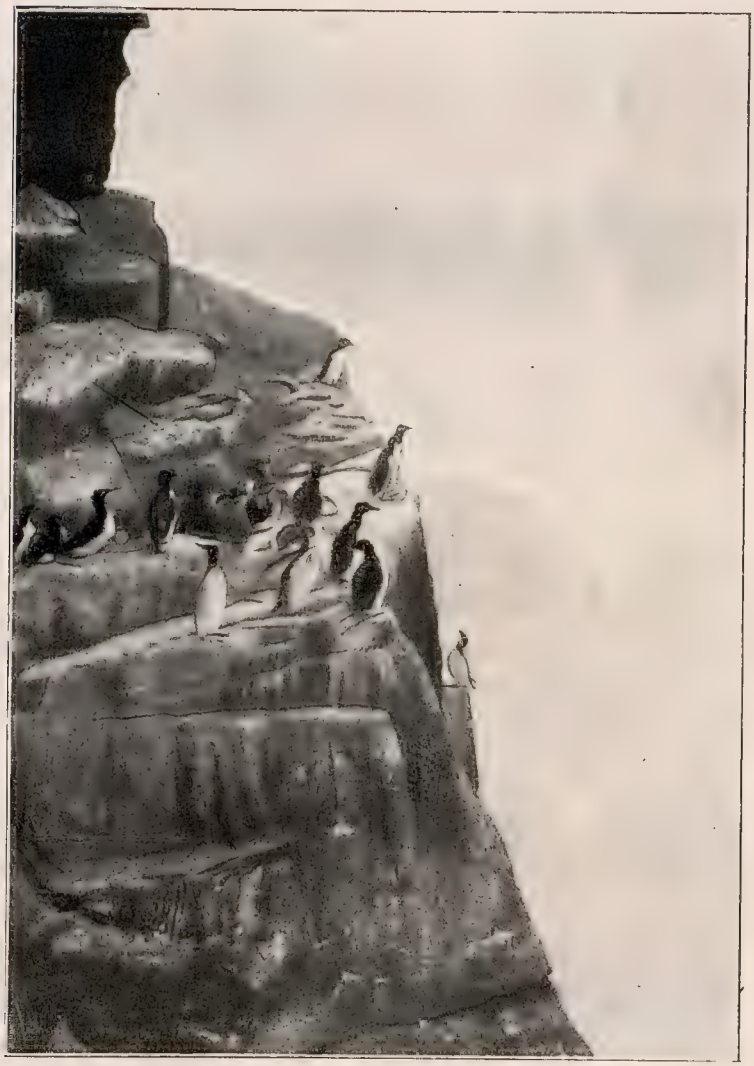
Насколько оживленъ былъ берегъ моря, настолько же пустынна и безжизненна суша. Иной разъ за цѣлый день встрѣтишь одну-двѣ щеврицы или нѣсколько альпійскихъ жаворонковъ. Только на небольшихъ озерахъ всегда можно было застать семью гагаръ, издающихъ свой нелѣпый заунывный крикъ, похожій на ржаніе, частенько попадались также золотистыя ржанки и плавунчики, кулички

величиной съ воробья, но плавающіе и ныряющіе, какъ утка. На эти же озера изрѣдка залетаютъ одиночныя чайки и ихъ вѣчный врагъ поморникъ, никогда не упускающій случая ограбить свою слабосильную сестру.

Странно, что намъ такъ рѣдко попадались лемминги или пеструшки, крошечные и пушистые, какъ комокъ ваты, пестрые звѣрьки. Мы находили ихъ на тундрѣ по большей части мертвыми, умершими, повидимому, отъ какой-то болѣзни. Между тѣмъ эти самыя пеструшки иногда собираются въ Лапландіи безчисленными полчищами и совершаютъ тогда свои загадочныя переселенія, переплывая по пути рѣки и озера и двигаясь или изъ середины Лапландіи къ берегу моря, или обратно. Кречеты, вороны и даже крупныя чайки слѣдуютъ за этими звѣрьками и истребляютъ ихъ во множествѣ.

21-го іюля въ Гаврилово пришелъ пассажирскій пароходъ, на которомъ Б. уѣхалъ въ Норвегію, въ Вадсе, чтобы произвести тамъ дознаніе по дѣлу о китахъ на китовомъ заводѣ, а 24-го, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, вышли въ море и мы на своемъ клиперѣ. Въ этотъ день вѣтеръ положительно раскапризничался. Онъ то стихалъ, то становился противнымъ, то снова надувалъ паруса нашего судна; наконецъ, близъ самой Териберки, до которой отъ Гаврилова около 30 верстъ, опять зловѣще затихъ. Мы уже принялись за устройство сюрприза капризной стихіи, но тащили было клиперъ на буксирѣ, но она сдалась и сама донесла насъ до Териберской губы. Верстахъ въ пяти отъ входа въ заливъ, при впаденіи въ него рѣчки находится становище Териберка, близъ котораго мы и бросили якорь. Въ становищѣ имѣется церковь и, сверхъ нашего ожиданія, оказалась лавка; но въ ней одинъ только товаръ могъ пригодиться для насъ: это были мятные пряники; все остальное было слишкомъ спеціально приспособлено къ нуждамъ рыболововъ. Скоро населеніе провѣдало, что на вновь прибывшемъ клиперѣ покупаютъ всякую всячину изъ міра животныхъ, и у насъ не было отбоя отъ всевозможныхъ предложеній. Одинъ привозитъ гагачій пухъ, другой тащитъ на веревкѣ живую акулу, третій—пару живыхъ дикихъ утятъ, а мальчишки пытались превратить въ деньги по большей части пустыя, ни на что не годныя ракушки. Чтобы не охладить пыла нашихъ сотрудниковъ, мы сначала брали всякую дрянь, но затѣмъ этой дряни намъ стали таскать такъ много, что по необходимости пришлось дѣлать нѣкоторый выборъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья Териберки имѣется довольно солидный водопадъ, или, по мѣстному, падунъ, куда мы и отправились на лодкѣ. Здѣсь мы посмотрѣли на ловъ лососей, которымъ занимается колонистъ, подивились рыбамъ, которыя ухитряются вспрыгивать на водопадъ, сажени въ три вышиной; подивились и самому колонисту, добровольно обрекшему себя на жизнь въ этой обиженной Богомъ мѣстности. Впрочемъ, по словамъ колониста, живется ему недурно. Лососи даютъ хорошій доходъ; подспорьемъ служатъ овцы и сѣверные олени; а на суровую природу окрестностей можно не обращать вниманія, разъ есть достатокъ. Единственно, что досаждаетъ Териберскому колонисту, это тоскливыя зимнія ночи, когда въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ не восходитъ солнце. Какъ вездѣ на Мурманѣ, такъ и въ Териберкѣ море во много разъ оживленнѣе суши. По берегамъ рѣки хотя и попадался легкій березнякъ, но онъ былъ почти совершенно лишенъ животнаго населенія. Въ заливѣ же во множествѣ жили чайки, гаги, бакланы и



Птичьи горы съ кайрами.
Съ фотографіи Kearton'a.

другія морскія птицы. Къ нашему неудовольствію, мы были стѣснены въ своихъ охотничьихъ похожденіяхъ: ловцы просили насъ не стрѣлять близъ губы, такъ какъ громъ выстрѣловъ отпугиваетъ песчанку, которая ловится тутъ же въ заливѣ. Поэтому мы съ Х. очень обрадовались, когда намъ сообщили, что верстахъ въ 15 отъ становища промышленники приволокли въ маленькую бухточку кита, который былъ найденъ мертвымъ въ морѣ. Прежде чѣмъ притянуть его къ берегу, до десяти человѣкъ ловцовъ на двухъ шнякахъ бились съ нимъ цѣлые сутки безъ пищи и воды. Въ бухточку мы прибыли на шнякѣ съ рабочими, которые вызваны были сюда на помощь. Почти за версту сильный запахъ разлагающагося трупа свидѣтельствовалъ о томъ, что китъ близко; съ каждымъ взмахомъ веселъ шняки вонь становилась несноснѣе, однако около самаго трупа, къ нашему удовольствію, она чувствовалась не такъ сильно. Мы пріѣхали какъ разъ въ разгаръ отлива, когда обмелѣвшій китъ лежалъ на сухомъ берегу. Вотъ ужъ по истинѣ чудо-юдо! Одиннадцать сажень въ длину, это значитъ, на три сажени длиннѣе нашего клипера; а онъ, какъ никакъ, хоть и плохое, а все же морское судно. Шняки, которыя стояли рядомъ, въ сравненіи съ этимъ мертвымъ исполиномъ, казались крошечными челноками. Хвостовый плавникъ, если его поставить ребромъ, равнялся высотѣ двухъ взрослыхъ человѣкъ. Китъ лежалъ на спинѣ, такъ что мы не могли видѣть его дувня, изъ котораго онъ когда-то выпускалъ бѣлые столбы пара; но, по словамъ ловцовъ, чрезъ этотъ дувень, т. е., чрезъ ноздрю, можетъ свободно протискаться человѣкъ. По отвислому полосатому животу звѣря, словно по днищу перевернутаго судна, ходили ловцы и ножами на длинныхъ палкахъ дѣлали поперечные надрѣзы кожи и жира въ видѣ полосъ. Затѣмъ зацѣпляли крюкомъ за одну изъ полосъ, и въ то время, когда другіе рабочіе, остававшіеся на землѣ, тянули воротомъ веревку, привязанную ко крюку, ножи продолжали дѣйствовать, отдѣляя жиръ отъ мяса. Такимъ образомъ съ кита снимали поперечныя полосы жира, шириной съ ковровую дорожку и толщиной отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ аршина. 500 пудовъ одного сала надѣялись получить съ этого кита. Сколько-жъ онъ долженъ вѣсить весь цѣликомъ! Только океанъ можетъ носить такую громаду и только онъ одинъ можетъ прокормить ее. Неудивительно, что киты, сѣвшіе на мель,—а это бываетъ съ ними не рѣдко,—умираютъ очень скоро, хотя и дышатъ легкими. Очевидно, на мели имъ вредитъ собственный вѣсъ.

Въ палаткѣ промышленниковъ мы прожили почти три дня. Радушные ловцы кормили насъ тѣмъ, что ѣли сами. Но увы!—это была настоящая мурманская пища: соленая треска съ ея нестерпимымъ запахомъ. Замѣчательно, что поморы предпочитаютъ соленую треску свѣжей именно потому, что она пахнетъ, или, вѣрнѣе говоря, воняетъ. „Съ душкомъ скуснѣе“—говорятъ они. Но мы съ Х., не будучи архангельскими гастрономами, держались на этотъ счетъ особаго мнѣнія; поэтому, насколько было возможно, избѣгали душка. Какими-то судьбами Х. захватилъ съ собой съ клипера гречневой крупы, и вотъ, пока ловцы возились съ китомъ, мы принялись варить кашу. Признаться, никому изъ насъ еще не приходилось собственноручно готовить это національное блюдо, однако послѣ недолгаго обсужденія мы рѣшили, что дѣло это не отличается замысловатостью. Надо только имѣть въ виду, что крупа въ водѣ разбухаетъ, поэтому ее слѣдуетъ насыпать не до краевъ горшка; на основаніи этихъ соображеній, мы и насыпали только нѣ-

(Съ фотографіи.)

сколько болѣе половины его. Налили воды, развели костеръ, варимъ. Вскорѣ однако мы убѣдились, что однихъ теоретическихъ соображеній, даже вѣрно построенныхъ, слишкомъ мало для того, чтобы сварить кашу. Вода вдругъ куда-то исчезла, а крупа вспучилась и начала ползти изъ горшка въ огонь. Мы сняли вспучившійся бугоръ, прибавили воды, но прежняя исторія повторилась снова: крупа опять ползетъ на землю. Такъ бились мы съ кашей очень долго; крупа оставалась крупой, только влажной и горячей, а каши не получалось. Наконецъ, мы бросили всякую надежду добиться удовлетворительныхъ результатовъ и стали ѣсть крупу.

„А масло у васъ есть?“—спросилъ подошедшій какъ разъ къ этому моменту ловецъ. „Нѣтъ“, —отвѣчаемъ мы. „Ну, вотъ вамъ и масло“,—сказалъ онъ, подавая бутылку съ тресковымъ жиромъ: „мы завсегда съ нимъ ѣдимъ кашу“. Х. поглядѣлъ на меня, я поглядѣлъ на Х., помялись немного, однако рѣшили попробовать. Сперва налили ложку; ничего, наша каша сдѣлалась положительно вкуснѣе. Прибавили еще и еще, и такимъ образомъ мы извели четверть бутылки жира, а горшокъ очистили до дна. Да здравствуетъ треска и тресковое масло!

Здѣсь же около кита мы видѣли другую достопримѣчательность Лапландіи: лопарей, мужа и жену, завернувшихъ къ намъ въ лагерь послѣ поисковъ за своими оленями. Мужъ велъ на веревкѣ оленя, навьюченнаго скуднымъ имуществомъ, а за женой тоже на веревкѣ бѣжала маленькая собаченка. Въ такомъ видѣ бродитъ эта пара по цѣлымъ недѣлямъ, отыскивая свое стадо; ночуетъ, гдѣ придется, разставивъ парусиновый тентъ, питается... впрочемъ, не знаю, чѣмъ они питались; на оленѣ у нихъ не было ничего подходящаго для этой цѣли; можетъ быть,—молокомъ того же оленя. Суровая и холодная природа родины лопарей кладетъ на нихъ отпечатокъ забитости. Они малы ростомъ, слабы, скромны, даже боязливы, говорятъ мало и тихо, и въ высшей степени нетребовательны, хотя довольно чистоплотны. Какой контрастъ между этимъ вымирающимъ племенемъ и русскими поморами, этими рослыми силачами, смѣлыми и веселыми, при случаѣ готовыми кутнуть и нашумѣть на весь Ледовитый океанъ! Слегка выдающіяся скулы и чуть-чуть наискось прорѣзанные глаза обличаютъ въ лопаряхъ монгольское происхожденіе. Но наша знакомая, еще очень молодая лопарка, была положительно миловидна. Въ своей короткой расцвѣченной юбкѣ, въ башмакахъ, надѣтыхъ на шерстяные чулки, со своими крошечными руками и ногами, вся чистенькая, она напоминала опереточную героиню. Казалось, это была Перикола, странствующая со своимъ Пикилло, но только у Пикилло вмѣсто гитары за плечами висѣлъ арканъ, который онъ очень ловко умѣлъ набрасывать на рога оленей.

Отъ кита, закинувъ ружья за спину, мы отправились въ Териберку пѣшкомъ. Неясная тропинка ведетъ черезъ горы, мѣстами спускаясь въ тундристыя долины, мѣстами поднимаясь на вершины маленькихъ хребтовъ. Вотъ она настоящая Лапландія, эта обиженная Богомъ страна! Что за унылая, тоску наводящая природа! Сѣрое небо, осенній воздухъ, кругомъ скалы и скалы, мѣстами голыя, мѣстами покрытыя вороницей, или пятнами снѣга. Тихо и пустынно, птицъ никакихъ, нѣтъ и насѣкомыхъ, не слышно даже писка комаровъ, которыхъ такъ много на тундрѣ и которымъ нечего дѣлать въ безжизненныхъ скалахъ. Подъ защитой горъ не слышно и рева моря; одинъ вѣтеръ уныло гудитъ въ дулѣ ружья, мѣняя тоны на поворотахъ тропинки. При одной мысли о возможности заплутаться въ этой странѣ камня

100. Лопари Кольскаго уѣзда.
Съ фотографіи.

становится жутко и ноги сами собой начинаютъ шагать быстрѣе. Мы идемъ и идемъ. Вотъ поднялись мы на вершину хребта, откуда видно море. Влѣво отъ насъ горы и горы, безпорядочно разбросанныя, однообразныя, дикія; вправо — океанъ, холодный и суровый. Но тамъ ключемъ бьетъ богатая и разнообразная жизнь, въ то время какъ здѣсь царитъ вѣчная и безнадежная смерть. На зеленомъ просторѣ моря тамъ и здѣсь, словно щепки, плаваютъ ловецкія шняки, два-три паруса бѣлѣютъ на горизонтѣ, а вырывающійся изъ-за камней вѣтеръ по временамъ доноситъ до насъ отдаленный шумъ морского прибоя.

На клиперѣ насъ поджидали М. и Г., которымъ, какъ и намъ съ Х., порядочно надоѣла Терпберка. Поэтому при первомъ попутномъ вѣтрѣ мы снялись съ якоря, разсчитывая плыть далѣе вдоль Мурмана на Цыпъ-Наволокъ. Это было 9 августа. Но не успѣли мы дойти до выхода изъ губы, какъ вѣтеръ смѣнился на противный, и мы принуждены были вернуться. Благодаря встрѣчному теченію, клиперъ не могъ даже доползти до прежней стоянки и потому бросилъ якорь въ ближайшей, довольно неудобной бухтѣ Терпберской губы. Только что прозвенѣла цѣпь якоря, какъ вѣтеръ превратился въ такой штормъ, какого мы не испытывали ни раньше, ни послѣ во все это путешествіе. Снасти гудѣли, мачты гнулись, а самъ клиперъ качался, какъ въ открытомъ морѣ. Крутыя волны, избороздившія поверхность губы, съ яростью разбивались о прибрежные камни; тамъ бушевалъ такой бурунъ, что нечего было и думать о томъ, чтобы высадиться на сушу. Мимо клипера промчался чей-то перевернутый карбасъ и съ трескомъ вылетѣлъ на берегъ. Да и наше судно собиралось продѣлать то же самое. По крайней мѣрѣ, капитанъ замѣтилъ, что клиперъ дрейфитъ, т. е., якорь медленно и скачками ползетъ по дну. Тотчасъ же полетѣлъ въ воду второй запасный якорь; однако судно, хотя и меньше, но все же замѣтно продолжало двигаться къ берегу. Оставалось одно только средство: спустить цѣпь возможно длиннѣе; въ этомъ случаѣ якорь держитъ крѣпче. Но какъ это сдѣлать? Если размотать цѣпь, оставляя якоря на мѣстѣ, клиперъ придвинется ближе къ берегу, а до него и безъ того было очень недалеко. Приходится завозить одинъ изъ якорей на карбасѣ какъ можно дальше впередъ. Не медля ни секунды, приступаемъ къ дѣлу. Клиперъ качается изъ стороны въ сторону; качается словно маятникъ и карбасъ, висящій на веревкахъ. Пользуясь моментомъ, когда онъ повисаетъ надъ моремъ, мы, наконецъ, спускаемъ его на воду; то поднимаясь до борта судна, то проваливаясь въ водяную яму, карбасъ прыгаетъ на волнахъ и съ трескомъ бьетъ въ стѣнки клипера. Пользуясь удобной минутой, мы съ Х. вскакиваемъ въ лодку, садимся въ весла, матросъ прыгаетъ на корму, и минутъ черезъ 20 якорь былъ перевезенъ на новое мѣсто.

Штормъ свирѣпствовалъ двое сутокъ, день и ночь, и на все это время заарестовалъ насъ на клиперѣ. Холодно, скучно и голодно! Кромѣ соленой трески и сухарей, у насъ нѣтъ никакой провизіи. Все вышло; уже прошло три дня, какъ была съѣдена послѣдняя луковица, а вчера по счету раздѣлили оставшіяся изюминки. Вообще, по части продовольствія мы устроились черезчуръ по-русски. Свѣжая треска и сухари, когда мы близъ становища, а въ морѣ таже треска, но только соленая. Кое-гдѣ мы разнообразили свой столъ мясомъ гагъ и альпійскихъ куропатокъ, съ которыхъ предварительно снимали шкурки для коллекціи. Однажды М.

Скалы, покрытыя бакланами.

Съ фотографіи Kearton'a.

ухитрился состряпать пирожки изъ вороницы, а Х., впрочемъ, только для себя, приготовилъ яичницу изъ насиженныхъ гагачьихъ яицъ. „Гагачьи яйца ѣдятъ“,— разсудилъ онъ,—„ѣдятъ и самихъ гагъ, отчего же не употреблять въ пищу нѣчто среднее между яйцомъ и птицей...“ Выводъ теоретически, можетъ быть, и вѣрный, но на практикѣ только одинъ Х. рѣшился привести его въ исполненіе. Замѣчательно, какая потребность чувствовалась у всѣхъ насъ въ сыромъ лукѣ. Мы ѣли его, какъ яблоки, цѣлыми луковицами, и даже Х., который раньше не могъ выносить его, теперь нимало не отставалъ отъ другихъ. Какъ будто бы самъ организмъ, не желая болѣть цынгой, требовалъ этого противоцынготнаго средства.

Только къ вечеру 11 августа вѣтеръ немного стихъ, и мы отправились на берегъ, а 13 перебрались на прежнюю стоянку близъ Териберки. Продолжать плаваніе вдоль Мурмана было поздно, такъ какъ со дня на день ждали парохода, на которомъ должны были пріѣхать Б. и сухопутная партія экспедиціи, вышедшая на Колу; на немъ же мы предполагали вернуться въ Архангельскъ. Однако вотъ уже 20 число, а парохода нѣтъ. Наступили темныя ночи. Послѣ 10 часовъ на небѣ зажигались тусклыя звѣзды, луна выставляла свои рога изъ-за обрывковъ тучъ, а въ заливѣ фосфорическимъ свѣтомъ загорались мелкія животныя. При спокойной поверхности вода вспыхиваетъ только отдѣльными искорками, но стоитъ провести по ней весломъ, и вы видите огненную полосу. Сачекъ, проведенный сквозь воду, горитъ нѣжнымъ синеватымъ свѣтомъ, а мѣсто, куда попадаетъ брошенный камень, становится центромъ, отъ котораго начинаютъ расходиться свѣтлые круги.

Парохода все нѣтъ, да нѣтъ! Говорятъ, онъ сломался. Наступила уже форменная осень. 23 августа шла крупа, а 28 выпалъ снѣгъ, бѣлымъ ковромъ покрывшій палубу судна и окрестныя горы. Въ ту же ночь появился впервые свѣточъ полярной зимы, сѣверное сіяніе, хотя и очень слабое. Наконецъ, 29 числа рѣзкій свистъ извѣстилъ населеніе Териберки о прибытіи парохода. На немъ пріѣхали Б. и сухопутная партія.

Прощай, злополучный клиперъ! Хотя мы и могли бы желать отъ тебя, чтобы ты возилъ насъ побольше впередъ и поменьше назадъ, но мы не можемъ упрекать тебя въ томъ, что ты не дѣлалъ этого. Вѣдь, тебя строили для соленой трески, а не затѣмъ, чтобы возить ученыя экспедиціи; не твоя вина, если намъ угодно было приравнять себя къ соленой трескѣ. Быть можетъ, когда тебѣ придется снова пятиться назадъ, ты вспомнишь о томъ, какъ мы тащили тебя на буксирѣ. Вспомнимъ и мы о тебѣ, если кого-нибудь изъ насъ въ плаваніи по житейскому морю, судьба заставитъ слѣдовать твоему примѣру. Не одинъ разъ своимъ образомъ дѣйствій ты пояснилъ намъ, что девизъ „все впередъ и впередъ“ есть лучшій девизъ въ свѣтѣ. Итакъ, прощай клиперъ! Отъ души желаемъ тебѣ сохранить свое деревянное тѣло на долгіе годы для... соленой трески! Клиперъ моргнулъ своимъ истрепаннымъ флагомъ, казалось, собираясь заплакать. Вмѣсто него, прослезились старикъ кокъ и зуекъ Николка. Мы пожали имъ руки, сѣли въ карбасъ и уѣхали на пароходъ.

31 августа мы были въ Архангельскѣ, 3 сентября выѣхали отсюда на перекладныхъ въ Вытегру, здѣсь сѣли на пароходъ и 10 числа прибыли въ Петербургъ.

III.

ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ.

101. Персъ адербейджанскій.
Съ фотографіи.

Въ сѣверной Персіи.

Чикишляръ. — Экскурсіи въ его окрестностяхъ: гекконы; степныя черепахи; жукъ-пилюльщикъ; фламинго. — Въ туркменскихъ аулахъ. — Желтопузъ; рѣчная черепаха; древесная лягушка; розовые скворцы. — Персидская крѣпость Акъ-кала. — Въ лѣсу: шакалы; кабаны; дикобразъ; птичье царство. — У адербейджанцевъ. — Въ горномъ аулѣ у фарсовъ. — Мой спутникъ Кафаръ. — Стелліонъ. — Охота на архаровъ. — Джейранъ; горный козелъ. — Аулы Келяте и Хычъ. — Персидскій клещъ. — Краснорѣчивый мулла. — Туркмены и персы. — Обѣдъ у хана; охота. — У курдовъ; яки. — Встрѣча съ англійскимъ путешественникомъ. — Граница Ирана и Турана. — Сраженіе съ очковой змѣей. — На русскомъ пограничномъ посту. — Меня арестуютъ, какъ англійскаго шпіона. — Геокъ-Тепе. — Асхабадъ.

„Въ Астрахани, за Краснымъ мостомъ, домъ Харькина“. Такъ телеграфировалъ я изъ Петербурга въ Оренбургъ моему будущему спутнику З., назначая ему мѣсто, гдѣ удобнѣе всего было встрѣтиться.

З. явился настоящимъ охотникомъ. Въ зеленой рубашкѣ на выпускъ, въ ботфортахъ, въ одной рукѣ двустволка, въ другой — винтовка Бердана, за поясомъ револьверъ, ножъ и еще какія-то охотничьи принадлежности. Такъ, въ этомъ видѣ, только безъ оружія, онъ тотчасъ же отправился со мной въ путешествіе по лавкамъ, чтобы закончить наши сборы.

Уже на другой день, 24-го мая, со всѣмъ своимъ нехитрымъ скарбомъ, мы были на палубѣ парохода. На девяти футахъ мы пересѣли на морской пароходъ. Началось восхитительное плаваніе по тихимъ водамъ Каспія. Въ Баку наше судно нагрузили тремя стами персіянъ-рабочихъ, отправляемыхъ на Закаспійскую желѣзную дорогу. Вскорѣ послѣ этого поднялся вѣтеръ, началась качка. Персіяне, вообще, плохіе моряки. Неудивительно, что вся партія немедленно заболѣла морскою болѣзнію. Триста человѣкъ сплошною линіею, какъ скворцы на конькѣ крыши, облѣпили борта парохода и помянутно съ унылымъ видомъ заглядывали за бортъ. Картина была не изъ пріятныхъ.

З. сначала очень подмывало присоединиться къ этой дружной компаніи. Но онъ благополучно продержался до Красноводска, а тамъ ужъ и вѣтеръ стихъ. Наконецъ, 29-го мая пароходъ бросилъ якорь у конечнаго пункта нашего плаванія, у Чикишляра.

Едва ли кому, не слишкомъ искушенному въ географіи нашего необъятнаго отечества, извѣстно это мѣстечко. Оно находится на восточномъ берегу моря, къ сѣверу отъ устья рѣки Атрека, составляющей нашу границу съ Персіей. Раньше оно служило оплотомъ противъ вторженія въ русскіе предѣлы туркменскихъ разбойничьихъ шаекъ; но съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, въ значительной мѣрѣ потеряло свое значеніе. Солдатскія казармы, нѣсколько плохихъ деревянныхъ домиковъ для офицеровъ и десятка два-три лачужекъ мѣстныхъ торговцевъ—вотъ и весь Чикишляръ. Въ окрестностяхъ безплодная и безводная песчаная пустыня, населенная фалангами, скорпіонами и ящерицами, несмѣтнымъ множествомъ ящерицъ. Если прибавить къ этому, что въ Чикишлярѣ нѣтъ даже прѣсной воды, вмѣсто которой жители пьютъ солоноватую колодезную, если не хотятъ выписывать воду изъ Персіи,—то всякому будетъ ясно, что въ укрѣпленіи нельзя разсчитывать на удобства благоустроенныхъ городовъ.

И, дѣйствительно, высадившись съ парохода на берегъ, окруженные своими переметными сумами, ящиками и ружьями, мы очутились въ критическомъ положеніи. Ни гостинницъ, ни извозчиковъ Чикишляръ еще не видалъ. Знакомствъ въ укрѣпленіи мы не имѣли. Не было у насъ и рекомендательныхъ писемъ къ кому-нибудь изъ жителей этого пустыннаго мѣстечка. Словомъ, хотя плачь. Будь это въ настоящей безлюдной пустынѣ, мы просто-на-просто разбили бы свою палатку и стали бы жить; а тутъ всетаки населенное мѣсто.

Вскорѣ насъ окружила порядочная толпа народу: солдатъ, армянъ и персіянъ; даже одинъ офицеръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, кителѣ вмѣстѣ съ толпой принялся разглядывать новыхъ пріѣзжихъ съ какимъ-то удивительнымъ багажомъ. Надо было быть большимъ философомъ, чтобы при такихъ условіяхъ оставаться спокойнымъ.

Насъ выручилъ одинъ персіянинъ, сообщившій, что у него есть домъ, въ которомъ „можно жить“. Вскорѣ откуда-то явилась тачка, и нашъ будущій хозяинъ, положивъ въ нее часть багажа, повезъ ее по песчаному прибрежью моря; за нимъ, нагруженные ружьями, сумками съ дробью и патронами, зашагали и мы.

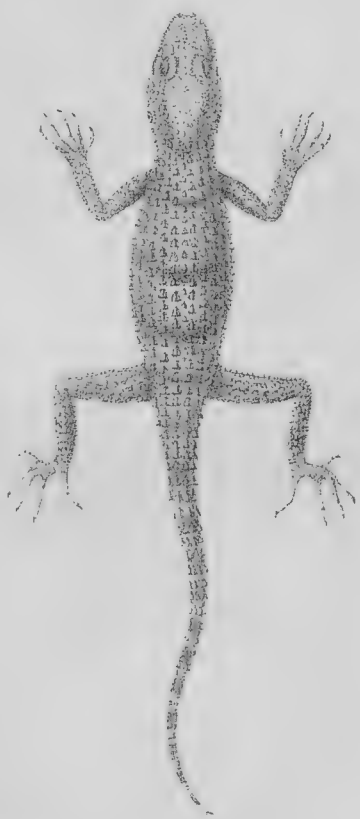
За отсутствіемъ лѣса и другихъ строительныхъ матеріаловъ, чикишлярскіе жители для постройки своихъ лачужекъ пользуются досками ящиковъ изъ-подъ макаронъ, мыла, свѣчей и другихъ товаровъ, которые имѣются въ здѣшнихъ лавкахъ. Поэтому стѣны лачужекъ обильно украшены надписями вродѣ: „Свѣчи бр. Крестовниковыхъ“, „Паровое печеніе Эйнемъ“ и т. д. Обыкновенно въ лачужкѣ нѣтъ ни оконъ, ни крыши; вся она походитъ на большой ящикъ. Такимъ же ящикомъ изъ-подъ мыла оказался и „домъ“ нашего персіянина. Мы теперь только поняли, зачѣмъ, рекомендуя свой „домъ“, онъ прибавлялъ, что въ немъ „можно жить“. Вмѣсто пола—голая земля, ни одного окошка, никакихъ признаковъ печи, одна дверь и нары, или, скорѣе, прилавокъ отъ стѣны до стѣны, вмѣсто мебели,—вотъ какова была обстановка этого жилища.

Для насъ однако этотъ ящикъ былъ идеальнымъ помѣщеніемъ. Мы находили даже, что въ немъ лучше жить, чѣмъ въ нашей крошечной палаткѣ: по крайней мѣрѣ, здѣсь было гораздо просторнѣе. Въ этомъ домѣ сквозь щели между досками гулялъ освѣжительный вѣтерокъ, отъ котораго расплывалась зажженная свѣча; а такъ какъ нашъ ящикъ находился на самомъ краю Чикишляра, въ сторонѣ отъ

другихъ такихъ же ящиковъ, то прямо изъ двери мы могли стрѣлять козодоевъ, соколовъ и другихъ пролетавшихъ мимо птицъ.

Словомъ, мы чувствовали себя очень хорошо и чувствовали бы еще лучше, если бы не постоянные посѣтители, солдаты и персіяне, съ любопытствомъ глазѣвшіе сквозь щели и дверь нашего дома на странныхъ пріѣзжихъ: зачѣмъ это они собираютъ никому не нужныхъ ящерицъ, жуковъ, обдираютъ птицъ и, вообще, занимаются какими-то подозрительными дѣлами?.. Эти зѣваки порядочно-таки досаждали намъ своей наблюдательностью. Это вниманіе сдѣлалось особенно непріятнымъ для насъ, когда мы узнали, что насъ считаютъ англійскими шпіонами.

Въ Чикишлярѣ мы прожили почти пять дней. Ящерицъ, змѣй и другихъ животныхъ, нашедшихъ свою преждевременную кончину въ нашихъ банкахъ со спиртомъ, мы отправили въ Петербургъ и такимъ образомъ освободились отъ лишняго груза. Для насъ это было очень важно: въ дальнѣйшемъ путешествіи насъ должны были везти вьючные лошади или ослы, на которыхъ нельзя помѣстить большой клади. Несмотря на короткій срокъ, мы набрали здѣсь изрядное количество всякой всячины изъ міра животныхъ. Окрестности укрѣпленія представляютъ настоящую среднеазіатскую пустыню, по большей части песчаную. Ящерицъ, песчаныхъ и ушастыхъ круглоголовокъ, можно было ловить здѣсь сотнями. Попадались также любопытныя ночныя ящерки, гекконы. Онѣ прекрасно лазятъ по отвѣснымъ стѣнамъ. Кромѣ того, это — единственные представители класса пресмыкающихся, одаренные способностью пищать; всѣ остальные совершенно нѣмы или только шипятъ. Способность издавать звуки составляетъ, конечно, приспособленіе гекконовъ къ ночному образу жизни. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка въ потемкахъ на сѣрой почвѣ отыскать невзрачнаго сѣраго геккона. Зато, когда среди тишины, ночи раздается его своеобразный писк, другіе гекконы хорошо понимаютъ, что это значитъ. Это значитъ: „я здѣсь, ползите сюда“. Природа, впрочемъ, обидѣла одну изъ породъ этихъ ночныхъ ящерицъ, такъ называемаго сцинковаго геккона, очень обыкновеннаго подъ Чикишляромъ. Эта порода не имѣетъ голосоваго органа и потому не можетъ пищать. Взамѣнъ того, она можетъ издавать звуки хвостомъ. Верхняя сторона его покрыта у сцинковаго геккона широкими сухими чешуйками;



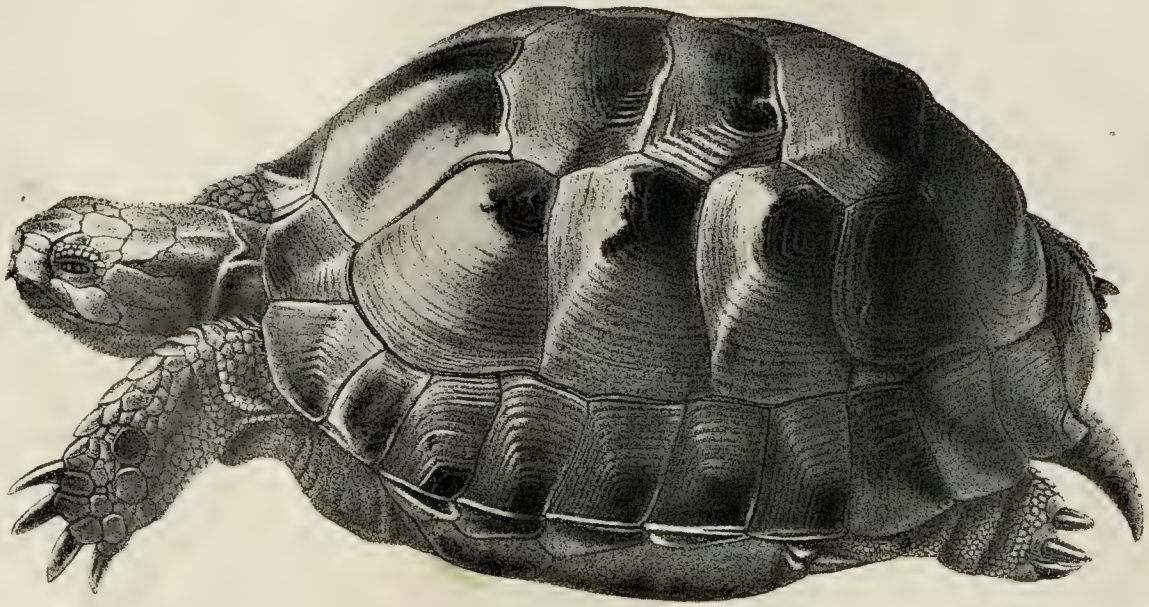
102. Туркестанскій гекконъ. (*Gymnodactylus Fedtschenkoi*).

Рис. „сцинковаго геккона“ см. на стр. 20.

при закручиваніи и раскручиваніи хвоста чешуйки ударяютъ другъ о друга и производятъ легкій трескъ. Ночные разговоры ящерицъ имѣютъ и дурную сторону. Къ нимъ прислушиваются не только свои сестры,—такія же ящерицы, но и совы, съ удовольствіемъ поѣдающія гекконовъ. Ради удовольствія повидать сосѣда приходится рисковать жизнію. Впрочемъ, въ случаѣ нападенія хищной птицы, гекконы по большей части отдѣлываются потерею хвоста. Эта часть тѣла отличается у нихъ необыкновенной ломкостью. Гекконъ можетъ отдѣлить ее, когда только захочетъ. Вотъ почему онъ старается подставить ее всякому, кто покушается на его жизнь. Сдѣлать это легко, потому что гекконы очень прытки. Когда сова уже заноситъ свой клювъ, чтобы схватить добычу, этой добычѣ стоитъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, и противъ клюва птицы оказывается хвостъ ящерицы. Сова вцѣпляется въ него; но ящерица отламываетъ хвостъ и убѣгаетъ. Впослѣдствіи хвостъ отростаетъ снова. У сцинковаго геккона хвостъ до такой степени ломокъ, что нужно особое искусство, чтобы поймать цѣльную ящерицу. Поэтому во всѣхъ музеяхъ имѣются по большей части безхвостые экземпляры этихъ гекконовъ. Конечно, потеря органа составляетъ для ящерицы непріятное приключеніе; въ особенности, непріятно оно для сцинковаго геккона, которому безъ хвоста приходится молчать и, можетъ быть, обходиться безъ общества своихъ сотоварищей. Все же это меньшее несчастіе, нежели преждевременная смерть.

Въ то время какъ круглоголовки и гекконы окрашены подъ цвѣтъ почвы и потому незамѣтны даже на близкомъ разстояніи, степныя черепахи представляютъ другую крайность. Ихъ громоздкое черное тѣло на желтомъ сыпучемъ пескѣ можно различить за версту; сразу видно, что онѣ не желаютъ прятаться. Да и зачѣмъ имъ скрываться, когда вмѣстѣ съ собой онѣ носятъ свой костяной домъ, въ который каждую минуту могутъ спрятаться съ головой, ногами и хвостомъ. Питаясь листьями и корой кустарниковъ, степныя черепахи встрѣчаются въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ вдали отъ всякихъ источниковъ воды. Въ водѣ онѣ совершенно не нуждаются, такъ какъ вовсе не пьютъ, довольствуясь той влагой, какая находится въ ихъ пищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ замѣчательно долго могутъ жить безъ всякой ѣды. Пара черепахъ долго жила у насъ въ мѣшкѣ, затѣмъ мы закупорили ихъ въ ящикъ съ соломой и отправили по почтѣ въ Петербургъ. Здѣсь онѣ сидѣли безъ пищи еще восемь мѣсяцевъ. Въ общей сложности, онѣ провели безъ ѣды и питья 10 мѣсяцевъ. Прожили бы и дольше, если бы ихъ не посадили въ спиртъ.

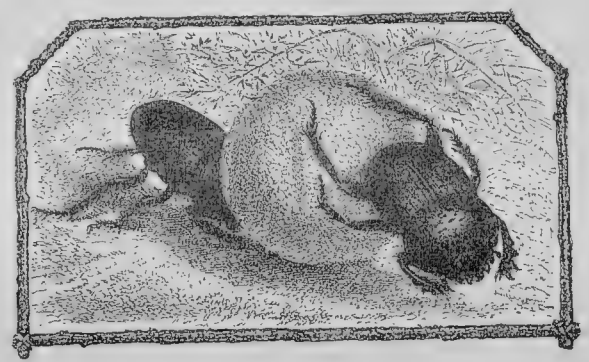
Изъ насѣкомыхъ окрестностей Чикишляра особенно интересны жуки-пилюльщики, тѣ самые скарабеи, которыхъ древніе египтяне считали священными. Пилюльщиками ихъ называютъ потому, что они дѣлаютъ пилюли изъ лошадинаго или коровьяго навоза, которыя, по крайней мѣрѣ, въ три раза больше самого жука. Въ каждый изъ такихъ шариковъ пилюльщикъ кладетъ по одному яйцу. Изъ яйца выходитъ личинка, которая питается навозомъ. Чтобы навозъ не высохъ, жукъ катаетъ свой шарикъ по песку, пока вокругъ него не образуется песочная корка. Она защищаетъ навозъ отъ высыханія. Удивительно, сколько усердія прилагаетъ пилюльщикъ, чтобы обезпечить существованіе своего будущаго дѣтеныша. Онъ катаетъ пилюлю съ такой суетливой поспѣшностью, какъ будто боится опоздать; иногда на подмогу является другой жукъ, и тогда они начинаютъ перекатывать шарикъ вдвоемъ, одинъ передними, другой задними ногами. Наконецъ, когда, по ихъ мнѣнію, на немъ



Степная черепаха.
(*Homopus Horsfildii Gray*).

наросла достаточно толстая корка, они загоняютъ шарикъ въ глубокую ямку въ пескѣ. Съ этимъ дѣло кончено. Работники немедленно принимаются за другую пилюлю, и такъ продолжается, пока есть навозъ и пока не снесены всѣ яйца.

По берегу Каспійскаго моря мы не могли поживиться богатой добычей: всего только нѣсколько чаекъ и куличковъ-зуйковъ попали въ наши охотничьи сумки. Зато мы полюбовались здѣсь на великолѣпныхъ фламинго, бродившихъ по песчаной отмели моря. Ростомъ фламинго съ 15-лѣтняго мальчика. Эти роскошныя розовыя птицы могутъ служить украшеніемъ любой мѣстности. Небольшими стадами ходили онѣ по морю вдали отъ берега. По временамъ то та, то другая опускала свою длинную шею въ воду и шарила на днѣ своимъ толстымъ согнутымъ пополамъ клювомъ. Несмотря на всѣ ухищренія, намъ ни разу не удалось подойти къ фламинго на выстрѣлъ. Они улетали такъ поспѣшно что ихъ нельзя было достать даже пулей. На лету фламинго еще болѣе красивъ, нежели на землѣ: онъ не складываетъ шею петлей, какъ это дѣлаютъ цапли и другія высокія птицы; онъ вытягиваетъ ее прямо впередъ, а ноги направляетъ назадъ, такъ что, когда онъ летитъ надъ вашей головой, вы видите розовый крестъ, рисующійся на голубомъ фонѣ неба. Туркмены ухитряются ловить фламинго живьемъ, для чего пользуются привычкой этихъ птицъ заходить въ воду по самый животъ. Въ такомъ положеніи фламинго не можетъ взлетѣть, такъ какъ не можетъ сдѣлать размаха крыльями: этому мѣшаетъ вода. Спрятавшись верхомъ на лошадяхъ гдѣ-нибудь за ближайшимъ пригоркомъ, туркмены дожидаются, пока фламинго зайдутъ въ воду по самыя перья; затѣмъ скачутъ къ нимъ во весь опоръ. Такъ какъ берега Каспійскаго моря чрезвычайно отлоги, то птицамъ приходится пройти большое разстояніе, чтобы выйти на мелкое мѣсто, гдѣ онѣ могутъ свободно взмахнуть крыльями; при быстротѣ туркменскихъ коней, онѣ не успѣваютъ сдѣлать это во время и потому попадаютъ въ руки туркменъ.



103. Жуки-пилюльщики или скарабеи. (*Ateuchus variolosus*).

Длинныя ноги фламинго не позволяютъ имъ сидѣть на яйцахъ такъ, какъ это дѣлаютъ всѣ другія птицы. Поэтому они принуждены строить особыя чрезвычайно своеобразныя гнѣзда. Изъ глины они возводятъ каланчу, по высотѣ равную длинѣ ихъ ногъ; на вершинѣ ея въ особую ямку кладутся яйца; фламинго сидятъ на этой каланчѣ словно верхомъ, свѣсивши ноги внизъ и упираясь пальцами въ землю.

Первоначально мы предполагали двинуться вверхъ по Атреку, вдоль русско-персидской границы, не выходя изъ предѣловъ Россіи. Въ виду этого, мы даже не

запаслись заграничными паспортами. Но потомъ такое путешествіе оказалось неудобнымъ по многимъ причинамъ.

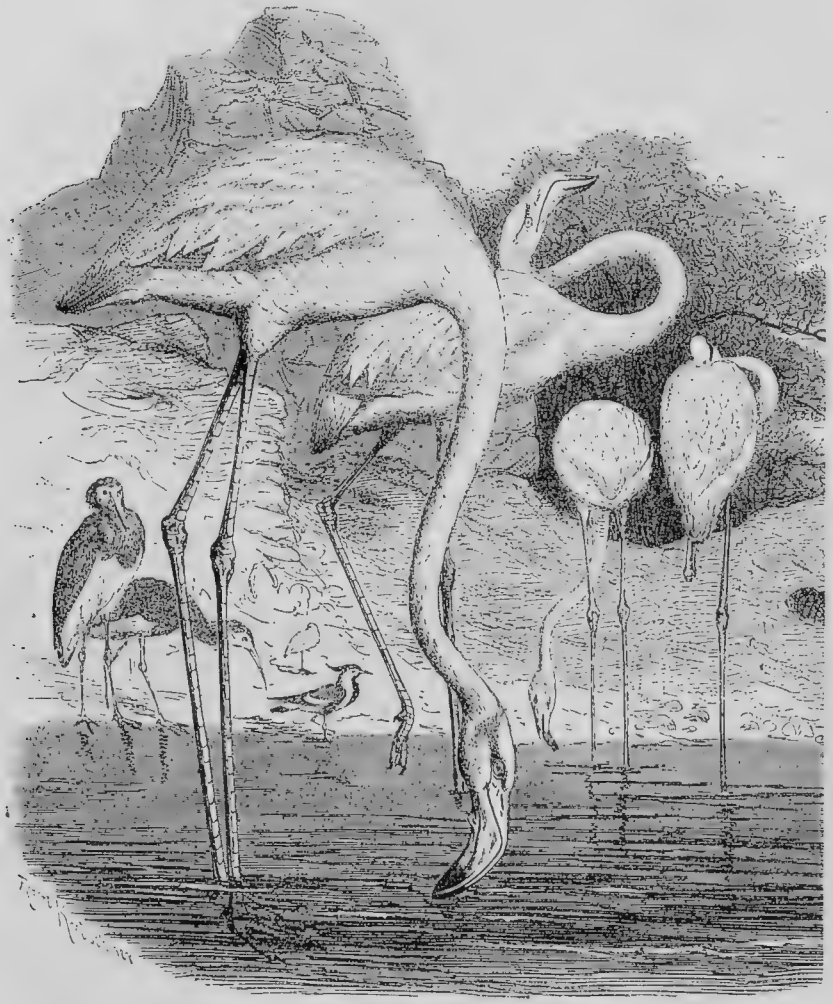
Нашъ хозяинъ предложилъ намъ очень заманчивый планъ: на лодкѣ переплыть по морю въ устье персидской рѣки Гюргеня, купить тамъ лошадей и двинуться внутрь Персіи. Кафаръ,— такъ звали нашего хозяина,— предлагалъ даже свои услуги, въ качествѣ слуги и переводчика въ сношеніяхъ съ туркменами и персами. На нашъ вопросъ о заграничныхъ паспортахъ, онъ сообщилъ намъ, что, если бы они и были у насъ, то ихъ некому было бы показывать. Серебристыя чайки, летающія на морѣ, краснокрылыя фламинго, бродящія по песчаной отмели пограничной линіи, нисколько не интересуются этимъ предметомъ, да и люди въ самой Персіи не признаютъ никакихъ паспортовъ. Лучшей рекомендаціей для насъ, по словамъ Кафара, должна была служить наша принадлежность къ русской націи.

Словомъ, все обстояло благополучно, и 3-го мая на туркменской морской лодкѣ мы контрабандным образомъ переплыли черезъ русско-персидскую границу. Въ устьѣ Гюргеня мы высадились въ туркменскомъ аулѣ Гумышъ-тепе. Это — настоящій городъ, состоящій изъ 1 200 юртъ, въ безпорядкѣ, но тѣсно расположенныхъ недалеко отъ берега рѣки. Жители аула, туркмены, занимаются скотоводствомъ, доставкой товаровъ изъ Персіи въ Россію или обратно, рыболовствомъ и торговлей. До основанія Чикишляра они кочевали въ предѣлахъ Россіи и занимались у насъ, главнымъ образомъ, угономъ скота. Скотъ, отбитый въ Россіи, они перегоняли въ предѣлы Персіи, а уворованный въ Персіи сбывали русскимъ подданнымъ. Наконецъ, рядъ укрѣпленій, построенныхъ вдоль рѣки Атрека, а, въ особенности, Чикишляръ, положили предѣлъ такимъ подвигамъ.

Послѣ этого многіе туркмены окончательно переселились въ Персію. Тамъ они чувствуютъ себя много свободнѣе. Хотя они и считаются подданными этого государства, но зависимость ихъ отъ Персіи совершенно призрачна. Отъ времени до времени они дѣлаютъ набѣги на персидскія деревни, предаютъ ихъ грабежу и уводятъ въ плѣнъ жителей. Персидское правительство прекрасно знаетъ объ этомъ, но дѣлаетъ видъ, что ему ничего неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать оно съ туркменами? Развѣ только вести съ ними настоящую войну. Но это дѣло далеко не легкое, если принять въ разсчетъ ихъ многочисленность, отчаянную храбрость, воспитанную на постоянныхъ набѣгахъ, и ихъ хорошее вооруженіе.

Такимъ образомъ, персидскія власти предоставляютъ пограничнымъ деревнямъ защищаться собственными средствами и даже очень старательно поощряютъ самозащиту. За голову каждаго туркменскаго разбойника правительство платитъ, на наши деньги, около 10 рублей. При этомъ никто не пытается производить слѣдствіе, былъ ли, въ дѣйствительности, разбой, или убитый приходилъ съ мирными цѣлями: убитъ,— стало быть, разбойникъ. Поэтому персіяне бьютъ всякаго туркмена, стоитъ только ему показать свою огромную папаху вблизи ихъ деревни. По правдѣ сказать, и туркмены появляются среди персовъ только за тѣмъ, чтобы пограбить и наловить плѣнныхъ. Разъ персіянинъ попалъ въ плѣнъ къ этимъ свирѣпымъ степнякамъ, онъ долженъ приготовиться къ самому варварскому обращенію: его будутъ бить, держать на цѣпи и всячески надругаться.

Въ одномъ изъ персидскихъ ауловъ къ нашему лагерю приходилъ молодой адербейджанецъ, побывавшій въ лапахъ туркменъ. Эти человѣкоподобные звѣри заставили его съѣсть свои собственныя уши.



104. Фламинго.
(*Phoenicopterus roseus*).

Вотъ въ этой-то странѣ, гдѣ голова каждаго взрослаго мужчины стоитъ 10 рублей, очутились мы въ сопровожденіи Кафара. Десятирублевыя головы приняли насъ любезнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Мы поселились у зажиточнаго туркмена, живущаго даже съ нѣкоторымъ ком-

фортомъ. Просторная юрта, множество кованныхъ сундуковъ, русскій самоваръ висячая лампа — все это было даже какъ-то не къ лицу головорѣзу-номаду.

Пока Кафаръ дѣйствовалъ по части покупки лошадей, мы также не теряли времени. Ящерицы, жуки и другія твари окрестной степи, я думаю, до сихъ поръ помнятъ двухъ русскихъ, которые съ превеликимъ усердіемъ ловили и сажали ихъ въ банки. При возвращеніи домой, мы всякій разъ попадали въ довольно непріятное положеніе. Аулъ Гумышъ-тепе, какъ уже было сказано, состоитъ изъ 1 200 юртъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка, похожихъ другъ на друга, какъ стоги сѣна. Неугодно ли отыскать между ними нашу юрту, поставленную гдѣ-то въ серединѣ! Въ довершеніе невзгодъ, при нашемъ появленіи въ аулѣ на насъ нападали, огромныя собаки. Большой стаей въ 15 — 20 головъ онѣ окружали насъ и съ яростью бросались подъ ноги, норовя уцѣпиться зубами за самыя пятки. Отстрѣливаться отъ нихъ мы не могли, такъ какъ исторія происходила всегда среди юртъ. Кругомъ сидѣли туркмены, которые, скаля свои бѣлые зубы, съ удовольствіемъ глядѣли на представленіе. Прислонившись другъ къ другу спинами и отмахиваясь отъ волкоподобныхъ собакъ прикладами, мы начинали нещадно вопить, призывая на помощь Кафара. Привлекаемый собачьимъ лаемъ и нашимъ воплемъ, онъ являлся, наконецъ, и спасалъ насъ отъ ярости туркменскихъ звѣрей.

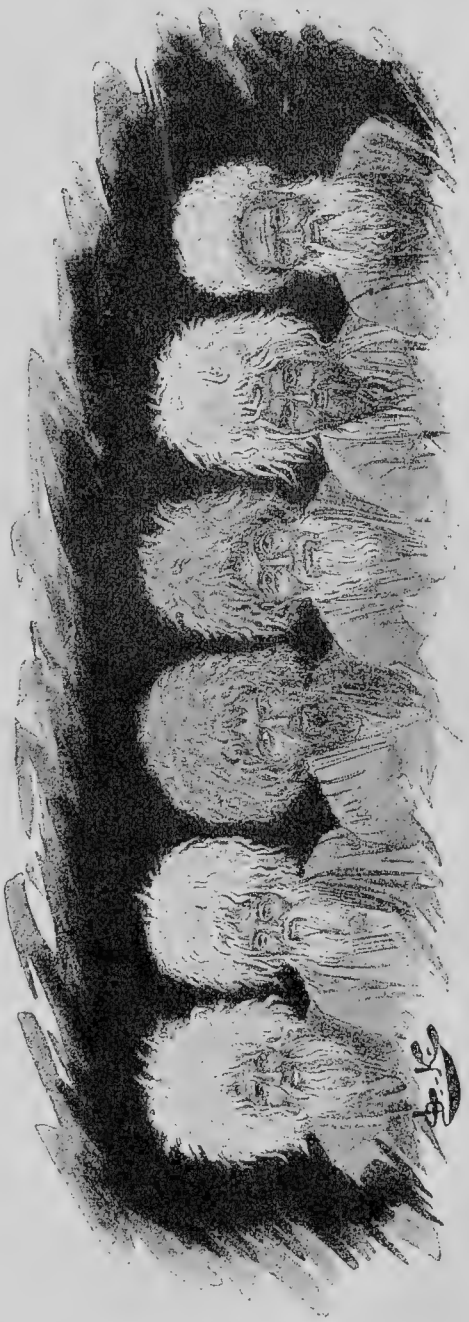
Купить лошадей въ здѣшнемъ аулѣ не составляло никакого затрудненія. Поэтому уже на другой день по прибытіи мы оказались собственниками трехъ довольно откормленныхъ, но далеко не ретивыхъ коней. Они, видимо, получили воспитаніе подъ вьюкомъ, и ни за что не хотѣли ходить иначе, какъ тихимъ шагомъ. Впрочемъ, ихъ тихій нравъ, какъ потомъ оказалось, былъ наиболѣе подходящимъ для нашихъ цѣлей.

Одной дроби было у насъ два пуда. Весь нашъ багажъ и мы сами, вмѣстѣ съ Кафаромъ, должны были помѣститься на этихъ трехъ лошадяхъ. Поэтому, вмѣсто обыкновенныхъ сѣделъ, пришлось украсить спины нашихъ коней особымъ приспособленіемъ для вьюченія, называемымъ у персовъ „палянгъ“. Это — связанный изъ камышу валъ, согнутый такъ, какъ сгибаютъ солдаты свои скрученныя шинели.

6-го мая мы привязали наши палянги къ спинамъ лошадей, поверхъ положили переметныя сумы съ багажемъ, а на нихъ уже взгромоздились сами, каждый на своего коня. Въ такомъ видѣ, сопровождаемые неистовымъ лаемъ туркменскихъ собакъ, мы выступили изъ Гумышъ-тепе. Сидѣть было довольно мягко и не утомительно; но во время пути ничѣмъ не привязанныя переметныя сумы обнаруживали большую склонность съѣзжать на одну сторону и тащили за собой всадника. Чаще всего онѣ доставляли это удовольствіе мнѣ, такъ что первое время я долженъ былъ кувыркаться почти на каждой верстѣ. Всякій разъ при подобныхъ оказіяхъ мой конь, скорѣе пользуясь случаемъ постоять, нежели изъ доброжелательства ко мнѣ, останавливался; останавливались и мои спутники. Въ то время, какъ З. весело хохоталъ, Кафаръ принимался ворчать, такъ какъ ему приходилось слѣзать съ лошади и поправлять бѣду. Какъ-то разъ онъ оказался особенно не въ духѣ и долго еще послѣ такого приключенія продолжалъ высказывать свое неудовольствіе.

— „Искандеръ (Александръ),— говорилъ онъ,— не умѣетъ ѣздить. Когда вьюкъ сползаетъ направо, ему надо наклоняться налѣво. Вотъ такъ!“ — и Кафаръ

наклонился налѣво. Но въ это время предательскія сумы подвернулись, и онъ, сверкнувъ въ воздухѣ голыми пятками, кувырнулся на землю; правая сума, набитая дробью, съ высоты лошади шлепнулась о бокъ моего учителя. Кряхтя и поглаживая этотъ бокъ, Кафаръ всталъ и, не говоря ни слова, съ угрюмымъ видомъ началъ укладывать сумы на ихъ надлежащее мѣсто.



105. Типы туркмень.
Изъ книги „По Средней Азіи", изд. Девріена.

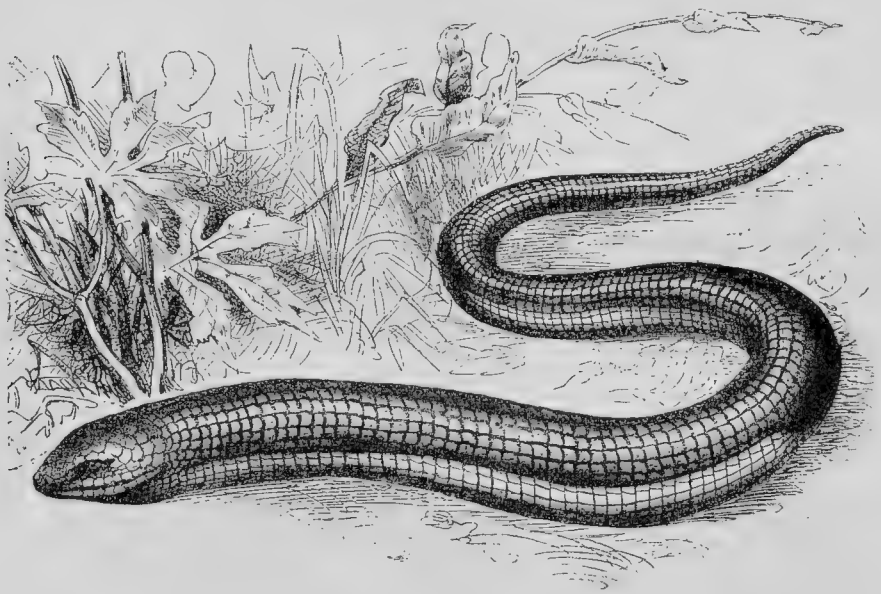
Съ тѣхъ поръ онъ уже больше не показывалъ мнѣ, какъ надо ѣздить. Тѣмъ не менѣе я и самъ въ скоромъ времени научился сидѣть на вьюкѣ: на третій день я кувырнулся всего одинъ разъ, на четвертый ни разу, а впослѣдствіи благополучно держался на спинѣ лошади во всѣхъ рискованныхъ случаяхъ, когда она карабкалась по крутизнамъ или дѣлала прыжки.

Отъ Гумышъ-тепе нашъ путь пролегалъ степью то голой, то поросшей травой, со множествомъ кузнечиковъ. Мѣстами, вспугивая цѣлыя стада сонныхъ рѣчныхъ черепахъ, мы выходили на берегъ Гюргеня. Къ вечеру мы переѣхали его вбродъ и начали подгонять лошадей, чтобы на ночлегъ добраться до туркменскаго аула Гюргень, такъ какъ въ этой странѣ головорѣзовъ было бы рискованно ночевать среди открытой степи.

По пути мы присматривались къ животному населенію страны. З. наловилъ полный ягдташъ желтопузовъ.

Это—ящерица длиной болѣе аршина, удивительно похожая на змѣю. Между тѣмъ существуетъ цѣлый рядъ признаковъ, заставляющихъ относить желтопуза къ ящерицамъ. Прежде всего,—зачаточныя заднія ножки, настолько, впрочемъ, маленькія, что не всегда удается розыскать ихъ; иногда онѣ бываютъ скрыты подъ сосѣдней чешуйкой. Затѣмъ — у желтопуза есть вѣки; у змѣй же на мѣстѣ вѣкъ находится прозрачная перепонка, покрывающая весь глазъ и сползающая вмѣстѣ съ кожей во время линьки.

Вмѣстѣ съ живыми желтопузами въ ягдташѣ З. сидѣла пара рѣчныхъ черепахъ, пойманныхъ имъ на берегу Гюргеня. Въ отличіе отъ своихъ степныхъ родственниковъ, рѣчныя черепахи питаются червями, улитками и, вообще, животной пищей. Кромѣ того, онѣ далеко не такъ медлительны въ своихъ движеніяхъ:

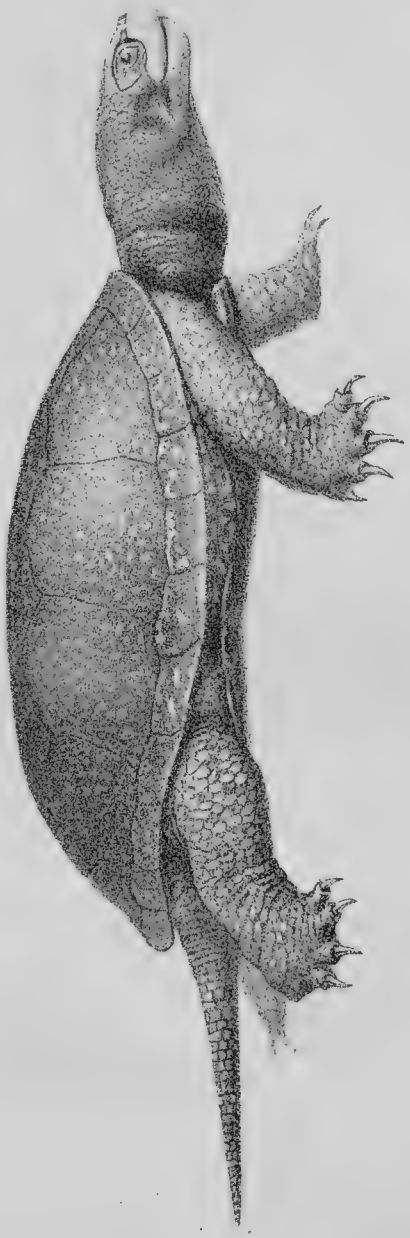


106. Желтопузъ.
(*Ophisaurus apus*).

на сушѣ онѣ ползутъ настолько быстро, что догнать ихъ можно только скорымъ шагомъ; поэтому онѣ имѣютъ полное право не принимать на свой счетъ обычнаго упрека въ неповоротливости; этотъ упрекъ относится къ ихъ степнымъ сестрамъ. Любопытно видѣть, какъ ловко рѣчная черепаха, положенная на спину, переворачивается на животъ. Упираясь головой въ землю, она заставляетъ тѣло наклониться на одну сторону, затѣмъ передней лапой той же стороны цѣпляется за неровность почвы и тотчасъ же перевертывается. Сухопутная же черепаха въ подобномъ положеніи, благодаря своему высокому щиту, оказывается совершенно безпомощной: она можетъ перевернуться лишь въ томъ случаѣ, если подлѣ нея имѣется кустъ или камень, за который она могла бы зацѣпиться лапой.

Въ то время какъ З. воевалъ съ желтопузами и черепахами, я стоялъ подъ

деревомъ и во всѣ глаза глядѣлъ на его листву, пытаясь отыскать въ ней древесную лягушку, перекликавшуюся съ другой, сидѣвшей гдѣ-то повыше... Послѣдняя была настолько близко отъ меня, что по крику я могъ опредѣлить ту группу листьевъ, откуда исходилъ звукъ; но самой лягушки я такъ-таки и не увидѣлъ, хотя заходилъ и справа, и слѣва, колотилъ по дереву палкой и бросалъ камнями. Ея травянисто-зеленое тѣло, помѣщенное на зеленомъ листѣ, совершенно незамѣтно на самомъ близкомъ разстояніи. Концы пальцевъ древесной лягушки снабжены присосками; съ ихъ помощью она крѣпко держится не только на поверхности листа, но даже на отвѣсной стѣнкѣ стеклянной банки.

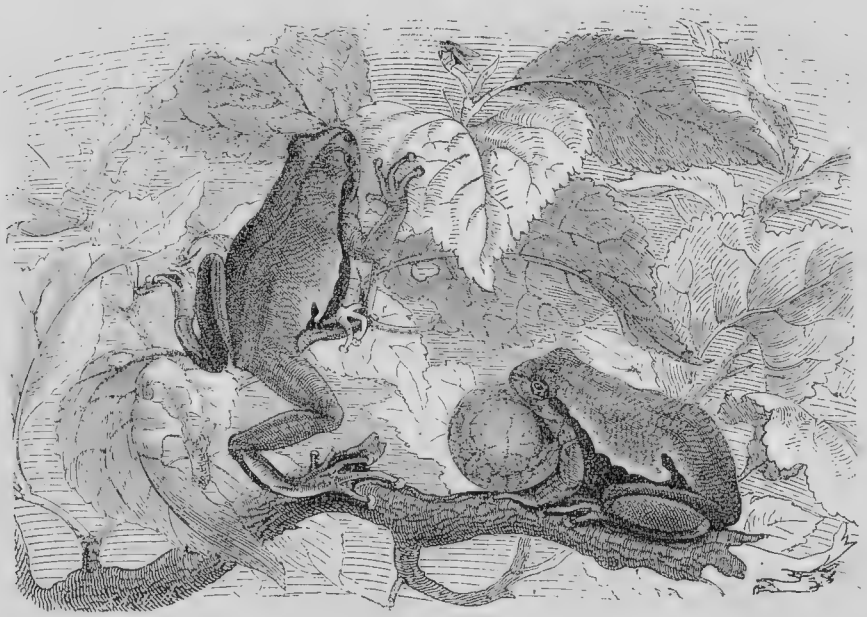


107. Рѣчная черепаха. (*Emys lutaria Mars.*).

Изъ птицъ мы добыли здѣсь сивоворонокъ, золотистыхъ щурокъ и розовыхъ скворцовъ. Послѣднія двѣ птицы славятся своей истребительной дѣятельностью среди насѣкомыхъ. Но одна изъ нихъ, именно, щурка, поѣдающая пчелъ, является сущимъ наказаніемъ для пчеловодовъ; между тѣмъ розовый скворецъ, во множествѣ истребляющій саранчу, привѣтствуется всюду, какъ благодѣтель человѣческаго рода.

На слѣдующій день, выступивъ въ путь рано утромъ, уже черезъ 4 часа мы были на настоящей персидской землѣ въ крѣпости Акъ-кала. Крѣпость эта, въ ряду другихъ такихъ же крѣпостей, предназначена для защиты собственно персидскихъ деревень отъ набѣговъ туркменъ. Хотя Акъ-кала обнесена каменной стѣной, окружена рвомъ и вооружена даже двумя пушками, которыя, на страхъ

врагамъ, палятъ по одному разу ежедневно, но едва ли она можетъ защитить кого-нибудь отъ нападенія хотя бы шакаловъ. Кромѣ нѣсколькихъ караульщиковъ, вооруженныхъ вѣтками для отмахиванія отъ мухъ, въ крѣпости нѣтъ никого. Тѣ же караульщики палятъ изъ пушекъ, нагоняя страху на летучихъ мышей и совъ, проживающихъ въ трещинахъ крѣпостной стѣны. Туркмены же, хорошо знающіе цѣну этой пальбѣ, вѣроятно, слушаютъ и посмѣиваются. Противъ крѣпости стоитъ казенный постоялый дворъ съ обширной конюшней. Тѣ же летучія мыши и совы проживаютъ и въ этомъ домѣ. При немъ даже нѣтъ и караульщика, очевидно, по той причинѣ, что голыя стѣны безъ оконъ и дверей нѣтъ надобности караулить! Въ конюшняхъ на кучахъ навозу развелось такое мно-



108. Древесныя лягушки.
(*Hyla arborea*).

жество мухъ, какого мнѣ не приводилось видѣть нигдѣ больше. Міріадами облѣпляли они и насъ, и нашихъ лошадей. Въ теченіе не болѣе, какъ двухъ часовъ, пока мы были заняты чаемъ, наши бѣлыя фуражки превратились въ крапчатыя, и еще долго послѣ того, какъ мы оставили Акъ-калу, тучи этихъ несносныхъ насѣкомыхъ цѣлый день преслѣдовали насъ и въ открытомъ мѣстѣ, и даже въ лѣсу. Сухая степь, поросшая пли травой, но большей части выжженной солнцемъ, или кустами каперсовъ, кончилась; вскорѣ послѣ полудня мы вступили въ царство сырости и буйной растительности.

На югѣ возвышаются астрабадскія горы, сплошь, безъ всякихъ просвѣтовъ до самаго гребня покрытыя курчавымъ ковромъ лиственнаго лѣса. Множество рѣчекъ, ручьевъ, разливаясь болотами по рисовымъ полямъ и насыщая воздухъ влагой,

сбѣгаютъ оттуда на равнину, по которой мы шли. Мы разбили свою палатку близъ персидскаго аула Наукянъ среди роскошнаго лѣса. Высокіе дубы съ зелеными, обвитыми плющемъ стволами, тополь, винная ягода, исполинскіе кусты ежевики съ крючковатыми цѣпкими шипами, кусты граната съ красными цвѣтами, дикій виноградъ, оплетающій деревья, всюду зелень и зелень—вотъ какова растительная обстановка, въ которой мы очутились.

Еще на пути сюда, на пашнѣ мы видѣли мертваго кабана, вѣроятно убитаго персами. Всюду были видны слѣды этого звѣря. Иглы дикобраза валялись въ лѣсу въ такомъ количествѣ, что не стоило бы большого труда собрать цѣлый снопъ

109. Розовый скворецъ.
(*Pastor roseus*).

ихъ. Жители Наукяна жаловались намъ на этихъ колючихъ грызуновъ. По ночамъ дикобразы являются на огороды и преисправно поѣдаютъ овощи. Иной не столько съѣстъ, сколько напортитъ, надкусивъ своими острыми зубами множество огурцовъ, дынь и другой зелени. Попадаются въ здѣшнихъ лѣсахъ и олени, но крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ сосѣднихъ ауловъ я видѣлъ молодого ручного оленя, пойманнаго въ окрестностяхъ. Изъ хищныхъ звѣрей здѣсь водится тигръ; иногда онъ забродитъ отсюда и въ предѣлы Россіи до самаго Чикишляра, близъ котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ были убиты три тигра.

Ночью слышны были хрустъ вѣтвей, какое-то гуканье, какіе-то неясные та-

инственные звуки, прерываемые мелодическимъ пѣніемъ жабъ. Словомъ, по всему было видно, что въ лѣсу ключемъ бьетъ разнообразная животная жизнь. Весь слѣдующій день мы бродили по чащѣ и, хотя настрѣляли не мало птицъ, но не встрѣтили ни одного звѣря, такъ какъ большинство ихъ въ лѣсу бродитъ только по ночамъ.

Поэтому на слѣдующую ночь, оставивъ при палаткѣ Кафара, мы отправились въ глубину лѣса. Вскорѣ послѣ заката солнца мы засѣли поджидать дикобраза около его норы, со свѣжими слѣдами ея хозяина и съ двумя иглами, лежащими тутъ же. Почуялъ ли дикобразъ присутствіе людей, или онъ вышелъ изъ норы другимъ ходомъ, только мы никого не дождались. Тогда мы забрались на верхушку стога изъ сноповъ пшеницы, поставленнаго на маленькой пашнѣ среди густой чащи лѣса. Луна озаряла своимъ серебристымъ свѣтомъ безлѣсную площадку и ближайшія деревья; а тамъ, дальше царила безпросвѣтная таинственная темь, откуда доносились до насъ неясные голоса обитателей лѣса. Вотъ, хрустнула гдѣ-то близко вѣтка, еще разъ, ближе и ближе; слышно какъ кто-то ломится, продираясь сквозь чащу. Стараясь не дышать, мы до слезъ всматриваемся въ темноту и ждемъ, не выйдетъ ли на площадку кабанъ; настроенному воображенію рисуется уже его фигура; мы всматриваемся еще пристальнѣе; но фигура стоитъ неподвижно, между тѣмъ какъ хрусть вѣтвей слышится все дальше и дальше.

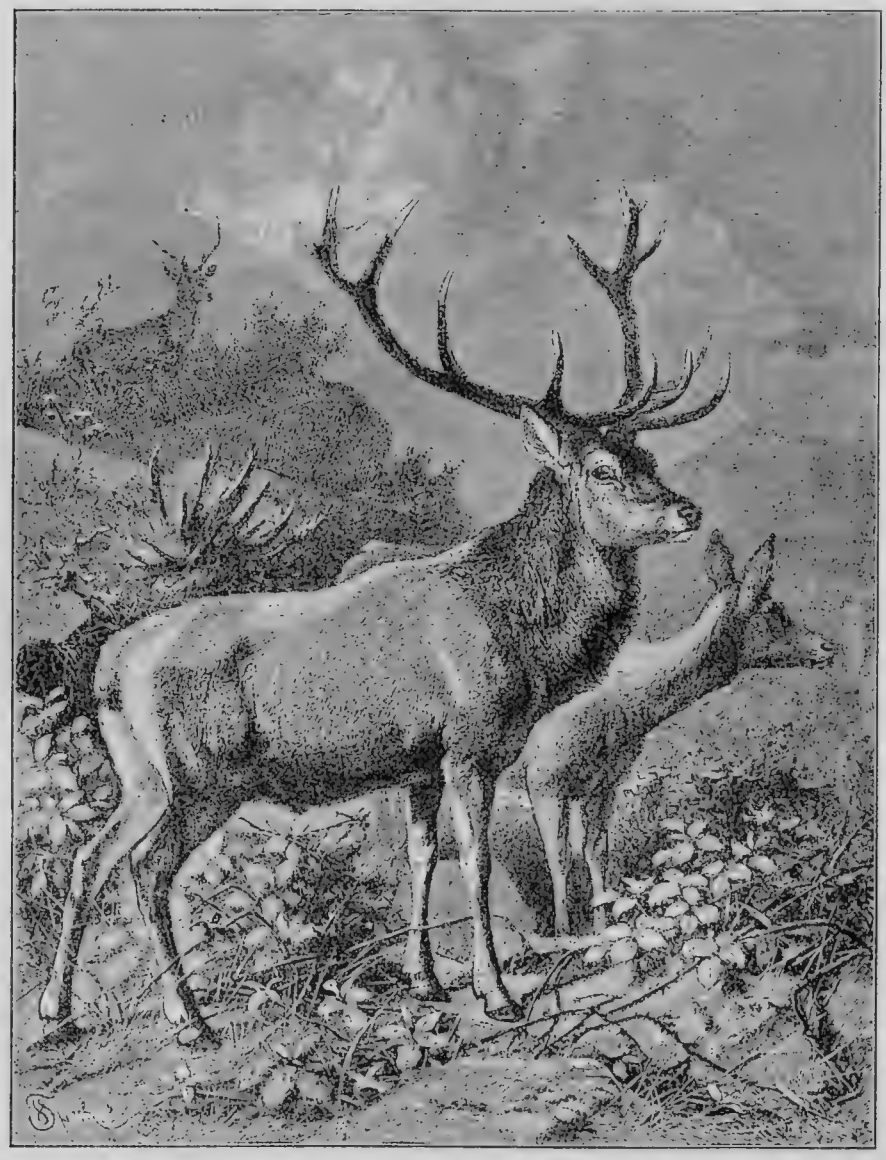
Такъ просидѣли мы на стогѣ до поздней ночи, очарованные этой таинственностью лѣса, этой кипучей жизнью, этимъ теплымъ воздухомъ, насыщеннымъ запахомъ влаги, зелени и цвѣтовъ. Слегка покусывали комары, но мы и безъ нихъ не могли бы заснуть долго, и только передъ разсвѣтомъ, когда комары угомонились, задремали и мы.

„Га...га...и...га...и!“ раздался вдругъ неистовый концертъ стаи шакаловъ возлѣ самаго стога; какъ бы ободряя другъ друга на приступъ, звѣри немилосердно выли, по временамъ останавливались на мгновеніе и опять продолжали выть.

„Впередъ, ребята, не трусь, подходи, вали...!“ такъ перевели мы это вытье на человѣческій языкъ. Пока мы всматривались въ темноту, тщетно стараясь увидѣть хоть одинъ шакалій глазъ, З., освобождая ружье, нечаянно свалилъ снопъ пшеницы, и вся храбрая компанія мгновенно исчезла.

Послѣ безсонной ночи мы бродили по лѣсу до полудня. Несмотря на роскошь растительности здѣшнихъ лѣсовъ, птичье населеніе ихъ далеко не богато. Сойки, дятлы, синицы, зяблики, малиновки, соловьи встрѣчаются здѣсь гораздо рѣже, нежели въ нашихъ лѣсахъ. Замѣчательно, что многія изъ этихъ птицъ принадлежатъ къ особымъ мѣстнымъ породамъ, хотя и похожимъ на нашихъ сѣверныхъ, но отличающимся какими-нибудь особенностями. У мѣстной малиновки, напримѣръ, грудь значительно ярче, нежели у нашей; сойка имѣетъ болѣе темную голову, синица свѣтлѣе, а пестрый дятелъ много темнѣе нашего. Еще болѣе бѣдно птичье населеніе на болотцахъ, которыя тамъ и сямъ попадаются среди лѣса, въ особенности, на границѣ его со степью. Будь такія болотца гдѣ-нибудь по Волгѣ, на нихъ обязательно сидѣли бы всевозможные кулики, лысухи, надъ ними носились бы крачки, чайки и другія водоплавающія птицы. Здѣсь же во все наше пребываніе въ этой лѣсистой и сырой мѣстности мы встрѣтили одного единственнаго кулика-ходу-

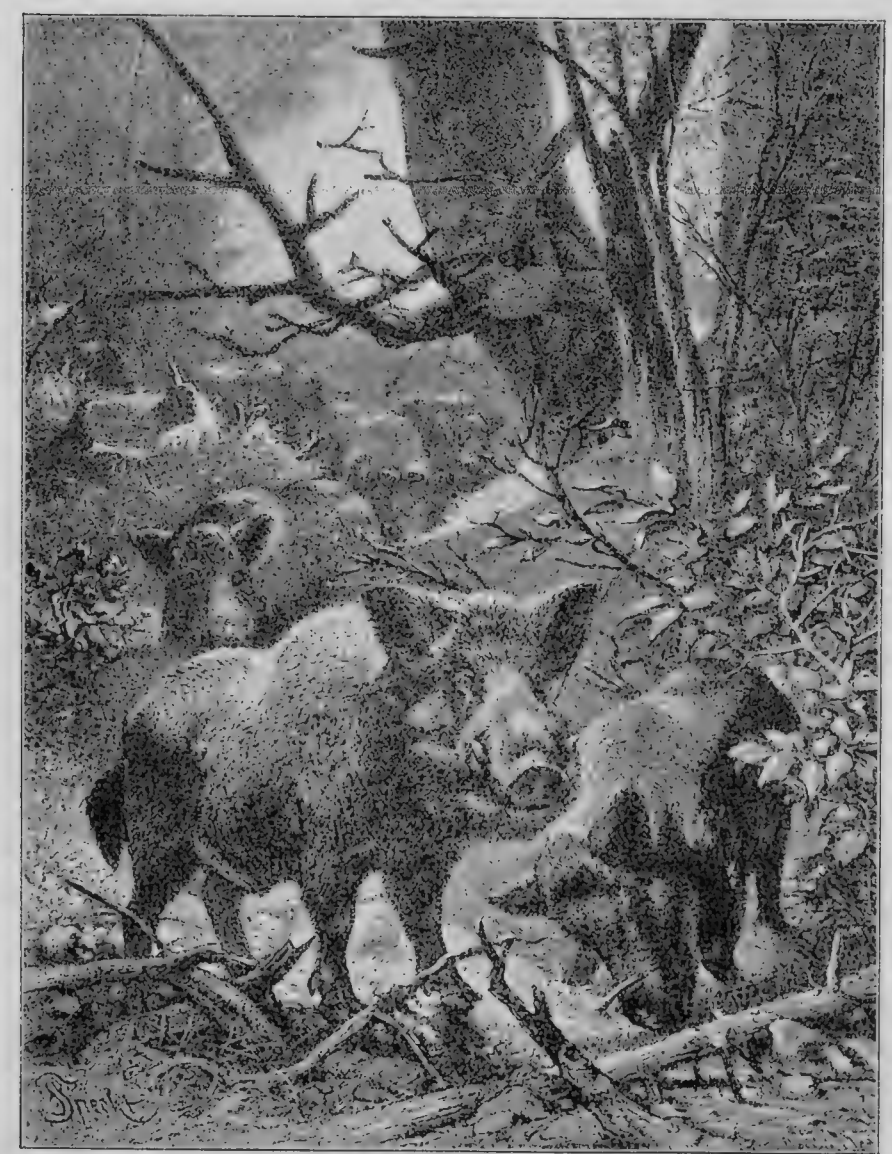
лочника, спротой стоявшаго на своихъ длинныхъ красныхъ ногахъ посреднѣ болота, населеннаго однѣми только лягушками. Зато зимой какъ все каспійское по-



110. Олень.
(*Cervus Elaphus*).

бережье Персіи, такъ и стоячія воды вдали отъ берега представляютъ настоящее птичье царство. Безчисленное множество разныхъ породъ утокъ, гусей, куликовъ,

пеликаны, бакланы и чайки пережидаютъ здѣсь холодное время нашихъ странъ, чтобы ранней весной отправиться снова на сѣверъ выводить тамъ дѣтей.



111. Кабаны въ лѣсу.
(*Sus scrofa*).

Кафаръ, котораго мы забыли предупредить, что будемъ ночевать въ лѣсу, былъ въ страшной тревогѣ, порѣшивъ, что мы попали въ лапы туркменамъ. Такое

Семья дикобразовъ.
(*Hystrix cristata*).

предположеніе казалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что жители Наукяна, приходившіе безъ насъ къ намъ въ лагерь, выражали удивленіе, почему мы остановились въ лѣсу, а не въ аулѣ. По ихъ словамъ, однѣ только лошади наши—добыча, настолько привлекательная для туркменъ, что они не замедлятъ воспользоваться случаемъ сдѣлать на насъ нападеніе. То же повторяли намъ и персіяне, когда мы вернулись къ палаткѣ. Они разсказали еще слѣдующую исторію, разыгравшуюся не дальше, какъ третьяго дня. Трое туркменъ угнали у одного наукянскаго жителя лошадей; тотъ во время узналъ объ этомъ, подстерегъ воровъ въ то время, когда они гуськомъ пробирались по лѣсной тропинкѣ, и выстрѣломъ изъ винтовки свалилъ съ сѣдла двухъ туркменъ. Изъ разспросовъ оказалось, что этотъ конецъ исторіи произошелъ какъ разъ въ то время, когда мы среди лѣса подъѣзжали къ мѣсту теперешней нашей стоянки; мы даже слышали выстрѣлъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи. Одному туркмену персъ отрѣзалъ его десятирублевую голову, а другого оставилъ съ головой, такъ какъ очень торопился, боясь погони.

На предложеніе жителей Наукяна перебраться въ аулъ мы сначала отвѣтили отрицательно. Въ аулѣ было душно, грязно и далеко отъ природы; къ тому же мы не вѣрили, что туркмены рѣшатся напасть на русскихъ. Но намъ пришлось уступить.

Къ намъ пріѣхалъ какой-то важный персіянинъ, вѣроятно, ханъ, судя по тому, что при его приближеніи всѣ, кто до того времени сидѣлъ, встали. Этотъ господинъ сообщилъ намъ, что онъ не ручается за нашу безопасность, если мы будемъ продолжать жить въ лѣсу; а всякое несчастіе съ нами поставитъ его предъ своимъ начальствомъ въ особенно непріятное положеніе, такъ какъ мы принадлежимъ къ дружественной персидскому государству націи. Послѣ такого довода настаивать было невозможно, и мы перебрались въ аулъ, расположившись на дворѣ одного домика.

Жители Наукяна принадлежатъ къ турецкому племени; это такъ называемые а д е р б е й д ж а н ц ы. Въ отличіе отъ коренныхъ персовъ или фарсовъ, они чрезвычайно радушны и гостепріимны, дѣятельны и храбры. Персидское правительство поселило ихъ на границѣ туркменскихъ земель, чтобы за ихъ спиной могли прятаться трусливые и изнѣженные фарсы. И, дѣйствительно, адербейджанцы не даютъ спуску туркменамъ и частенько-таки рубятъ головы этимъ головорѣзамъ. Туркмены увѣряютъ, что, не будь на границѣ турокъ, какъ они называютъ адербейджанцевъ, они выкрали бы изъ гарема шаха всѣхъ его многочисленныхъ женъ.

Какъ и надо было ожидать, вокругъ насъ цѣлый день толпился народъ, запрудившій и дворикъ, и узенькую улицу. Мужчины болтали съ Кафаромъ, разспрашивая, конечно, о нашихъ персонахъ; мальчишки норовили залѣзть въ переметныя сумы съ головой и ногами для того, чтобы посмотрѣть, что тамъ есть; а женщины съ любопытствомъ разглядывали насъ издали. Всѣ же вмѣстѣ, несмотря на свое добродушіе, надоѣли намъ до такой степени, что на другой день мы рѣшились бѣжать.

З., впрочемъ, приходилось уѣзжать еще и по другой причинѣ. Уже давно у него разболѣлась нога; а послѣдніе дни, вслѣдствіе усиленной ходьбы, она окончательно отказалась служить ему. Здѣсь, въ Наукянѣ болѣзнь до такой степени обострилась, что бѣдный З. едва могъ переступать. Поэтому ему не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Россію. Одинъ мѣстный житель взялся доставить его на лошади въ г. Астрабадъ, до котораго отсюда было не болѣе 15 верстъ; а тамъ

З. разсчитывалъ на содѣйствіе русскаго консула. Впослѣдствіи оказалось, что разсчеты моего спутника оправдались, и онъ благополучно доѣхалъ до Оренбурга.

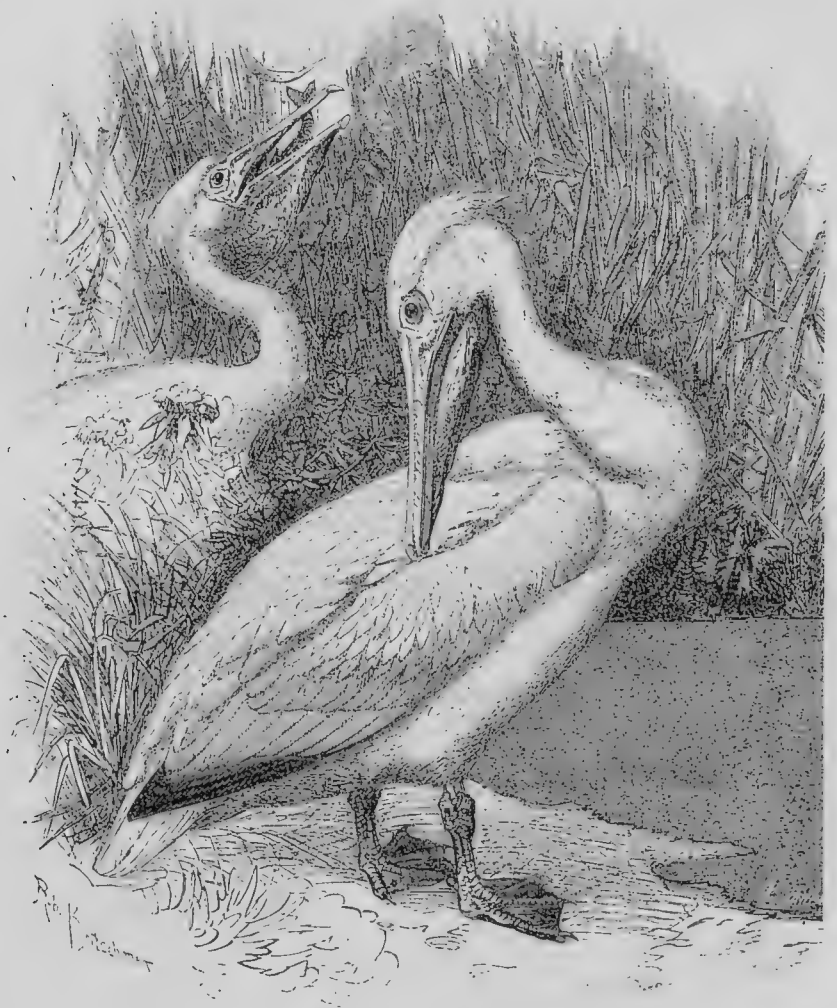
Такимъ образомъ мы разстались. Не медля ни мало, я съ Кафаромъ сдѣлалъ маленькій переходъ, всего въ три версты, и разбилъ свою палатку близъ крошечной крѣпостцы Турангъ-тепе. Теперь настала моя очередь предаваться хвори. Все южное побережье Каспійскаго моря съ его роскошной природой, вслѣдствіе обилія ручьевъ и рѣчекъ, разливающихся по рисовымъ полямъ, отличается лихорадочнымъ климатомъ. Въ лѣтнее время лихорадка, можно сказать, виситъ здѣсь въ воздухѣ. Желтыя, изможденныя лица жителей Турангъ-тепе свидѣтельствовали, что мѣстное населеніе, вѣроятно, все поголовно или переболѣло, или теперь страдаетъ этой болѣзнью. Тѣмъ болѣе мудрено было избѣжать ея лапъ пріѣзжему человѣку. З. уже начиналъ чувствовать ея холодныя объятія, но во время уѣхалъ въ Асхабадъ. Меня она окончательно приковала къ войлочному одру въ моей крошечной палаткѣ въ Турангъ-тепе. Только Кафаръ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ себѣ болтать съ соотечественниками, оставаясь столь же лѣнивымъ и вялымъ, какъ и прежде. Ночью меня одолѣвалъ „цыганскій потъ“, отъ котораго зубы стучатъ, какъ кастаньеты, а днемъ такая безсильная немощь, при которой ноги и руки уподобляются плетямъ. Хина не дѣйствовала, хотя я глоталъ ее безъ всякой мѣры; оставалось только плестись впередъ, пока не выйдемъ изъ этого царства лихорадки въ горы.

Отъ Турангъ-тепе я сдѣлалъ еще два перехода до подножія горъ, прошелъ нѣсколько ауловъ,—какіе, уже теперь не помню,—простучалъ зубами еще двѣ ночи среди роскошнаго лѣса, подъ музыку журчащихъ ручьевъ, и 14-го числа поднялся на 5—6 тысячъ футовъ въ горы, къ аулу Алястанъ.

По мѣрѣ того, какъ наши лошади карабкались вверхъ, становилось прохладнѣе, лѣсъ рѣдѣлъ и мельчалъ. Въ окрестностяхъ Алястана, за исключеніемъ грецкаго орѣха, шатромъ раскинувшагося надъ нашей палаткой, крупныхъ деревьевъ не было. Румяныя лица жителей аула указывали на то, что здѣсь уже кончилось царство лихорадки, и, дѣйствительно, я скоро пересталъ стучать по ночамъ зубами, и только руки мои по прежнему безсильно висѣли, какъ плети, благодаря чему фазаны, выскакивавшіе изъ подъ монхъ ногъ, не дождавшись выстрѣла, благополучно улетали въ кусты. Эти благородныя, но глупыя птицы отчасти были обязаны своимъ спасеніемъ... чему бы вы думали?.. Мусульманскому посту, у р а з ѣ, въ теченіе котораго правовѣрные не ѣдятъ цѣлый день, до наступленія ночи. Правовѣрные заставили справлять свой постъ и меня, православнаго. Если не считать двухъ-трехъ горшковъ молока за недѣлю, единственной провизіей, которую мнѣ удавалось доставать въ Алястанѣ, были ч у р е к и. Такъ называются тонкія, какъ холстъ, длиной, по крайней мѣрѣ, въ аршинъ, прѣсныя лепешки, столько же пригодныя для ѣды, какъ и для употребленія, вмѣсто салфетки. Вотъ изъ этихъ-то салфетокъ, и только изъ нихъ однѣхъ, мнѣ и приходилось набираться силы, отобранной у меня персидской лихорадкой. Очевидно, это было возможно не въ очень короткій срокъ, чѣмъ и пользовались фазаны. Мнѣ оставалось обратить свое вниманіе на птицъ, которыхъ можно было стрѣлять не спѣша, въ то время, когда онѣ сидятъ на вѣткѣ. Но увы!.. это были щеглы, зяблики, трясогузки и другія птицы, не больше воробья; чаще же синицы. На охоту за этой лилипутской дичью я отправлялся куда-нибудь подальше отъ аула. Чтобы не ронять въ глазахъ персіянъ престижа

русской націи, я жарилъ и съѣдалъ свою крошечную добычу тамъ же, въ лѣсу, закусывая чуреками и дикой алычей.

Сами жители Алястана питались однако не одними чуреками: я видѣлъ у нихъ молоко, что-то въ родѣ сыру, рисъ, яйца и куръ. Каково было мнѣ смотрѣть на все



112. Пеликанъ.
(*Pelecanus onocratalus*).

это послѣ синицъ, а, въ особенности, до нихъ! Между тѣмъ приходилось именно только смотрѣть, такъ какъ алястанцы не хотѣли продавать намъ ничего, кромѣ чурековъ, да и тѣ Кафаръ добывалъ послѣ энергичныхъ дипломатическихъ представленій.

Вообще, алястанцы произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Это были коренные персы, фарсы или таты, какъ они себя называютъ, племя иранскаго происхожденія. Въ противуположность адербейджанцамъ, таты лѣнивы, лживы, болтливы, ханжи, попрошайки и, — пусть обвиняютъ меня въ пристрастіи, — крайне негостепріимны. Цѣлый день по 5, по 6 откормленныхъ персіянъ сидѣли около моей палатки и клянчили то кусокъ сахару, то пороху, то чаю или пистоновъ; они готовы были стащить съ насъ послѣднюю рубашку, если бы на то хватило нашей любезности. Но сами они ни малѣйшей услуги не хотѣли дѣлать даромъ.

Когда я пытался было поймать козленка, чтобы его погладить, одинъ изъ монхъ постоянныхъ гостей доставилъ мнѣ это удовольствіе: онъ подвелъ мнѣ козленка, но за свою работу потребовалъ 10 пистоновъ; когда же я отказалъ, онъ сталъ ругаться.

Въ свои дома таты не пускали не только меня, но даже такого же мусульманина, какъ они сами, Кафара, полагая, что и онъ можетъ осквернить ихъ жилища, такъ какъ ѣстъ со мной и не справляетъ уразы. Если я случайно прикасался къ ихъ посудѣ, они мыли и чистили ее, какъ будто изъ нея лакала собака. Однако эта религіозная брезгливость нисколько не мѣшала имъ выпрашивать у меня сахаръ. Сахаромъ же расплачивался я и за услуги мальчишекъ и взрослыхъ персіянъ, которые носили мнѣ жуковъ, ящерицъ и всякую другую живность. Когда запасъ его сталъ замѣтно истощаться, я пустилъ въ обращеніе пистоны, и 20 — 30-лѣтніе балбесы, наперерывъ передъ мальчишками, отправлялись на ловлю жуковъ, чтобы заработать десятокъ пистоновъ и доставить себѣ развлеченіе, разбивая ихъ камнемъ. Кому было лѣнь заниматься ловлей, тотъ просто протягивалъ руку, приговаривая:

— Искандеръ, чакаръ! Искандеръ, пистонъ!—пока, наконецъ, „Искандеръ“ не приходилъ въ изступленіе и не прогонялъ попрошаекъ отъ палатки.

Много крови попортилъ мнѣ также мой спутникъ Кафаръ. Достаточно сказать, что это былъ самый чистокровный фарсъ, къ тому же уже пожилой, лѣтъ подъ 50, и довольно тучный. Лѣнь, настоящая восточная лѣнь была главной чертой его характера. Въ нашемъ путешествіи въ теченіе каждаго перехода были три момента, служившіе для Кафара истиннымъ наказаніемъ. Это—вьюченіе лошадей, ихъ развьючиваніе и установка палатки, т. е., собственно, почти все, что отъ него требовалось. Уже съ приближеніемъ этихъ каторжныхъ для него минутъ, Кафаръ становился мрачнымъ. Самыя же работы исполнялъ съ неизмѣннымъ ворчаніемъ; а палатку ставилъ только послѣ усиленныхъ монхъ требованій, всякій разъ увѣряя, что безъ нея лучше. Одна только нечистоплотность его могла вывести изъ себя самаго невзыскательнаго человѣка. Разъ какъ то, забравшись въ палатку пить чай, я попросилъ своего персидскаго „ричарда“ наколоть сахару. Долго онъ копался, съ ворчаніемъ роясь въ переметной сумѣ; наконецъ, слышу, колетъ, но колетъ какимъ - то страннымъ способомъ. Я приподнялъ стѣнку палатки и увидѣлъ слѣдующую картину: Кафаръ кладетъ кусокъ сахару между коренными зубами, затѣмъ ударяетъ себя по нижней челюсти и отколовшіеся куски кладетъ на землю.

— Что ты дѣлаешь?—кричу я.

— Не видишь, что ли? Сахаръ колю!—отвѣчаетъ Кафаръ.

— Кому?—въ ужасѣ спрашиваю я опять.

— Кому!.. извѣстно, тебѣ!..

Съ тѣхъ поръ у Кафара, къ его удовольствію, одной обязанностью стало меньше.

Шесть дней прожилъ я въ Алястанѣ. Въ теченіе этого времени чуреки и спицы, какъ-никакъ, а сдѣлали свое дѣло. Я настолько оправился отъ лихорадки, что рѣшилъ ѣхать дальше. Впереди были горы, мѣстами крутыя и каменистыя. Поэтому пришлось подковать лошадей, что было сдѣлано только послѣ цѣлаго ряда длинныхъ переговоровъ сначала съ Кафаромъ, потомъ съ какимъ то мѣстнымъ персіяниномъ, далѣе съ сыномъ кузнеца и, наконецъ, съ самимъ кузнецомъ.

Еще больше хлопотъ доставило мнѣ приведеніе въ порядокъ содержимаго монхъ переметныхъ сумъ. Боже, какой кавардакъ натворилъ въ нихъ Кафаръ за

113. Въ горахъ Персіи.
Съ фотографіи Б. Д. Коровякова.

время моей болѣзни! Изломанныя свѣчи были пересыпаны сахаромъ; чай оказался затисканнымъ въ грязный носокъ; дробь каталась на днѣ сумъ; сапоги попали въ чистое бѣлье; туда же угодили: неизвѣстно откуда взявшаяся баранья кость и мышьяковое мыло для смазыванія шкурокъ; все это было перемѣшано въ настоящій винигретъ, въ одной порціи котораго можно было найти образцы всѣхъ монхъ вещей, отъ кусочка мыла до щепотки чаю включительно. Вѣроятно, это была особая система укладки, придуманная Кафаромъ, чтобы долго не рыться въ сумахъ, отыскивая то, что было надо.

20-го іюня, въ сопровожденіи проводника, мы, наконецъ, выступили изъ Алястана. Дорога отъ самаго аула поднимается въ гору, мѣстами настолько круто,

что приходилось слѣзать съ лошадей и вести ихъ въ поводу. Скоро позади, или, вѣрнѣе, ниже насъ остались послѣднія деревца, а на перевалѣ мѣстность окончательно приняла альпійскій характеръ. Безлѣсныя горы поросли здѣсь низкими, колючими, какъ ежъ, кустами трагаканта. Среди скалъ кричали каменныя куропатки; красноносыя альпійскія галки съ мелодическимъ гиканьемъ носились надъ нашими головами; а въ горной долинѣ, впереди насъ растилался широкій зеленый коверъ альпійскаго луга. Верстахъ въ 15 отъ Алястана дорога раздѣляется на двѣ вѣтви: одна идетъ къ Шахруду, до котораго отсюда 28 верстъ, другая поворачиваетъ на востокъ, куда направились и мы. Навстрѣчу намъ то и дѣло попадаются ослики, везущіе на спинѣ дрова и хворостъ. За ними плетутся пѣшкомъ ихъ хозяева—персы.

Переночевавъ на альпійскомъ лугу и порядочно продрогнувъ, мы до свѣта выступили въ путь. Окрестныя горы такъ же безлѣсны и унылы, какъ и раньше. Только въ лощинахъ попадались кусты шиповника, барбариса, жимолости, разныя травы, и все это было въ полномъ цвѣту, какъ весной.

Около полудня мы подошли къ аулу Аберъ и въ верстѣ отъ него остановились лагеремъ. Аберъ значитъ облако, и, дѣйствительно, низко — низко надъ нашими головами цѣлый день проносились облака, обдавая насъ легкимъ дождемъ: иногда они заполняли всю долину, гдѣ стоялъ аулъ, и мы оказывались окутанными густымъ туманомъ.

Въ теченіе пяти дней, пока мы стояли здѣсь, все время дулъ холодный вѣтеръ; по утрамъ термометръ показывалъ всего 8° R. тепла. Словомъ, во всемъ сказывалось возвышенное положеніе мѣстности.

Жители Абера — осѣдлые туркмены изъ племени гокановъ, выселенные сюда персидскимъ правительствомъ, и, слава Богу... адербейджанцы. Баранина, куры, молоко, яйца и даже яблоки и абрикосы, привезенные изъ какого то аула, лежащаго ниже, у насъ не переводились. Вотъ, что значитъ адербейджанцы! Хорошо вамъ смѣяться; а для меня это неважное, по вашему, обстоятельство имѣло очень важныя послѣдствія.

Несмотря на пронизывающій вѣтеръ, сырость и дождь, съ бодрымъ духомъ бродилъ я по окрестнымъ горамъ и исправно дѣлалъ свое дѣло. Сорокопуты, овсянки, перепела такъ и кувыркались подъ моими выстрѣлами; а ящерицъ я наловилъ столько, что жители Абера вообразили, будто я ихъ ѣлъ. Съ тѣхъ поръ слава ящерицѣда шла далеко впереди меня, такъ что старухи въ аулахъ обязательно спрашивали Кафара, правда ли, что русскіе ѣдятъ кяльбасу, т. е., ящерицъ.

Свѣжая провизія всегда была бы къ моимъ услугамъ, если бы я въ дѣйствительности ѣлъ ящерицъ. Особенно пригодны были бы для этой цѣли стелліоны, горныя ящерицы, длиной болѣе полуаршина, толстыя и мясистыя. Своими крючковатыми когтями онѣ очень ловко цѣпляются за неровности скалъ и потому могутъ лазить по отвѣснымъ стѣнамъ. Поймать живьемъ стелліона почти невозможно, развѣ только онъ случайно выбѣжитъ на ровное мѣсто, гдѣ нѣтъ камней и норъ. Но нѣтъ ничего легче, какъ застрѣлить его мелкой дробью. Мѣстами эти ящерицы попадались въ огромномъ количествѣ; на глиняныхъ заборахъ садовъ, на камняхъ, на старыхъ постройкахъ, на скалахъ—всюду чернѣли ихъ головы, съ любопытствомъ глядящія на прохожаго. Когда вы проѣзжаете мимо стелліона, не обращая на него

114. Колючій дернъ и кусты трагаканта въ Персіи.

вниманія, онъ обязательно проводитъ васъ глазами, какъ будто хочетъ узнать, другъ вы или недругъ. Попробуйте сдѣлать непріязненное движеніе въ его сторону, и онъ тотчасъ же спрячется въ ближайшую щель. Значительно рѣже встрѣчается въ горахъ сцинкъ, крупная ящерица съ гладкой рыбьей чешуей и чрезвычайно ломкимъ хвостомъ. Я поймалъ нѣсколько сцинковъ, и всѣ они съ досады поломали себѣ хвосты до самаго корня. Отъ двухъ сцинковъ мнѣ достались одни только хвосты, а сами ящерицы успѣли убѣжать, чтобы отростить ихъ снова.

Вечеромъ я забирался въ свою палатку, и, хотя вѣтеръ трепалъ ея тонкія стѣнки, пытаясь разорвать ихъ въ клочки, хотя онъ прохватывалъ и меня самого, на душѣ было весело и тепло.

Около нашего лагеря никогда не переводились гости. Ихъ любопытству относительно моей особы удовлетворялъ, конечно, Кафаръ. Когда же онъ былъ въ отлучкѣ, наши бесѣды принимали совершенно односторонній характеръ въ томъ смыслѣ, что говорили только мои гости. Сидитъ себѣ подлѣ меня адербейджанецъ и смотритъ въ глаза, или съ любопытствомъ слѣдитъ, какъ я препарирую птицу. По всему видно, что его разбираетъ необыкновенное желаніе о чемъ то спросить. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и съ жаромъ, съ жестикуляціями начинаетъ что то лопотать. Говоритъ, говоритъ, пока мое „бель-мей“ (не понимаю) не охлаждаетъ его пыла. Адербейджанецъ прекращаетъ свою рѣчь, но въ скоромъ времени не выдерживаетъ молчанія и снова начинаетъ лопотать, видимо, стараясь объяснить свою мысль еще проще. Опять „бельмей“, и опять молчаніе. Затѣмъ на сцену выступаетъ другой гость. Очевидно, въ разсчетѣ на то, не будетъ ли онъ счастливѣе, новый собесѣдникъ сначала задаетъ короткіе вопросы, а затѣмъ разражается цѣлой рѣчью, но опять съ тѣмъ же успѣхомъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ приступовъ къ бесѣдѣ, я, наконецъ, не выдерживаю и принимаюсь хохотать. За мной начинаютъ смѣяться и гости. Въ числѣ гостей очень часто находился дервишъ одного изъ ближайшихъ мусульманскихъ монастырей. Въ своемъ монашескомъ костюмѣ, съ длинными волосами, съ симпатичнымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка „не отъ міра сего“. Сидя у входа моей палатки, онъ распѣвалъ гортаннымъ голосомъ псалмы, въ которыхъ часто упоминалъ имя „Иса“ (Іисусъ), чѣмъ, очевидно, хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе.

Жители Абера занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, несмотря на холодный климатъ долины. Они сѣютъ пшеницу, которая теперь только что начинала колоситься, въ то время, какъ внизу, въ окрестностяхъ Наукяна, хлѣбъ давно уже былъ сжатъ.

Зимой, какъ говорятъ, здѣсь выпадаетъ снѣгъ слоемъ въ сажень толщиной, такъ что три мѣсяца жители никуда не выходятъ изъ аула. Въ окрестныхъ горахъ водится много дикихъ барановъ или архаровъ, и я, воспользовавшись приглашеніемъ одного адербейджанца, отправился съ нимъ на охоту.

Доѣхавъ верхомъ до подножія горъ, мы оставили здѣсь лошадей, а сами стали карабкаться по скаламъ. Усыпанные щебнемъ склоны настолько круты, что съ трудомъ вѣрится, чтобы можно было добраться до гребня. Однако мы лѣземъ. Ноги скользятъ, сворачивая острый, какъ камень, щебень. Онъ съ трескомъ сыплется внизъ, захватывая новые камни, которые вмѣстѣ, цѣлой лавиной, уже съ грохотомъ скатываются къ подножію горы. По временамъ мы карабкаемся на чет-

Стелліонъ.
(*Agama stellio*).

веренькахъ, цѣпляясь одной рукой за камни, а другой опираясь на винтовку. Я, конечно, безсовѣстно отстаю. Гдѣ ужъ тутъ тягаться съ рослымъ молодцомъ, выросшимъ въ этихъ подоблачныхъ горахъ, мнѣ, степняку, да еще прошедшему 8 классовъ гимназіи и 4 курса университета.

115. Персидскій дервишъ.
Съ фотографіи.

Мой милый спутникъ, хотя и не знаетъ этого, но видимо сочувствуетъ мнѣ. Онъ всячески помогаетъ мнѣ ползти, и съ его помощью мы добрались, наконецъ, оба до остраго гребня горы. Снявъ папаху, адербейджанецъ, осторожно выставилъ голову изъ за камня, осмотрѣлъ противоположный склонъ и, убѣдившись въ томъ,

что барановъ нѣтъ, пошелъ дальше. Пройдя еще съ полверсты вдоль гребня, мы снова выглянули изъ-за камней и увидѣли небольшое стадо барановъ, мирно отдыхавшихъ между скалъ. Надо было проползти еще шаговъ 100 для того, чтобы выйти какъ разъ противъ стада.

Вотъ тутъ то, пока мы дѣлали послѣдній десятокъ ползковъ, приступы охотничьей лихорадки разыгрались у меня во всей силѣ. Руки дрожатъ, изъ глазъ отъ чрезмѣрнаго напряженія льются потоки слезъ, въ ушахъ стучитъ. Выставивъ голову изъ-за камня, я уже не различаю отдѣльныхъ животныхъ, хотя до нихъ не болѣе 200 шаговъ: вижу только, вообще, стадо, спокойно стоящее на склонѣ горы. Такъ скоро, какъ будто предо мной выскочилъ бекасъ, я вскидываю винтовку и не цѣлясь стрѣляю. Бараны сломя голову бросаются внизъ. Я заряжаю винтовку

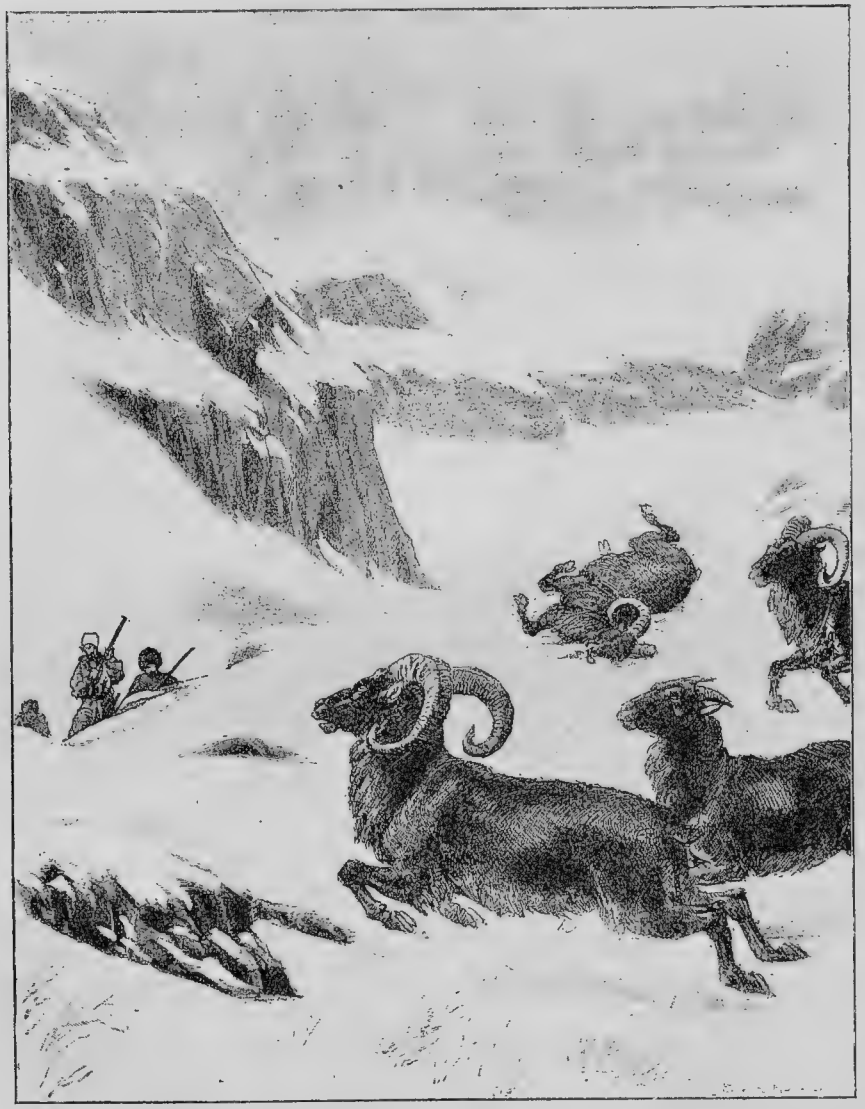
116. Дикіе бараны.
(*Ovis arkal*).

снова, стрѣляю вдогонку вторично, третій разъ, и только когда всѣ до одного барана исчезли окончательно, я прихожу въ себя и вижу, какъ мой спутникъ съ добродушной улыбкой укоризненно качаетъ головой, приговаривая: „Ой, ой!“

Раскаты выстрѣловъ перепугали животныхъ; въ этотъ день мы не видѣли болѣе ни одного барана. Зато на обратномъ пути, уже спустившись въ долину, встрѣтили нѣсколько антилопъ-джейрановъ, къ которымъ однако не удалось подойти на разстояніе выстрѣла.

Такъ неудачно кончилась наша охота на барановъ. Между тѣмъ здѣсь ихъ такъ много, что, при большемъ хладнокровіи, въ сопровожденіи мѣстнаго охотника, можно было бы, навѣрно, разсчитывать на успѣхъ. Чтобы добыть шкуру барана я просто на просто заказалъ ее одному изъ гокламовъ и на другой день онъ доставилъ мнѣ убитыхъ имъ въ ближайшихъ горахъ самца и самку. Гораздо труднѣе

добыть горнаго козла или тека. Козлы держатся въ неприступныхъ мѣстахъ горъ. Къ тому же, они чрезвычайно осторожны и чутки, такъ что только случай можетъ вывести охотника на разстояніе вѣрнаго выстрѣла.



117. Охота на дикихъ барановъ зимою.

27 іюня мы выѣхали изъ Абера. По пути мѣстность замѣтно понижалась. Вскорѣ мы вышли на обширную, окруженную горами равнину, носящую характеръ среднеазіатской пустыни. Чахлая полынь на растрескавшейся отъ солнца

глинѣ, стада джейрановъ, какъ тѣни, мелькавшія вдали, степные жаворонки, рябки, глинисто-желтыя ящерицы, словомъ, точно степь въ Туркестанѣ. Послѣ пяти часовъ ѣзды мы подошли къ двумъ большимъ, лежащимъ почти рядомъ, ауламъ, изъ которыхъ одинъ называется Келяте, а другой—Хычъ. Нѣсколько сотъ домовъ Келяте-Хыча расположены на склонѣ холма уступами, такъ что полы одного уступа непосредственно переходятъ въ плоскія крыши другого, лежащаго выше. Издали оба аула производятъ впечатлѣніе огромной лѣстницы, окруженной перилами изъ великолѣпныхъ садовъ. Намъ отвели небольшой домикъ на берегу журчащаго ручья между двумя садами, въ тѣни великолѣпнаго развѣсистаго чинара. Такъ какъ жители оказались адербейджанцами, то въ наше распоряженіе тотчасъ же поступили бараній шашлыкъ, пловъ, молоко и фрукты, множество превосходныхъ фруктовъ. Наибольшее вниманіе мы оказывали тутовой ягодѣ какой-то особой породы шахъ-тутъ (царскій тутъ). Мы ѣли ее и за обѣдомъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и утромъ, натощакъ; а Кафаръ, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, носилъ ее, кромѣ того, въ платкѣ и ѣлъ, когда ходилъ по аулу. Совершенно неожиданно для себя мой спутникъ встрѣтилъ здѣсь своего стараго знакомаго, бывшаго сарбаза (солдата) персидской арміи, съ которымъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, когда жилъ въ Астрабадѣ. Удивительно, какія бываютъ на свѣтѣ случайности! Много лѣтъ тому назадъ, уѣзжая въ Россію и прощаясь съ этимъ своимъ пріятелемъ, Кафаръ говорилъ ему:

118. Голова джейрана. (*Antilope subgutturosa*).

— Быть можетъ, когда-нибудь приведется быть въ твоемъ аулѣ; Богъ дастъ, попирую и на твоей свадьбѣ.

И что же! Мы пріѣхали въ Келяте-Хычъ какъ разъ за два дня до свадьбы этого сарбаза.

Видя въ этомъ счастливое предзнаменованіе, женихъ убѣдительно просилъ насъ остаться до этого торжества, а на то время командировалъ ко мнѣ своего брата, въ качествѣ чичероне. Чичероне прежде всего повелъ меня показывать мнѣ аулъ. Пока мы карабкались по уступамъ плоскихъ крышъ Келяте-Хыча, отовсюду, изъ-за ближайшихъ стѣнъ, изъ щелей домиковъ и даже изъ низкихъ и широкихъ трубъ очаговъ, смотрѣли на меня глаза мѣстныхъ обитателей, а, въ осо-

бенности, прекрасной половины человѣческаго рода *). Шопотъ, затаенный смѣхъ сопровождали насъ все время, пока мы путешествовали по аулу, или, вѣрнѣе, по

119. Горные козлы. (*Capra aegagrus*).

его крышамъ. Впослѣдствіи оказалось, что мой чичероне, подъ предлогомъ пока-

*) Женщины у адербейджанцевъ ходятъ съ открытымъ лицомъ и, вообще, пользуются гораздо большей свободой, нежели у фарсовъ.

зать мнѣ Келяте-Хычъ, на самомъ дѣлѣ, водилъ меня самого на показъ. Къ его оправданію, надо сказать, что онъ заставилъ меня изобразить изъ себя обезьяну только послѣ упорнаго настоянія мѣстныхъ дамъ, которыя, не видавъ никогда ни одного русскаго, особенно интересовались моей персоной.

Кафаръ, въ свою очередь, былъ моимъ истолкователемъ. Навѣрно, онъ натеръ себѣ на языкѣ мозоли, отвѣчая на всевозможные, подчасъ удивительные по своей наивности, вопросы мѣстныхъ обывательницъ. Конечно, не обошлось дѣло безъ вопроса о томъ, правда ли, что русскіе ѣдятъ свинину и ящерицъ. Одна старуха любопытствовала знать, какъ я сплю: такъ ли, какъ люди, или, можетъ, быть сидя, или стоя. Другая, полагая, что я нахожусь въ изгнаніи, спрашивала, далеко ли до моей родины. Когда Кафаръ отвѣтилъ ей, что на ослѣ можно доѣхать не скорѣе, какъ въ четыре мѣсяца, она покачала головой и проговорила:

— Охъ, бѣдный мусульманинъ! за что его такъ далеко прогнали?

Когда ей замѣтили, что я поѣхалъ сюда добровольно, она начала вздыхать, приговаривая:

— И какъ это мать его пустила!

Среди мѣстныхъ достопримѣчательностей въ Хычѣ мнѣ показали знаменитаго персидскаго клеща, укушеніе котораго будто бы смертельно. Такъ себѣ, маленькій клещикъ, очень похожій на тѣхъ, которые у насъ присасываются къ собакамъ; а кусается, если не до смерти, то, во всякомъ случаѣ, до того сильно, что укушенное мѣсто болитъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ говорили въ Хычѣ.

Сегодня, 28-го іюня, свадьба пріятеля Кафара. Кафаръ ушелъ на цѣлый день къ жениху; а я вотъ уже полъ-дня валяюсь возлѣ своей палатки въ тѣни чинара. Тихо и тепло; я сказалъ бы, жарко, если бы мнѣ когда-нибудь было жарко въ тѣни. Надъ головой сонно шелестятъ широкія листья чуднаго дерева, тихо журчитъ ручеекъ; сномъ, настоящимъ восточнымъ полуденнымъ сномъ объята вся природа. Дремота одолѣваетъ и человѣка. Какая-то особая истома разливается по тѣлу; лѣнь протянуть руку, чтобы напиться, лѣнь повернуться на другой бокъ, смотрѣть въ широкое небо, лѣнь даже думать. Обрывки мыслей безъ всякой связи и безъ толку мелькаютъ въ оцѣпенѣлой головѣ... А листья все шелестятъ, ручеекъ журчитъ, напѣвая: „спи себѣ, спи!“ Вотъ она, восточная нѣга на мѣстѣ ея родины!

Только ящерицы не поддавались этой разслабляющей нѣгѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, шныряли себѣ на самомъ солнцепекѣ. Вотъ, одна влѣзла на верхушку глинянаго заборчика сада, сѣла по-собачьи, повернувъ голову, пристально посмотрѣла въ мою сторону и скрылась. Навѣрно, она побѣжала доложить своимъ подругамъ:

— Бѣгайте, рѣзвитесь, ловите жуковъ: онъ спитъ!

Хотя я и не спалъ, но ящерицы и вся живая тварь были въ это время въ полной безопасности отъ меня.

29-го утромъ мы стали собираться въ дальнѣйшій путь. Провожать пришли наши добрые знакомые и принесли кто сливъ, кто яицъ, а мальчуганы презентовали мнѣ пару жуковъ. Приходилъ и мѣстный мулла, написавшій мнѣ на память въ мою записную книгу трогательныя, хотя не совсѣмъ соотвѣтствующія положенію вещей слова, которыя въ переводѣ можно приблизительно передать такъ:

„Ты подобенъ цвѣтку. Сегодня онъ явился во всей своей красѣ и услаждаетъ мои взоры; но завтра его не будетъ. Такъ и ты, путникъ, сегодня здѣсь, а завтра я не буду имѣть счастья тебя видѣть“.

Путникъ во всей „своей красѣ“, т. е., въ блузѣ, испачканной порохомъ и птичьей кровью, въ фуражкѣ, когда-то бѣлой, а теперь сѣрой, съ облупившейся, какъ у ящерицы, кожей на лицѣ, взгромоздился на спину своего далеко не ретиваго коня и, слѣдуя за проводникомъ, поѣхалъ по узкимъ закоулкамъ аула. Сзади поплелся Кафаръ, держа въ поводу третьяго россинанта. Надо замѣтить, что наши лошади, благодаря тому, что Кафаръ небрежно относился къ ихъ участи, а я ничего не понималъ въ уходѣ за ними, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, все болѣе

121. Горный аулъ въ Персіи.
Съ фотографіи В. Д. Коровякова.

и болѣе приближались по своему виду къ знаменитому коню Донъ-Кихота; одна изъ нихъ настолько сбила себѣ спину вьюкомъ, что приходилось подумывать о замѣнѣ ея свѣжей.

Итакъ, мы выѣхали съ проводникомъ во всей своей красѣ. Удивительный у насъ проводникъ! Мнѣ чрезвычайно нравится его добродушное, симпатичное лицо; между тѣмъ онъ убилъ не больше и не меньше, какъ семь туркменъ. Съ самымъ невозмутимымъ видомъ разсказывалъ онъ, какъ отрѣзалъ голову одному изъ нихъ, раненому первоначально въ ногу, какъ тотъ схватилъ его зубами за руку, стараясь вырвать ножъ.

— А всетаки отрѣзалъ! — съ добродушной улыбкой закончилъ свой разсказъ этотъ охотникъ за головами, показывая шрамы отъ зубовъ туркмена.

По дорогѣ, предъ входомъ въ небольшое ущелье, проводникъ показалъ намъ башню, построенную въ воспоминаніе объ одномъ изъ эпизодовъ войны персовъ съ туркменами. Туркмены огромной шайкой напали на персидскій аулъ, находившійся близъ ущелья. Но въ аулѣ скрывался большой персидскій военный отрядъ, о которомъ туркмены ничего не знали. Произошла свалка, въ которой персы на туркменскихъ головахъ заработали около 3 000 рублей. Несмотря однако на благопріятный для персіянъ исходъ стычки, жители по уходѣ отряда бросили аулъ, и теперь отъ него остались однѣ развалины глиняныхъ домовъ.

Весь сегодняшній день мы шли по безлюдной мѣстности. Долины съ характеромъ пустыни чередовались съ ущельями, поросшими мелкимъ кустарникомъ. На-

121. Домики горнаго аула.
Съ фотографіи Б. Д. Коровякова.

конецъ, тѣ и другія привели насъ къ быстрому ручью, гдѣ мы и расположились ночевать.

На слѣдующее утро, когда мы собрались было вьючить лошадей, оказалось, что тѣ исчезли. Послѣ довольно долгихъ поисковъ, съ помощью проводника, удалось-таки найти ихъ въ ближайшемъ аулѣ. Жители его взяли въ плѣнъ нашихъ коней будто бы за то, что они истоптали пшеницу. Начались длинные дипломатическіе переговоры, въ которыхъ съ нашей стороны были употреблены и красноречіе, и угрозы жаловаться русскому консулу, хотя до русскаго консула, кстати сказать, хоть три года скачи—не доскачешь. Тѣмъ не менѣе переговоры привели къ удовлетворительному результату: за 4 крана (80 коп.) лошади снова вернулись въ наше владѣніе, и мы немедленно поѣхали дальше.

Сегодня мы прошли маленькій аулъ и остановились на ночевку близъ Кашпзара, окруженнаго множествомъ пашень и садовъ, орошаемыхъ довольно большой рѣчкой.

1-го іюля, пройдя верстъ 15, мы стали спускаться въ огромную круглую, лишенную всякой зелени котловину, на днѣ которой стоитъ укрѣпленіе Нардынъ. Мы расположились здѣсь лагеремъ, разсчитывая прожить нѣсколько дней.

Укрѣпленіе Нардынъ служитъ оплотомъ противъ нападенія туркменъ спеціально для защиты персидскихъ торговыхъ каравановъ. Незадолго до нашего прибытія туркмены ограбили караванъ съ ситцемъ. Но пардынскіе кавалеристы догнали разбойниковъ, отбили у нихъ товаръ и двоихъ взяли въ плѣнъ. Теперь плѣнники сидѣли въ кандалахъ подъ строгимъ карауломъ и дожидались рѣшенія своей участи

122. Персидская лавка.

въ Тегеранѣ. Несмотря на то, что почти навѣрно имъ предстояла обычная въ такихъ случаяхъ участь—остаться безъ головы, персидскіе солдаты обходились съ ними превосходно. Они не только кормили плѣнниковъ тѣмъ же, что ѣли сами, но даже развлекали ихъ разговорами, сидя подлѣ окна тюрьмы. Ханъ, начальникъ Нардына, узнавъ о пріѣздѣ русскаго, тотчасъ же отправилъ къ намъ нѣсколько солдатъ съ приглашеніемъ перебраться внутрь укрѣпленія. Но такъ какъ подъ стѣнами Нардына намъ не грозило никакой опасности со стороны туркменъ, а внутри этихъ стѣнъ было и душно, и пыльно, я наотрѣзъ отказался отъ предложенія. Тогда къ нашей палаткѣ былъ приставленъ караулъ, въ образѣ сарбаза съ длинной кривой саблей и плохимъ ружьемъ. Наконецъ, къ намъ явился сынъ хана, начальникъ мѣстной кавалеріи, красивый молодецъ въ нарядномъ костюмѣ. Онъ пригласилъ меня осмотрѣть укрѣпленіе, а заодно и отобѣдать съ ними.

Итакъ, намъ предстоялъ званный обѣдъ у персидскаго хана. Признаться, это приглашеніе доставило намъ не мало заботъ, главнымъ образомъ, по причинѣ той самой нашей „красы“, о которой засвидѣтельствовалъ въ моей записной книжкѣ мулла въ Келяте-Хычъ. Чтобы поддержать честь русскаго имени, надо было во что бы то ни стало видоизмѣнить эту красу, для чего приходилось вытаскивать со дна переметныхъ сумъ все, что могло придать мнѣ европейскій видъ. Конечно, пришлось примириться съ нѣкоторыми отступленіями отъ современной моды, напримѣръ, пришлось обойтись безъ крахмальной сорочки, вмѣсто которой я надѣлъ зеленую шолковую; въ концѣ концовъ, мнѣ все же удалось превратиться въ европейца. Но что было дѣлать съ Кафаромъ, этимъ настоящимъ и безнадежнымъ оборванцемъ. Правда, вмѣсто засаленнаго кафтана, разукрашеннаго заплатами и дырами, онъ могъ надѣть мою кожаную шведскую куртку; но его панталоны, сквозь которыя лѣзли наружу голыя колѣнки, положительно приводили меня въ отчаяніе, такъ какъ замѣнить ихъ, какъ казалось, было рѣшительно нечѣмъ. Однако, Кафаръ вспомнилъ объ одной принадлежности моего костюма, о которой не принято говорить въ обществѣ, и нашелъ, что всѣ затрудненія теперь улажены. Вмѣсто своихъ панталонъ, онъ нарядился въ эту принадлежность, на босыя ноги надѣлъ опорки и объявилъ, что въ такомъ видѣ мы можемъ отправиться на званный обѣдъ, нисколько не оскорбляя зрѣнія хана своимъ видомъ. Такъ какъ персидскіе порядки Кафару были извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ, оставалось только согласиться, тѣмъ болѣе, что другого исхода не было,—и мы отправились.

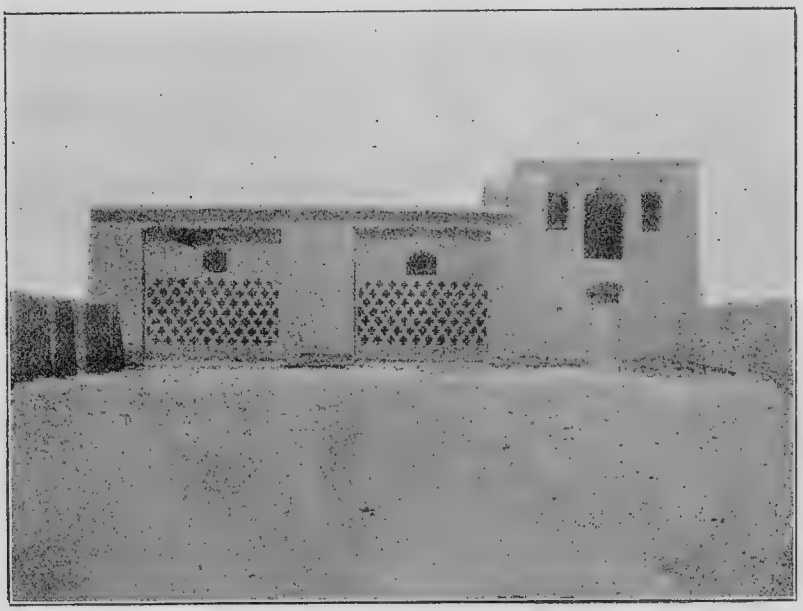
Старый ханъ, почтенный персіянинъ, съ длинной бородой, принялъ насъ въ большой палаткѣ, разбитой въ садикѣ передъ его домомъ, при чемъ извинился, что не можетъ пригласить насъ въ комнаты, такъ какъ тамъ живутъ его жены. Выразивъ свои симпатіи русскимъ, онъ разспросилъ меня о цѣли путешествія, видимо, предполагая во мнѣ агента нашего правительства, хотя одного взгляда на моего спутника, въ особенности, на его панталоны, для опытнаго глаза было бы достаточно, чтобы убѣдиться въ неправоподобности такого предположенія.

Обѣдали въ довольно большомъ обществѣ, расположившись на кошмѣ, разостланной въ палаткѣ. Угощеніе началось съ чая, подаваемаго въ маленькихъ стаканчикахъ и приготовленнаго по-русски, съ самоваромъ. Обѣдъ состоялъ изъ шурбы, или бараньяго супа съ бобами, кабава, или кусочковъ мяса, жаренныхъ на вертелѣ, плова съ бараниной, яичницы, сыра съ зеленымъ лукомъ, меду и особаго, очень прохладительнаго напитка, сдѣланнаго изъ воды и кислаго молока съ анисомъ. Всѣ кушанья подаются сразу, и каждый ѣстъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ ему кажется лучшимъ. Собственные пальцы должны были замѣнять ножи, вилки и даже ложки, а, вмѣсто салфетокъ, служили салфеткоподобные чуреки. Обходиться безъ помощи ножей и вилокъ я умѣлъ не хуже персіянъ, но рѣшительно недоумѣвалъ, какъ поступить мнѣ съ супомъ, который подали мнѣ отдѣльно, въ плоской, похожей на тарелку чашкѣ. Поглядывая по сторонамъ, не покажетъ ли кто на практикѣ искусство ѣсть супъ безъ ложки, я замѣтилъ, какъ одинъ изъ гостей крошилъ въ чашку чурекъ и затѣмъ, когда онъ пропитывался супомъ, бралъ куски пальцами и отправлялъ ихъ въ ротъ. Однако этотъ способъ показался мнѣ для перваго раза черезчуръ восточнымъ, и я, рискуя обнаружить свою невоспитанность, принялся хлебать супъ че-

резъ край тарелки. Обѣдъ завершился круговымъ кальяномъ. Послѣ обѣда, въ сопровожденіи младшаго сына хана, мы отправились осматривать укрѣпленія.

Толстыя стѣны изъ сырцоваго кирпича, мѣстами разрушенныя землетрясеніемъ, маленькая казарма для солдатъ, конюшни, дома хана и зданіе для пріѣзжающихъ начальниковъ—вотъ и всѣ постройки Нардына.

Послѣднее зданіе также сильно пострадало отъ землетрясенія; но судя по тому, что̀ уцѣлѣло, оно было построено съ претензіей на восточную роскошь. На стѣнахъ его яркими красками намалеваны картины, напоминающія наши лубочныя изданія, на которыхъ генералъ изображается въ десять разъ больше своихъ солдатъ.



123. Домъ богатаго перса.
Съ фотографіи Б. Д. Коровякова.

Сыновья хана предложили мнѣ принять участіе въ поѣздкѣ на Кяльпушъ, мѣстность, находящуюся верстахъ въ 15 отъ Нардына и представляющую, по ихъ словамъ, настоящій земной рай. 4-го іюля цѣлая кавалькада всадниковъ явилась около нашей палатки, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться въ этотъ рай. Признаться, видъ этихъ статныхъ молодцовъ, въ живописныхъ костюмахъ, съ ружьями за плечами, на лихихъ коняхъ, привелъ меня въ настоящее уныніе. Извольте при такихъ условіяхъ поддерживать честь русской націи. По силамъ ли была такая задача вашему покорному слугѣ, которому приходилось принять обычный странническій видъ, такъ поэтически воспѣтый муллой изъ Келяте-Хычъ? Могли ли поддер-

жать чью-нибудь честь мои лошади, эти вьючныя животины, изъ которыхъ лучшая готова была скорѣе умереть на мѣстѣ, нежели двигаться иначе, какъ шагомъ. Въ довершеніе несчастія, когда мы уже выѣхали, оказалось, что палянгъ, довольно удобный, если на него положены переметныя сумы, безъ этихъ сумъ превращается въ настоящее пиквизиторское кресло. Стебли камышеваго вала во время ѣзды впиваются въ ваше тѣло съ такой безпощадной жестокостью, что надо быть факиромъ, чтобы не закричать отъ боли.

За исключеніемъ небольшихъ деревьевъ можжевельника и кустовъ барбариса, разсѣянныхъ отдѣльно или небольшими группами, горы, окружающія Нардынскую котловину, совершенно лишены растительности. Само собой разумѣется, животныя также избѣгаютъ этой пустынной мѣстности. Только горные бараны и козлы держатся среди скалъ въ изрядномъ количествѣ, питаясь жалкой травой, пробивающейся кое-гдѣ въ трещинахъ.

Кавалькаду сопровождали нѣсколько человѣкъ кавалеристовъ и прислуга. На одной лошади, навьюченной огромными сумами съ провизіей, сидѣлъ поваръ. На другой ѣхалъ персъ, завѣдующій кальяномъ; къ сѣдлу его съ одной стороны была привязана на желѣзной цѣпи печь, въ которой постоянно горѣлъ огонь, а съ другой сума съ богатымъ кальяномъ, къ которому по пути, не слѣзая съ сѣдла, прикладывались и ханы, и гости. Печь, качавшаяся на ходу подобно кадилу, служила исключительно для того, чтобы всегда имѣть наготовѣ горячіе угли для кальяна.

Для большей пышности взятъ былъ горнистъ; онъ долженъ былъ трубить сборы и звуками рожка выгонять изъ лѣсу звѣря. Это былъ сѣдой добродушный старикъ адербейджанецъ. Дорогой, вспоминая свои молодые годы, онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о войнахъ, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе, а, въ особенности, объ одной стычкѣ съ туркменами.

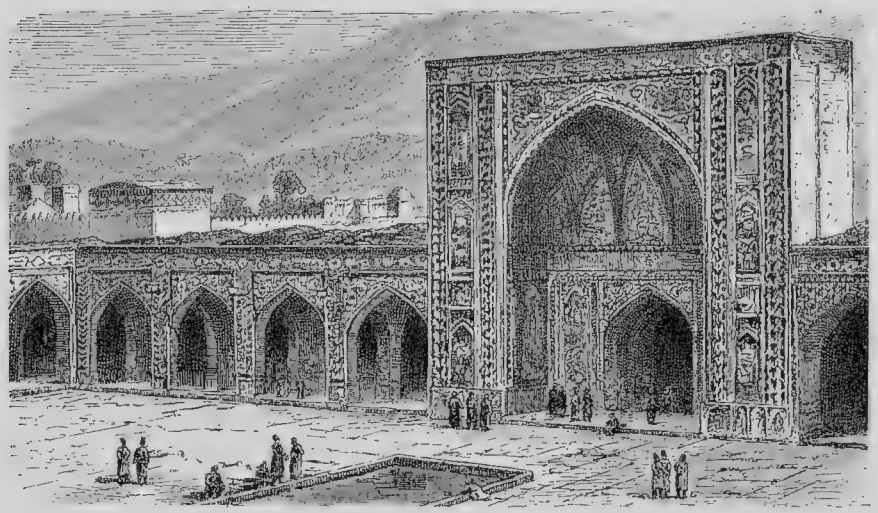
— Вотъ было время,—говорилъ онъ,—славное время! Я служилъ тогда горнистомъ и, кромѣ маленькаго ножа, не носилъ никакого оружія, а всетаки принесъ хану туркменскихъ головъ на 20 тумановъ.

На одной лошади съ этимъ старикомъ сидѣлъ молодой фарсъ, служившій у хана въ качествѣ приживальщика или шута... Всю дорогу до хриноты въ горлѣ оралъ онъ пѣсни, а вечеромъ исполнялъ должность муллы, призывая правовѣрныхъ къ молитвѣ. Какъ типичный представитель своего племени, онъ былъ крайней противоположностью старику адербейджанцу. Этотъ отличался прямотой и добродушіемъ; фарсъ былъ хитеръ и безсердеченъ. Когда ихъ общему коню приходилось взбираться въ гору, старикъ, желая облегчить его, слѣзалъ съ сѣдла и плелся за нимъ сзади. Чтобы сколько-нибудь помочь своимъ старымъ дрожащимъ ногамъ, онъ хватался за хвостъ лошади. Но фарсъ, сидѣвшій на ея спинѣ, началъ всякій разъ погонять, и лошадь настолько прибавляла шагу, что старикъ, не успѣвая шагать за ней, бросалъ хвостъ... Не понимая насмѣшки, онъ добродушно просилъ фарса не торопиться; но тотъ весело хохоталъ, продолжая погонять лошадь всякій разъ, какъ старикъ опять хватался за хвостъ.

Часа черезъ три по выѣздѣ изъ Нардына мы подошли къ той мѣстности, которая носитъ названіе Кяльнушъ. Дѣйствительно, въ сравненіи съ безжизненной

котловиной, гдѣ стоитъ Нардынъ, это—настоящій рай. Склоны горъ съ черноземной почвой покрыты прекрасной густой травой съ яркими цвѣтами. Мѣстами возвышаются рощи крупныхъ деревьевъ дуба, съ примѣсью черешни и боярышника. Въ рощахъ живутъ олени. Эта благородная дичь служитъ предметомъ охоты для самого шаха, который иногда заѣзжаетъ сюда во время своихъ путешествій по Персіи. Здѣсь всякій разъ ему разбиваютъ палатку на небольшомъ правильномъ холмѣ, какъ бы покрытомъ ковромъ яркой зелени.

По временамъ и мы останавливались для охоты. Старый горнистъ отправлялся въ лѣсъ и звуками рожка выгонялъ звѣрей. Одинъ разъ вышелъ олень, получилъ пулю изъ винтовки одного солдата, но скрылся, оставивъ послѣ себя кровавый слѣдъ. Сыновья хана застрѣлили кабана, но, конечно, не дотронулись до него и



124. Мечеть въ большомъ персидскомъ городѣ.

даже не показали мнѣ мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ, опасаясь, вѣроятно, что я по желаю его съѣсть.

Вечеромъ мы пришли въ Гусейнъ-абадъ, аулъ, находящійся подъ управленіемъ Нардынскаго хана, и остановились на ночевку въ хижинѣ одного обывателя. Послѣ ужина молодые ханы пригласили пѣвца и музыканта. То были два брата; старшій, слѣпой старикъ, игралъ на двухструнномъ инструментѣ, вродѣ гитары, аккомпанируя младшему пѣвцу. Въ пѣніи послѣдняго было много энтузіазма, но мало гармоніи. Это былъ скорѣе непстовый крикъ безъ всякихъ признаковъ мелодіи. Не менѣе увлеченія обнаруживалъ и старый гитаристъ. Онъ нещадно билъ по струнамъ рукой, по временамъ прислонялъ ухо къ инструменту или поднималъ кверху свое восторженное слѣпое лицо; порой онъ привскакивалъ съ мѣста и качалъ

въ тактъ сѣдой головой. Въ заключеніе спектакля, Кафаръ, псковеркавъ слова и мотивъ, пропѣлъ „Стрѣлка“. Гитаристъ подобралъ аккомпаниментъ, вмѣсто барабана на сцену явился тазъ, и скоро подъ крышей персидскаго домика полились звуки этой пошлой пѣсенки, доставившей не малое удовольствіе ханамъ и ихъ гостямъ.

На слѣдующій день мы вернулись въ Нардынъ. Молодые ханы попросили меня остаться еще на день, когда туркменскіе ханы племени гоклановъ должны были явиться съ поздравленіями къ начальнику Нардына по случаю дня его рожденія. Прибывшіе туркмены, по большей части, молодой рослый народъ, держали себя съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторой надменностью. Всѣ они были вооружены винтовками и ножами; а у нѣкоторыхъ были русскія пѣхотныя берданки работы Ижевскаго завода, попавшія къ нимъ отъ текинцевъ. Какъ извѣстно, подъ Геокъ-тепе не одна тысяча нашихъ солдатъ сложили свои головы. Ихъ ружья достались текинцамъ, а тѣ перепродали ихъ персидскимъ туркменамъ, когда текинскій оазисъ былъ присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ. Теперь наши берданки принимаютъ очень дѣятельное участіе въ грабежахъ и убійствахъ въ здѣшней странѣ десятирублевыхъ головъ.

За ужиномъ молодые ханы, по секрету отъ гостей-туркменъ, разсказывали мнѣ забавныя вещи о персидскихъ порядкахъ.

— Теперь,—говорили они,—намъ живется плохо и скучно, и доходовъ мало. Кое-когда шайка туркменъ ограбитъ караванъ; настоящей же войны не было уже давно, и ждать ея нечего, послѣ того какъ русскіе покорили текинцевъ. Прежде войны у насъ не переводились. На военномъ положеніи мы получали большое жалованье, да разная добыча, напримѣръ, лошади и оружіе, отбитыя у туркменъ, давали намъ не мало дохода.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ выяснилось, что персидскіе ханы, въ виду того, что войны доставляли имъ особыя выгоды, употребляли всяческія старанія, чтобы не покорить туркменъ окончательно: иначе воевать было бы не съ кѣмъ. Если по какой нибудь причинѣ наступалъ продолжительный миръ, который грозилъ ханамъ уменьшеніемъ доходовъ на долгія времена, они, по соглашенію съ туркменскими ханами, устраивали театральныя войны. Туркмены дѣлали видъ, что нападаютъ; персы выступали противъ нихъ въ походъ, палили изъ пушекъ, ружей; затѣмъ противники, насмѣявшись вдосталь, мирно расходились по своимъ домамъ. А въ Тегеранъ летѣли донесенія объ этой потѣшной войнѣ, и военное положеніе закрѣплялось надолго.

Послѣ ужина хозяева и гости принялись палить изъ винтовокъ, пистолетовъ и всякихъ другихъ орудій. Воспользовавшись настроеніемъ, я пытался поддержать честь русскаго имени, и, надо правду сказать, мнѣ удалось это довольно благополучно. Я велѣлъ принести свою заслуженную двустволку и сталъ показывать штуки, хорошо извѣстныя любому охотнику по перу, но для персовъ показавшіяся удивительными. Подобно фокуснику, который сначала продѣлываетъ болѣе обыкновенные фокусы, откладывая самыя эффектные подъ конецъ представленія, я сначала предложилъ одному изъ присутствующихъ бросить вверхъ куриное яйцо. Когда оно достигло высшей точки, я выстрѣлилъ изъ двустволки и разбилъ его вдребезги. Другое яйцо я бросилъ самъ; его постигла та же участь. Наконецъ, я бросилъ два яйца сразу, и оба они, одно за другимъ, выпустили на воздухъ свои

желтки. Эффектъ былъ полный. Туркмены, которые, кстати сказать, считаются превосходными стрѣлками, качали головами, приговаривая:

— Ой, урусъ, чокъ якши (очень хорошо), урусъ!—А молодые нардынскіе ханы попытались было продѣлать то же самое, но, къ довершенію впечатлѣнія, осрамились.

7-го іюля, простившись со своими знакомыми, мы выступили въ дальнѣйшій путь. Въ теченіе всего нынѣшняго перехода дорога пролегала скучной мѣстностью. Безводная равнина, покрытая чахлой, выгорѣвшей на солнцѣ полынью, а въ отдаленіи низкія голыя горы—вотъ все, что мы видѣли во весь этотъ день. Около 30 верстъ шли мы, не встрѣтивъ на пути ни капли воды. Солнце жгло такъ, какъ только можетъ оно жечь въ персидскихъ широтахъ. „Пить, скорѣе, пить!“ такъ думалъ каждый—и мы, и наши лошади. Наконецъ, послѣ шести часовъ марша, мы подошли къ колодцу, но, къ ужасу своему, убѣдились, что на днѣ его нѣтъ даже грязи: все высохло.

Приходилось идти дальше до слѣдующаго колодца. Не медля ни секунды, погоняя своихъ и безъ того истомленныхъ лошадей, поплелись мы по голой, растрескавшейся глинѣ. А солнце, склонившееся за полдень, все жгло, да жгло; во рту стало сухо, губы сморщились и собирались растрескаться, подобно глинѣ; въ ушахъ звонъ, въ глазахъ красные круги... Тучный Кафаръ, видимо, чувствовалъ себя хуже всѣхъ. Онъ жаловался на головокруженіе и съ минуты на минуту собирался кувырнуться съ лошади. Наконецъ, вдали, какъ бы плавая въ воздухѣ, показался закругленный куполъ колодца. Завидя его, лошади безъ всякаго принужденія съ нашей стороны прибавили шагу и пошли такъ скоро, какъ онѣ не шли все время своей службы у насъ. Бѣдные россинанты! Надо было видѣть, какъ они столпились около колодца, какими выразительными глазами заглядывали они внутрь его, съ какимъ азартомъ, расплескивая воду, отбивали они другъ отъ друга ведро,—надо было видѣть все это для того, чтобы простить имъ всѣ ихъ вольныя и невольныя прегрѣшенія противъ насъ. Хотя въ окрестностяхъ колодца разстилалась совершенно мертвая, выжженная солнцемъ пустыня, лишенная даже признака растительности, мы всетаки остались здѣсь ночевать. Вечеромъ къ тому же колодцу пришелъ пилигримъ, пробиравшійся пѣшкомъ въ городъ Мешедъ. Это былъ отставной солдатъ персидской арміи, которому во время послѣдней русско-турецкой войны турки отрѣзали всю кисть лѣвой руки и три пальца на правой; остальные два они оставили, чтобы наказанный могъ молиться. Эту операцію турки продѣлали за то, что онъ вмѣстѣ съ другими персами доставлялъ провіантъ нашимъ войскамъ.

На слѣдующій день рано утромъ, въ сопровожденіи пилигрима, мы выступили въ путь. Дорога пролегала той же безводной пустыней; но, къ нашему удивленію, мы скоро подошли къ аулу Дара, окруженному пашнями и садами. Удивленіе наше возросло еще больше, когда за садами мы увидѣли ту же пустыню безъ всякихъ признаковъ хотя бы маленькаго ручья. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ цвѣтущій оазисъ орошается исключительно водой колодцевъ особаго устройства, возможнаго только въ долинахъ, примыкающихъ къ горамъ. Гдѣ-нибудь на склонѣ горы роется колодецъ, въ которомъ вода показывается гораздо выше сосѣдней долины. Со дна его копаютъ подземный каналъ, при помощи котораго выводятъ воду на поверхность долины, а по длинѣ этого канала вырываютъ рядъ отдушинъ, въ видѣ колод-

цевъ. Такіе подземные ручьи тянутся иногда на нѣсколько верстъ. Верхній колодецъ не рѣдко достигаетъ глубины нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Эта огромная работа могла быть сдѣлана только въ прежнія, давно прошедшія времена процвѣтанія Персіи. Теперь же, когда города и селенія этой нѣкогда богатой, а нынѣ разоренной страны, вслѣдствіе порядковъ или вѣрнѣе безпорядковъ, господствующихъ въ ней, превратились мѣстами въ развалины, у жителей едва хватаетъ средствъ, чтобы поддерживать старинныя сооруженія. Многіе колодцы такого устройства совершенно заброшены и не приносятъ населенію никакой пользы. Кстати, на счетъ развалинъ. Вотъ и сегодня, подходя къ аулу Джоджермъ, мы видѣли брошенную развалившуюся крѣпость. Раньше намъ попадалось не мало такихъ же ауловъ, да и существующіе нынѣ носятъ на себѣ слѣды разгромовъ, запустѣнія и обнищалости жителей. Конечно, вѣчные набѣги десятирублевыхъ головъ не мало содѣйствовали такому запустѣнію. Но не въ этомъ заключается причина его. Главной виной остается всетаки весь государственный строй Персіи. Должностныя лица обыкновенно не получаютъ здѣсь никакого жалованья. Шахъ раздастъ губерніи тому изъ претендентовъ на должность губернатора, кто предлагаетъ ему за эту должность наибольшую плату. Губернаторъ, въ свою очередь, на тѣхъ же условіяхъ продаетъ низшія мѣста ханамъ, большіе ханы маленькимъ ханамъ, и такъ далѣе до послѣдней правительственной сошки. Затѣмъ уже начинается выколачиваніе доходовъ преемственно, отъ старшихъ къ младшимъ. Губернаторъ, чтобы уплатить шаху обѣщанную сумму и получить какъ можно больше дохода, жметъ подчиненныхъ ему хановъ. Эти выжимаютъ, что можно, у хановъ поменьше. Послѣдняя сошка дубаситъ и грабитъ мирнаго обывателя. Если у деревенскаго обывателя завелась лишняя лошадь, для начальства этого достаточно, чтобы отобрать ее и пустить въ оборотъ. Хорошій урожай служитъ уважительнымъ основаніемъ къ тому, чтобы отнять и этотъ урожай, да въ придачу еще козу или барана.

Поэтому всякій, у кого завелся какой нибудь достатокъ, употребляетъ всевозможныя старанія, чтобы скрыть это опасное обстоятельство отъ хищныхъ взоровъ своихъ ближайшихъ грабителей. Довольно состоятельные купцы, изъ опасенія навлечь на себя подозрѣніе въ зажиточности, живутъ такъ же бѣдно, какъ и простой крестьянинъ.

Такимъ образомъ, персидскія власти всѣхъ ступеней и ранговъ сводятъ свою дѣятельность только къ одному выколачиванію доходовъ. Обо всемъ остальномъ, что касается благосостоянія жителей, онѣ заботятся менѣе, чѣмъ объ удобствахъ собственной лошади. Народнаго образованія нѣтъ почти никакого. Во всей странѣ, за исключеніемъ Тегерана и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городовъ, нѣтъ ни одного экипажа, ни одного колеса; они излишни тамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ. Даже отъ портовъ Каспійскаго моря въ столицу товары да и люди доставляются на спинахъ лошадей, верблюдовъ или ословъ по узкимъ горнымъ тропинкамъ. Иногда шахъ предпринимаетъ поѣздку по странѣ, крайне разорительную для жителей. Тогда и только тогда для него устраиваютъ колесную дорогу. Сейчасъ же по окончаніи путешествія шаха ее бросаютъ на произволъ судьбы. Въ скоромъ времени она снова дѣлается вьючной тропинкой. Только въ самое послѣднее время, русскіе провели колесныя дороги отъ Асхабада въ Мешедъ и отъ Каспійскаго моря въ Тегеранъ.

Правосудіе въ Персіи сводится къ праву богатства. Передъ лицомъ началь-

ства правъ тотъ, кто больше заплатитъ. Хорошимъ образцомъ персидскаго правосудія можетъ служить такой примѣръ. У одного старика, жившаго въ аулѣ Сумбекъ, въ одинъ несчастный для него день пропала дочь, дѣвочка лѣтъ десяти. Отецъ сначала приписалъ было похищеніе ея туркменамъ. Затѣмъ, около года спустя, узналъ, что она украдена старшиной аула Дербентъ, находящагося въ нѣсколькихъ

125. Знатный персъ.

верстахъ отъ Сумбека. Не долго думая, старикъ явился къ похитителю и сталъ умолять его вернуть дѣвочку. Тотъ не только не отдалъ ее, но вытолкалъ отца вонъ и отказался уплатить ему калымъ, которымъ обыкновенно кончаются подобнаго рода дѣла. Прослышавъ о моемъ пріѣздѣ, обиженный тотчасъ прилелся ко мнѣ пѣшкомъ, съ просьбой — приказать старшинѣ вернуть украденную дочь.

— Да вѣдь я русскій, чужой человѣкъ въ Персіи,—говорю я,—да еще безпаспортный,—думаю про себя.

— Вотъ это то и хорошо!—возражаетъ старикъ.—Ты только накричи на него: онъ побоится русскаго и сейчасъ же отдастъ.

Единственный разъ въ жизни я пожалѣлъ, что не обладаю талантами Ивана Александровича Хлестакова. Судя по всему, что приходилось слышать, въ Персіи относятся къ русскимъ съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, въ особенности, послѣ покоренія текинцевъ и прекращенія ихъ разбоевъ въ предѣлахъ нашего государства. Въ русскихъ здѣсь видятъ сильную націю, а сила, по понятіямъ персовъ,—тоже, что право. Поэтому мнѣ достаточно было бы напустить на старшину хотя бы половину воображаемыхъ курьеровъ почтеннѣйшаго Ивана Александровича, и похититель вернулъ бы дочь ея отцу. Но у меня не было этихъ талантовъ и потому, не разсчитывая на успѣхъ, я отказался отъ роли защитника угнетенныхъ.

— Что же ты не жалуешься своему хану?—спрашиваю я старика. Но тотъ такъ краснорѣчиво махнулъ рукой, что я уже больше ничего не спрашивалъ.

Другой разъ молодой персъ предлагалъ мнѣ безплатно услуги въ качествѣ проводника съ тѣмъ только, чтобы я заѣхалъ въ туркменскій аулъ и вытребовалъ у одного изъ тамошнихъ жителей его долгъ персу.

Переночевавъ около Джоджерма, на слѣдующій день мы вышли безъ проводника, но въ сопровожденіи пилигрима съ отрубленными пальцами. Все та же пустынная, широкая, какъ степь, долина съ чахлой полынью тянулась весь этотъ переходъ. Антилопы-джейраны, степные жаворонки, ящерицы-круглоголовки окончательно придавали долинѣ видъ среднеазіатской степи. Въ довершеніе сходства, у колодца мы встрѣтили двѣ семьи кочующихъ курдовъ, у которыхъ впервые въ теченіе всего путешествія по Персіи видѣли верблюдовъ; у нихъ же было небольшое стадо яковъ, этихъ жителей горныхъ плато. Изъ черной шерсти яковъ курды ткутъ грубую матерію, а изъ нея дѣлаютъ палатки. Внутри жилища нашихъ новыхъ знакомыхъ на голой землѣ сложенъ былъ домашній скарбъ; тутъ же сидѣли оборванные хозяева, ихъ чумазыя ребята, и здѣсь же лежалъ маленькій жеребенокъ.

Ничего не видавшіе въ жизни, кромѣ степи и ближайшихъ горъ, которыя чахлой растительностью кормятъ ихъ стада, не видавшіе, вѣроятно, ни одного русскаго, курды обступили насъ и съ нескрываемымъ изумленіемъ принялись разсматривать пришельцевъ; а мальчишки, почти голые и тощіе, отъ избытка чувствъ даже разинули рты. Началось обычное въ такихъ случаяхъ ощупываніе матеріи моей блузы, разглядываніе пуговицъ, ружей и восторженное причмокиваніе. Какъ всегда среди такихъ дикарей, двѣ-три пуговицы и нѣсколько пустыхъ ружейныхъ патроновъ, подаренныхъ женщинамъ, вызвали неподдѣльную радость и съ большой пользой послужили дѣлу нашего сближенія съ добродушными хозяевами. Старухи вытащили свои запасы кислаго козьяго молока, притащили откуда-то добытыхъ огурцовъ, зеленаго луку; мы поставили на огонь чайникъ, достали свои тряпкоподобные чуреки, сахаръ, и начался у насъ пиръ горой!

Послѣ такого пира трудно было подниматься въ дорогу, да и лошади наши, познакомившись со своими курдскими товарищами по службѣ человѣчеству, ушли

126. Яки.
(*Poëphagus grunniens*).

съ ними далеко въ горы. Только на слѣдующій день, и то лишь къ 9 часамъ утра, съ помощью курдовъ, мы отвлекли ихъ отъ пріятной компаніи, навьючили и поѣхали на нихъ дальше. Черезъ четыре часа мы были въ аулѣ Хуршо, гдѣ, по приглашенію жителей, остановились на паперти мечети. Надо же быть такому несчастью: жители эти оказались фарсами. Они проморили насъ голодомъ, украли нѣсколько мелкихъ вещей, которыя не удалось выпросить, и до тошноты надоѣли своей болтовней, запрудивъ всю улицу около мечети. Положительно, можно сказать, что мухи и фарсы самыя несносныя существа во всей сѣверной Персіи. Сравнительно съ ними, туркмены, даже самые отчаянные изъ этихъ головорѣзовъ—сущіе джентльмены. И доставалось же отъ туркменъ этому трусливому племени въ аулѣ Хуршо! Среди пашенъ, разбросанныхъ въ его окрестностяхъ, всюду понастроены высокія глинобитныя башни съ амбразурами, или бойницами. Это памятники постоянныхъ набѣговъ туркменъ. Еще недавно, спрятавшись за сосѣдними горами, эти лихіе наѣздники поджидали по вечерамъ окончанія полевыхъ работъ; на быстрыхъ коняхъ нападали они на толпы фарсовъ, возвращающихся съ поля, и уводили ихъ въ плѣнъ. Кто могъ, спасался въ башнѣ и отстрѣливался оттуда, пока не приходила изъ аула помощь. Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе покорили текинцевъ, постоянные набѣги туркменъ на фарсовъ отошли въ область прошедшаго; однако и теперь еще жители Хуршо держатъ ухо востро и при первомъ выстрѣлѣ со всѣхъ ногъ задаютъ тягу.

Чтобы избавиться отъ фарсовъ задали тягу и мы, поднявшись рано утромъ, пока эти несносные попрошайки не успѣли выползти на улицу.

По дорогѣ близъ аула Курфъ одна изъ нашихъ лошадей потеряла подкову и мы вошли было въ аулъ, чтобы поправить бѣду. Оказалось, что мы рисковали нажить еще большую непріятность: жители его были фарсы. Ковыляй, бѣдный россинантъ, до слѣдующей кузницы! Въ Дербентѣ мы починили, наконецъ, его желѣзныя сандаліи и сейчасъ же тронулись въ путь. Уже вечеромъ, подходя къ утопавшему въ садахъ аулу Таваръ, мы встрѣтили европейца, перваго и единственнаго за все путешествіе по Персіи. Это былъ рыжій англичанинъ съ лицомъ, очень походившимъ на физіономію моего добраго коня; на этомъ лицѣ какъ бы застыло выраженіе надменности и чопорности. За нимъ шла цѣлая свита персіянъ и караванъ тяжело навьюченныхъ лошадей и ословъ. Въ Таварѣ мнѣ говорили, что онъ везетъ съ собой мѣшки золота и щедро расплачивается имъ за всякую бездѣлицу. Ѣдетъ онъ изъ Герата въ Баку и по пути обо всемъ разспрашиваетъ и записываетъ. По всѣмъ примѣтамъ это былъ одинъ изъ тѣхъ англійскихъ правительственныхъ агентовъ, которые во множествѣ шныряютъ около русской границы въ Средней Азіи. „Энглизъ китты, урусъ кильды“; (англичанинъ ушелъ, русскій пришелъ),—такъ привѣтствовали меня въ Таварѣ и немедленно принесли блюдо сливы, за которое англичанинъ только что заплатилъ 5 кранъ (1 руб. 70 коп.). Нужно сознаться, я положилъ на блюдо полъ-крана (17 коп.). Отъ Тавора дорога сначала идетъ широкой долиной, но верстахъ въ 10 отъ него поднимается на горный перевалъ Тахта-башка, откуда мы спустились въ узкое ущелье, на днѣ котораго весело журчитъ рѣчка Каризъ.

Пройдя около 40 верстъ отъ Тавара, мы остановились близъ аула Фирюзе, расположеннаго на берегу горной рѣчки Каризъ. Зеленой, извилистой лентой по

обѣ стороны Кариза тянется здѣсь нескончаемый рядъ садовъ. Что за роскошь эти сады, и какіе въ нихъ фрукты! Прозрачная алыча, слива, бѣлый шахъ—тутъ смотрѣли на насъ изъ-подъ каждаго листка; спѣлыя ягоды падали на землю, иныя даже прямо намъ на голову, какъ бы напрашиваясь: „съѣшь, пожалуйста, съѣшь!“ И мы не заставили просить себя долго. Кафаръ бросилъ лошадей не развьюченными, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ уже колотилъ палкой по вѣткамъ тутоваго дерева и, собирая падающія ягоды, съ жадностью набивалъ ими ротъ. Оттуда онъ перешелъ къ алычѣ, затѣмъ сдѣлалъ нападеніе на сливу, потомъ опять вернулся къ алычѣ, пока продолжительнымъ опытомъ не убѣдился, что невмѣстимое вмѣстить невозможно. Надо правду сказать, я успѣлъ дойти до того же убѣжденія.

127. Башня среди поля, въ которой спасаются при набѣгѣ туркменъ.
Съ фотографіи Б. Д. Коровякова.

Мягкій воздухъ, чудная природа, эти роскошные сады и фрукты очень убѣдительно приглашали насъ остаться въ Фирюзе подольше, но, увы!.. мнѣ приходилось торопиться.

Скудный запасъ денегъ у меня приходилъ къ концу; оставалась одна только надежда на живой капиталъ, въ лицѣ трехъ моихъ россинантовъ, которыхъ можно было превратить въ деньги въ концѣ пути. Но и этотъ капиталъ съ каждымъ днемъ терялъ свою цѣнность. Спины у всѣхъ лошадей были сбиты; а одна изъ этихъ мученицъ науки, бывшая подъ Кафаромъ, отказалась служить окончательно въ виду того, что спина ея превратилась въ котлету. Въ Фирюзе удалось промѣнять этого бѣднаго сѣраго россинанта на стараго бураго кривоногаго и хромого одра, у котораго, по крайней мѣрѣ, спина была въ большей исправности.

Всетаки въ Фирюзе мы продолжали истреблять фрукты до двухъ часовъ слѣдующаго дня. Тогда только, навьючивъ росспнантовъ и новаго осла, мы тронулись въ путь. До самаго Буджнурта дорога идетъ мимо роскошныхъ садовъ и зеленѣющихъ пашень. Буджнуртъ—первый и послѣдній персидскій городъ, который мы видѣли въ теченіе всего путешествія. Хотя онъ состоитъ изъ такихъ же глиняныхъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ хижинъ съ плоскими крышами, какія мы видѣли въ аулахъ, но здѣсь имѣется большой каменный домъ хана, старинная каменная мечеть, постоялый дворъ и цѣлая улица лавокъ, такъ называемый базаръ. На базарѣ продаютъ чуреки, фрукты, мясо, ситцы, сахаръ; тутъ же подъ навѣсами сапожники точаютъ персидскія галоши, шапочники шьютъ шапки, а мальчишки, вмѣсто собакъ, гоняютъ кошекъ. Домъ хана, со слѣдами былой роскоши, напоминаетъ теперь развалину; мечеть обвалилась; нѣкоторыя постройки совершенно разрушены; словомъ, здѣсь, какъ и вездѣ въ сѣверной Персіи, запустѣніе наложило свою руку. По поводу этого запустѣнія у персовъ существуетъ разсказъ о нѣкоемъ министрѣ, который, зная птичій языкъ, подслушалъ слѣдующій разговоръ совы съ вороной. Ворона сватала у совы дочь, а сова просила за нее калымъ: три разрушенныхъ города и три такихъ же аула. „Это совсѣмъ пустяки“,—отвѣтила ворона: „скоро настанетъ время, когда я дамъ тебѣ 1000 городовъ и ауловъ, лежащихъ въ развалинахъ“. Время это уже настало, и сова, вѣроятно, давно уже получила обѣщанный калымъ.

Въ Буджнуртѣ мы остановились на постояломъ дворѣ. Это дѣйствительно квадратный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ низкой глиняной постройкой. Въ ней понадѣланы клѣтушки, очень напоминающія лошадиныя стойла, предназначенныя однако для путешественниковъ. Въ качествѣ таковыхъ, мы заняли одно стойло и расположились спать на его глиняномъ полу. Кафаръ, ни мало немедля, принялся храпѣть во весь свой фарсійскій носъ, я же проворочался съ боку на бокъ всю ночь, словно отравленный. Послѣ широкаго полога неба, которое покрывало насъ цѣлый мѣсяцъ, послѣ яркихъ южныхъ звѣздъ, которыя заглядывали по ночамъ въ мою палатку, не угодно ли спать въ этомъ глиняномъ гробу? не угодно ли дышать этимъ воздухомъ съ запахомъ глины и пыли? Стѣны давятъ; кажется, вотъ, вотъ онѣ обрушатся на насъ; слышится писк летучей мыши; гдѣ-то въ углу шуршитъ какая-то козявка; кто-то кусаетъ ваше тѣло; ужъ не смертоносные ли это клещи, составляющіе достопримѣчательность Персіи?.. А Кафарка храпитъ и сопитъ, какъ не сопѣлъ онъ, кажется, никогда въ жизни. Нѣтъ, Богъ съ ними, съ персидскими городами, а, въ особенности, съ ихъ постоялыми дворами! Подъ открытымъ небомъ лучше.

Отъ Буджнурта дороги расходятся во всѣ четыре стороны свѣта, но состояніе моихъ финансовъ и моихъ лошадей не оставляло для меня много выбора, какъ безъ всякихъ проволочекъ идти на сѣверъ, въ русскій городъ Асхабадъ. Кстати, нашелся и проводникъ-курдъ, который взялся провести насъ до перваго жилого пункта въ предѣлахъ Россіи. 15-го іюля мы вышли къ знакомой уже намъ рѣкѣ Атреку, составляющему въ нижнемъ своемъ теченіи пограничную линію между Россіей и Персіей. Здѣсь Атрекъ имѣетъ видъ маленькаго ручья. По животрепещущему мостику наши лошади перешли на другой берегъ рѣки, откуда мы направились прямо въ горы и остановились ночевать подлѣ курдскаго аула Шихеръ.

128. Каравансарай въ Персіи.

Въ прежнее время въ этихъ мѣстахъ жили фарсы. Туркмены вытѣснили отсюда это трусливое племя. Тогда персидское правительство заселило эту пограничную полосу осѣдлыми курдами, за спиной которыхъ должны были прятаться фарсы. Мѣра оказалась очень практичной. Туркмены-текинцы нашли въ курдахъ достойныхъ соперниковъ по части головорѣзничества. За каждаго убитаго соплеменника они норовятъ нарубить возъ вражескихъ головъ, а за украденную лошадь отбиваютъ табунъ лошадей. Мужественныя, открытыя, но суровыя лица курдовъ внушаютъ невольное уваженіе; говорятъ, что съ большимъ уваженіемъ относятся къ нимъ и туркмены, которые признаютъ одну только силу да удаль.

Отъ Шихера часа черезъ четыре ѣзды мы стали взбираться на крутой и ка-

129. Внутри постоялаго двора въ Персіи.
Съ фотографіи Б. Д. Коровякова.

менистый перевалъ, составляющій водораздѣльную линію хребта Копетъ-Дага. Далѣе дорога врѣзается въ ущелье, затѣмъ выходитъ на узкія горныя долины, покрытыя пашнями и садами, и, наконецъ, подходитъ къ курдскому аулу Алогма. Переночевавъ здѣсь, рано утромъ мы выступили въ путь, чтобы въ тотъ же день перейти границу Россіи.

Отъ послѣдняго персидскаго, но населеннаго также курдами аула Робата мы на другой день поднялись на перевалъ, съ вершины котораго на сѣверѣ видна была послѣдняя цѣпь, окаймляющая огромную Арало-Каспійскую степь. Мѣстами чрезъ сѣдловины этого хребта какъ бы въ туманѣ виднѣлась и сама степь. Часа черезъ три ѣзды отъ Робата, когда мы поднялись на вершину хребта, она

развернулась передъ нами во всю ширь. Далеко до самаго горизонта простилалось это дно нѣкогда бывшаго здѣсь моря.

Море это покрывало всю Арало-Каспійскую низменность и соединялось на западѣ съ Чернымъ. Затѣмъ, вслѣдствіе поднятія дна, отдѣлилось сначала Черное море. Арало-Каспійскій бассейнъ раздѣлился на Аралъ и Каспій, Аму-Дарья, впадавшая раньше въ Каспій, повернула въ сторону Арала, и карта страны приняла тотъ видъ, который она имѣетъ въ настоящее время. Что внизу подъ нашими ногами нѣкогда бушевало море, объ этомъ свидѣтельствовалъ самый видъ степи, ровной, какъ полъ, то глинистой съ солонцами, то песчаной. Только подъ водой могутъ образоваться такія равнины; только море можетъ оставлять послѣ себя эти бѣлые солонцы.

Казалось, волны моря только что перестали омывать лежащія подъ нашими ногами скалы и отступили, обнаживъ глину и пески. Мы еще были въ Иранѣ, въ этой странѣ, нѣкогда славной и могущественной, населенной арійцами (фарсы) и только частью тюркскими племенами, въ которыхъ однако не осталось ничего монгольскаго. Вдали же передъ нами разстилались равнины Турана съ его пустынями, съ его дикими монгольскими племенами-номадами, сохранившими до сихъ поръ нравы и образъ жизни своихъ исчезнувшихъ съ лица земли соплеменниковъ-гунновъ. Здѣсь, на границѣ этихъ двухъ странъ, много столѣтій тянулась кровопролитная борьба между номадами и потомками древнихъ иранцевъ, пока не пришли жители далекаго сѣвера, русскіе, и не положили конецъ этой борьбѣ.

Спускъ къ степи оказался чрезвычайно крутымъ и труднымъ. Мы слѣзли съ лошадей и начали прыгать вмѣстѣ съ ними съ камня на камень, пока не добрались до русла высохшей рѣчки. Мы были на днѣ ущелья, между отвѣсными скалами. Горныя куропатки съ крикомъ бѣгали по камнямъ; большія стаи дикихъ голубей поднялись надъ нашими головами; а изъ небольшой пещерки выползла къ намъ огромная очковая змѣя. Сознавая свою силу, какъ всѣ большія ядовитыя змѣи, она не обнаруживала никакихъ признаковъ страха передъ людьми. Свернувшись клубкомъ и сверкая своей стальной чешуей, она спокойно залегла какъ разъ на тропинкѣ и только, когда мы подошли къ ней шаговъ на десять, она подняла голову, раздула горло, зашипѣла, но продолжала лежать на прежнемъ мѣстѣ. Безъ сомнѣнія, она не имѣла никакого представленія о томъ, что значитъ хорошій выстрѣлъ изъ ружья дробью; поэтому кончила печально, угодивъ въ мою банку со спиртомъ. Это была почтенная представительница своей породы, въ $2^1/_4$ аршина длиной и въ руку толщиной. Очковыя змѣи, живущія въ Персіи и Закаспійской области, отличаются отъ своихъ индѣйскихъ родичей только тѣмъ, что не имѣютъ около головы узора, на подобіе очковъ; впрочемъ, его часто не бываетъ и у очковыхъ змѣй въ Индіи.

Русская очковая змѣя питается попреимуществу горными куропатками, которыхъ находили въ ея желудкѣ по 5—6 штукъ сразу. Впослѣдствіи казаки говорили мнѣ, что укушеніе этой змѣи безусловно смертельно; собака, ужаленная ею, умираетъ не больше, какъ черезъ пять минутъ.

Вскорѣ послѣ сраженія со змѣей мы добрались до перваго русскаго жилого пункта, до Гярмаба. Это—бывшій персидскій аулъ, перешедшій въ русское владѣніе послѣ покоренія текинцевъ. Во время ли самой войны съ ними, или уже

послѣ взятія Геокъ-тепе,—только жители, всѣ до единаго, бросили аулъ, оставивъ на произволъ судьбы дома и роскошные сады. Въ настоящее время здѣсь помѣщается русскій постъ, гдѣ находятся нѣсколько казаковъ подъ командой одного офицера. Глиняные домики и заборы обвалились; сады заглохли, превратившись въ лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ, опутанныхъ виноградомъ. Въ то время, какъ въ 15—20 верстахъ отсюда разстилается обожженная степь, гдѣ нельзя скрыться отъ палящихъ лучей солнца, здѣсь, въ Гярмабѣ, путника ждетъ прохлада въ тѣни роскошныхъ деревьевъ, на берегу кристальнаго ручья.

Постъ, будучи пограничнымъ, обязанъ слѣдить, во-первыхъ, за контрабандой, а во-вторыхъ, что самое главное, за шпіонами, которыхъ нерѣдко засылаютъ англичане. Только наканунѣ моего пріѣзда начальникъ поста, молодой офицеръ терскаго казачьяго войска, получилъ предписаніе быть особенно насторожѣ, такъ какъ какой-то англичанинъ, по слухамъ, собирается пробраться въ Закаспійскую область. Совпаденіе моего пріѣзда съ полученіемъ бумаги объ англійскомъ шпіонѣ хоть кому покажется подозрительнымъ. Начальникъ поста прямо рѣшилъ, что я тотъ самый англичанинъ, изловить котораго онъ былъ обязанъ, согласно предписанію начальства. Онъ и поймалъ, объявивъ насъ съ Кафаромъ арестованными.

Начался обыскъ. „Ну“,—думаю себѣ—„сухія растенія, птицы да мариндаъ изъ ящерицъ и змѣй выручатъ“. Но насъ подвело наше оружіе: моя двухстволка и оба револьвера были родомъ изъ Англіи.

Тутъ я вспомнилъ, что только въ Персіи я былъ безпаспортнымъ; для Россіи же у меня былъ самый законный паспортъ; поэтому я тотчасъ-же показалъ бумагу, разрѣшающую мнѣ жить въ Россіи безпрепятственно. Однако начальникъ поста совершенно резонно замѣтилъ, что англичанамъ ничего не стоитъ сдѣлать какой угодно паспортъ, хотя бы готентотскій или эскимосскій. Послѣ такого убѣдительнаго возраженія оставалось только покориться.

Начальникъ рѣшилъ отправить насъ тотчасъ же прямо въ Асхабадъ. Шутка сказать, въ Асхабадъ, до котораго отсюда 80 верстъ, да еще на нашихъ одрахъ съ разбитыми спинами! Однако, дѣлать нечего, надо собираться. Перепугавшійся на смерть Кафаръ уже не въ состояніи былъ вьючить лошадей; вмѣсто него, это сдѣлали казаки. Затѣмъ подъ конвоемъ трехъ вооруженныхъ берданками и кинжалами терцевъ мы выступили въ походъ. Навѣрное, казаки получили приказаніе стрѣлять въ шпіоновъ въ случаѣ, если они попытаются бѣжать. Терцы оказались однако добродушными ребятами и нисколько не злоупотребляли своимъ положеніемъ: они чутьемъ догадывались, что тутъ дѣло не ладно; да и не мудрено: ихъ плѣнникъ-англичанинъ слишкомъ сильно смахивалъ на русскаго.

Къ разсвѣту мы добрались до Геокъ-тепе, той самой текинской крѣпости, куда Скобелевъ въѣзжалъ побѣдителемъ, а я въѣзжаю побѣжденнымъ. Здѣсь надо было выкормить лошадей, чтобы тотчасъ же ѣхать дальше. Я бы на нихъ мѣстѣ и ѣсть не сталъ, а прямо легъ бы спать, до такой степени клонило ко сну. Пока лошади жевали ячмень, мы приткнулись подъ заборомъ какого-то дома и, положивъ подъ голову переметные сумы, въ чемъ были, заснули, какъ убитые, на голой землѣ. Легли и двое казаковъ, а третій, съ берданкой въ рукахъ, остался на караулѣ. Бѣдный человѣкъ, мнѣ отъ души было его жаль! Бываютъ же случаи,

130. Возвращеніе туркменъ съ набѣга.

когда взявшему въ плѣнъ приходится завидовать своему плѣннику. Недолго однако продолжалось наше привиллегированное положеніе. Часа черезъ два насъ разбудили собираться въ путь.

Пока казаки и Кафаръ возились съ лошадьми, я, съ разрѣшенія начальства, побѣжалъ взглянуть на крѣпость, которую съ такимъ мужествомъ отстаивали текинцы. Глиняная стѣна, скорѣе просто валъ, окружающій клочекъ степи, — вотъ все, что осталось отъ крѣпости. Для того, чтобы вбѣжать на верхушку вала, надо употребить не больше усилій, чѣмъ для того, чтобы подняться на десять ступенекъ лѣстницы, а между тѣмъ сколько крови стоило намъ Геокъ-тепе! Теперь крѣпость совершенно оставлена людьми и занята ящерицами, которыя кишатъ въ ея глиняныхъ развалинахъ и съ большимъ успѣхомъ защищаютъ ее отъ нападенія жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

До самаго Асхабада дорога тянется ровной степью. Мѣстами попадаются аулы осѣдлыхъ туркменъ, окруженные садами и пашнями; въ садахъ зрѣетъ виноградъ, а на поляхъ джугара или сорго.

Только вечеромъ, уже по закатѣ солнца, показались сады Асхабада. Слава Богу! Скоро конецъ нашему плѣну и, что, пожалуй, еще важнѣе, скоро можно будетъ слѣзать съ лошадей. Цѣлыя сутки съ двумя короткими отдыхами протрястись верхомъ на лошади, возсѣдая на переметныхъ сумахъ, безъ стремянъ, — это чего нибудь да стоитъ! Спина болитъ, ноги онѣмѣли и уже давно перестали болѣть, превратившись въ безчувственные привѣски. Въ такомъ состояніи подъѣзжалъ я къ Асхабаду въ то время, когда изъ ближайшаго сада доносились до насъ звуки оркестра, игравшаго вальсъ. Воображеніе рисовало веранду въ саду, скользящія по паркету пары, нарядныхъ дамъ, а дѣйствительность напоминала о себѣ нывшей спиной, сильной жаждой и побрякиваніемъ кинжаловъ за поясомъ нашихъ конвоировъ. Такъ какъ наступила ночь, и всякія кутузки въ Асхабадѣ, вѣроятно, уже закрыли свои гостепріимныя двери, казаки помѣстили насъ въ караванъ-сараѣ. Сейчасъ же персы-торговцы всѣхъ ближайшихъ лавокъ провѣдали о томъ, что привезли англичанина и не замедлили явиться, чтобы поглазѣть на него. Утромъ объ англичанинѣ зналъ уже весь базаръ, такъ что, когда меня повели къ полиціймейстеру, за нами шла толпа народу. Персидскіе мальчишки бѣжали и впереди, и сзади, и съ боковъ, бѣжали и кричали: „энглизъ, энглизъ!“ Въ томъ, что я, дѣйствительно, „энглизъ“, не сомнѣвался, очевидно, и полиціймейстеръ, — по крайней мѣрѣ, первый вопросъ его былъ:

— Умѣете ли вы говорить по русски?

Вмѣсто отвѣта, я подалъ рекомендательное письмо къ начальнику Закаспійской области, генералу Комарову, и на русскомъ языкѣ попросилъ доставить это письмо по адресу. Черезъ полчаса плѣненіе мое кончилось, и мнѣ вернули всѣ отобранныя у меня вещи.

Асхабадъ—новорожденный городокъ. Въ то время добрая треть домовъ его находилась еще только въ постройкѣ. Всюду сажали деревья, проводили арыки (канавы), пилили, стругали, мѣсили глину, — словомъ, строили городъ. Все это совершалось легко и весело подъ палящими лучами солнца, при ужасной жарѣ, отъ которой даже ящерицы сидѣли, разинувъ рты.

Въ Асхабадѣ я разстался съ Кафаромъ. Онъ не терялъ надежды пробраться

въ священный городъ Мешедъ; я же, распродавъ своихъ россинантовъ, нанялъ арбу,—туркменскую двухколесную телѣгу, и въ сопровожденіи хозяина ся, турк-

131. Туркменъ-текинецъ.

мена, отправился въ Кизылъ-Арватъ. Въ то время желѣзная дорога была доведена только до этого городка.

Пять дней плелись мы до Кизылъ-Арвата по голой безплодной степи. По дорогѣ изрѣдка встрѣчались пассажиры на такихъ же арбахъ, какъ наша; это были по большей части армяне и персіяне, отправлявшіеся открывать лавочки въ Асхабадѣ. Но попадались и пассажирки, русскія дамы безъ всякихъ проводниковъ, за исключеніемъ погонщика арбы. Давно ли было время, когда въ здѣшнія мѣста ни одинъ европеецъ не могъ проникнуть иначе, какъ нарядившись въ азіатскій костюмъ, подъ видомъ мусульманина? Еще живъ знаменитый Вамберп, путешествіе котораго, полное столькихъ опасностей, кажется сказочнымъ. Теперь же по всей Закаспійской области могутъ путешествовать даже дамы. Внѣшній видъ страны, если не считать отдѣльныхъ пунктовъ по линіи желѣзной дороги, нисколько не измѣнился: таже пустыня, то глинистая, то песчаная, тѣ же антилопы, тѣ же куланы или дикіе полуослы, небольшіе табуны которыхъ и теперь случается видѣть въ степи. Измѣнились только нравы жителей: прежніе головорѣзы туркмены, рыскавшіе на лихихъ коняхъ по степи и занимавшіеся разбоемъ, перешли на земледѣліе и ѣздятъ теперь по желѣзной дорогѣ. Въ Кизылъ-Арватѣ я сѣлъ на поѣздъ, доставившій меня въ Михайловскій заливъ. Оттуда на пароходѣ я скоро доѣхалъ до Астрахани.

Куланъ.
(*Equus hemionus*).

IV.

НА САХАЛИНѢ.

132. Постъ Корсаковскій на Сахалинѣ.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

На Сахалинѣ.

Первое впечатлѣніе.—Постъ Дуэ.—Природа Сахалина.—Разница между западной и восточной половиной острова.—Климатъ.—Сахалинская тайга и ея обитатели: сѣверный олень; соболь; медвѣдь; россомаха; кабарга; дикушка; сахалинскій глухарь.—Лиственные лѣса.—Культурныя растенія.—Богатства Сахалина.—Каторжники.—Бѣглые.—Путешествіе поперекъ острова.—Наши спутники.—Плаваніе внизъ по р. Тыми.—Гиляки.—Среди ороковъ.—Шаманъ.—Айносы.—Японцы—рыболовы.—Кэта и горбуша.—Жизнь въ устьѣ р. Тыми.—Сахалинскій тюлень; морскіе львы; котики; бѣлухи; киты.—Поѣздка съ ороками вверхъ по порогамъ р. Тыми; встрѣча съ медвѣдемъ; бѣглый каторжникъ.—Возвращеніе.

Ночью былъ сильный туманъ; крейсеръ шелъ самымъ тихимъ ходомъ и, наконецъ, совершенно остановился. Часамъ къ 10 утра, когда туманъ разсѣялся, оказалось, что мы были вблизи мыса Крильонъ, составляющаго юго-западную оконечность Сахалина. Отсюда крейсеръ повернулъ на сѣверо-востокъ въ Лаперузовъ проливъ, по направленію къ Корсаковскому посту. Если-бы не знать, что мы находимся на одной широтѣ съ Астраханью, можно было-бы подумать, что наше судно идетъ по полярному морю. Семь градусовъ тепла 8 іюня, рѣзкій холодный вѣтеръ, чайки, чистики и другія полярныя птицы, киты, тамъ и сямъ выбрасывающіе свои фонтаны,—ни дать, ни взять, Ледовитый океанъ въ тѣхъ самыхъ картинахъ, какія годъ тому назадъ я видѣлъ на Мурманскомъ берегу выше полярнаго круга. Иное впечатлѣніе произвела на насъ природа самого Сахалина, когда на другой день въ Корсаковскомъ посту мы высадились на берегъ. Почти два мѣсяца, день и ночь, съ рѣдкими и недолгими остановками, шелъ нашъ крейсеръ отъ Одессы до острова; да еще до Одессы изъ Петербурга надо было проѣхать болѣе 2000 верстъ. Кажется, ужъ достаточно далеко мы отодвинулись отъ срединной Россіи съ ея природой, съ ея родными, надоѣвшими нашему глазу картинами, о которыхъ такъ нелестно отзывается Некрасовъ: „Лѣсъ-ли начнется, сосна да осина; не весела ты, родная картина“... Не вправѣ-ли мы были ожидать, что, проѣхавъ около 20000 верстъ все впередъ и впередъ, здѣсь, на Сахалинѣ мы встрѣтимъ новую для насъ природу, чуждые для русскаго глаза пейзажи?! И что же! Только сосны нѣтъ. Вмѣсто нея ель и та-же осина! Вы увидите здѣсь нашу обыкновенную рябину, бузину, бруснику, ландышъ

и многое другое, къ чему привыкъ всякій русскій. Въ лѣсу также, какъ у насъ, свистятъ здѣсь снигири, перепархиваютъ предъ вашими глазами щеврицы, въ воздухѣ съ крикомъ проносятся ласточки, и даже воронъ, сидя на высокой ели, совершенно по русски прокричитъ вамъ свое привѣтствіе. Правда, если вы натуралистъ и станете присматриваться повнимательнѣе, вы иногда увидите или цвѣтокъ, чуждый нашей растительности, или мелкую птичку какого-нибудь необычайнаго для россійскихъ птицъ цвѣта. Пожалуй, вы замѣтите, что нѣкоторыя самыя обыкновенныя у насъ деревья и птицы какими-нибудь мелкими особенностями чуть-чуть отличаются здѣсь отъ нашихъ россійскихъ. Но все это такъ мало бросается въ глаза обыкновенному туристу, не искушенному въ наукахъ, все это такъ слабо отражается на пейзажѣ, что вамъ кажется, будто вы гуляете гдѣ-нибудь въ лѣсу Петербургской или какой другой губерніи изъ числа сѣверныхъ. Россію вы чувствуете и на улицѣ Корсаковскаго поста. Россія смотритъ на васъ изъ окошекъ бревенчатыхъ домиковъ съ воротами, выкрашенными охрой. Вы видите ее въ лицахъ арестантовъ, таскающихъ кули муки, въ затасканныхъ мундирахъ солдатъ, вы слышите ее въ русской рѣчи и бранн. Даже собаки, обыкновенныя, крючкохвостыя, косматыя дворняжки, лаютъ на васъ такъ, какъ будто хотятъ засвидѣтельствовать, что и онѣ тоже русскія. Словомъ, здѣсь Русь, настоящая коренная Русь дотянулась до предѣловъ Японіи и чрезъ Великій океанъ глядитъ на Америку. Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на насъ Сахалиномъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ различными уголками его оказалось, что не даромъ островъ стоитъ около Японіи и противъ Америки. Мѣстами въ сѣверную флору Сахалина проникаютъ японскія растенія, придающія пейзажу мягкій характеръ природы южныхъ странъ; мѣстами-же какъ разъ наоборотъ: вы видите предъ собой форменную полярную тундру съ ея мхомъ, морошкой и бѣлыми куропатками. Кое-гдѣ, въ особенности, на побережьи острова, вы встрѣтите также не мало американскихъ птицъ. Впрочемъ, не станемъ забѣгать впередъ.

Сдавъ въ Корсаковскомъ посту часть каторжниковъ, крейсеръ пошелъ въ постъ Дуэ, лежащій на западномъ берегу Сахалина. Отсюда мы и предполагали начать свои странствованія по острову.

„Вотъ каторжный рейдъ!“—ворчалъ капитанъ, когда судно бросило якорь противъ Дуэ. Дѣйствительно, здѣшній рейдъ заслуживаетъ такое названіе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, весь Сахалинъ предназначенъ для каторжниковъ, а, во-вторыхъ, рейдъ Дуэ, будь онъ въ любомъ другомъ мѣстѣ, всякій морякъ въ правѣ выругать, какъ ему вздумается. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не каторжная стоянка, когда судну приходится во всякую минуту быть готовымъ къ тому, что вѣтеръ выбросить его на берегъ и расколотитъ тамъ о первый попавшійся камень? Природной гавани здѣсь не имѣется, а искусственной постъ Дуэ еще не заслужилъ. По этой причинѣ всякій вѣтеръ, откуда бы онъ ни дулъ, неизбѣжно разводитъ на рейдѣ Дуэ волненіе; а сѣверо-западный вѣтеръ, даже если онъ пріобрѣтаетъ только среднюю свѣжесть, срываетъ судно съ якоря и выбрасываетъ его на берегъ. Таковъ ужъ рейдъ; вѣрнѣе, таково уже дно. Лапы якоря никакъ не могутъ зацѣпиться за него, какъ слѣдуетъ. Чтобы быть готовымъ во всякое время уйти въ открытое море, паровыя суда стоятъ здѣсь не иначе, какъ подъ парами, но и эта предосторожность не всегда спасаетъ ихъ отъ гибели, потому что иногда штормъ

Постъ Дуз.

Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

налетаетъ черезчуръ внезапно. Нѣсколькими годами раньше нашей поѣздки на островъ, военный крейсеръ восточной флотиліи около Дуэ на глазахъ всѣхъ, кто находился на берегу, былъ сорванъ налетѣвшимъ шкваломъ и разбитъ въ дребезги. Къ счастью еще, весь экипажъ спасся на шлюпкахъ. Такія исторіи, конечно, все-таки рѣдки. Осторожный капитанъ почти всегда успѣетъ вывести паровое судно подальше отъ берега. Но, чтобы не болтаться въ морѣ, судамъ приходится отправляться въ заливъ Де-Кастри, лежащій по ту сторону Татарскаго пролива на материковомъ берегу, и тамъ отстаиваться.

Если вѣтеръ не настолько силенъ, чтобы грозить какой-нибудь опасностью, но все же разводитъ волненіе, судно, пожалуй, можетъ стоять на рейдѣ Дуэ, но пользы отъ этого немного, потому что ни разгружаться, ни нагружаться при волненіи оно все-таки не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, извольте складывать товаръ, или ссаживать людей на лодки, которыя прыгаютъ на волнахъ, какъ бѣшеныя, бьются о бортъ парохода и каждую минуту собираются пробить себѣ бокъ, а людямъ оторвать руку или ногу. Вы плыли нѣсколько дней; васъ, можетъ быть, измучила морская болѣзнь; вы мечтаете только объ одномъ: какъ бы поскорѣе добраться до твердой земли. А тутъ стой и, глядя на эту твердую землю, дожидайся тихой погоды. Развѣ это не каторжный рейдъ?

Намъ однако не пришлось испытать этихъ бѣдствій. Хотя и не безъ помощи эквилибристическихъ пріемовъ, но все-таки совершенно благополучно высадились мы на паровой баркасъ, который доставилъ насъ на берегъ. Дуэ—въ нѣкоторомъ родѣ столица Сахалина, по крайней мѣрѣ, во время нашей поѣздки этотъ постъ былъ главнымъ административнымъ пунктомъ острова. Здѣсь жилъ начальникъ Сахалина. Здѣсь имѣется церковь, одна лавка и цѣлая улица домовъ казарменнаго типа, также домиковъ казенныхъ и частныхъ. Если бы не угольныя залежи, на мѣстѣ Дуэ росъ-бы тотъ же непроходимый лѣсъ, который покрываетъ теперь большую часть острова, потому что никакихъ другихъ причинъ для основанія на этомъ мѣстѣ поста не существуетъ: нѣтъ ни рѣки, ни пахотной земли, ни луговъ, ничего другого, что могло бы привлечь сюда населеніе. Въ угольныхъ копяхъ работаютъ нѣсколько сотъ каторжниковъ, при нихъ находится начальство, военная команда и все прочее, что составляетъ постъ. Окрестности Дуэ въ настоящее время имѣютъ очень печальный видъ. Лѣсъ вырубленъ не только на мѣстѣ поста, но и всюду на окружающихъ его горахъ, насколько онѣ видны. Не осталось ни одного дерева, и только огромные пни, торчащіе тамъ и сямъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь была настоящая сахалинская тайга. Русскіе при заложеніи новаго поселенія, какъ извѣстно, начинаютъ съ того, что вырубаютъ весь ближайшій лѣсъ, если онъ существуетъ, не оставляя даже отдѣльныхъ деревьевъ для украшенія. Затѣмъ уже начинаютъ жаловаться на недостатокъ топлива и строительнаго матеріала и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаютъ попытки къ разведенію новаго лѣса. То же самое повторилось и въ Дуэ, жители котораго пережили всѣ эти стадіи развитія лѣсного вопроса, за исключеніемъ послѣдней.

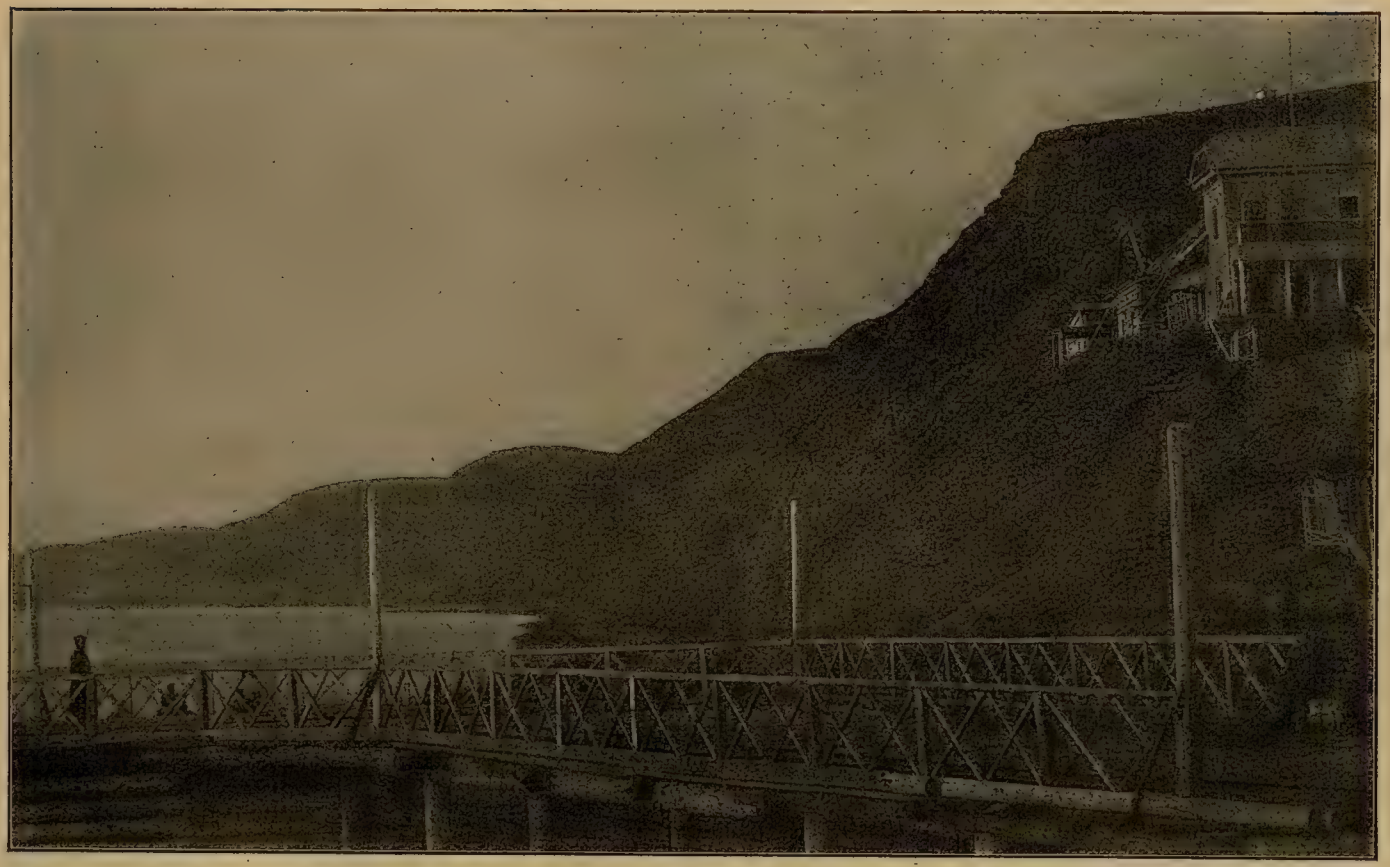
Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуэ на берегу моря находится поселеніе Александровской тюрьмы. Мы прожили тамъ болѣе мѣсяца, почти ежедневно дѣлая небольшія экскурсіи въ окрестностяхъ. Но въ этихъ странствованіяхъ не было ничего любопытнаго. Промоченныя ноги, расцарапанныя въ кустахъ руки и тому подобныя

мелкія непріятности извѣстны по собственному опыту почти каждому обывателю загородныхъ мѣстъ Петербурга, и совсѣмъ не стоятъ того, чтобы докладывать о нихъ читателю. Поэтому я не стану распространяться о ходѣ нашихъ экскурсій близъ Александровской тюрьмы. Впослѣдствіи мы направились поперекъ острова къ Охотскому морю. Вотъ на этой поѣздкѣ я остановлюсь подробнѣе, но тоже впослѣдствіи, а тѣмъ временемъ разскажу, что такое Сахалинъ, и каково его значеніе въ жизни нашего государства.

Что Сахалинъ островъ, это стало извѣстнымъ не слишкомъ давно. Еще въ 1846 г. графъ Нессельроде, докладывая Государю Николаю Павловичу о результатахъ плаванія подпоручика Гаврилова, сообщалъ, что „Сахалинъ—полуостровъ, почему рѣка Амуръ не имѣетъ для Россіи никакого значенія". Лишь въ 1849 г. Г. И. Невельскій доказалъ, что Сахалинъ настоящій островъ и что проливъ между нимъ и берегомъ Сибири доступенъ для прохода большихъ судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23 футъ. Это открытіе Невельскаго, оставшееся долгое время неизвѣстнымъ для иностранцевъ, сослужило намъ въ свое время одну спеціальную службу. Подъ конецъ крымской кампаніи соединенная англо-французская эскадра явилась въ Татарскій проливъ въ полной увѣренности, что она найдетъ тамъ и пуститъ ко дну наши военныя суда. Но судовъ тамъ не оказалось: они какъ будто провалились сквозь воду. Между тѣмъ, по разсчету непріятеля, они должны были находиться именно въ Татарскомъ проливѣ. Тамъ они и были, но только, воспользовавшись открытіемъ Невельскаго, прошли къ устью Амура, чего никакъ не могъ предполагать непріятель. Въ то время иностранцы были убѣждены, что никакого прохода въ эту рѣку не существуетъ, и что Сахалинъ соединяется съ Сибирью перешейкомъ, или, по крайней мѣрѣ, песчаной косой, обнажающейся при отливѣ. Проливъ этотъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ не болѣе 7 верстъ въ ширину, и каждую зиму здѣсь замерзаетъ, такъ что на 4 или 5 мѣсяцевъ Сахалинъ какъ бы превращается въ полуостровъ. Этимъ ледянымъ мостомъ пользуются остяки и другіе инородцы, а также дикіе сѣверные олени и даже тигры, отъ времени до времени перебѣгающіе на островъ изъ Амурскаго края.

Сахалинъ имѣетъ видъ толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридіанъ, то есть, однимъ концомъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Длина этой дубинки равняется 850 верстамъ, наибольшая толщина 183 в., а наименьшая 23 в. Дистанція, какъ видите, не маленькаго размѣра. Есть гдѣ побродить каторжникамъ, цѣлыми толпами ежегодно бѣгающимъ изъ тюремъ на вольную волю. Во всю длину острова съ сѣвера на югъ сплошнымъ хребтомъ, а въ широкихъ мѣстахъ нѣсколькими параллельными цѣпями тянутся горы. Онѣ, правда, не высоки, нигдѣ не достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга, но это не мѣшаетъ имъ имѣть огромное значеніе въ распредѣленіи растительности острова. Горы эти, можно сказать, раздѣляютъ двѣ разныя природы. По одну сторону, ближе къ Татарскому проливу, весь Сахалинъ покрытъ лѣсомъ, по большей части хвойнымъ и только въ долинахъ рѣкъ и на вершинахъ горъ—лиственнымъ; по другую сторону Сахалинскаго хребта, вдоль берега Охотскаго моря, почти во всю длину острова узкой полосой тянется голая, безлѣсная, настоящая полярная тундра со всѣми ея неприглядными особенностями.

Сахалинъ, стало быть, въ отношеніи природы, въ противность всему тому, что намъ извѣстно изъ географіи, раздѣляется не на сѣверный и южный, какъ этого



133. Сахалинскій берегъ близъ Дуэ; угольныя копи.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ вытянутъ съ сѣвера на югъ, а на восточный и западный. Сахалинскую дубинку во всю ея длину можно расщепить на двѣ половинки, различныя по своему виду: одна какъ бы выстругана изъ тундры, другая—изъ куска лѣсной области Сибири. Расположеніе горъ острова и особенности теченій Охотскаго моря объясняютъ намъ происхожденіе этой удивительной географической несообразности въ природѣ Сахалина.

Охотское море, волны котораго роютъ скалы восточнаго берега острова, по своимъ свойствамъ ни чѣмъ существеннымъ не отличается отъ Ледовитаго океана. До половины лѣта здѣсь плаваютъ огромныя ледяныя поля, приносимыя сѣвернымъ холоднымъ теченіемъ. Даже животное населеніе Охотскаго моря можетъ засвидѣтельствовать путешественнику, что вода здѣсь не теплѣе, чѣмъ въ полярныхъ моряхъ. Иначе тутъ не стали бы жить полярные моллюски, міріадами плавающіе по поверхности, киты, бѣлухи и полярныя птицы, несмѣтными стадами гнѣздящіяся на такъ называемыхъ „птичьихъ горахъ“. Такимъ образомъ, подъ восточнымъ бокомъ Сахалина, по крайней мѣрѣ, до половины лѣта находится ледникъ. Понятно, что климатъ на побережьи Охотскаго моря не можетъ быть теплымъ, почему и природа носитъ характеръ тундры. Между тѣмъ западный берегъ острова отъ вліянія охотскихъ льдовъ ограждается стѣной горъ. Уже по одной этой причинѣ побережье Татарскаго пролива на Сахалинѣ находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели восточная половина острова.

Если мы прибавимъ, что въ Татарскій проливъ съ юга врывается теплое японское теченіе, называемое Куро-Сиво, станетъ понятнымъ, почему климатъ по этому побережью значительно теплѣе и природа оживленнѣе, нежели по восточную сторону горъ.

Извѣстно, что въ Сибири даже близъ Восточнаго океана климатъ континентальный, т. е., отличается суровой зимой и довольно жаркимъ лѣтомъ. Такъ какъ Сахалинъ составляетъ какъ-бы кусокъ Восточной Сибири, отрѣзанный моремъ и лежащій очень недалеко отъ материка, не удивительно, что и на островѣ климатъ точно также носитъ континентальный характеръ.

Съ другой стороны, не остается безъ нѣкотораго вліянія и сосѣдство моря. Въ результатѣ получается очень неблагопріятное для Сахалина стеченіе обстоятельствъ. Климатъ его отличается суровой, чисто континентальной зимой и холоднымъ лѣтомъ приморскихъ странъ. Хотя сѣверный конецъ острова приходится, приблизительно, на одной широтѣ съ Симбирскомъ, но зимы въ этой части Сахалина по суровости не уступаютъ зимамъ устья р. Печоры, лежащаго выше полярнаго круга. Морозы ниже точки замерзанія ртути здѣсь обыкновенное явленіе, а лѣто не теплѣе, нежели на Соловецкихъ островахъ въ Бѣломъ морѣ. Въ средней части острова, на широтѣ Саратова или Воронежа, лѣто настолько холодно, что еще въ іюлѣ случаются морозныя ночи, и до самой осени на глубинѣ 2—3 аршинъ почва остается промерзшей.

Даже въ южномъ концѣ Сахалина, на одной широтѣ съ Астраханью, средняя температура зимы такая же, какъ въ Олонецкой губерніи; лѣто не теплѣе лѣта Архангельска.

Сосѣдство морей сказывается также въ необычайной влажности воздуха. По количеству ненастныхъ дней Сахалинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи.

134. Селеніе Березники на Сахалинѣ.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

Зимой идетъ снѣгъ, а лѣтомъ дождь; нѣтъ дождя, непроглядный туманъ окутываетъ и островъ, и море. Совершенно ясные дни составляютъ рѣдкое исключеніе, а вполнѣ ненастныхъ, когда на небѣ не видно ни малѣйшаго просвѣта, приходится около 200 въ году. Такимъ образомъ, если климатъ въ Сибири считать суровымъ, то на Сахалинѣ его надо назвать дважды суровымъ, такъ какъ здѣсь круглый годъ царятъ не только холодъ, но и пронизывающая сырость. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что даже на югѣ острова, на широтѣ Астрахани, гдѣ зрѣютъ арбузы и виноградъ, раскинулся хвойный лѣсъ, или форменная сибирская тайга, да и какая еще тайга!!

Я видѣлъ глухіе хвойные лѣса въ Западной Сибири, въ губерніяхъ Томской и Тобольской, и нахожу, что сахалинская тайга создана по болѣе крупному маштабу. Если въ Сибири тайга трудно проходима, то на Сахалинѣ она непролазна; если тамошній лѣсъ состоитъ изъ огромныхъ деревьевъ, то здѣсь они имѣютъ исполинскіе размѣры. Какъ уроженецъ юга, я не люблю хвойнаго лѣса, вообще, но сахалинская тайга производила на меня прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Вы можете бродить по ней цѣлый день, хотя бы цѣлую недѣлю и больше: предъ вами всюду гигантскіе стволы вѣковыхъ елей и пихтъ, а надъ головой темная зелень хвой, сквозь которую не пробивается ни единый лучъ солнца. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтовъ, ни кустовъ, нѣтъ даже травы: вмѣсто нихъ, въ промежуткахъ между деревьями вы видите груды наломанныхъ вѣтромъ сухихъ вѣтвей той же ели. Мѣстами вамъ преграждаетъ путь трупъ лѣсного исполина, вырваннаго съ корнемъ и поваленнаго на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежникъ, или опрокинутое дерево. Поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ звѣриныхъ, въ особенности, медвѣжьихъ тропъ, сахалинская тайга совершенно непроходима.

Но что болѣе всего наводятъ тоску въ хвойномъ лѣсу острова, это — почти полное отсутствіе всякой животной жизни. Глухой тайги избѣгаютъ даже медвѣди, а ужъ имъ-ли не житье на Сахалинѣ?! По долинамъ рѣкъ, во время хода рыбы, берега, на разстояніи сотенъ верстъ, сплошь бываютъ истоптаны медвѣжьими лапами, а въ глубинѣ хвойнаго лѣса, если только вамъ удастся пробраться туда, вы можете идти безъ всякаго риска встрѣтить этого царя здѣшнихъ звѣрей. Нѣтъ здѣсь ни птицъ, которыя оживляли бы своимъ пѣніемъ это царство ели, ни насѣкомыхъ, которыя жужжали-бы, пищали, или какъ-нибудь иначе выдавали свое присутствіе; всюду стволы деревьевъ, хвоя, еловыя и пихтовыя шишки и валежникъ. Поэтому въ тихую погоду въ глубинѣ такого лѣса царитъ мертвая тишина. Изрѣдка развѣ прозвучитъ дробь дятла, или высокій писк синицы, но такой печальный, такой жалобный, какъ будто-бы безъисходная тоска таежной жизни проникла и въ ея крошечное сердце.

Зато въ бурю лѣсъ начинаетъ стонать и ревѣть. Однообразному гулу хвой аккомпанируетъ тогда скрипъ вѣтвей и трескъ ломающихся сучьевъ; по временамъ всѣ эти звуки покрываются грохотомъ падающаго исполина, вслѣдъ за однимъ деревомъ валится другое, раздается новый грохотъ, затѣмъ опять гулъ, скрипъ и трескъ и такъ далѣе, пока не стихнетъ вѣтеръ.

Тайга покрываетъ большую часть острова, поэтому весьма понятно, что въ отношеніи животнаго населенія Сахалинъ очень мало отличается отъ лѣсной области Восточной Сибири. Кромѣ медвѣдей, волковъ и лисъ на островѣ водятся:

соболь, куница, бѣлка, бурундукъ, рысь, кабарга, сѣверный олень; изъ таежныхъ звѣрей нѣтъ только благороднаго оленя и лося. Изъ птицъ въ хвойныхъ

135. Соболь.
(*Martes zibellina*).

лѣсахъ Сахалина, въ особенности, по опушкамъ, кромѣ всевозможныхъ дятловъ, синицъ, соекъ, славокъ и другихъ обитателей тайги, живутъ рябчики,

восточно-сибирскіе глухари и дикушки, или черные рябчики, ближайшіе родственники которыхъ встрѣчаются въ Америкѣ, именно, въ Канадѣ. Настоящіе переселенцы изъ Новаго Свѣта принадлежатъ, по большей части, къ числу водоплавающихъ птицъ, главнымъ образомъ, утокъ и крачекъ.

Въ обиходѣ сахалинскихъ инородцевъ изъ всѣхъ перечисленныхъ звѣрей первое мѣсто занимаетъ дикій сѣверный олень. Лѣтомъ стада этихъ животныхъ, спасаясь отъ комаровъ, уходятъ въ горы, зимой же спускаются въ низменныя тундры.

136. Кабарга.
(*Moschus moschiferus*).

Въ особенности много оленей на тѣхъ тундрахъ, гдѣ снѣгъ сдувается постоянными вѣтрами, какъ напримѣръ, на западномъ берегу острова сѣвернѣе Дуэ. Здѣсь они держатся въ безчисленномъ множествѣ. Поэтому въ зимнее время сюда съѣзжаются съ материка Сибири для охоты за ними не только инородцы, но и русскіе. Немало ихъ и на восточномъ берегу острова въ устьѣ рѣки Тыми. Здѣсь одинъ мѣстный тунгузъ разсказывалъ намъ, что каждую зиму онъ убиваетъ до 30 оленей. Такъ какъ рѣдкій изъ сахалинскихъ инородцевъ имѣетъ ружье, то для ловли всякаго

137. Россомаха.
(*Gulo borealis*).

звѣря они употребляютъ ловушки, капканы или иные способы, основанные на какихъ-нибудь особенностяхъ животнаго. Такъ напримѣръ, оленей добываютъ въ большомъ количествѣ, загоняя ихъ на голый ледъ озера или рѣки. На гладкой поверхности льда они дѣлаются совершенно безпомощными; ноги ихъ скользятъ; они ежеминутно падаютъ, такъ что охотникамъ не стоитъ никакого труда догнать ихъ на лыжахъ и вырѣзать цѣлое стадо.

Соболь водится на Сахалинѣ въ такомъ множествѣ, какъ нигдѣ въ Сибири. Къ сожалѣнію, здѣшніе соболя свѣтлаго цвѣта, попадаются даже желтоватые и очень рѣдко—черные, почему они цѣнятся значительно дешевле собственно сибирскихъ, въ особенности, темныхъ забайкальскихъ. У гиляковъ мы покупали соболей, круглымъ счетомъ, по 3 руб. за шкурку.

Зато медвѣди, живущіе на островѣ въ огромномъ количествѣ, отличаются почти чернымъ цвѣтомъ.

Черную шерсть имѣютъ также мѣстныя россомахи, которыхъ однако не слишкомъ много.

Изъ горныхъ звѣрей сахалинскіе инородцы особенно усердно преслѣдуютъ кабаргу. Это—небольшое копытное животное. Самцы, вмѣсто рогъ, вооружены острыми, какъ ножъ, длинными клыками. На животѣ у самцовъ имѣется мѣшочекъ съ пахучимъ веществомъ, мускусомъ. Вещество это примѣняется въ медицинѣ, а также идетъ для приготовленія духовъ. Мѣшочекъ мускуса на мѣстѣ стоитъ около 2 руб. Ради него инородцы и охотятся за кабаргой.

Изъ сахалинскихъ таежныхъ птицъ наиболѣе интересны дикушки и мѣстный глухарь. Дикушка болѣе всего походитъ на рябчика, но крупнѣе его и темнѣе цвѣтомъ. Ближайшій родственникъ дикушки водится въ Америкѣ, именно, въ Канадѣ.

Сахалинскій глухарь значительно меньше и свѣтлѣе нашего.

Сравнительно съ хвойнымъ лѣсомъ, лиственный, узкой каймой растущій по берегамъ рѣкъ, выгляднтъ много оживленнѣе. Деревья,—ивы, березы, ольхи, душистые тополя, осины,—перемѣшаны здѣсь съ кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и другихъ извѣстныхъ у насъ растеній. Какъ вся древесная растительность острова, такъ и лиственный лѣсъ его поражаетъ размѣрами. Я нигдѣ не видалъ такихъ исполинскихъ ивъ, осинъ и тополей, какъ на Сахалинѣ. Сплошь да рядомъ птица, сидящая гдѣ-нибудь близъ середины дерева, оказывалась недоступной выстрѣлу изъ дробовика: до такой степени деревья эти высоки. Несмотря на холодное лѣто, обильная влага выгоняетъ въ долинахъ рѣкъ роскошную травянистую растительность. Травы здѣсь сочны, все лѣто свѣжи и нерѣдко превосходятъ человѣческій ростъ. Мѣстами растительность имѣетъ южный обликъ, чѣмъ въ особенности отличается растеніе Symphyllocarpus kamtschaticus. Представьте себѣ 3—4 листа, слегка продолговатой формы, длиной 4 фута каждый; черешки ихъ выходятъ прямо изъ земли, поднимая пластинку листа на высоту человѣческаго роста. Когда вы странствуете по зарослн этого страннаго растенія, пробираясь между тонкими черешками, вы идете какъ будто подъ крышей изъ горизонтально расположенныхъ огромныхъ листьевъ, налегающихъ другъ на друга. Въ южной части острова, ближе къ западному берегу, въ долинахъ рѣкъ къ нашимъ обыкновеннымъ деревьямъ и кустамъ подмѣшиваются и болѣе южныя растенія. Здѣсь,

напримѣръ, нерѣдки амурскій филлодендронъ, особый видъ дуба и даже дикій виноградъ. Надо прибавить, впрочемъ, что ягоды винограда настолько кислы, что едва ли ихъ ѣдятъ даже неприхотливыя птицы.

Въ отличіе отъ тайги, лиственный лѣсъ рѣчныхъ долинъ богато населенъ разнообразными представителями пернатаго царства, между которыми попадается не мало японскихъ. Въ особенности бросаются въ глаза своимъ яркимъ опереніемъ японскія, желтыя, какъ иволга, мухоловки, и длиннохвостый карминно-красный снигирь. Здѣсь-же живетъ камчатскій соловей, съ ярко-краснымъ пятномъ на горлѣ; онъ уступаетъ нашему въ пѣніи, но превосходитъ его красотой.

138. Дикушка.
(*Tetrao Canadensis L. varietas Franklini Dougl.*).

Хотя растительность рѣчныхъ долинъ поражаетъ своей мощностью, культурныя растенія на островѣ не находятъ для себя подходящихъ условій. Даже наши обыкновенные сѣверные хлѣба не всегда дозрѣваютъ на Сахалинѣ. Мѣстами родится здѣсь пшеница, но далеко не ежегодно; притомъ урожай всегда бываетъ плохъ. Благодаря обилію влаги, хлѣбъ поднимается высоко, идетъ въ солому, но, по причинѣ низкой температуры лѣта, колосится очень поздно. Случается, что августовскіе холода застаютъ зерно совершенно сырымъ. Только разведеніе овощей обезпечено здѣсь отъ неурожаевъ. Картофель, рѣпа, брюква, капуста и рѣдька даютъ хорошіе, иногда даже превосходные сборы. Вообще, въ отношеніи сельскаго хозяй-

ства Сахалинъ сильно напоминаетъ Камчатку, съ той только разницей, что тамъ воздѣлываніе хлѣбовъ еще менѣе успѣшно; зато скотоводство на островѣ поставлено въ худшія условія, нежели въ Камчаткѣ.

На Сахалинѣ нѣтъ обширныхъ луговъ. Небольшія площадки, поросшія травой, попадаются рѣдко, почти исключительно во влажныхъ долинахъ рѣкъ. Трава роскошна, но даетъ грубое сѣно; къ тому же, сочные стебли ея при сыромъ климатѣ острова сохнутъ медленно и очень часто загниваютъ, раньше чѣмъ получится маломальски пригодный кормъ.

Истинное богатство Сахалина составляютъ лѣсъ, каменный уголь и рыба. Въ послѣднее время тамъ найдена еще нефть.

Въ настоящее время только уголь составляетъ предметъ промышленности. По своимъ качествамъ онъ удовлетворяетъ даже строгимъ требованіямъ военнаго флота.

Лѣсъ еще долго будетъ стоять въ дѣвственномъ видѣ и дожидаться предпринимателей, хотя онъ могъ-бы найти хорошій сбытъ въ Японіи. Какъ ни стараются русскіе поселенцы переводить лѣсъ, его еще всюду много. Большая часть Восточной Сибири, почти весь Сахалинъ покрыты дѣвственной тайгой, середина которой не только не видала топора дровосѣка, но и не слыхала выстрѣла звѣролова-промышленника.

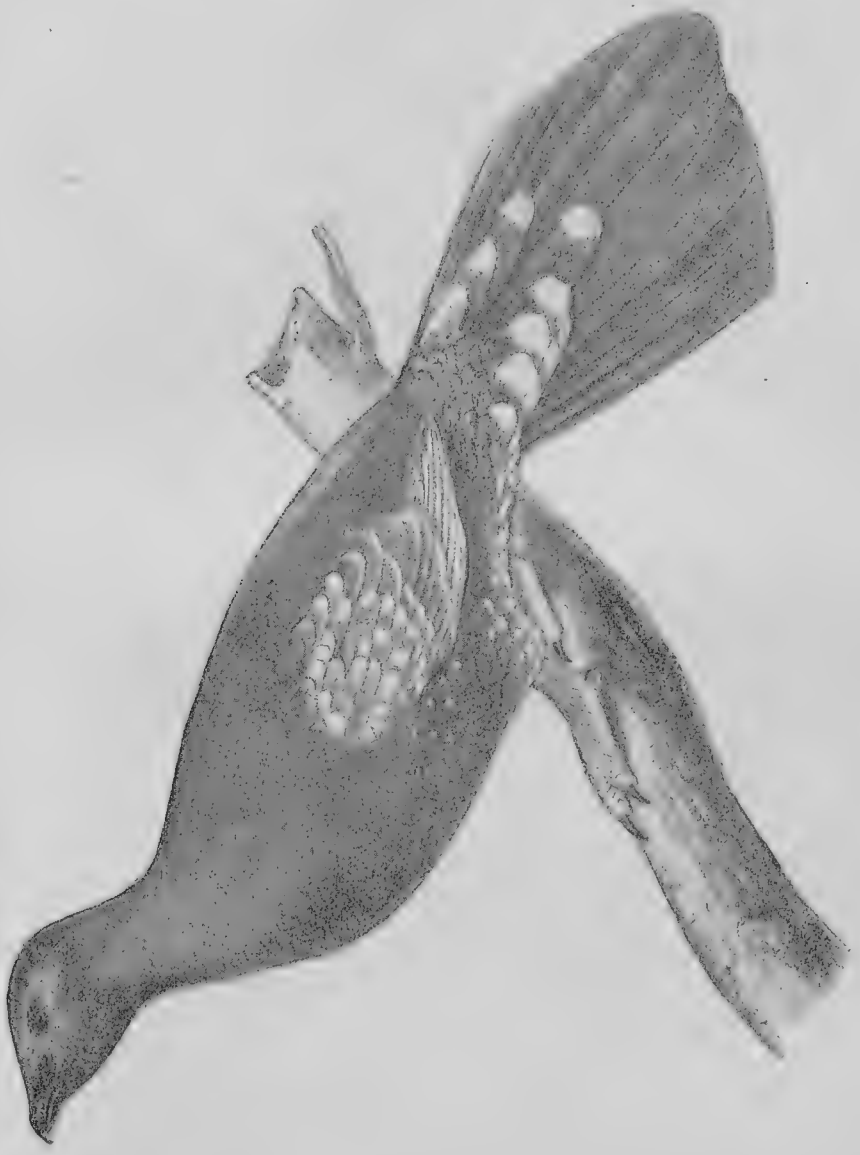
Рыбы несмѣтное множество не только на Сахалинѣ, но и во всѣхъ восточносибирскихъ рѣкахъ. Хотя она составляетъ почти единственную пищу здѣшнихъ инородцевъ, правильная рыбопромышленность всюду еще въ зачаточномъ состояніи. Этотъ промыселъ остается, такъ сказать, въ запасѣ.

Правительство колонизуетъ островъ каторжниками.

Какъ мѣсто ссылки, Сахалинъ особенно удобенъ потому, что здѣсь не требуется такого усиленнаго надзора за каторжниками, какъ на материкѣ Сибири. На островѣ ихъ держатъ безъ кандаловъ; цѣпи надѣваютъ только въ видѣ наказанія за особую провинность. Бѣжать отсюда невозможно по той простой причинѣ, что кругомъ вода. Правда, проливъ въ своей наболѣе узкой части ежегодно замерзаетъ. Но этотъ ледяной мостъ воздвигается далеко на сѣверѣ, въ томъ мѣстѣ Сахалина, гдѣ нѣтъ ни тюремъ, ни свободнаго населенія. Добраться туда въ зимнее время, благодаря безлюдью, бездорожью и отдаленности разстоянія, невозможно. Бывали, впрочемъ, случаи, что бѣглецы переправлялись черезъ проливъ въ бочкѣ; разъ даже завладѣли казенной лодкой, убивъ предварительно караульнаго. Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки. Къ тому-же, нѣтъ ничего легче, какъ предупредить ихъ: стоитъ только построже слѣдить за лодками и бочками. Потому каторжники и не любятъ Сахалина. „Кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда“, говорятъ они про островъ.

Нельзя однако сказать, чтобы ссыльные не дѣлали попытокъ къ побѣгу. Напротивъ, они бѣгутъ—даже цѣлыми толпами. Часто добрая половина транспорта на другой—третій день послѣ прибытія на островъ даетъ тягу. Еще на пути, во время переѣзда на крейсерѣ отъ Одессы, они готовятся къ этому: копятъ сухари и всякую другую отпускаемую имъ провизію. Еще не побывавъ на Сахалинѣ, ссыльные прекрасно знаютъ всѣ условія жизни на островѣ; извѣстно имъ и то, что бѣжать изъ тюрьмы тамъ такъ-же просто, какъ всякому свободному человѣку выйти изъ собственной квартиры, но уйти съ острова и перебраться въ Сибирь, даже жить въ бѣгахъ на островѣ—совершенно невыполнимое дѣло. Лѣтомъ бѣглый про-

существуетъ какъ-нибудь въ тайгѣ, питаясь ягодой, корнями нѣкоторыхъ растеній и рыбой. А зимой? Снѣжный покровъ въ сажень толщиной все это дѣлаетъ недоступнымъ; между тѣмъ на Сахалинѣ нѣтъ свободнаго русскаго населенія, которое,



139. Сахалинскій глухарь. (*Tetrao urogalloides*).

подобно тому, какъ это дѣлается въ центральной Сибири, стало-бы выставлять за окошко хлѣбъ для пропитанія „несчастныхъ“. Съ наступленіемъ зимы бѣглецамъ приходится или возвращаться въ тюрьму, гдѣ ихъ ждутъ плети и прибавка 10-ти

лѣтъ къ сроку каторги, или, если они заблудились въ тайгѣ, умирать съ голоду. Случается, что „варнаки", какъ называютъ въ Сибири бѣглыхъ каторжниковъ, гибнутъ еще до наступленія осени, дѣлаясь жертвой мѣстныхъ инородцевъ, гиляковъ. Этотъ полудикій народецъ прекрасно знаетъ варнаковъ, понимаетъ, что они проживаютъ въ тайгѣ, не имѣя на это никакого права, поэтому не смѣютъ претендовать, если за ними кто-нибудь станетъ охотиться, какъ за звѣремъ. Можно сказать, что среди всевозможной добычи, какую можетъ дать гиляку сахалинская тайга, варнакъ для него самый выгодный предметъ охоты. Съ нимъ не можетъ сравняться даже медвѣдь, потому что съ бѣглаго можно содрать халатъ, рубашку, взять у него котелокъ; глядишь, у иного найдется топоръ или ножъ, а все это вещи, которыя въ дикомъ обиходѣ инородца куда дороже, нежели медвѣжья шкура и мясо. Что касается отвѣтственности, о ней и рѣчи быть не можетъ: вѣковыя ели глухой тайги никому ничего не разскажутъ. Правда, и каторжники, вырвавшіеся на волю, не щадятъ гиляковъ. При случаѣ, чтобы добыть сушеной рыбы (юколы) или какой другой пищи, варнаки не задумаются вырѣзать всю семью гиляка, проживающаго гдѣ-нибудь въ одиноко стоящей юртѣ.

Объ условіяхъ жизни въ бѣгахъ ссыльные получаютъ самыя точныя свѣдѣнія еще въ дорогѣ. Богъ вѣсть, какими путями проникаютъ эти свѣдѣнія за желѣзную рѣшетку тюремъ или трюма парохода; только будущимъ бѣглецамъ прекрасно извѣстно, что ждетъ ихъ на островѣ, если они бѣгутъ изъ тюрьмы. Несмотря на это, они всетаки бѣгутъ. Какъ дикія птицы въ клѣткахъ передъ наступленіемъ времени отлета начинаютъ проявлять безпокойство, такъ и каторжники еще на крейсерѣ близъ Сахалина, или уже на островѣ передъ весной обнаруживаютъ всѣ признаки обуявшаго ихъ стремленія удрать. Бѣгутъ цѣлыми толпами, и цѣлыми толпами осенью возвращаются подъ плети и подъ болѣе строгій надзоръ. Это какое-то необузданное, какъ-бы инстинктивное, влеченіе къ побѣгу нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ хотя-бы недѣлю сознавать себя вольнымъ человѣкомъ, — дѣлать, что угодно, валяться въ травѣ и глядѣть въ широкое небо, не чувствуя на себѣ начальническихъ взоровъ надзирателя или караульнаго. Какъ слабый лучъ надежды на благополучный исходъ побѣга могли-бы служить слухи о томъ, что какому-то счастливцу когда-то удалось пробраться на пустынный восточный берегъ острова и поступить матросомъ на иностранное китоловное судно, зашедшее сюда за водой; но многолѣтняя практика неудачныхъ побѣговъ научила сахалинскихъ каторжниковъ не слишкомъ полагаться на эти слухи: они бѣгутъ только затѣмъ, чтобы бѣжать, совершенно не разсчитывая убѣжать.

Среди ссыльныхъ на Сахалинѣ надо различать два сорта каторжниковъ, совершенно не похожихъ другъ на друга. Это безсемейные и живущіе семьей.

Первые представляютъ изъ себя форменныхъ каторжниковъ. Они работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ, таскаютъ кладь изъ одного поселка въ другой и выполняютъ всякія другія по истинѣ каторжныя работы. Живутъ они въ общихъ казармахъ, которыя, конечно, никто не рѣшится назвать хоромами. Питаются пищей, во всякомъ случаѣ, не роскошной. Ржавая солонина и прокислая капуста нерѣдко входитъ въ ихъ обѣденное меню.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся семейные каторжники. Живутъ они почти совершенно свободно въ поселкахъ. Каждая семья имѣетъ собственную избу,

Сахалинскіе каторжники, прикованные къ тачкамъ.

Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

землю. Казна снабжаетъ такое хозяйство орудіями, необходимыми для обработки земли, нѣкоторымъ даетъ даже скотину. Сѣмена для посѣва точно также получаются отъ казны и возвращаются обратно съ прибавленіемъ 4%.

Подневольное положеніе семейнаго ссыльнаго выражается въ томъ, что три дня въ недѣлю онъ работаетъ на казну, а три—въ свою пользу. Казенныя же работы состоятъ въ обработкѣ огородовъ и пашень, въ вырубкѣ лѣса, прокладываніи дорогъ и другихъ подобныхъ занятіяхъ, къ которымъ привыкъ каждый крестьянинъ. При такихъ условіяхъ семейные каторжники ведутъ довольно сносную жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ откровенно говорили мнѣ, что теперь имъ живется лучше, нежели до ссылки на своей родинѣ. Поселки такихъ ссыльныхъ производятъ впечатлѣніе обыкновенной русской деревни. Русскія избы, на улицахъ босоногіе бѣлобрысые ребятишки, бабы въ сарафанахъ, настоящіе русскіе мужички въ кафтанахъ или зипунахъ, по большей части съ добродушнымъ выраженіемъ лицъ,—все это ни мало не напоминаетъ вамъ о томъ, что вы видите колонію каторжниковъ. Единственно, что со внѣшней стороны отличаетъ такія подневольныя поселенія отъ свободныхъ, это—почти полное отсутствіе пѣсенъ. Поютъ мало и притомъ больше грустныя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ имѣются школы для дѣтей ссыльныхъ. Въ одной школѣ учительницей состоитъ дочь каторжника, выросшая и получившая здѣсь образованіе. Такъ живутъ и постепенно колонизуютъ островъ семейные каторжники.

Въ серединѣ іюля мы стали готовиться къ путешествію поперекъ острова, къ устью р. Тыми, впадающей въ Охотское море. Сборы наши оказались довольно продолжительными. Такъ какъ въ теченіе болѣе, чѣмъ мѣсяца, намъ предстояло вести всякаго рода сношенія только съ медвѣдями, у которыхъ, какъ извѣстно, кромѣ собственной лапы, никакихъ запасныхъ магазиновъ не имѣется, а также съ гиляками, которые сами заимствуются у тѣхъ же медвѣдей шкурой и мясомъ, то на все время поѣздки намъ необходимо было напередъ обезпечить себя отъ голода, холода и сахалинскихъ дождей. Во время нашего пребыванія на Сахалинѣ на всемъ островѣ, за исключеніемъ Корсаковскаго поста, имѣлась всего одна единственная лавка въ посту Дуэ. Правда, это былъ универсальный магазинъ, по образцу тѣхъ, которые существуютъ въ нашихъ захолустныхъ уѣздныхъ городахъ. Тамъ продавалось все, вѣрнѣе,—разные предметы по всѣмъ отраслямъ житейскихъ потребностей, начиная отъ спичекъ, кончая офицерскими погонами; но все это было по-сахалински дорого и въ такой же мѣрѣ гнило. Фунтъ сахару стоитъ здѣсь 50 к., жестянка американской вареной колбасы около фунта—2 рубля, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. О такомъ процвѣтаніи сахалинской торговли, къ счастью, мы знали еще въ Одессѣ; поэтому запаслись тамъ почти на годъ чаемъ, сахаромъ, табакомъ и другими подобными предметами. Спиртъ для собиранія коллекцій мы получили на островѣ изъ казеннаго склада; тамъ же мы пріобрѣли два пуда манджурской махорки для расплаты, вмѣсто денегъ, съ гиляками за всякія услуги. Оставалось только заготовить самой насущной провизіи, что мы могли сдѣлать и безъ содѣйствія магазина. Сухарей насушили намъ въ казенной пекарнѣ Александровской военной команды, а наша любезная хозяйка заготовила намъ впрокъ мяса по особому способу. Большіе куски говядины, пролежавшіе нѣкоторое время въ соли, провяливаются на воздухѣ; получается продуктъ вродѣ того, который

Раздача пищи сахалинскимъ каторжникамъ на дорожныхъ работахъ.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

продается въ нѣкоторыхъ петербургскихъ колбасныхъ подъ названіемъ говяжьяго или мясного балыка. Затѣмъ мы захватили съ собой еще сушоной кислой капусты и нѣсколько сортовъ крупы, чѣмъ, пожалуй, можно и кончить перечень предметовъ нашей провизіи.

Въ качествѣ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конвоя, къ намъ были прикомандированы четверо каторжниковъ и для надзора за ними надзиратель, вооруженный шашкой и заржавленнымъ револьверомъ съ однимъ единственнымъ, позеленѣвшимъ отъ времени патрономъ. Если я прибавлю, что всѣ четыре наши конвоира отбывали на Сахалинѣ каторжныя работы за убійства, говоря по просту, были убійцами, то тупая шашка и этотъ зеленый патронъ, навѣрно, покажутся вамъ недостаточной гарантіей нашего спокойствія. На самомъ же дѣлѣ, этого вооруженія, было больше, чѣмъ достаточно, потому что оно должно было служить скорѣе принадлежностью форменной одежды надзирателя, нежели дѣйствительнымъ оружіемъ. Ни администрація острова, отправлявшая съ нами этого надзирателя, ни мы сами никоимъ образомъ не разсчитывали на то, что шашка будетъ рубить, а револьверъ палить. Въ огражденіе отъ какихъ бы то ни было дурныхъ помысловъ четырехъ убійцъ нашей экспедиціи никакого оружія не требовалось: оно было бы совершенно безполезно, если бы тѣ задумали или бросить насъ въ глухой тайгѣ, или, вмѣсто устья рѣки Тыми, сплавить насъ на тотъ свѣтъ.

Наши „убійцы“ были превосходные и вполнѣ надежные ребята. Одинъ изъ нихъ года два тому назадъ сгоряча пырнулъ ножомъ собственную супругу. Другой служилъ ямщикомъ по почтовому тракту, и переѣзжая зимой съ почтой Амуръ, влетѣлъ въ полынью, причемъ утонулъ почтальонъ и почта, въ которой находились деньги золотомъ. Обстоятельства сложились такъ неудачно, что суду пришлось обвинить ямщика въ покушеніи на ограбленіе почты и въ убійствѣ почтальона. Не знаю, вѣритъ-ли сибирскій судъ въ справедливость своего приговора, но мнѣ кажется, что онъ ошибся. Трудно представить себѣ, что нашъ Семенъ, съ его тихимъ незлобивымъ характеромъ и добродушнымъ русскимъ лицомъ, могъ покуситься на убійство съ цѣлью ограбленія. Третій нашъ спутникъ учинилъ убійство, будучи солдатомъ: гдѣ-то въ Уссурійскомъ краѣ онъ, въ числѣ 8 другихъ солдатъ, жилъ въ лѣсу въ избушкѣ, игравшей роль военнаго поста. Пришли манзы, обложили избушку хворостомъ и начали ее жечь. Солдаты стали отстрѣливаться и перебили до десятка китайскихъ разбойниковъ; остальные убѣжали. Такъ какъ манзы были отправлены на тотъ свѣтъ безъ соблюденія какихъ-то правилъ военной дисциплины, то подвигъ солдатиковъ превратился въ убійство и, вмѣсто того, чтобы получить награду, они отправились на каторгу. Самымъ интереснымъ для меня типомъ былъ послѣдній нашъ „убійца“. Родомъ черкесъ, онъ служилъ раньше въ кавказской милиціи. Въ силу священнаго среди кавказскихъ горцевъ обычая родовой мести, онъ обязанъ былъ отомстить какому-то другому милиціонеру, уроженцу одного съ нимъ аула. И вотъ, въ исполненіе этого долга, на глазахъ своего начальства, въ строю онъ пырнулъ кинжаломъ своего родоваго врага и настолько неудачно, что угодилъ на каторгу. Сначала онъ былъ сосланъ въ Карійскіе рудники, на материкѣ Сибири, но бѣжалъ оттуда и явился на Кавказъ въ родной аулъ. Родственники убитаго имъ черкеса, конечно, провѣдали объ этомъ и постарались, чтобы Мустафу сослали снова. Мы застали его уже пожилымъ человѣкомъ, когда

Раздача пищи сахалинскимъ каторжникамъ на дорожныхъ работахъ.

Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

всякая мысль о новомъ побѣгѣ исчезла изъ его головы. Во время нашей совмѣстной поѣздки по вечерамъ, сидя предъ пылающимъ костромъ, Мустафа очень часто разсказывалъ намъ различные эпизоды изъ своего двухлѣтняго странствованія по Сибири, въ качествѣ варнака. Не разъ ему приходилось слышать свистъ пули, пущенной въ него изъ-за куста бурятомъ; живалъ онъ и въ брошенной медвѣжьей

140. Обѣдъ сахалинскихъ каторжниковъ на дорожныхъ работахъ.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

берлогѣ, и просто между корнями деревьевъ; много разъ ночевалъ подъ снѣгомъ; по цѣлымъ мѣсяцамъ питался ягодой и грибами; тонулъ; отморозилъ на ногѣ два пальца и всетаки добрался до родного аула. Здѣсь повидался онъ съ братьями и въ скоромъ времени былъ арестованъ и отправленъ на Сахалинъ.

Таковы были наши спутники. Мы были увѣрены въ нихъ настолько, что двумъ

изъ нихъ разрѣшили имѣть при себѣ по ружью-дробовику со всѣми принадлежностями для охоты. 23 іюля подъ вечеръ, взваливъ весь нашъ багажъ на три подводы, запряженныя парой быковъ каждая, мы, наконецъ, тронулись въ путь. Мы сами ѣхали верхомъ на маленькихъ сибирскихъ лошадкахъ, а рабочіе съ надзирателемъ, за недостаткомъ лошадей, должны были идти пѣшкомъ.

Погода, бывшая до того дня по обыкновенію дождливой, какъ будто нарочно для нашего выступленія, разгулялась. Было ясно и тепло, какъ только можетъ быть тепло въ среднемъ Сахалинѣ. Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ; сквозь просвѣты между листьями ивъ оно пригрѣвало намъ лица и руки, словно лаская насъ и обнадеживая не оставить своимъ вниманіемъ и въ будущемъ. Путь пролегалъ долиной маленькой рѣчки, по лиственному лѣсу, среди котораго тамъ и сямъ попадались крошечныя площадки травянистыхъ зарослей. При видѣ сочной зелени лошадки начинали весело ржать, и даже флегматическіе быки, повернувъ свои тупыя морды въ сторону этихъ зарослей, обнаруживали, что имъ также не чужды нѣкоторыя житейскія слабости. Словомъ, путешествіе наше началось при хорошихъ предзнаменованіяхъ, и всѣ были довольны. Пройдя верстъ 8, мы остановились на ночевку въ поселкѣ Верхнее Урочище. Хотя Урочище не велико, но въ немъ имѣется фельдшеръ, а это уже роскошь не маленькая, хотя бы даже и для самаго большого поселка на Сахалинѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла мы убѣдились, что роскошь эта въ данномъ случаѣ была еще больше, чѣмъ она могла показаться не посвященному въ эти обстоятельства: вотъ уже три мѣсяца, какъ у здѣшняго представителя медицины вышли всѣ лекарства, за исключеніемъ известковой воды. Желая подѣлиться своимъ скуднымъ запасомъ медикаментовъ, я предложилъ фельдшеру на выборъ пузырекъ кастороваго масла или нѣсколько пріемовъ англійской соли. Онъ остановился на соли на томъ основаніи, что по своему горькому вкусу она болѣе походитъ на настоящее лекарство, какъ его представляетъ себѣ простой народъ, а разъ это лекарство, его можно употреблять противъ всякихъ болѣзней.

Чтобы не начинать наши запасы мяса, мы рѣшили приготовить себѣ ужинъ изъ здѣшнихъ продуктовъ. Однако во всемъ поселкѣ могли добыть только десятокъ яицъ. Хотѣли было зажарить зайца, убитаго Мустафой по дорогѣ, но въ Урочищѣ не оказалось масла. Одна еврейка подъ названіемъ масла принесла что-то очень похожее на свѣчное сало и пожелала получить за него не мало не много, какъ рубль за фунтъ. Мы посовѣтовали еврейкѣ сохранить свое масло до того времени, когда на Сахалинѣ откроется свѣчной заводъ, а сами удовольствовались яйцами. Такъ заяцъ и пропалъ, не оказавъ никакой пользы наукѣ.

На другой день, рано утромъ, мы тронулись дальше. Такъ какъ въ этотъ переходъ намъ предстояло перевалить главный Сахалинскій хребетъ, въ телѣги запрягли по двѣ пары быковъ. Скоро дорога стала подниматься въ гору. Вмѣстѣ съ тѣмъ лиственный лѣсъ смѣнился хвойнымъ; къ вершинѣ перевала появилась однако береза, затѣмъ кедровый сланецъ и, наконецъ, на самомъ гребнѣ хребта, на высотѣ около 2500 футъ, довольно большія заросли... чего-бы вы думали? бамбука! Да, настоящаго бамбука, хотя и мѣстной породы. Правда, сравнительно съ своимъ тропическимъ родственникомъ, это былъ очень невзрачный кустикъ, приземистый, стелющійся по землѣ, ростомъ ниже человѣка и, вообще, очень жалкій,

141. Сахалинская деревня „Верхнее Урочище“.
Съ фотографіи кабинета Уголовнаго Права С.-Петербургскаго Университета.

однако все же бамбукъ. Неизвѣстно, съ какой стати этому роскошному величественному растенію понадобилось забираться на Сахалинъ съ его холоднымъ климатомъ и, превратившись здѣсь въ ничтожный кустикъ, выноситъ униженіе его аристократическаго званія. Чѣмъ ближе къ вершинѣ перевала, тѣмъ круче становится подъемъ. Мы слѣзли съ лошадей и идемъ пѣшкомъ. По временамъ мы останавливаемся вмѣстѣ съ быками и, подложивъ подъ колеса телѣгъ камни, садимся отдыхать. Тѣмъ временемъ одинъ за другимъ насъ обгоняютъ каторжники, переносящіе муку и еще какія-то вещи въ ближайшій поселокъ Пиленги. Въ этомъ заключается ихъ каторжная работа. Въ теченіе мѣсяца каждый обязанъ перенести до 30 пудовъ клади на протяженіи около 16 верстъ.

Дѣлая не болѣе трехъ верстъ въ часъ, мы добрались къ полудню въ Пиленги и, перемѣнивъ здѣсь быковъ и лошадей, немедленно тронулись дальше. Ненадежное сахалинское солнце уже успѣло измѣнить своему обѣщанію и спряталось за свинцовыя тучи, обложившія все небо. Посыпалъ мелкій осенній дождь, который поливалъ насъ до самаго вечера, когда мы добрались до поселка „Малое Тымово“. Къ своему удивленію, мы встрѣтили здѣсь интеллигентнаго жителя. Это былъ молодой офицеръ, командированный сюда принимать какія-то казенныя вещи. Бѣдный человѣкъ! Вещи на спинахъ каторжниковъ поступали въ поселокъ если не черезъ часъ по ложкѣ, то черезъ часъ по $1^1/_2$ пуда, а онъ, въ ожиданіи окончанія этой томительной процедуры, проживалъ здѣсь одинъ среди ссыльныхъ и нѣсколькихъ надзирателей изъ отставныхъ солдатъ. Несмотря на всевозможныя попытки скоротать медленно ползущее время, офицеръ пропадалъ со скуки.

Различные способы давить мухъ были перепробованы; всѣ гвозди его убогой комнаты сосчитаны; дичи въ окрестностяхъ было мало, да онъ и не охотникъ. Оставалось только сохнуть отъ мертвящей скуки,—и по долгу службы онъ терпѣливо сохъ. Сохъ онъ еще отъ голода. Кромѣ хлѣба и казенной арестантской солонины, не первой и даже не второй свѣжести, никакой провизіи здѣсь не водится. Нѣтъ ни овощей и никакой другой зелени. Изрѣдка удается раздобыть бутылку молока и еще рѣже пару яицъ; масла до сего времени здѣсь не бывало. Къ великому удовольствію этого мученика службы, мы сдѣлали въ Маломъ Тымовѣ дневку и только 26 числа рано утромъ тронулись въ путь въ селеніе Рыковское. Дорога, какъ и все время отъ Верхняго Урочища, пролегаетъ хвойнымъ лѣсомъ почти безъ всякаго просвѣта, если не считать вершины перевала. Только около Рыкова стали попадаться небольшія безлѣсныя площади, поросшія травой. Это лучшія мѣста для пашень. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ среднемъ Сахалинѣ, почва плодородна, къ тому же не нуждается въ корчевкѣ, что очень важно для мѣстнаго земледѣлія. Всюду на островѣ слой рыхлой земли, покрывающей непосредственно твердый камень, настолько тонокъ, что при корчевкѣ пней здѣшнихъ огромныхъ деревьевъ, обыкновенно обнажается лежащій подъ почвой гранитъ. Мѣстами намъ попадались огромные участки земли, утыканные черными стволами деревьевъ съ обгорѣвшими вѣтвями. Лѣсъ жгутъ здѣсь не за тѣмъ, чтобы подготовить мѣсто для пашни, а съ цѣлью хоть сколько-нибудь избавиться отъ всепоглощающей тайги. Впрочемъ, нерѣдко тайга загорается и сама по себѣ, по причинамъ, извѣстнымъ ей одной. Около часу дня мы подошли къ берегу Тыми, той самой рѣки, по которой намъ предстояло плыть до Охотскаго моря. Здѣсь ждали насъ лодки, на которыя мы сло-

жили кладь, а сами верхомъ проѣхали въ Рыковское, расположенное верстахъ въ двухъ отъ берега. Далѣе на востокъ, верстахъ въ 25 отъ Рыковскаго, находится еще одно и притомъ послѣднее поселеніе ссыльныхъ—Дербино. До него можно добраться на лодкахъ по р. Тыми, или сухимъ путемъ по лѣсной, очень скверной тропинкѣ. Колесной дороги туда еще не было проложено, поэтому кладь по необходимости приходилось спускать по водѣ, хотя рѣка въ этомъ мѣстѣ очень ненадежна. Чрезвычайно быстрое теченіе, множество перекатовъ и пороговъ дѣлаютъ плаваніе по ней не безопаснымъ. Отправивъ кладь съ рабочими на семи долбенкахъ, мы сами выѣхали верхомъ. Болотистая почва, въ которой вязли ноги лошадей, безчисленныя ямы между корнями елей, вѣтви, хлеставшія намъ въ лица, не мало попортили намъ крови. Станете вы смотрѣть подъ ноги лошади, чтобы заблаговременно приготовиться, когда она соберется прыгать черезъ яму, въ это время сучекъ зацѣпляетъ за платье и пытается стащить васъ съ сѣдла, или вѣтки ели своими тяжелыми колючими хвоями наносятъ вамъ ударъ по лицу. Поднимаете вы глаза кверху, тѣмъ временемъ лошадь неожиданно спотыкается, или дѣлаетъ скачекъ, и вы летите на землю, или, вѣрнѣе, на обнаженные корни деревьевъ. Намъ оставалось однимъ глазомъ смотрѣть вверхъ, а другимъ подъ ноги лошадей. Но такъ какъ этимъ искусствомъ никто изъ насъ не отличался, мы или кувыркались, или безропотно принимали щелчки отъ деревьевъ. Однако, на зло лѣсному духу, завѣдующему сахалинской тайгой, мы добрались до Дербина безъ большихъ увѣчій. Поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ домовъ, выросъ среди дремучаго лѣса. Тайга лѣзетъ здѣсь прямо на крыши избъ, а медвѣди, какъ настоящіе владѣльцы ея, еще не изгнанные человѣкомъ, бродятъ подъ ихъ окошками, и, если не заглядываютъ на дворы, то лишь потому, что тамъ нечего дѣлать: кромѣ собакъ, никакой скотины у жителей Дербина не существуетъ, а медвѣдь, какъ извѣстно, предпочитаетъ не связываться съ собаками.

Въ Дербинѣ кончилось наше сухопутное странствованіе по острову. Отсюда намъ предстояло начать плаваніе по Тыми, если только можно назвать плаваніемъ прыганье лодокъ по камнямъ русла порожистой рѣки.

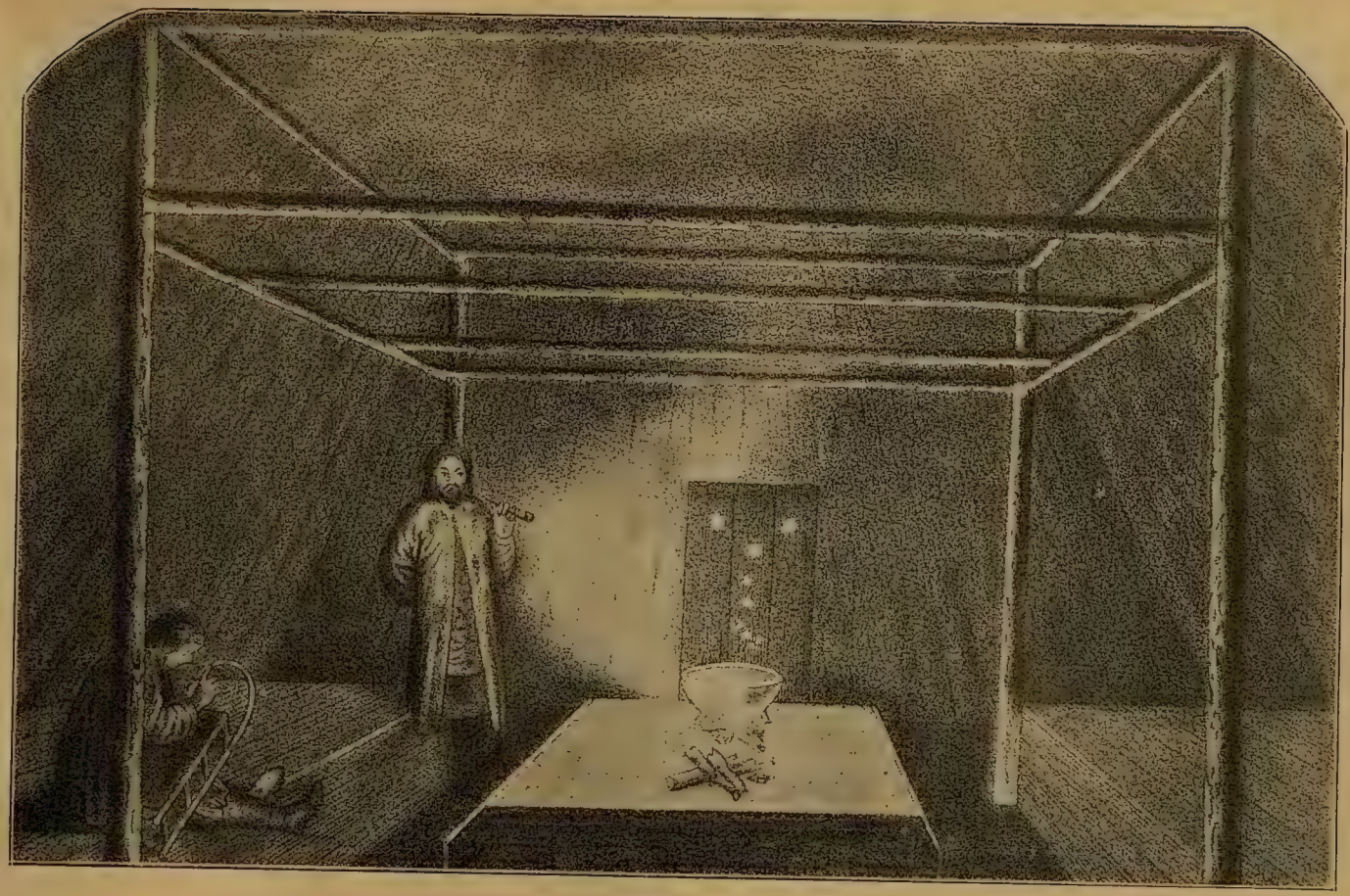
Для нашего путешествія былъ заготовленъ флотъ, состоявшій изъ трехъ досчатыхъ лодокъ обыкновенной сибирской конструкціи и одного „кунгаса“. Такъ называютъ на островѣ лодку, такого удивительнаго устройства, какое едва ли можно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ земнаго шара. Это скорѣе огромный утюгъ, внутри пустой и сколоченный изъ бревенъ. На плоскомъ днѣ этого утюга вмѣсто углей должны были помѣщаться нѣкоторыя наши вещи, а поверхъ нихъ—мы сами. Отъ дождя мы пристроили деревянный навѣсъ. Въ качествѣ лоцмановъ, экспедицію должны были сопровождать двое гиляковъ на своей собственной лодкѣ, или, вѣрнѣе, на долбленомъ тополевомъ бревнѣ. Однако это бревно оказалось потомъ единственнымъ, пригоднымъ для плаванія по здѣшнимъ рѣкамъ судномъ. 30-го іюля, рано утромъ, нашъ флотъ оставилъ Дербинскій рейдъ и помчался внизъ по Тыми. Рѣка въ началѣ пути имѣетъ отъ 10 до 20 саженей ширины и несется съ быстротой горнаго потока. Хотя при нашихъ лодкахъ и даже на кунгасѣ полагались весла, но они служили скорѣе рулемъ, нежели исполняли свое прямое назначеніе. Силой теченія несло насъ такъ быстро, что если бы мы вздумали грести, мы не успѣвали бы вынимать изъ воды веселъ, чтобы произвести ими полезную работу.

Мы прибѣгали къ нихъ помощи только въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было подойти къ берегу. Въ первый день плаванія мы встрѣтили 8 перекатовъ и съ аккуратностью, достойной лучшаго примѣненія, на каждомъ изъ нихъ становились на мель.

Особенной аккуратностью въ этомъ отношеніи отличался нашъ утюгъ. Онъ утюжилъ подводные камни не только на всѣхъ перекатахъ, но и тамъ, гдѣ другія лодки проходили свободно. Дно рѣки состояло по большей части изъ мелкой гранитной гальки. Еще до полной остановки кунгасъ начиналъ стучать дномъ о камни, затѣмъ почти на полномъ ходу съ трескомъ врѣзался въ гальку и мгновенно останавливался. Кладь соскакивала со своихъ мѣстъ, а мы летѣли кувыркомъ на дно судна, если приключеніе заставало насъ на ногахъ. Обыкновенно кунгасъ, повернувшись раза два, то кормой, то носомъ впередъ, соскакивалъ съ мели и бокомъ продолжалъ мчаться съ головокружительной быстротой. Иногда, впрочемъ, онъ врѣзался въ гальку ребромъ и нагромождалъ на днѣ валъ, который ни за что не соглашался пропустить нашъ утюгъ дальше. Съ другого бока вода била въ бортъ, кренила судно и, поднимаясь до его краевъ, грозила или перевернуть его, или затопить насъ со всѣми вещами. Рабочимъ приходилось слѣзать въ воду и, расчистивъ валъ, выпускать на свободу нашу неуклюжую посудину. Надо быть такимъ крѣпко сколоченнымъ ковчегомъ, какъ нашъ кунгасъ, чтобы не разбиться въ дребезги отъ тѣхъ толчковъ, какіе онъ получалъ на перекатахъ. Теченіе въ этихъ мѣстахъ было настолько быстро, что рабочіе, стоя въ водѣ ниже колѣнъ, съ трудомъ могли держаться на ногахъ.

Часа въ 3 дня мы добрались до первой гиляцкой деревушки Узк—во, гдѣ и остановились на ночевку. Конечно, все населеніе деревушки, не исключая косматыхъ, по большей части разноглазыхъ, собакъ высыпало намъ на встрѣчу. Мальчишки въ рубашкахъ изъ собачьяго мѣха, шерстью вверхъ, прятались за матерей. Матери стояли позади мужей, а впереди всѣхъ, махая пушистыми хвостами, привѣтствовали насъ собаки. Онѣ же первыя рѣшились приблизиться къ намъ и представиться, обнюхавъ намъ сапоги, платье и руки. За ними подошли мужчины, потомъ дамы, и, наконецъ, ребятишки. Послѣдніе, убѣдившись въ нашей безвредности, начали вертѣться у насъ подъ самыми ногами, разглядывать ружья, а, въ особенности, свѣтлыя пуговицы моего охотничьяго пиджака. Узк—во состоитъ ровно изъ 4 юртъ и одной избушки, въ которой проживаетъ медвѣдь. Этотъ звѣрь считается у гиляковъ священнымъ и потому составляетъ необходимую принадлежность каждой деревни. Пойманнаго молодымъ, а иногда и взрослымъ, медвѣдя сажаютъ въ бревенчатый срубъ съ наглухо задѣланнымъ потолкомъ. Углы этого домика украшаютъ елками и бѣлыми стружками, имѣющими, повидимому, тоже священное значеніе. Сквозь щели между бревнами заключенному бросаютъ рыбу и ставятъ воду. Отъ времени до времени, посадивъ предварительно на цѣпь, его выводятъ купаться, чтобы потомъ снова запрятать въ темницу. Въ опредѣленное время года, именно, въ дни праздника Бѣлаго Мѣсяца, что приходится на январь, гиляки совершаютъ торжественное священнодѣйствіе въ честь своего косматаго божества, причемъ обнаруживаютъ столь сильное почтеніе къ нему, что божество отъ этого умираетъ. Медвѣдя привязываютъ къ столбу, затѣмъ, послѣ разныхъ заклинаній, сопровождаемыхъ пляской шамана и звономъ бубна, разстрѣливаютъ его изъ луковъ, а мясо съ разными церемоніями тутъ же съѣдаютъ. Бѣдный мишка! Съ какимъ удоволь-

Праздникъ медвѣдя у гиляковъ.



142. Внутренность зимней юрты у гиляковъ.

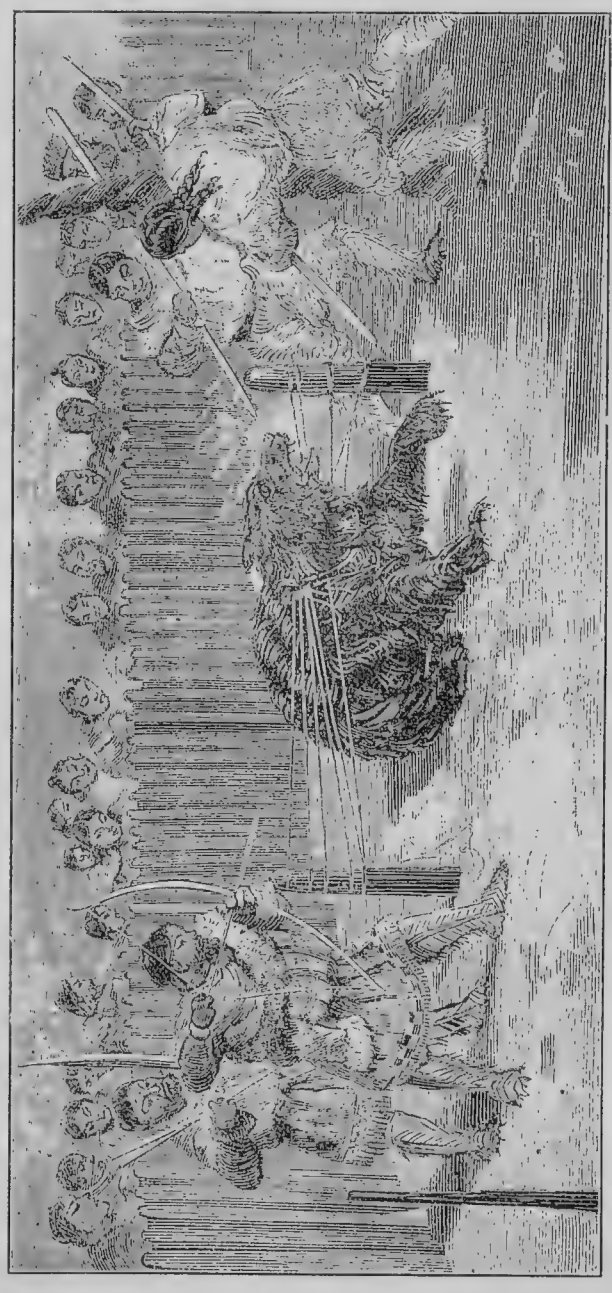
ствіемъ онъ отказался бы отъ этихъ божескихъ почестей и остался простымъ медвѣдемъ! Но что дѣлать! Видно, и для медвѣдей обязательно житейское правило: „Noblesse oblige“ („Знатность обязываетъ“).

Гиляцкія юрты отличаются отъ медвѣжьяго помѣщенія только большими размѣрами да еще тѣмъ, что имѣютъ дыру на потолкѣ для выхода дыма и двери сбоку для входа людей и собакъ. Собаки чувствуютъ себя полноправными членами гиляцкой семьи. Онѣ входятъ въ юрту, какъ въ собственную конуру, ложатся у костра, или, сидя рядомъ съ гилячатами, поглядываютъ на взрослыхъ людей. Когда это имъ надоѣстъ, онѣ отправляются слоняться по лѣсу, а ночевать возвращаются въ юрту. Здѣсь же заботливыя гилячки кормятъ ихъ сушеной рыбой. Внутри такого жилища, какъ разъ противъ дымоваго отверстія, сдѣлано небольшое возвышеніе изъ земли, на которомъ разводится костеръ. Та же голая земля замѣняетъ полъ всей юрты. Къ потолку на деревянныхъ крючкахъ подвѣшены берестяныя корзинки, ведерца, ковши и другая домашняя утварь, среди которой чугунный котелъ является единственнымъ представителемъ металлической посуды; вмѣстѣ съ тѣмъ въ кухонномъ инвентарѣ онъ представляетъ изъ себя единственный предметъ не домашняго приготовленія. Всей остальной утварью снабжаетъ гиляковъ тайга. Двѣ—три собачьихъ или тюленьихъ шкуры, брошенныя на голую землю, исправляютъ двоякую службу мебели и постели. Между юртами, на длинныхъ жердяхъ, положенныхъ на столбы, развѣшана для просушки рыба, изъ которой должна получиться такъ называемая „юкола“. Если не считать ягодъ, нѣкоторыхъ кореньевъ и въ тяжелыя времена собачьяго мяса, рыба составляетъ единственную пищу здѣшнихъ гиляковъ. Такъ какъ этотъ народецъ соли не признаетъ, а сахалинскіе дожди очень мало помогаютъ ему въ приготовленіи юколы, неудивительно, что рыба въ скоромъ времени загниваетъ и покрывается червями. Нестерпимая вонь обложила всю деревушку, проникла, конечно, и въ юрты и на другой день долго еще сидѣла у каждаго изъ насъ въ носу даже въ то время, когда мы были далеко отъ Узк-во. Несмотря на этотъ смрадъ, поставивъ свои полога подъ открытымъ небомъ, еще въ сумерки завалились мы спать. Собаки съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на эти крошечныя, бѣленькія юрточки, въ которыхъ никому изъ нихъ еще не случалось живать. Одинъ огромный песъ долгое время тыкался носомъ въ кисейную стѣнку моего полога, очевидно, отыскивая входъ, и отказался отъ желанія посѣтить меня только послѣ того, какъ получилъ здоровенный щелчокъ.

На другой день рано утромъ, собираясь въ путь, мы замѣтили, что вчерашнія похожденія нашего кунгаса не обошлись ему даромъ. Должно быть, отъ толчковъ о подводные камни въ немъ образовалась щель, чрезъ которую за ночь набралось много воды. Наши вещи промокли. Приходилось выгружать и сушить ихъ. Къ счастью, солнце на этотъ разъ не измѣнило намъ. При содѣйствіи вѣтра оно высушило намъ табакъ, чай и нѣкоторые другіе предметы, но отказалось поправить бѣду съ сахаромъ, такъ какъ онъ на половину растаялъ. Къ нашей великой радости, порохъ и патроны не промокли и даже не отсырѣли; иначе самое добросовѣстное солнце едва ли было бы въ состояніи сдѣлать ихъ пригодными для употребленія.

Къ полудню все было исправлено, вещи высушены, дыры въ кунгасѣ заткнуты, вода отлита, и мы могли тронуться въ путь. На случай, если нашему утюгу опять

придется получить течь, треснувшись о подводный камень, всю кладь съ него мы сложили на двѣ гиляцкія лодки, спеціально для этого нанятыя въ Узк-во, а самого виновника нашихъ бѣдъ пустили пустымъ. Однако сами мы, вмѣстѣ съ однимъ рабочимъ, всего втроемъ, остались на немъ, въ томъ разсчетѣ, что при крушеніи всегда успѣетъ подойти во время одна изъ нашихъ лодокъ, а въ случаѣ если намъ и придется немного подмокнуть, для насъ не составило бы никакого труда обсушиться и безъ помощи солнца. Вскорѣ послѣ полудня нашъ флотъ, состоявшій теперь изъ семи судовъ трехъ разныхъ конструкцій, отвалилъ отъ деревни Узк-во и направился вницъ по рѣкѣ имѣя во главѣ нашъ флагманскій корабль—кунгасъ. Какъ и въ первый день плаванія, корабль этотъ непзмѣнно становился на мель на



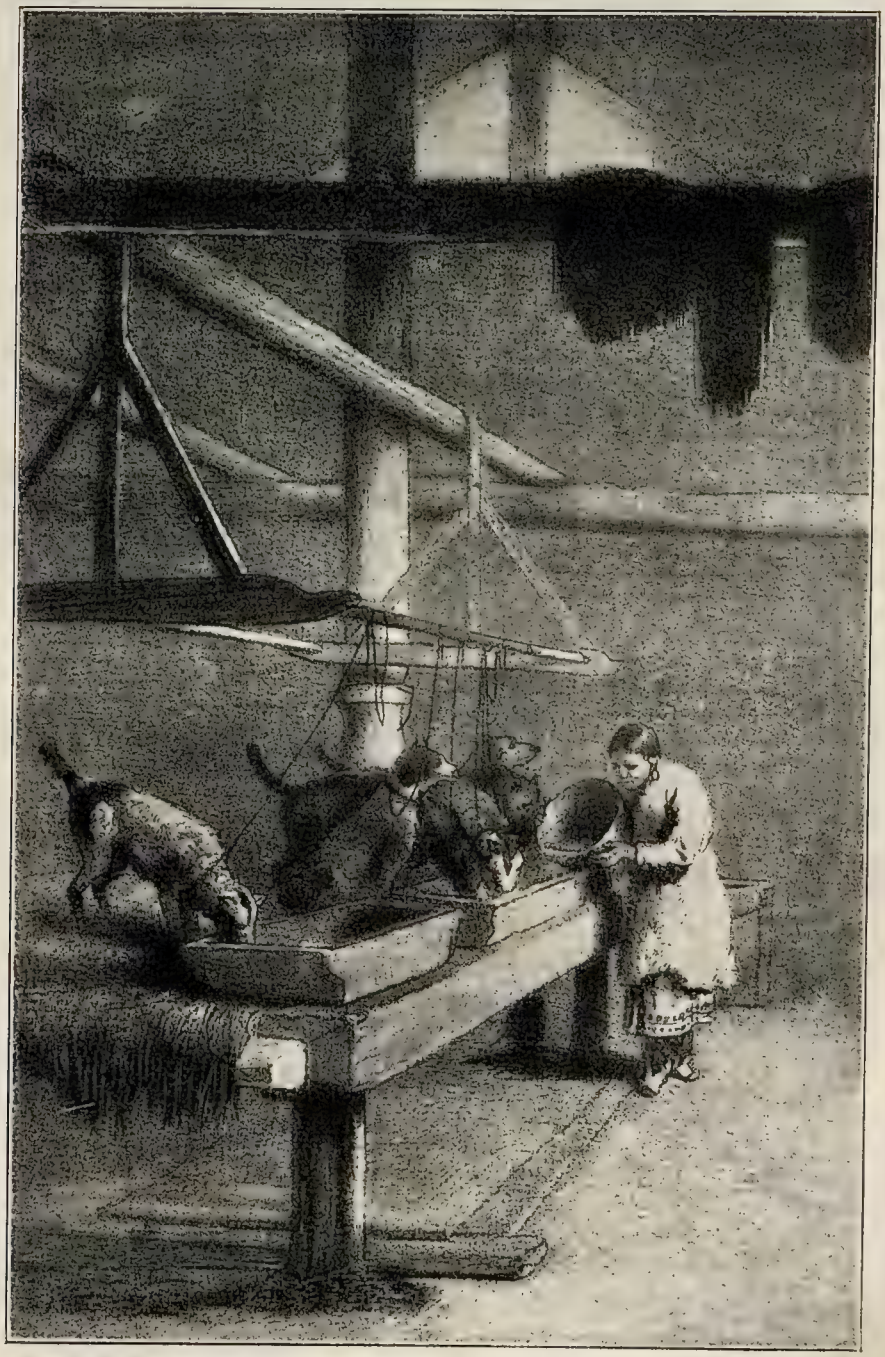
143. Обрядъ убіенія священнаго медвѣдя у гиляковъ.
Изъ „Живописной Россіи“.

каждомъ перекатѣ. Вмѣсто гальки дно рѣки на нынѣшнемъ пути было усѣяно крупными камнями, отъ которыхъ кунгасъ еще скорѣе могъ разлетѣться пополамъ. Иногда онъ такъ крѣпко врѣзался среди подводныхъ камней, что требовались усилія всѣхъ путниковъ, не исключая гиляковъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста. Вообще, этотъ несносный утюгъ сильно замедлялъ наше путешествіе и попортилъ намъ не мало крови. Не разъ мы собирались бросить его на произволъ судьбы въ жертву сердитой рѣкѣ, но всегда откладывали до слѣдующаго случая. Какъ-то жаль было бросить это нескладное судно: вѣдь оно ничѣмъ не виновато, что его построили столь неуклюжимъ, да еще пустили на сахалинскую рѣку; все же оно оказывало намъ немалую услугу, спасая насъ отъ дождя.

Тыми прорываетъ себѣ путь посреди дремучей тайги. Лѣсъ смотрится въ бурныя воды рѣки на всемъ пространствѣ, которое мы проплыли въ эти два дня. По самому берегу ея высятся стройные ивы, тополя и вязы; дальше виднѣется темная зелень ели и пихты, посреди которой еще болѣе темными пятнами кое-гдѣ выдѣляются группы кедровъ. Всюду, гдѣ берега обрывисты, рѣка, отрывая участки земли, уноситъ съ собой ближайшія деревья и выбрасываетъ ихъ на первой попавшейся отмели. Мѣстами мы видѣли цѣлые острова, воздвигнутые изъ труповъ исполинскихъ ивъ и тополей. Не разъ намъ приходилось съ топоромъ въ рукахъ прокладывать путь для нашихъ лодокъ посреди нагроможденнаго какъ разъ поперекъ фарватера лѣса. Теченіе Тыми чрезвычайно извилисто. Иногда, какъ будто раздумавъ течь въ Охотское море, она поворачиваетъ въ совершенно противоположную отъ него сторону и направляется на западъ, къ Татарскому проливу, но затѣмъ снова возвращается на истинный путь. Тамъ, гдѣ сосѣднія горы сдавливаютъ рѣку, она сильно суживается и течетъ съ поразительной быстротой. Въ такихъ мѣстахъ можно было видѣть, что наши лодки скатываются внизъ, какъ салазки съ горъ. Къ счастью, Тыми имѣетъ здѣсь сравнительно большую глубину; иначе нашъ кунгасъ навѣрно нашелъ бы здѣсь свою преждевременную кончину.

Къ вечеру мы остановились на ночевку на пустынномъ берегу, поросшемъ непроходимымъ лѣсомъ. Множество свѣжихъ медвѣжьихъ слѣдовъ на пескѣ напоминало намъ, что бивуакомъ мы нарушили владѣльческія права гиляцкаго косматаго божества.

1-го августа плыли цѣлый день. Рѣка все такъ же быстра и порожиста, какъ и раньше. Но на 4-й день нашего плаванія она замѣтно поуспокоилась, сдѣлалась шире и глубже, такъ что даже нашъ утюгъ всего два раза слегка проутюжилъ подводные камни. Пройдя гиляцкія деревушки Сла—во, Хамр—во и другія, мы остановились ночевать въ какой-то „во“, которая, по словамъ нашихъ проводниковъ, приходится послѣдней внизъ по Тыми, если не считать приморской, расположенной въ самомъ устьѣ. Здѣсь мы отпустили своихъ лоцмановъ-гиляковъ, такъ какъ рѣка перестала угрожать намъ своими порогами. Третьяго августа мы плыли совершенно благополучно, хотя не такъ ужъ быстро, какъ прежде. 4-го числа уже съ полудня мы очутились среди новой обстановки. Рѣка имѣетъ здѣсь до 50 саженъ въ ширину и течетъ настолько медленно, что мѣстами рабочіе должны были приниматься за весла. Крупный лѣсъ окончательно исчезъ, кое-гдѣ только попадается мелкій ивнякъ. Берега низки, очевидно, болотисты, а къ вечеру обнаружились несомнѣнные признаки близости моря. Это были тюлени, тамъ и сямъ выставлявшіе среди глад-



Кормленіе собакъ въ юртѣ гиляка.

кой поверхности воды свои подслѣповатыя морды. Одинъ изъ нихъ вылѣзъ на повалённое дерево и дремалъ, пригрѣваемый косыми лучами заходящаго солнца. Я подъѣхалъ къ нему шаговъ на сто, прицѣлился и выстрѣлилъ изъ берданки. Тюлень, какъ камень, шлепнулся въ воду и исчезъ тамъ, но былъ ли онъ убитъ, раненъ, или остался невредимымъ, мы не могли узнать: убитый тюлень тонетъ, а раненому или вполнѣ здоровому нѣтъ никакого разсчета подставлять свою голову подъ вторичный выстрѣлъ.

5-го августа, т. е., на 7-й день нашего плаванія, Тыми приняла видъ судоходной рѣки. Зато берега положительно наводили уныніе. Всюду мертво и голо; только кое-гдѣ торчали отдѣльныя чахлыя деревца лиственницы. Но это были какія-то карикатуры деревьевъ: корявыя, узловатыя вѣтви растутъ у нихъ не вверхъ, а въ бокъ, или стелются по землѣ въ направленіи господствующаго сѣверо-восточнаго вѣтра; противоположная сторона ствола совершенно лишена вѣтвей. Все такое дерево размѣрами едва-едва превосходитъ человѣческій ростъ. Въ этихъ лиственницахъ мы видѣли предъ собой ту же картину борьбы лѣса съ суровымъ климатомъ, какую можно встрѣтить всюду на крайнемъ сѣверѣ, на границѣ распространенія лѣсной растительности. Деревья пользуются здѣсь малѣйшимъ возвышеніемъ, чтобы подъ прикрытіемъ его спастись отъ губительнаго вліянія холоднаго вѣтра, дующаго съ Охотскаго моря. Мѣстами можно было видѣть любопытную иллюстрацію, до какой степени боятся они этого вѣтра. Подъ защитой небольшого холма нерѣдко попадались намъ группы лиственницъ, иногда даже довольно высокихъ и нарядныхъ, но ни за что не рѣшавшихся подняться выше своего покровителя. На высотѣ холма онѣ отбрасывали свои вѣтви подъ прямымъ угломъ къ стволу въ направленіи все того же господствующаго холоднаго вѣтра. На нѣкоторомъ разстояніи такое дерево напоминаетъ струю фонтана, верхушка которой сдувается и далеко относится вѣтромъ.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ устью, тѣмъ ниже становились берега рѣки. Уже по жалкому виду деревьевъ, не вылѣзая изъ лодки, можно было догадаться, что тамъ, на сушѣ, разстилаются отнюдь не черноземныя равнины. Дѣйствительно, на береговомъ обрывѣ видно было, что почва окрестностей состоитъ изъ настоящаго торфа, мѣстами имѣющаго чудовищную толщину двухъ сажень. Поднявшись на обрывъ, мы увидѣли предъ собой форменную полярную тундру со всѣми ея непривѣтливыми особенностями. Мохъ, морошка, воронница, голубика, полярная береза не выше четверти аршина высотой, опять мохъ и такъ далѣе до самаго горизонта. Тамъ и сямъ надъ кочковатой поверхностью тундры съ мелодическимъ свистомъ носились стаи кроншнеповъ, прикормившіяся здѣсь на ягодѣ, бѣлыя куропатки съ шумомъ выпархивали изъ подъ нашихъ ногъ, и, если не видно было дикихъ сѣверныхъ оленей, то лишь потому, что спасаясь отъ комаровъ, они откочевали въ горы.

Къ вечеру наша флотилія подошла къ орокской деревнѣ Тро, расположенной въ 5—6 верстахъ отъ Охотскаго моря, или, вѣрнѣе, отъ Ныйскаго залива. Здѣсь кончилось наше плаваніе. Намъ предстояло прожить съ мѣсяцъ и заняться изученіемъ окрестностей.

Быстро выгрузили мы вещи на берегъ. Наступила ночь и сталъ накрапывать дождикъ. Мы натянули на кольяхъ брезентовый тентъ, поставили подъ нимъ полога и завалились спать. Ночью поднялся холодный вѣтеръ; частый, чисто осенній дож-

дикъ, минуя края тента, косыми струйками до самаго утра билъ въ кисейную стѣнку моего полога, промочилъ мою подушку, волосы и промочилъ бы меня всего, если бы не спасительный кожанъ. И мокро, и холодно! Впрочемъ, ничего себѣ. Подобныя невзгоды не только не удручаютъ путешественника по страсти, но даже веселятъ его душу. Рано утромъ жители деревушки Тро, несмотря на дождь, почти въ полномъ составѣ стояли или сидѣли на корточкахъ вокругъ нашего стана и, мирно бесѣдуя, разсматривали наши вещи. Это были ороки, племя, родственное гилякамъ, но говорящее языкомъ, похожимъ на тунгузскій. Въ окрестностяхъ Ныйскаго залива стоятъ 4 орокскихъ деревушки, состоящія изъ 3—4 юртъ каждая.

Часть ороковъ пріѣзжаетъ на Сахалинъ изъ Амурскаго края только на лѣто для лова рыбы и тюленей, а на зиму возвращается назадъ; сравнительно немногіе принадлежатъ къ постояннымъ обитателямъ острова, но и тѣ, безъ сомнѣнія, нѣкогда переселились сюда съ материка Сибири. Русскаго населенія не существуетъ не только близъ Ныйскаго залива, но и по всему восточному берегу Сахалина, отъ сѣвернаго его конца до южнаго. Мало того, за отсутствіемъ мало-мальски сносныхъ путей сообщенія, сюда не распространяются дѣйствія администраціи острова. Единственное лицо изъ состава этой администраціи, посѣтившее до насъ Охотское побережье Сахалина, былъ агрономъ Мицуль, пріѣзжавшій искать удобныхъ мѣстъ для основанія русскихъ поселеній. Онъ путешествовалъ зимой на собакахъ и, не найдя того, что искалъ, кончилъ тѣмъ, что съ голоду принялся ѣсть своихъ косматыхъ коней, а на уцѣлѣвшихъ вернулся назадъ. Если ужъ спеціалистъ, который на Сахалинѣ собаку съѣлъ, да еще, говорятъ, не одну, не нашелъ ничего путнаго въ восточномъ побережьи острова, очевидно, оставалось только махнуть на этотъ берегъ рукой. Такъ и поступила администрація, почему инородцы Ныйскаго залива, по крайней мѣрѣ, до нашего пріѣзда, оставались въ неизвѣстности и не были обложены ясакомъ. Милѣйшіе дикари здѣшніе ороки! Честность ихъ феноменальна. Вы можете довѣриться ороку, въ чемъ угодно, и онъ скорѣе пропадетъ съ голоду и холоду, а постарается исполнить свое обѣщаніе. Въ своей патріархальности онъ не понимаетъ, что значитъ обмануть. Вѣроятно, въ языкѣ ороковъ не существуетъ самого слова для обозначенія этого понятія. Неизвѣстно имъ также и воровство. Мы провели здѣсь цѣлый мѣсяцъ, жили въ нѣкоторомъ родѣ открыто, т. е., все наше достояніе было разбросано или прямо на травѣ, или въ шалашѣ, и за все это время у насъ не пропало ни одного ржаного сухаря, ни одного куска сахару, до котораго ороки большіе охотники, и никакой другой, даже самой пустяшной мелочи. Выпросить что нибудь орокъ не прочь, но, если онъ не получилъ разрѣшенія взять хотя-бы брошенную пробку, она для него священна. Впрочемъ, этой поразительной честностью отличается большинство инородцевъ Восточной Сибири, въ особенности, камчадалы и чукчи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ороки чрезвычайно добродушный и тихій народъ. За все время нашего пребыванія въ Тро мы не только не видали драки, но не слыхали ни ссоры, ни даже крупнаго разговора. Если вы дадите одному ороку хотя-бы самый маленькій кусокъ сахару, или сухарь, онъ считаетъ своей обязанностью раздѣлить подарокъ между всѣми присутствующими соплеменниками. Замѣчательно, что эти симпатичныя черты характера нисколько не мѣшаютъ здѣшнимъ инородцамъ при случаѣ безъ всякой жалости убивать бѣглыхъ каторжниковъ. Инородецъ относится

къ варнаку просто-на-просто, какъ къ предмету охоты. Пронзивъ копьемъ бѣлаго, онъ чувствуетъ ровно столько-же угрызеній совѣсти, сколько послѣ удачной охоты на тюленя. Это сочетаніе честности съ какимъ-то несознаваемымъ звѣрствомъ составляетъ особенность душевнаго склада дикаго человѣка, совершенно нетронутаго даже подобіемъ культуры.

Въ своемъ домашнемъ обиходѣ орокн мало чѣмъ отличаются отъ гиляковъ и другихъ дикихъ племенъ Восточной Сибири. Питаются они исключительно рыбой и тюленями, а въ зимнее время, въ случаѣ голодовки, собаками. Хлѣба они не видятъ; соль составляетъ предметъ роскоши. Такъ какъ рыба ловится на Сахалинѣ только въ концѣ лѣта и при томъ не болѣе, какъ впродолженіе одного мѣсяца, но зато въ огромномъ количествѣ, то на остальную часть года орокн заготовляютъ ее

144. Орокъ съ сѣверпымъ оленемъ.

въ прокъ въ видѣ юколы. Для этого рыбу, разрѣзанную надвое вдоль тѣла, сушатъ на воздухѣ. При дождливомъ климатѣ острова, прежде чѣмъ высохнуть, она загниваетъ и покрывается миріадами червей, которые частью падаютъ на землю, частью засыхаютъ внутри юколы, образуя нѣчто вродѣ шипка. Сушеную рыбу употребляютъ въ пищу обыкновенно безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій, но свѣжую предварительно варятъ; впрочемъ, головы, хрящи, а также мягкую рыбешку поѣдаютъ сырыми. Сырая рыба, видимо, составляетъ своего рода лакомство ороковъ. Забавно было видѣть, съ какой жадностью набрасываются они на это лакомство. Вотъ подъѣзжаетъ лодка съ грузомъ крупныхъ, только что пойманныхъ лососей. Оставшіеся дома мужчины, женщины, дѣти, словомъ, все наличное населеніе юрты высыпаетъ на берегъ и, забравъ по рыбинѣ, принимается дѣйствовать. У кого есть

ножъ, тотъ аккуратно вырѣзываетъ изъ головы или около плавниковъ хрящи и кусокъ за кускомъ тутъ же отправляетъ въ ротъ. Но всего компчнѣе расправляются съ этой закуской ребятишки, которыя еще не доросли до ножа. Обнявъ своими ручонками огромную еще живую рыбину, стоитъ такой карапузикъ и грызетъ ей голову. Лосось судорожно бьетъ хвостомъ своего мучителя; такъ и ждешь, что она сейчасъ свалитъ его на землю; а мальчишка съ вымазанной въ рыбьей крови мордочкой уписываетъ себѣ, словно котенокъ, запуская зубы какъ то бокомъ. Удивительно, какую дрянь могутъ ѣсть здѣшніе инородцы! Какъ вамъ понравится блюдо, которое на моихъ глазахъ очень часто приготовляла орочка сосѣдней юрты? Взять сырыя кишки тюленя, накрошить ихъ въ чашку, облить тюленьимъ жиромъ, перемѣшать съ ягодой и подать къ столу. Вотъ еще блюдо. Взять самую сухую юколу, откусить добрый кусокъ, пожевать и выплюнуть въ котелъ. Когда такимъ образомъ получится желаемое количество рыбы, облить ее тюленьимъ жиромъ и подать къ столу.

Единственный предметъ роскоши орокъ, если не считать соли, составляетъ табакъ, который они вымѣниваютъ на тюленьи шкуры у японцевъ, пріѣзжающихъ сюда ловить рыбу. Курятъ даже дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста. Тѣ же японцы снабжаютъ инородцевъ и водкой, хотя, по правдѣ сказать, пьяныхъ мы здѣсь не видали, можетъ быть, потому, что напитокъ этотъ и дорогъ, и плохъ.

Рыба, тюлени и собаки не только кормятъ орокъ, но и одѣваютъ ихъ. Мужчины и женщины носятъ костюмы изъ тюленьихъ шкуръ, а ребята рубашки изъ собачьяго мѣха, лѣтомъ шерстью вверхъ, а зимою шерстью внизъ. По одеждѣ да и по физіономіямъ оба пола мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. У мужчинъ, въ особенности, у молодыхъ, никакой растительности на лицѣ не полагается. Отъ женщинъ легче всего отличить ихъ по волосамъ на головѣ. У мужчинъ одна коса, а у женщинъ двѣ; старухи ходятъ растрепанными, какъ кіевскія вѣдьмы. Франтовъ-орокъ, въ зипунахъ изъ сѣраго арестантскаго сукна, здѣсь очень немного, можетъ быть, потому, что бѣглые рѣдко доходятъ до восточнаго берега острова; еще раньше гдѣ-нибудь въ серединѣ его, они дѣлаются добычей гиляковъ, если только не успѣютъ вернуться въ тюрьму. Изъ рыбьихъ кожъ орокн дѣлаютъ одѣяла и пеленки для дѣтей; тѣми же кожами завѣшиваютъ двери въ юртахъ; изъ нихъ же шьютъ паруса.

Лѣтнія юрты орокъ по своей формѣ очень напоминаютъ индѣйскіе вигвамы. Можетъ быть, этотъ типъ постройки занесенъ въ Америку изъ Восточной Сибири. Такая юрта имѣетъ видъ шалаша или крыши. Основа ея, состоящая изъ жердей, покрывается берестой или полотномъ изъ рыбьихъ кожъ; на конькѣ оставляется отверстіе для выхода дыма, а сбоку — для двери. Когда внутри такого помѣщенія горитъ костеръ, дымъ застилаетъ всю юрту до такой степени, что не видно присутствующихъ. Благодаря этому, большинство орокъ страдаетъ глазными болѣзнями. Въ Тро мы видѣли даже совершенно слѣпыхъ. Ремесленная дѣятельность здѣшнихъ инородцевъ заключается въ приготовленіи разныхъ предметовъ домашняго обихода: въ постройкѣ юртъ, лодокъ, шитьѣ обуви и одежды, причемъ вмѣсто нитокъ употребляются жилы тюленя, а вмѣсто иглы — рыбья кость. Я думаю, что Робинзонъ Крузе, когда онъ проживалъ на необитаемомъ островѣ и устраивалъ обстановку своего жилища, пользовался пріемами и орудіями, нисколько не менѣе совершен-

Лѣтняя юрта орока.

ными, нежели тѣ, которыя примѣняются здѣсь. Любопытно было видѣть, напримѣръ, какъ строилъ орокъ лодку. Тополевое бревно, видимо, взятое изъ выброшеннаго самой рѣкой лѣса, онъ предварительно выжегъ, насколько это, по его мнѣнію, было нужно. Какъ это онъ сдѣлалъ, я не видалъ, но, вѣроятно, по способу Робинзона, потому что никакихъ особыхъ приспособленій для этой цѣли нигдѣ у сахалинскихъ инородцевъ я не замѣтилъ. Затѣмъ началась египетская работа выдалбливанія лодки при помощи обыкновеннаго ножа и крошечнаго топорика, хотя и желѣзнаго, но по формѣ удивительно напоминающаго топоръ каменнаго вѣка. Эти инструменты, очевидно, приготовляются самими инородцами, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Амурскомъ краѣ, причемъ образцами, вѣроятно, служатъ топоры каменнаго періода, который эти инородцы, можно сказать, только что пережили. Антропологъ, который найдетъ впослѣдствіи современный желѣзный топоръ сахалинскаго орока или гиляка, будетъ совершенно правъ, если отнесетъ его къ вѣку промежуточному между каменнымъ и желѣзнымъ. Орокъ, о которомъ я началъ говорить, при насъ уже отдѣлывалъ лодку начисто и кончилъ эту отдѣлку не менѣе, какъ въ три недѣли; сколько-же онъ возился съ предварительной работой выжиганія и выдалбливанія бревна? Я думаю, что не менѣе полугода. Бортъ лодки онъ сталъ обивать тонкой планкой, которую приколачивалъ деревянными гвоздиками, причемъ отверстія въ планкѣ просверливалъ инструментомъ, ничѣмъ по существу не отличающимся отъ простого гвоздя. Вспомнивъ, что у меня въ запасѣ имѣются буравчики, я задумалъ было удивить дикаря этими, хотя и не слишкомъ свѣжими, но всетаки совершенно новыми для здѣшнихъ мѣстъ, плодами европейской цивилизаціи. Орокъ, дѣйствительно, былъ пораженъ быстротой, съ которой я просверлилъ буравомъ отверстіе въ первомъ попавшемся бревнѣ, но потомъ... лучше было-бы и не говорить, что было потомъ! Европейская цивилизація въ концѣ осрамилась, или, вѣрнѣе, осрамилъ ее я. Когда тѣмъ-же буравчикомъ я сталъ сверлить дырку въ планкѣ, той самой планкѣ, которую орокъ съ такимъ стараніемъ выстругивалъ ножичкомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, она вдругъ треснула и раскололась въ самомъ концѣ надвое. Бѣдный орокъ! Надо было видѣть грустное выраженіе, какое приняла его физіономія при видѣ такихъ результатовъ примѣненія европейской культуры. Я чувствовалъ себя еще хуже его. Чтобы загладить вину, я взялъ буравчикъ самаго маленькаго калибра и при его помощи вполнѣ благополучно и скоро просверлилъ таки отверстіе надлежащей ширины въ другомъ мѣстѣ планки, затѣмъ подарилъ оба буравчика пострадавшему ороку, прибавилъ еще горсти двѣ сухарей, пачушку табаку и, къ своему душевному облегченію, увидѣлъ, что его лицо прояснилось.

Семейныя отношенія орокъ, конечно, первобытны. Мужчины имѣютъ столько женъ, сколько кто можетъ прокормить. Въ Тро третья жена считается уже роскошью. За каждую жену матери ея уплачивается калымъ, состоящій по большей части изъ китайской или японской матеріи въ количествѣ около 30 аршинъ. Нельзя сказать, чтобы это было очень много, но въ обиходѣ сахалинскаго инородца такая плата достается цѣной многолѣтняго боя тюленя, на шкуры котораго вымѣнивается эта матерія. Мужчины ловятъ рыбу, бьютъ тюленей, а всѣ домашнія работы составляютъ обязанность женщинъ. Въ особенности работящи старухи: съ утра до вечера онѣ рѣжутъ рыбу, сдираютъ съ нея кожи, сшиваютъ ихъ, чинятъ юрты и, вообще, за чѣмъ-нибудь да копошатся.

Нечего и говорить, что сахалинскіе инородцы исповѣдуютъ самую первобытную религію, какая только существуетъ на землѣ. Они идолопоклонники-шаманисты. По ихъ представленію, каждая стихія, каждое выдающееся явленіе природы находится въ завѣдываніи особаго божества. Существуетъ, напримѣръ, богъ воды, который непремѣнно требуетъ, чтобы ему отдавали голову каждаго убитаго тюленя; поэтому намъ стоило большого труда добыть тюленій черепъ. Какая спеціальность божества въ образѣ медвѣдя, я не могъ узнать. Повидимому, это—завѣдующій тайгой. Въ особенности, я не могъ добиться объясненія, почему роки и гиляки пришли къ убѣжденію, что этому богу пріятно быть съѣденнымъ. Вѣроятно, просто потому, что онъ съѣдобенъ. Всякія житейскія невзгоды устраняются у орокъ очень простыми средствами. У кого болятъ зубы, тотъ носитъ на шеѣ оленій зубъ; чтобы вылечить хромую ногу, стоитъ только повѣсить на себя деревянное подобіе ноги. Надо замѣтить, что матеріально инородцы цѣнятъ своихъ боговъ ровно во столько, сколько они того заслуживаютъ. Когда мы выразили желаніе пріобрѣсть въ свою коллекцію нѣсколько орокскихъ боговъ, намъ натаскали ихъ цѣлый ворохъ, и тутъ же началась настоящая торговля этими деревянными небожителями. Гилякъ, знавшій немного по-русски и служившій у насъ переводчикомъ, сообщалъ при этомъ цѣны. „Одинъ большой богъ—два папушка (табаку); два маленькій богъ—три папушка, а вотъ этотъ богъ,—говорилъ онъ, показывая какую-то чурочку,—мало-мало сухарь, куси, куси“.

Обязанность шамана въ Тро исполняла женщина. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при ея священнодѣйствіяхъ, происходившихъ всегда въ юртѣ по вечерамъ, при свѣтѣ костра. Привязавъ предварительно на голову и на поясъ длинныя стружки и взявъ въ руки бубенъ съ изображеніемъ человѣческой рожи, она начинала причитать, сначала тихо; затѣмъ голосъ ея усиливался и, наконецъ, доходилъ до степени крика. Шаманка въ изступленіи вдругъ вскакивала на ноги и, нещадно ударяя въ бубенъ и продолжая вопить, принималась плясать вокругъ костра. Вся эта исторія тянулась не менѣе часа и кончалась только послѣ того, какъ изнеможенная шаманка падала на землю. Разъ какъ-то она священнодѣйствовала по поводу болѣзни мальчика. Я зашелъ въ юрту и, убѣдившись въ томъ, что больной находился въ агоніи, чрезъ переводчика предупредилъ объ этомъ родичей мальчика. Дѣйствительно, въ ту же ночь онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ у меня не было отбоя отъ больныхъ. Не только изъ Тро, но также изъ другихъ деревень являлись лихорадочные, слѣпые, хромые и всякіе другіе калѣки, даже бездѣтныя женщины, и каждый изъ нихъ просилъ помощи, причемъ каждый показывалъ мнѣ на карманъ моего жилета, гдѣ находились часы.

Сначала я недоумѣвалъ, что имъ нужно въ моемъ карманѣ; потомъ послѣ объясненія гиляка-переводчика, оказалось, что передъ тѣмъ, какъ сообщить о безнадежномъ положеніи больного мальчика, я поглядѣлъ на часы, что, конечно, было дѣломъ простого случая. Роки вообразили, что эта бѣлая штучка, издающая какіе-то странные звуки, и есть тотъ самый богъ, который или излечиваетъ больныхъ, или, если уже смерть не желаетъ отпустить своей жертвы, предупреждаетъ объ этомъ. Больные смотрѣли на меня съ такимъ безконечнымъ довѣріемъ, съ такой надеждой, что я, грѣшный человѣкъ, не въ силахъ былъ ихъ прогнать. Противъ всякаго моего желанія, они заставили меня шарлатанить. У меня было немного

хины, англійской соли и еще какой-то горькой безвредной дряни, и я принялся раздавать пріемы, кому что попадется. Результаты такого леченія оказались блестящими, судя по многочисленнымъ благодарностямъ, которыя я потомъ получилъ. У хромого отъ англійской соли поправлялись ноги, хина излечивала болѣзнь глазъ, а известковая вода ставила на ноги разбитаго ревматизмомъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣждены были сами больные. Послѣ этого случая мнѣ сталъ понятенъ успѣхъ знахарей, ворожей, заклинателей и всякихъ иныхъ вольныхъ или невольныхъ шарлатановъ. Кромѣ орокъ, въ Тро жилъ еще одинъ тунгузъ, пріѣхавшій сюда изъ Амурскаго края. Къ нашему изумленію, онъ оказался крещеннымъ. Однако исповѣдываніе христіанской вѣры выражалось у него исключительно только въ томъ, что онъ носилъ крестъ и, прежде чѣмъ выпить рюмку водки, снималъ шапку и крестился. Звали его Николаемъ, но у здѣшнихъ орокъ онъ былъ извѣстенъ подъ какимъ-то другимъ именемъ.

145. Шаманъ.

Несмотря на свои пожилые годы, Николай былъ холостъ. Онъ не имѣлъ здѣсь ни юрты, ни сѣтей для лова рыбы, у него не было даже собственной собаки. Все свое онъ носилъ съ собою. Поэтому меня очень интересовало, чѣмъ живетъ этотъ бобыль и какова его профессія. Въ одинъ прекрасный вечеръ это, наконецъ, выяснилось. Возвратившись какъ-то съ охоты, я забрался въ свой шалашъ и расположился было спать, какъ вдругъ услышалъ оглушительный гулъ шаманскаго бубна. Такъ какъ шаманы упражнялись здѣсь въ своемъ искусствѣ заклинанія боговъ не слишкомъ часто, я тотчасъ же отправился въ юрту, гдѣ происходило священнодѣйствіе. Шаманъ, закрывшись бубномъ, стоялъ у костра на противуположной сторонѣ отъ входа. На немъ было надѣто что то въ родѣ жилета, отъ котораго до полу свѣшивалась густая бахрома ремешковъ; къ тому же жилету былъ привязанъ хвостъ съ колокольчикомъ на концѣ. У костра стояли палочки съ навѣшанными на нихъ стружками, а рядомъ курились вѣтви лиственницы. Мотая головой и приплясывая, шаманъ кружился вокругъ костра, билъ въ бубенъ и оралъ во все горло. Особеннаго неистовства, впрочемъ, онъ не обнаруживалъ, а въ антракты даже покуривалъ трубку. Сначала за дымомъ костра и въ полутьмѣ юрты я не могъ разглядѣть физіономіи этого служителя орокскихъ боговъ. Но потомъ, когда дымъ нѣсколько разсѣялся, я увидалъ, кого бы вы думали?.. Николая. Впослѣдствіи

оказалось, что этотъ крещеный тунгузъ состоялъ въ Тро профессіональнымъ шаманомъ. Этимъ только онъ и существовалъ. Надо отдать ему справедливость: онъ стѣснялся шаманить при насъ. Все же въ его дикой головѣ мелькали, вѣроятно, проблески сознанія, что профессія шамана не совсѣмъ-то къ лицу доброму христіанину.

146. Тунгузъ.

Кромѣ гиляковъ, орокъ и тунгузовъ, на Сахалинѣ живетъ еще одно племя: айносы. Мнѣ не случалось ихъ видѣть, но объ нихъ не мало разсказывали ороки. Другіе обитатели восточной Азіи, включая сюда китайцевъ и японцевъ, или совсѣмъ лишены бороды, или имѣютъ жалкое подобіе ея. Айносы же бородаты и косматы, какъ русскіе мужики. Въ прежнее время это было довольно многочисленное племя; теперь же оно сохранилось только въ сѣверной Японіи, въ юго-восточ-

ной части Сахалина и на нѣкоторыхъ Курильскихъ островахъ. Но и здѣсь айносы быстро вымираютъ... Языкъ ихъ напоминаетъ японскій. По первобытности образа жизни айносы превосходятъ даже гиляковъ.

Близъ Тро стояли балаганы японцевъ, ловившихъ здѣсь рыбу. По договору 1875 г., въ силу котораго, въ обмѣнъ на Курильскіе острова, Японія передавала въ русское владѣніе южную половину Сахалина, японцы выговорили себѣ право въ теченіе 10 лѣтъ ловить безпошлинно рыбу на всемъ пространствѣ этого острова. Японцы очень усердно пользовались этимъ правомъ. Въ устье р. Тыми они пріѣзжали ежегодно на полтора мѣсяца, послѣ чего возвращались обратно въ Японію. Поперекъ всей рѣки они поставили забойку изъ сѣти; въ серединѣ забойки находился мѣшокъ изъ болѣе частой и крѣпкой сѣтки, куда рыба лѣзла сама. Въ теченіе мѣсяца ловли они нагрузили лососями нѣсколько морскихъ судовъ японской конструкціи и одну солидныхъ размѣровъ шкуну.

147. Айносы.

Рыба, горбуша и кета, принадлежащія къ семейству лососевыхъ, приготовляется японцами такъ же, какъ наша лососина, то есть, по способу сухого засола. Она очень похожа на лососину какъ по вкусу, такъ и по цвѣту мяса. Кета и горбуша составляютъ истинное богатство Сахалина, въ особенности, восточнаго его берега, куда впадаютъ самыя большія рѣки острова. Безъ большихъ затратъ, при помощи самыхъ простыхъ способовъ, здѣсь можно ловить эту рыбу въ огром-

номъ количествѣ. Сбывать ее можно въ Японію, гдѣ, какъ говорятъ, ею продовольствуются войска.

Японцы очень веселый, бойкій и работящій народъ. Ихъ румяныя, нерѣдко красивыя лица, отличаютъ ихъ отъ китайцевъ съ ихъ сѣрыми, скуластыми, отвратительными физіономіями. Въ своихъ шапкахъ, напоминающихъ дамскія шляпки съ полями, въ яркихъ разноцвѣтныхъ халатахъ, кучка японскихъ рыболововъ издали всегда представляла красивое зрѣлище.

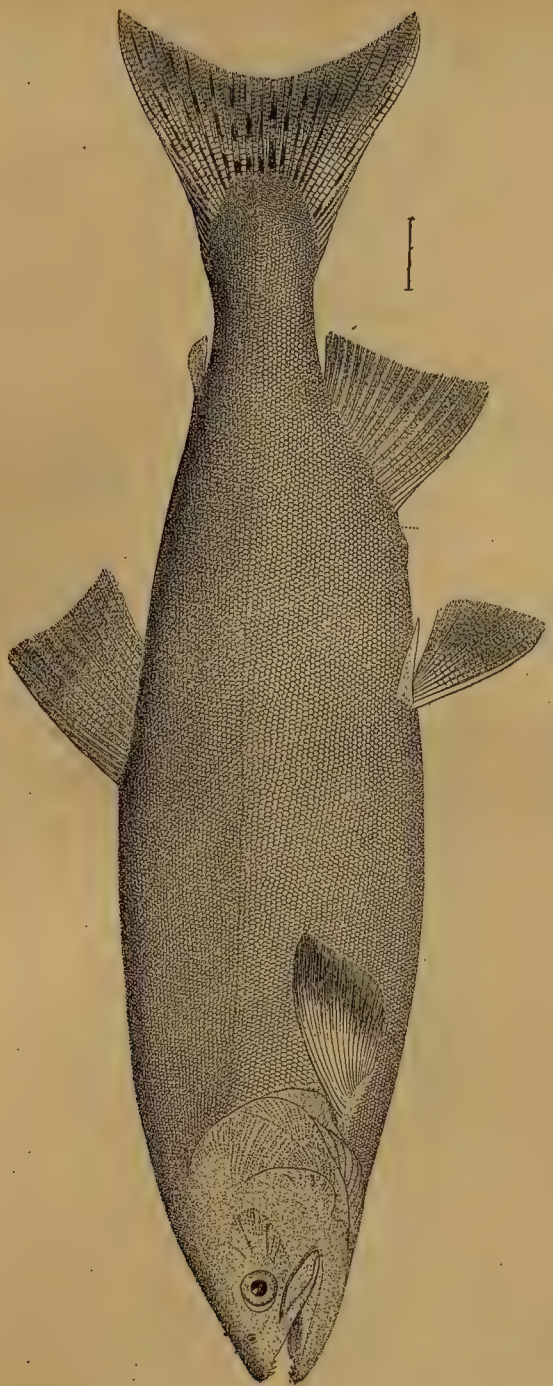
Въ настоящее время уже прошелъ срокъ, до котораго японцы могли безпошлинно ловить рыбу на Сахалинѣ. Теперь строго-на-строго запрещено ставить забойки въ низовьяхъ рѣкъ, такъ какъ подобныя загражденія не позволяютъ рыбѣ проходить вверхъ для метанія икры. Поэтому японцы стали ловить кету и горбушу въ морѣ близъ устьевъ рѣкъ. Въ морѣ же они ловятъ множество сельди, которая идетъ въ Японію на удобреніе полей.

Въ послѣднее время рыбнымъ промысломъ стали заниматься на Сахалинѣ и русскіе. Нашелся даже одинъ астраханецъ, который промѣнялъ Волгу на холодное сѣверо-японское море, омывающее западный берегъ острова.

Русскіе промышляютъ здѣсь еще морскую капусту, до которой такіе охотники китайцы. Капуста эта въ дѣйствительности представляетъ самую обыкновенную морскую водоросль, во множествѣ растущую близъ береговъ Сахалина.

Ороки и японцы отвлекли меня отъ описанія нашего путешествія по острову. Теперь я снова могу вернуться къ нему, тѣмъ болѣе, что я ничего еще не сказалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ устьѣ р. Тыми. Помокнувъ подъ дождемъ первую ночь, проведенную въ Тро, мы на другой же день построили себѣ шалашъ. Въ сравненіи съ нашимъ крошечнымъ парусиннымъ тентомъ, это былъ настоящій дворецъ, хотя въ немъ можно было только сидѣть или стоять на колѣняхъ. Основу изъ кольевъ и жердей шалаша мы покрыли травой, а сверху положили полотно изъ рыбьихъ кожъ. Почти все внутреннее пространство нашего помѣщенія было занято двумя нашими пологами; оставался только небольшой промежутокъ между ними, гдѣ можно было сидѣть. Какъ видите, невеликъ дворецъ; но какъ пріятно было находиться въ немъ, когда дождь собирался затопить всю вселенную, а холодный вѣтеръ съ Охотскаго моря пронизывалъ до костей всякаго, вышедшаго на „улицу“. И старались же здѣсь эти стихіи, въ особенности, небесная вода! Изъ пяти дней—четыре обязательно шелъ дождь, да и въ пятый приходилось ждать его съ минуты на минуту.

Несмотря на дожди, цѣлыми днями я бродилъ по тундрѣ, по болотамъ и озерамъ въ устьѣ Тыми и по берегу моря. На тундрѣ я ѣлъ морошку, стрѣлялъ бѣлыхъ куропатокъ и однажды, подползая къ кроншнепамъ, потерялъ часы, тѣ самые часы, которымъ я обязанъ былъ своей медицинской славой. На взморьѣ было множество дичи: утокъ, чирковъ, гусей, куликовъ, и я почти всякій разъ возвращался въ шалашъ съ полнымъ грузомъ, такъ что безъ малаго весь мѣсяцъ нашей жизни въ Тро мы питались свѣжей дичью. Особенно забавно было стрѣлять мелкихъ, какъ воробьи, куличковъ-песочниковъ, необыкновенно жирныхъ и не менѣе того вкусныхъ. Они держались огромными стаями по песчанымъ отмелямъ устья близъ моря. Вы подходите къ нимъ на выстрѣлъ безъ всякихъ предосторожностей, что называется, на чистоту, стрѣляете изъ одного ствола. Стая вспархиваетъ и, сдѣлавъ

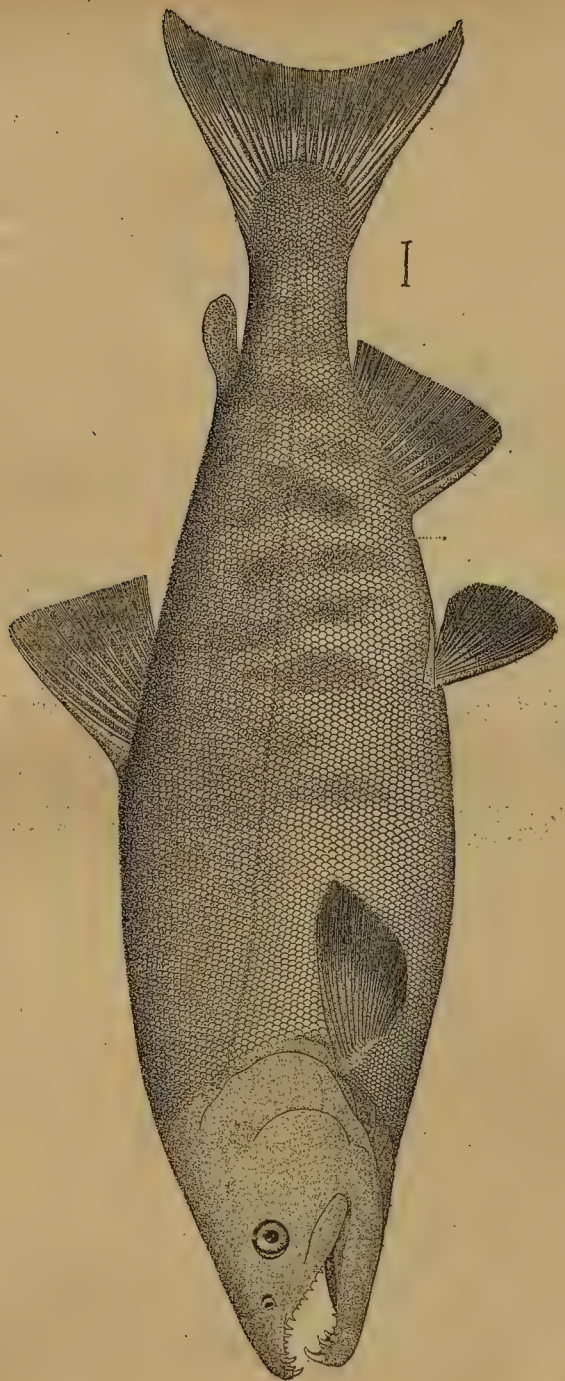


148. Горбуша.
(*Oncorhynchus gorbuscha Walb.*).

кругъ, опять садится на то же мѣсто къ убитымъ и раненымъ. Послѣ второго выстрѣла остается на мѣстѣ еще съ десятокъ куличковъ. Такимъ образомъ, въ короткое время мнѣ удавалось добыть столько этой дичи, что и наши рабочіе могли лакомиться ею.

На берегу моря было мало добычи, но я любилъ бродить тамъ. Грустное чувство навѣвалъ видъ этой холодной водяной пустыни, а что ни говорите, въ чувствѣ тихой грусти не мало какой-то особой притягивающей прелести. Только киты, цѣлыми стадами бороздившіе синюю поверхность воды, нѣсколько оживляли эту пустыню. Гоняясь за морскими тараканами, они подходили очень близко къ самому берегу, и я не разъ слышалъ ихъ тяжелые вздохи, въ то время, когда они выпускали свои фонтаны. Птицъ въ этой части Охотскаго моря немного. Изрѣдка гоняясь за рыбой, пронесется черный альботросъ, промчится чистикъ, или въ туманной дали блеснетъ бѣлое крыло чайки, блеснетъ и исчезнетъ. Кромѣ однообразнаго глухого шума волны, бѣлой пѣной разсыпающейся на пескѣ, на берегу моря вы не услышите почти никакого посторонняго звука. По цѣлымъ недѣлямъ вы не увидите въ морѣ ни паруса судна, ни дыма парохода. За все время нашей жизни въ Тро, мнѣ одинъ только разъ пришлось видѣть парусъ. Какъ крыло птицы, чуть видно мелькнулъ онъ на горизонтѣ, простоялъ немного и скрылся. „Кто бы онъ былъ“— невольно подумалось мнѣ. Можетъ быть, это американскій китобой съ командой головорѣзовъ, набранныхъ со всего свѣта; можетъ быть, русское военное судно, идущее за чѣмъ-нибудь въ Камчатку, а, можетъ быть, браконьерская шкуна, возвращающаяся съ Тюленьяго острова послѣ удачной охоты на нашихъ котиковъ.

Иногда мы дѣлали поѣздки на лодкѣ внизъ по Тыми до взморья. Какъ то разъ мы отправились вмѣстѣ съ ороками поглядѣть охоту на тюленей. Въ особенности интересно было видѣть въ дѣйствіи то удивительное по простотѣ орудіе, которымъ промышляютъ здѣсь этого всетаки довольно осторожнаго морского звѣря. Представьте себѣ тонкій гарпунъ, длиной никакъ не менѣе 20 саженъ. Конечно, онъ составленъ изъ нѣсколькихъ меньшихъ жердей, плотно скрѣпленныхъ другъ съ другомъ. Если взять такой гарпунъ за середину и поднять его на высоту трехъ человѣкъ, концы его изгибаются до земли; если же за концы приподнять его такъ высоко, какъ только возможно одному человѣку, то до земли свѣшивается середина. Вы, конечно, въ недоумѣніи, какъ можно дѣйствовать такимъ оружіемъ. Въ воздухѣ, безъ сомнѣнія, это немыслимо. Его волочатъ по поверхности воды, придерживая въ лодкѣ одинъ конецъ рукой. Для того, чтобы другой конецъ, на которомъ находится желѣзный зазубренный наконечникъ, не тонулъ, а также для того, чтобы было видно, гдѣ онъ находится, къ нему придѣлываютъ поплавокъ, въ видѣ полѣна. Когда гарпунъ находится въ водѣ, можно видѣть только это полѣно; все остальное, не исключая наконечника, скрыто подъ ея поверхностью. Тюлени не боятся поплавка, вѣроятно, признавая въ немъ одно изъ тѣхъ плавающихъ деревьевъ, которыя постоянно встрѣчаются на рѣкѣ и выносятся иногда далеко въ море. Медленно подплывая къ тюленю на лодкѣ и особымъ образомъ посвистывая, охотникъ подводитъ подъ него желѣзо гарпуна, и, когда это сдѣлано, вонзаетъ остріе въ тѣло животнаго. Тюлень начинаетъ метаться и стаскиваетъ наконечникъ съ шеста, но желѣзо оказывается привязаннымъ къ длинному ремню, конецъ котораго находится въ рукахъ промышленника. Тогда охотнику остается только под-

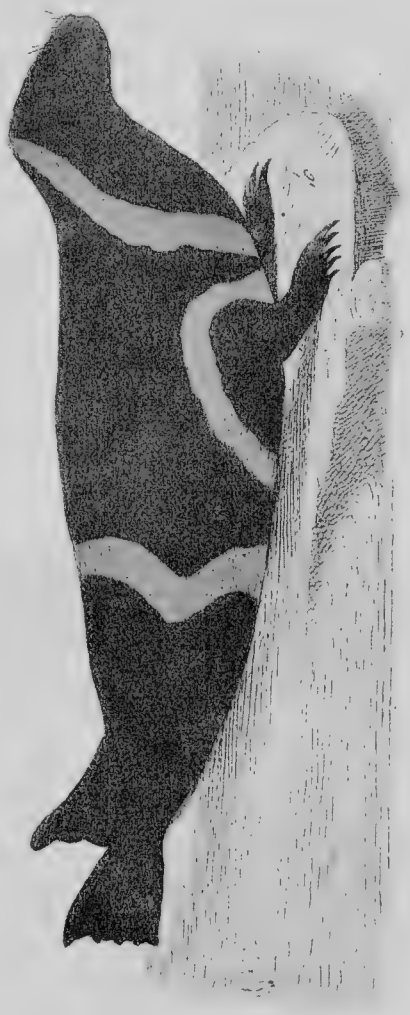


149. Кета.
(*Oncorhynchus keta Walb.*).

тянуть къ себѣ добычу и убить ее ударомъ дубинки по головѣ. Въ устьѣ Тыми когда мы пріѣхали туда съ ороками, было много тюленей. Подозрительно поглядывая на наши лодки, тамъ и сямъ выставляли они свои морды среди зеленоватой поверхности прозрачной воды. Нашиороки долгое время ничего не могли подѣлать съ осторожными животными; тѣ словно сговорились не подпускать насъ на разстояніе гарпуна и уплывали раньше, чѣмъ наконечникъ приближался къ ихъ тѣлу. Наконецъ, удалось таки перехитрить одного такого звѣря. Орокъ ткнулъ его въ бокъ, тюлень судорожно метнулся, но увы!.. и тутъ неудача: наконечникъ оказался пустымъ, хотя и соскочилъ съ древка. Очевидно, онъ вонзился слабо; животное было ранено и сорвалось. Дальнѣйшія покушенія орокъ на жизнь тюленей точно также ни къ чему не привели. Тогда я вынулъ изъ чехла свою берданку и принялся палить по головамъ звѣрей, такъ упорно не желавшихъ попасть къ намъ въ лодку. Пальба, повидимому, не производила на нихъ особаго впечатлѣнія. Правда, сейчасъ послѣ выстрѣла тюлень скрывался подъ водой, но вскорѣ появлялся тутъ же гдѣ нибудь по близости и, видимо, съ любопытствомъ поглядывалъ на лодку своими подслѣповатыми глазами. Откуда, дескать, этотъ неслыханный громъ!.. А я все палилъ, да палилъ, между тѣмъ какъ гладкая поверхность воды предательски обнаруживала мои пуделя. При крошечной цѣли, да еще на орокской вертлявой лодкѣ, выстрѣлы давали плохіе результаты, или, вѣрнѣе, никакихъ, если не считать нѣсколькихъ пуль, перескочившихъ изъ моихъ патроновъ на дно Ныйскаго залива. Тѣмъ временемъ началъ накрапывать дождь, уже давно обѣщавшій доставить намъ обычное здѣшнее удовольствіе; скоро онъ превратился въ ливень. Гладкая до того поверхность залива приняла видъ терки, обращенной шероховатой стороной вверхъ.

Ороки, втянувъ голову и поджавъ къ самому подбородку ноги, дѣлали попытки превратиться въ шаръ, а я съ видомъ человѣка, которому всякій дождь ни почемъ, надѣлъ свой кожанъ. Хорошая, повидимому, вещь этотъ кожанъ, но для того чтобы онъ служилъ, какъ слѣдуетъ, вамъ необходимо быть въ нѣкоторомъ родѣ гидротехникомъ, да и въ этомъ случаѣ вы не всегда можете разсчитывать остаться сухимъ. При сильномъ дождѣ по поверхности кожана начинаютъ течь настоящіе ручьи, и вы должны расположить складки его такъ, чтобы вода изливалась туда, куда это вамъ нужно. Положимъ вамъ удалось достичь этого. Вы сидите въ лодкѣ и съ кислымъ выраженіемъ, какое принимаетъ всегда физіономія человѣка, уже давно поливаемаго дождемъ, смотрите, какъ съ вашего тѣла стекаютъ потоки и благополучно спускаются на дно лодки. Но вы устали сидѣть въ одной позѣ, дѣлаете маленькое движеніе, чтобы поправиться, а тѣмъ временемъ ручей перемѣняетъ свое русло и, вмѣсто дна, начинаетъ изливаться вамъ въ сапогъ. Бываетъ и такъ: на нашемъ загорбкѣ, въ широкихъ складкахъ кожана, невидимо для васъ, уже давно образовалось озеро; вы повернули голову, а оно выступило изъ береговъ и водопадомъ стало низвергаться вамъ прямо за воротъ. Словомъ, если усѣлся удобно, такъ и сиди неподвижно, какъ куль; а такъ какъ это не всегда и не всякому удается, то намъ оставалось ѣхать и мокнуть. Ороки мокли равномѣрно, а мы только мѣстами. Между тѣмъ тюлени, словно насмѣхаясь надъ нами, выставляли свои морды близъ самой лодки, и мнѣ казалось, что они лукаво подмигивали однимъ глазомъ. Навѣрно, они показали бы намъ носъ, если бы имѣли для этого необхо-

димыя приспособленія на своихъ кожистыхъ лапахъ. Удивительно, какъ не везетъ мнѣ на охотѣ за звѣремъ. Дня черезъ два тѣ же ороки отправились на промыселъ въ то же мѣсто, съ тѣмъ же гарпуномъ и на тѣхъ же лодкахъ; недоставало только насъ. И что же! Они привезли четыре тюленя. Между ними былъ одинъ очень рѣдкой оригинальной породы, водящейся только въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ. Это такъ называемый охотскій тюлень или крылатка. По свѣтлому фону вокругъ переднихъ лапъ и вокругъ шеи у него тянется широкая, ясно очерченная полоса, какъ будто бы въ этихъ мѣстахъ шерсть его обшита тесьмой.



150. Охотскій тюлень или крылатка. (*Phoca equestris Pall.*).

Весной во время хода сельди къ берегамъ острова большими стадами подходятъ сивучи или морскіе львы. По внѣшнему виду они болѣе всего походятъ на тюленя, отъ котораго однако рѣзко отличаются тѣмъ, что на землѣ могутъ опираться не только на переднія, но и на заднія лапы, тогда какъ тюлени волочатъ ихъ. Кромѣ того, сивучъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше самаго крупнаго тюленя. Кричитъ онъ такъ громко, какъ никакой другой морской звѣрь. Когда нѣсколько сотъ морскихъ львовъ, всѣ сразу начинаютъ свой оглушительный концертъ, ихъ слышно, по крайней мѣрѣ, за двѣ версты. Гиляки мало охотятся за сивучами, такъ какъ для этого у нихъ нѣтъ подходящихъ орудій, но они никогда не упускаютъ случая попользоваться мясомъ мертвыхъ звѣрей, которыхъ не мало выбрасываетъ на берегъ морская волна.

Ближайшіе родственники сивуча морскіе котики сравнительно рѣдко выходятъ на берегъ Сахалина. Но ихъ очень много бываетъ на небольшомъ островкѣ Тюленьемъ, расположенномъ недалеко отъ Сахалина. Здѣсь бьютъ ихъ въ большомъ количествѣ въ то время, когда они выходятъ на сушу. Чтобы отрѣзать котикамъ отступленіе къ морю, промышленники длинной цѣпью располагаются вдоль самаго берега, а затѣмъ гонятъ беззащитныхъ звѣрей въ глубь острова и тамъ бьютъ

дубинами на выборъ. Убиваютъ только молодыхъ самцовъ. Самокъ оставляютъ на приплодъ, а старыхъ самцовъ не трогаютъ по той причинѣ, что шерсть ихъ слишкомъ груба.

Въ прежнее время у береговъ Сахалина водился самый дорогой изъ пушныхъ звѣрей, морская выдра, неправильно называемая камчатскимъ бобромъ. По словамъ стариннаго японскаго писателя Маміо-Ринзо, жители острова Сахалина, отправляясь на Амуръ, брали съ собой шкуры морской выдры для подарковъ манджурцамъ. Теперь же этотъ драгоцѣнный звѣрь извѣстенъ обитателямъ острова только по названію. Онъ водится еще по берегамъ Камчатки, но и тамъ становится большой рѣдкостью, такъ что въ недалекомъ будущемъ его придется исключить изъ списка существующихъ животныхъ.

Весной вслѣдъ за рыбой въ р. Тыми, а также въ другія рѣки восточнаго берега острова входятъ бѣлухи, крупные совершенно бѣлые дельфины. Они поднимаются въ рѣку еще подо льдомъ, для чего пользуются временемъ отлива, когда между льдомъ и поверхностью воды образуется промежутокъ. Гиляки разсказывали намъ, что, стоя на льду въ это время, часто случается слышать вздохъ бѣлухи подъ самыми ногами. Даже при своихъ первобытныхъ орудіяхъ сахалинскіе инородцы бьютъ тогда бѣлухъ въ большомъ количествѣ.

Случается также, что и китъ дѣлается добычей гиляковъ, когда, увлекшись погоней за рыбой, садится на мель. Чаще же всего эти исполины животнаго царства достаются инородцамъ мертвыми. Это тѣ самые киты, которыхъ ранили, но не могли изловить американскіе китобои.

4-го сентября исполнился мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ мы прибыли въ Тро. Въ воздухѣ уже чувствовалась осень. Ходъ рыбы прекратился, японцы снимали свою забойку и собирались домой. За ними и здѣшніе ороки должны были переселиться въ свои зимнія юрты, стоявшія гдѣ то въ лѣсу. Наступили холодные дни, а, въ особенности, ночи. Никто не могъ поручиться за то, что не нынче—завтра пойдетъ снѣгъ. И то ужъ сегодня за ночь выпалъ иней, и замерзла вода въ лужахъ. Приходилось думать о возвращеніи на западный берегъ острова, туда, гдѣ есть русскіе люди и человѣческія жилища получше нашего шалаша и орокской юрты. На Сахалинѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ искусственно проведенныхъ дорогъ, стало быть, въ большей части острова, существуютъ три способа путешествій. Зимой на собакахъ, лѣтомъ—на лодкахъ по рѣкамъ и пѣшкомъ по медвѣжьимъ тропинкахъ. До саннаго пути, который въ тайгѣ устанавливается только тогда, когда выпадетъ снѣгъ слоемъ около аршина, мы не разсчитывали оставаться: для этого у насъ не хватило бы провизіи. Съ нашимъ багажемъ, состоявшимъ теперь, главнымъ образомъ, изъ коллекцій, нечего было и думать о путешествіи пѣшкомъ. Оставалось возвращаться отсюда тѣмъ же путемъ, какимъ мы прибыли сюда, т. е., по Тыми на лодкахъ. Признаться сказать, долгое время мнѣ казалось это совершенно невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо-ли было карабкаться вверхъ по тѣмъ порогамъ, по которымъ мы спускались сюда мѣсяцъ тому назадъ. Казалось, что это доступно однимъ только лососямъ. Но здѣшніе ороки безъ малѣйшихъ колебаній брались доставить на своихъ долбенкахъ и насъ, и багажъ хоть до самаго истока рѣки.

Сколько верстъ проплыли мы по Тыми отъ Дербина до Тро, не измѣрила бы

151. Сивучи или морскіе львы.
(*Otaria Stelleri*).

и старуха своей клюкой. Мы считали около 350 верстъ; но, можетъ быть, ихъ было 450, можетъ быть, 250. Достовѣрно было извѣстно, что верстъ этихъ не мало; столь же достовѣрно мы знали, что намъ не найти другого способа добраться до Дербина, кромѣ того, который предлагали ороки. Поэтому, обсудивъ всѣ обстоятельства, мы стали готовиться въ путь. Все лишнее было брошено, а кунгасъ, нашъ многострадальный кунгасъ, вмѣстѣ съ лодками мы вытащили на берегъ, предоставивъ ихъ здѣсь самимъ себѣ. Навѣрно, они стоятъ тамъ до сего времени и служатъ орокамъ если не предметомъ поклоненія, то средствомъ излеченія отъ всевозможныхъ болѣзней. На память о пребываніи въ Тро, близъ шалаша мы поставили крестъ съ приличной надписью, вырѣзанной на оленьемъ рогѣ. Рабочіе, рывшіе яму для креста, всего на глубинѣ одного аршина наткнулись на мерзлую почву. Очевидно, это была вѣчная мерзлота, т. е., тотъ слой земли, который не таялъ въ теченіе всей современной геологической эпохи. Вѣчную мерзлоту мы находили также на западномъ берегу острова, близъ Дуэ, съ той только разницей, что тамъ она залегала на большей глубинѣ.

Пятаго числа былъ назначенъ отъѣздъ. Рано утромъ пришли три нанятыя нами орокскія долбенки, хозяева которыхъ взялись доставить насъ до гиляцкаго селенія Ад-тымово, гдѣ мы могли нанять новыя лодки. Когда всѣ вещи были уложены, и рабочіе усѣлись по своимъ мѣстамъ, я пошелъ въ послѣдній разъ взглянуть на нашъ бывшій бивуакъ. Растерзанный шалашъ печально глядѣлъ на меня своимъ входнымъ отверстіемъ. Рыбья кожа была снята и трава, покрывавшая его крышу, длинными нитями свѣшивалась внизъ. Казалось, это были слезы, которыя проливало наше жилище, разставаясь съ тѣмъ, кого цѣлый мѣсяцъ защищало отъ дождя и вѣтра. Говоря по правдѣ, мнѣ жаль было оставлять наше пепелище. Всякая мелочь въ грудѣ брошеннаго мусора напоминала мнѣ какой-нибудь эпизодъ нашей жизни въ Тро, богатой впечатлѣніями и полной своеобразной прелести. Вотъ крыло кулика, которое я по неосторожности оторвалъ, снимая съ птицы шкурку. Вотъ кочка, на которой я такъ часто сидѣлъ, занося въ книгу впечатлѣнія дня, или просто глядя, какъ орокскіе ребятишки, словно котята, валялись въ травѣ. Тутъ же валяются остатки тюленьихъ шкуръ, изъ которыхъ намъ сшили здѣсь нѣчто вродѣ пальто. Вотъ голова гуся, убитаго мной подъ проливнымъ дождемъ на взморьѣ. Повидимому, и жалѣть нечего. А какъ подумаешь, что все это видишь въ послѣдній разъ въ жизни, право, становится грустно.

Въ полдень, наконецъ, мы выѣхали. Орокъ, сидѣвшій на кормѣ моей лодки, затянулъ пѣсню, монотонную и печальную, какъ сама природа его родины. Мотивъ пѣсни, очевидно, заимствованъ у вѣтра, когда онъ, пробираясь сквозь вѣтви елей, начинаетъ выть и стонать. Какъ вой вѣтра, пѣснь орока по временамъ вдругъ прерывалась, затѣмъ съ новой силой раздавались тѣ же звуки, плачущіе и тоскливые до боли. О чемъ пѣлъ орокъ, Богъ его знаетъ; можетъ быть, о трубкѣ, которую курилъ. Я не думаю только, чтобы онъ самъ испытывалъ тѣ же грустныя чувства, какія навѣвала на насъ его пѣсня. Онъ просто пѣлъ и стоналъ, какъ поютъ морскія чайки, когда съ крикомъ, похожимъ на плачъ, онѣ вьются надъ бѣлой пѣной прибоя, или какъ стонутъ кулики, бѣгающіе по песчаной отмели моря. Всѣ эти пѣвцы учились своему искусству у однихъ и тѣхъ же учителей: у вѣтра и волнъ.

Первый день мы шли на веслахъ, такъ какъ теченіе Тыми въ низовьяхъ до-

152. Морской котикъ.
(*Otaria ursina*).

вольно слабо. Однако я почти ничего не сказалъ о гиляцкихъ и орокскихъ лодкахъ, которыя осмѣливаются состязаться съ лососями въ быстротѣ плаванія, а потому стоятъ того, чтобы удѣлить имъ больше вниманія. Лодки эти очень походятъ на долбленыя колоды, изъ которыхъ у насъ поятъ скотину, съ тою только разницей, что имѣютъ болѣе тонкія стѣнки. Какъ у колоды, оба конца ихъ имѣютъ одинаковую форму и, какъ колода, онѣ узки. Когда вы сидите на днѣ лодки, оба борта ея приходятся вамъ подъ мышками, поэтому грести приходится по очереди то правымъ, то лѣвымъ весломъ. Нечего и прибавлять, что такая долбенка отличается необыкновеной вертлявостью. Безъ помощи орокъ мы не рѣшались садиться въ лодку и, навѣрно, перевернули бы ее вверхъ дномъ, если-бы залѣзли туда одни. Когда мы шли на веслахъ, равновѣсіе поддерживалось веслами; въ быстрыхъ мѣстахъ орокн не позволяютъ лодкѣ перевернуться, опираясь въ дно шестами. Несмотря на вертлявость, эти душегубки могутъ ходить и парусомъ. Для этого, при помощи жердей и ремней, ихъ связываютъ попарно, поставивъ бокъ о бокъ другъ около друга. Такая система лодокъ съ парусомъ изъ рыбьихъ кожъ мчится по вѣтру, какъ стрѣла, и не боится даже открытаго моря. При своихъ небольшихъ размѣрахъ орокскія долбенки могутъ поднимать много груза. Въ три лодки умѣстились весь нашъ багажъ, весь составъ экспедиціи въ числѣ 7 человѣкъ и еще 6 орокъ. Уже къ вечеру мы увидѣли лѣсъ, сначала мелкій, затѣмъ все болѣе крупный; на ночевку мы остановились въ дремучей тайгѣ. Хотя небольшіе клочки тундры попадались на низменныхъ мѣстахъ еще и на слѣдующій день, однако они были окаймлены сплошнымъ кольцомъ лѣса. Лѣсъ начиналъ давить все окружающее, карабкался на вершины горъ, лѣпился на отвѣсныхъ утесахъ, выдвигался въ воду и, казалось, собирался запрудить всю рѣку. Всюду были видны слѣды хозяина лѣса,—медвѣдя. Ими былъ покрытъ весь прибрежный песокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы разбили свой лагерь. Тутъ же виднѣлись оттиски копытъ сѣвернаго оленя, слѣды гусиныхъ лапъ, перья, отпечатки ногъ какого-то маленькаго звѣрька, должно быть, соболя: словомъ, цѣлый животный міръ побывалъ здѣсь незадолго до нашего появленія и скрылся. Только рябчики, большими семьями сидѣвшіе на прибрежныхъ ивахъ, могли бы сказать намъ, куда кто спрятался, но они сидѣли и свистѣли, изъ чего мы могли понять только, что были, дескать, да сплыли. Солнце еще не сѣло и я, пользуясь медвѣжьими тропами, попытался было проникнуть въ тайгу, въ это убѣжище всякаго звѣря; но кончилъ тѣмъ, что заплутался. Я забрелъ такъ далеко, что мои выстрѣлы едва были слышны товарищамъ на бивуакѣ. Къ счастью, они догадались о значеніи моей нещадной пальбы и отвѣчали тоже выстрѣлами. Благодаря этому, я добрелъ до стана.

На другой день до самаго вечера мы шли еще на веслахъ, и до самаго вечера насъ сопровождали тюлени, вошедшіе въ рѣку вслѣдъ за рыбой. Таже рыба привлекла сюда великолѣпныхъ морскихъ орловъ, которыхъ раньше мы здѣсь не встрѣчали; они болѣе всего походятъ на нашихъ орлановъ—бѣлохвостовъ, но крупнѣе ихъ и отличаются бѣлой, какъ снѣгъ, головой и столь же бѣлой спиной.

Солнце провожало насъ почти ровно два дня. Вечеромъ на второй день пути, прежде чѣмъ спрятаться за лѣсомъ, оно задернулось тучами; тучи расползлись по всему небу, и на мѣстѣ второй ночевки насъ засталъ дождь. Вскорѣ онъ перешелъ въ ливень. Ороки, не долго думая, построили себѣ изъ рыбьихъ кожъ нѣчто вродѣ

153. Морская выдра или камчатский бобръ.
(*Enhydris marina.*).

юрты, къ нимъ же пристроились наши рабочіе съ надзирателемъ, а мы съ гордымъ и непреклоннымъ видомъ полѣзли въ свои кисейные пологи, поставленные подъ крошечнымъ парусиннымъ тентомъ. Дождь лилъ всю ночь. На утро наши люди были совершенно сухи, а мы встали въ намокшихъ кожанахъ, съ мокрыми волосами и со струйками воды на лицѣ. Такъ наказывается ложная гордость.

Подъ дождемъ мы сѣли въ лодки, чтобы продолжать путь. Въ этотъ день спокойная часть рѣки была пройдена. Начались перекаты и пороги. Дожди послѣднихъ дней замѣтно прибавили воды въ Тыми, отчего она сдѣлалась глубже; зато теченіе выиграло въ своей стремительности. Вотъ тутъ надо было видѣть въ дѣйствіи орокскія лодки и самихъ орокъ, чтобы оцѣнить и тѣхъ, и другихъ по достоинству. Съ шумомъ, каскадами, рѣка прыгаетъ по каменистому руслу; изъ подъ шестовъ нашихъ орокъ силой теченія выхватывается потревоженная галька и съ шорохомъ катится внизъ; а мы, хотя и толчками, плывемъ себѣ вверхъ, на удивленіе лососямъ, которые вмѣстѣ съ нами стремятся на встрѣчу сердитой рѣкѣ. Въ быстрыхъ мѣстахъ ороки управляются слѣдующимъ образомъ. Стоя одинъ на кормѣ, другой на носу, они начинаютъ толкаться, причемъ въ то время, когда передній заноситъ шестъ, другой, упираясь въ дно рѣки, поддерживаетъ лодку и не позволяетъ ей скатиться внизъ; затѣмъ роли мѣняются. Стоитъ только на одну секунду предоставить лодку самой себѣ, и ее относитъ на нѣсколько саженъ. Такъ плыли мы, или, вѣрнѣе, карабкались вверхъ по рѣкѣ.

На одномъ крутомъ поворотѣ, когда наша маленькая флотилія быстро завернула за мысокъ, въ прибрежной рощѣ мы замѣтили дымъ. Отъ костра юркнули въ разныя стороны три человѣческія фигуры и мигомъ скрылись за деревьями. „Варнакъ!“ — крикнулъ передовой орокъ, указывая туда рукой, и дѣйствительно, это были бѣглые каторжники, испугавшіеся нашего появленія. Теперь имъ раздолье въ тайгѣ, въ особенности, по берегу рѣки; ягодъ и грибовъ сколько угодно, а рыбу, множество крупныхъ лососей, можно было поймать въ короткій срокъ голыми руками.

На Сахалинѣ, также какъ и всюду на побережьи Восточной Сибири, въ жизни рыбъ наблюдается замѣчательное явленіе, получившее отъ нашего знаменитаго изслѣдователя Сибири, Миддендорфа, названіе „хода до смерти“. Въ концѣ лѣта лососи различныхъ породъ, на Сахалинѣ, по преимуществу, кета и горбуша, входятъ изъ моря и рѣки для метанія икры. Огромными густыми стаями онѣ поднимаются далеко вверхъ, преодолѣвая самое быстрое теченіе, взбираются на пороги, даже водопады, стремясь все выше и выше, иногда на тысячи верстъ, къ самымъ истокамъ. Здѣсь гдѣ нибудь въ маленькихъ озерцахъ или затонахъ съ чистой и холодной водой, онѣ мечутъ икру. Путешествіе по рѣкамъ не обходится рыбѣ даромъ. Вслѣдствіе сильнаго напряженія мускуловъ при странствованіи противъ быстраго теченія, вслѣдствіе безкормицы въ теченіе всего времени хода, она изнуряется, тощаетъ; самый видъ ея измѣняется до неузнаваемости: кожа покрывается мелкими бугорками, напоминающими сыпь; на чешуѣ появляются ярко красныя пятна; а у самцовъ на челюстяхъ выростаютъ крючки, располагающіеся такъ, что ротъ остается постоянно открытымъ. Вслѣдствіе исхуданія, мясо рыбы становится сухимъ, дряблымъ и, вмѣсто обычнаго для лососей розоваго цвѣта, дѣлается бѣлымъ; чѣмъ выше по рѣкѣ, тѣмъ въ большей степени обнаруживается истощеніе рыбы.

Гиляки въ лодкѣ

Въ то время, какъ въ устьѣ Тыми на японской рыбалкѣ ловились прекрасные, очень жирные лососи, въ концѣ третьяго дня нашего плаванія по рѣкѣ уже стали попадаться полумертвые экземпляры. Они уже не могли сопротивляться даже слабому теченію. Выставивъ спинной плавникъ изъ воды, ткнется такой изнуренный лосось гдѣ-нибудь въ песокъ около самаго берега или за карчей, и стоитъ неподвижно, какъ снулый. Вы можете взять его въ руки, и онъ не въ силахъ сопротивляться. Весломъ вы выдвинете рыбу подальше отъ берега и она, какъ мертвая, скатывается внизъ по теченію, не будучи въ состояніи подплыть снова къ берегу. Съ каждымъ днемъ нашего пути такихъ лососей попадалось все больше и больше. Нерѣдко мнѣ приходилось видѣть небольшіе затончики съ чистой, какъ хрусталь, водой, гдѣ эти рыбы мечутъ икру. Тамъ она буквально кишѣла. Однимъ выстрѣломъ изъ револьвера я убилъ здѣсь пару крупныхъ горбушъ. Икрометаніе окончательно добиваетъ рыбу. Послѣ него лососи погибаютъ; изъ всей той массы, какая входитъ въ рѣку, ни одна не возвращается назадъ. Молодые лососки въ тотъ же годъ скатываются въ море. Онѣ поднимутся въ рѣку только взрослыми, чтобы, подобно предшественникамъ, окончить здѣсь свое существованіе.

На пятый день нашего плаванія вверхъ по Тыми оба берега рѣки непрерывной полосой были густо усѣяны трупами рыбъ, издававшими зловоніе. Вотъ этими-то полумертвыми лососями и питаются въ началѣ осени бѣглые каторжники. Ради той же рыбы изъ глубины тайги на рѣку являются медвѣди. Раннимъ утромъ они выходятъ на берегъ и занимаются легкимъ промысломъ. Благодаря обилію добычи, медвѣдь уже не ѣстъ самаго мяса лососей: онъ лакомится только ихъ головами, бросая все остальное на берегъ. Среди массы мертвыхъ рыбъ мы постоянно находили ихъ трупы съ объѣденными головами. До какой степени велико количество медвѣдей, прикормившихся къ этой пищѣ, показывали слѣды ихъ, отпечатанные на прибрежномъ пескѣ. Мѣстами берегъ былъ истоптанъ ими сплошь безъ всякихъ перерывовъ на разстояніи по крайней мѣрѣ 60 — 70 верстъ. На мѣстѣ четвертой ночевки рано утромъ, едва только стало разсвѣтать, мы проснулись, разбуженные однимъ изъ нашихъ рабочихъ. „Баринъ, медвѣдь!“ — говорилъ онъ, какъ только могъ тихо. Какъ ошпаренные, выскочили мы изъ пологовъ, схватили берданки и стали смотрѣть по тому направленію, куда указывалъ рабочій. Дѣйствительно, на той сторонѣ рѣки около самой воды медленными шагами, съ развальцемъ, пробирался медвѣдь. По временамъ онъ останавливался, схватывалъ рыбу и, откусивъ ей голову, лѣниво продолжалъ путь. Положивъ винтовки на колья нашихъ пологовъ и выждавъ, когда звѣрь вышелъ прямо противъ насъ, по командѣ мы выстрѣлили разомъ. Медвѣдь заревѣлъ, схватился за бокъ, затѣмъ метнулся въ сторону, неловко вскарабкался на прибрежный обрывъ и скрылся въ лѣсу. „На лодку!.. на ту сторону!...“—таково было общее желаніе. Ороки бросились за шестами, а я тутъ только замѣтилъ, что босыми ногами стоялъ на покрытой пнеемъ травѣ. Натянувъ кое-какъ на босую ногу охотничьи сапоги, я вскочилъ въ лодку и не болѣе, какъ чрезъ двѣ минуты, мы были на томъ мѣстѣ, гдѣ медвѣдь вскарабкался на берегъ. Здѣсь отъ самой воды до обрыва тянулась дорожка крови. Отъ края обрыва начинался густой кустарникъ шиповника, по которому по всевозможнымъ направленіямъ были проложены медвѣжьи тропы. Побродивъ съ часъ по этимъ тропамъ, мы не нашли никакихъ признаковъ раненаго звѣря, и убѣдились только въ томъ, что если медвѣдь

и лежитъ гдѣ-нибудь мертвымъ, то надо наступить на звѣря, чтобы увидѣть его: до того густъ былъ кустарникъ. Такъ какъ наступить на медвѣдя намъ не удалось, мы вернулись ни съ чѣмъ.

На медвѣжьихъ тропахъ, по которымъ мы только—что бродили, ходить далеко не безопасно, такъ какъ гиляки и орокп ставятъ здѣсь свои ловушки и капканы. Хорошо еще, если вы попадете въ медвѣжью яму. Два три синяка, испугъ отъ неожиданности паденія—вотъ все, что грозитъ вамъ въ этомъ случаѣ. Изъ ямы выбраться возможно даже безъ помощи товарища, хотя и не безъ нѣкоторыхъ хлопотъ. Но если вы нарветесь на капканъ, приключеніе можетъ окончиться очень печально. Наиболѣе употребительный у сахалинскихъ инородцевъ капканъ на медвѣдя имѣетъ видъ огромнаго лука со стрѣлой такой длины, что ею можно проткнуть трехъ человѣкъ, стоящихъ рядомъ. Настороженный лукъ тщательно прячутъ въ кустахъ, а отъ тетивы, поперекъ медвѣжьей тропы, на высотѣ груди звѣря проводятъ тонкую сторожевую струну. Среди вѣтвей кустарника, склоняющихся другъ къ другу черезъ тропинку, нѣтъ никакой возможности замѣтить этой струны; поэтому медвѣди очень часто находятъ здѣсь преждевременную кончину. Говорятъ, что вмѣсто медвѣдей нерѣдко попадаются бѣглые каторжники. Я этому вѣрю, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нашихъ рабочихъ чуть-чуть не влетѣлъ въ такой капканъ и спасся только благодаря тому, что шелъ вмѣстѣ съ орокомъ. Чутье ли предостерегло этого сына тайги, или ему извѣстно было, что здѣсь настороженъ лукъ, только онъ предупредилъ рабочаго какъ разъ во время. Еще два-три шага, и тотъ наткнулся бы на струну.

Съ 8-го на 9-е число мы остановились на ночевку около гиляцкой бревенчатой зимней юрты, одиноко стоявшей на берегу. Войдя внутрь ея, мы нашли тамъ полное хозяйство гиляцкой семьи, именно: нѣсколько тюленьихъ шкуръ на голой землѣ, котелъ, два берестяныхъ ведерца и какой-то неопредѣленнаго назначенія скарбъ. На земляномъ возвышеніи пола находился, повидимому, недавно погасшій костеръ. Но жителей въ этой юртѣ не оказалось ни единой души. Ушли ли они на промыселъ, или ихъ перерѣзали бѣглые каторжники, такъ и осталось намъ неизвѣстнымъ. По праву странниковъ, да еще странниковъ подъ дождемъ, мы расположились ночевать въ этомъ пріютѣ, а на слѣдующій день, въ вознагражденіе за самовольный постой, оставили въ ней двѣ папушки табаку, въ томъ разсчетѣ, что хозяева, можетъ быть, живы и когда-нибудь вернутся домой. Слѣдующую ночь мы провели въ настоящей деревнѣ гиляковъ, состоящей изъ трехъ юртъ. Такъ какъ дождь не собирался орошать мокрую землю, а въ юртахъ было и дымно, и грязно, мы расположились подъ открытымъ небомъ, хотя, несмотря на вѣтерокъ, и здѣсь попахивало гнилой рыбой нисколько не меньше, пожалуй, даже и больше, чѣмъ въ юртахъ. Чтобы не вбивать кольевъ, я поставилъ свой пологъ подъ вѣшалами съ рыбой и утромъ проснулся, усыпанный кругомъ червями. Толстые бѣлые черви, или, вѣрнѣе, личинки мухъ, сплошнымъ слоемъ ползали на землѣ вокругъ полога и копошились на его крышѣ. Когда же я приподнялъ край тюленьей кожи, подостланной подъ мою постель, оказалось, что и спалъ-то я на червяхъ. Вчера въ потемкахъ я не замѣтилъ, что рыба, висѣвшая на шестахъ, была прошпигована миріадами этихъ отвратительныхъ существъ.

154. Медвѣди.
(*Ursus arctos*).

10-го сентября мы, наконецъ, прибыли въ Ад—тымово. Здѣсь по необходимости пришлось сдѣлать дневку, такъ какъ надо было найти гиляковъ, которые согласились бы везти насъ дальше, условиться съ ними и перевозить вещи на новыя лодки. Все это потребовало не мало времени. Одинъ за работу проситъ столько папушекъ табаку, сколько и самъ сосчитать не можетъ: разъ онъ показываетъ по пальцамъ 20, а потомъ около 40. Другому понравились пуговицы на нашихъ пиджакахъ; ему хочется получить такія пуговицы. Третій желалъ бы имѣть арестантскій халатъ. Только денегъ никому не нужно. Счастливая страна, гдѣ ни на серебро, ни на кредитки не хотятъ смотрѣть, или, въ лучшемъ случаѣ, двугривенный приравниваютъ по цѣнности къ солдатской пуговицѣ. Здѣшніе гиляки производятъ менѣе симпатичное впечатлѣніе, нежели наши прежніе знакомцы ороки. Въ нихъ нѣтъ уже той первобытной патріархальности, которая такъ поражаетъ въ жителяхъ низовьевъ Тыми. Вѣроятно, сосѣдство русскихъ поселеній наложило нѣкоторую печать на характеръ дикарей. Гиляки Ад—тымово нѣсколько лукавы, менѣе работящи, нежели ороки, и болѣе ихъ падки на водку.

Въ ночь на 13-е августа былъ изрядный морозъ. Выпалъ иней, бѣлымъ чехломъ покрывшій землю и деревья. Зато днемъ погода оказалась превосходной: ясная, свѣтлая, бодрящая. Два дня шли мы исключительно на шестахъ и 14-го числа къ вечеру прибыли въ Дербино. Утромъ того же дня мы поймали бѣглаго каторжника, или, вѣрнѣе, по нашему совѣту, онъ самъ пожелалъ быть пойманнымъ. Онъ плылъ внизъ по рѣкѣ, стоя на плоту, связанномъ изъ бревенъ и управлялся при помощи шеста. Конечно, мы не думали ловить его, не наше это дѣло. Но, поровнявшись съ нимъ, мы разсказали ему, что ожидаетъ его въ недалекомъ будущемъ, если онъ станетъ продолжать свое плаваніе. Еще нѣсколько десятковъ верстъ внизъ, и плотъ путешественника долженъ разбиться на порогахъ. Если самъ бѣглецъ уцѣлѣетъ при этомъ, навѣрно, ему не миновать копья орока или гиляка, этихъ добродушныхъ охотниковъ за людьми. И то уже наши гиляки съ видомъ ловцовъ, отъ которыхъ ускользнула дичь, умильно поглядывали на арестантскій халатъ нашего варнака. Каторжникъ подумалъ, погадалъ немного, бросилъ шестъ и сѣлъ къ намъ въ лодку. По его словамъ, онъ бѣжалъ сгоряча, получивъ нѣсколько розогъ въ Дербинѣ. Что въ дѣйствительности онъ собрался въ плаваніе экспромтомъ, было видно по его снаряженію. Мѣшечекъ сухарей дня на 4, кисетъ табаку и полъ-пачки спичекъ составляли всѣ его запасы. „Куда же ты плылъ?“— спрашиваемъ его. „Да вотъ по рѣкѣ“ — былъ отвѣтъ. „А куда рѣка течетъ?“ — любопытствуемъ мы опять. „Да Богъ ее знаетъ, куда нибудь да течетъ“ — отвѣчаетъ бѣглый. „А давно въ бѣгахъ?“ — „Седьмой день“. — Это означало, что, по возвращеніи нашего легкомысленнаго варнака въ Дербино, его ждутъ тамъ плети и прибавка 10 лѣтъ къ сроку каторги. Мы обѣщали похлопотать, чтобы плаваніе его не было вмѣнено ему въ побѣгъ, что впослѣдствіи и удалось сдѣлать.

Въ Дербинѣ мы уже не могли разсчитывать на лошадей по той простой причинѣ, что ихъ тамъ не было. Поэтому намъ не оставалось ничего другого, какъ добираться до Рыкова тѣмъ же способомъ, какимъ были доставлены оттуда наши вещи, т. е., на лодкахъ. Чтобы на слѣдующій день выступить въ путь пораньше утромъ, мы остались ночевать на берегу рѣки подъ открытымъ небомъ. Всетаки мы

не премйнули воспользоваться тѣмъ, что могъ дать намъ первый русскій поселокъ, до котораго добрались мы послѣ шестинедѣльной жизни среди орокъ и гиляковъ. Мы добыли здѣсь свѣжаго хлѣба, картофеля, рѣпы и рѣдки. По вашему, все это продукты, о которыхъ не стоитъ и вспоминать. Но мы, прибавивъ къ нимъ свѣжей рыбы и соли, устроили настоящій праздничный ужинъ, да еще съ фруктами. Кверху отъ Дербина Тыми становится безнадежно несудоходной рѣкой: здѣсь она узка, быстра и маловодна. Это нисколько не мѣшаетъ лососямъ пробираться по ней еще на сотню верстъ выше; стало быть, и гиляцкія лодки благополучно могли доста-

155. Бѣглый въ тайгѣ.

вить насъ до Рыкова. Мѣстами ширина рѣки оказалась настолько незначительной, что мы плыли подъ сводомъ деревьевъ, наклонившихся другъ къ другу съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Не разъ намъ приходилось проплывать подъ естественнымъ мостомъ въ видѣ огромнаго ствола ели, перекинутаго съ берега на берегъ. Одинъ такой мостъ лежалъ такъ близко отъ поверхности воды, что наши лодки не могли подойти подъ него: этому мѣшала кладь. Пришлось вылѣзать на бревно и вытаскивать на него высокіе ящики.

По дорогѣ намъ попадались группы каторжниковъ, ловившихъ, по приказанію начальства, кету и горбушу, но эта была уже не та рыба, какую мы видѣли

въ устьѣ Тыми. Тощая, съ красной, какъ кровь, чешуей, но съ бѣлымъ мясомъ, она была положительно неузнаваема, да, пожалуй, и никуда негодна.

Въ Рыковѣ мое участіе въ экспедиціи кончилось. Отсюда частью верхомъ, частью пѣшкомъ я добрался до поселенія Александровскаго, гдѣ опять поселился у смотрителя. Черезъ нѣсколько дней въ Дуэ пришелъ коммерческій пароходъ, перевозившій во Владивостокъ сахалинскій уголь. Я не замедлилъ воспользоваться случаемъ добраться до этого города, гдѣ перебрался на крейсеръ добровольнаго флота, доставившій меня въ Одессу.

Гиляки въ зимнемъ платьѣ.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Редакція К. П. Пятницкаго.

Общедоступная астрономія; — космологія; | физическая географія; — геологія; | палеонтологія.

Клейнъ.

№ 1. **АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ВЕЧЕРА.**

Третье, дополненное изданіе. Роскошныя иллюстраціи. Больше 60 портретовъ. 32 таблицы съ цвѣтными и темными рисунками. 378 рис. въ текстѣ. Карты луны. Карты Меркурія, Венеры, Марса. Карты, представляющія движенія главныхъ планетъ въ 1899 и 1900 гг. Дополненія о повѣйшихъ открытіяхъ, написанныя проф. **С. П. Глазенапомъ**. Дополненіе о теоріяхъ **Ѳ. А. Бредихина**. Цѣна **2** рубля.

Клейнъ.

№ 2. **ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.**

Второе изд. Одиннадцать цвѣтныхъ таблицъ. Сто восемьдесятъ пять портретовъ и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна **1** р. **50** к.

Юнгъ.

№ 3. **СОЛНЦЕ.**

Второе изд. Три цвѣтныхъ таблицы. 175 портретовъ и рис. Цѣна **1** р. **50** к.

Клейнъ.

№ 13. **ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА.**

Роскошныя иллюстраціи. Около 300 рис. Портреты. Цвѣтные рисунки. Почвенная карта Евр. Россіи и нѣсколько другихъ картъ. Дополненія по физической географіи Россіи, составленныя подъ редакціей проф. **А. А. Иностранцева**. Продолжается подписка. Подписная цѣна **1** р. **60** к., съ перес. **2** р.

№ 15. **ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ.**

Больше 300 иллюстрацій. Портреты. Хромолитографіи. Ландшафты съ растеніями и животными прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Геологическая карта Евр. Россіи въ 14 красокъ и др. карты. Дополненія по геологіи Россіи подъ ред. проф. **Ив. В. Мушкетова**.

Гетчинсонъ.

№ 16. **ВЫМЕРШІЯ ЧУДОВИЩА.**

Большое число рис. въ текстѣ. 26 отд. таблицъ съ изображеніями вымершихъ животныхъ.

Гетчинсонъ.

№ 17. **ЖИВОТНЫЯ ПРОШЛЫХЪ ГЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭПОХЪ.**

Масса рисунковъ, 24 картины на отд. табл.

Подписная цѣна за три книги, № 15, 16 и 17, 3 р. 60 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Готовится къ печати рядъ книгъ въ отдѣлахъ: **ботаника, зоологія, біологія, исторія точныхъ наукъ.**

*Просятъ обращаться **исключительно** по адресу:*
Контора т-ва „ЗНАНІЕ“, Спб., Невскій, 92.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 февраля 1900 г.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

2241

2204